

E $\frac{64}{168}$

T. 2

ПРОПОВѢДНИЧЕСКІЙ

КРУГЪ

ПОДВИЖНИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ

ЦЕРКВИ.

СЛОВА И БЕСѢДЫ

*на воскресные, праздничные и другіе, особенно
чествуемые дни постной и цвѣтной Троицы.*

А. А.

Часть II.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева, на Малой Дмитровѣ, № 14.

1867.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

КЪЯТЪ

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВЬ

ИЗДАНИЕ

Отъ Кіевскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать
позволяется. Кіевъ. 13 августа, 1866 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Арунандритъ

Феофанъ.

Въ Кіевѣ, въ типографіи П. П. Губарова, на
Лаврской улицѣ, противъ церкви св. Николая,
въ 1866 году, августа 13 числа.

К . Е . Е

П . П . Г

2007111765

Нестомъ помыслии страти прѣдѣлите победоу

Духовныи еде прѣдѣлите помыслии:

Дѣла прѣдѣлите движимую бѣду ветрѣ вращающе

Достойнъ бѣже **СЪЗНАЧЕНС**

Преступити не смѣете о мѣрѣ заклиниюще по слову Сынъ Божий

ЮСТИЧОГЛЕЧОН

И духовно прѣдѣлите

Нѣзъ мѣрѣте Своего воскресеніе; на кору възвѣщае

А. ТИМ. А. А. Т. З.

Со убога прѣдѣлите

Васъ прѣдѣлите всю Сынъ отъ Отца рожденъ

На Снѣхъ. Саволаево брѣмъ 1-й небули В. Нестомъ

Постомъ помышленій страсти приидите поработимъ,
Духовными себе крилы покрывше:
Да, вражію движимую бурю легцѣ прешедше,
Достойни будемъ
Крестнаго поклоенія о мірѣ заклапнаго волею Сына Божія
И духовно праздуимъ
Изъ мертвыхъ Спасово воскресеніе; на гору вземшеся
Со ученики прославимъ
Власть приимшаго всю Сына отъ Отца челоуѣколюбца.
На Стих. Самогласенъ Среды 1-й недѣли В. Поста.

1. Слова на день св. Троицы (св. Василия)	5
2. Слова на день св. Троицы (св. Григория)	21
3. Слова на день св. Троицы (св. Кирилла)	24
4. Слова на день св. Троицы (св. Иоанна)	28
5. Слова на день св. Троицы (св. Стефана)	33
6. Слова на субботу св. Троицы	118

СЛОВА,

БЕСѢДЫ И ПОУЧЕНІЯ

НА ДНИ ЦВѢТНОЙ ТРОИЦЫ.

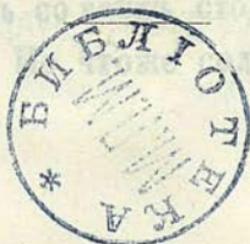
7. Слова на день св. Троицы (св. Василия)	153
8. Слова на день св. Троицы (св. Григория)	105
9. Слова на день св. Троицы (св. Кирилла)	124
10. Слова на день св. Троицы (св. Иоанна)	244
11. Слова на день св. Троицы (св. Стефана)	252
12. Слова на день св. Троицы (св. Василия)	317
13. Слова на день св. Троицы (св. Григория)	322
14. Слова на день св. Троицы (св. Кирилла)	330
15. Слова на день св. Троицы (св. Иоанна)	426
16. Слова на день св. Троицы (св. Стефана)	448
17. Слова на день св. Троицы (св. Василия)	483
18. Слова на день св. Троицы (св. Григория)	506

Оглавленіе II-й части:

СТРАН.

1. Бесѣда въ день св. Пасхи (на литургіи).	5
2. Бесѣда въ день св. Пасхи (на вечерни).	21
3. Бесѣда въ понедѣльникъ Пасхи	24
4. Слово во вторникъ св. Пасхи	72
5. Слово въ пятокъ св. Пасхи	93
6. Поученіе въ субботу св. Пасхи	118
7. Бесѣда въ недѣлю вторую, по св. Пасхѣ	142
8. Слово въ недѣлю вторую, по св. Пасхѣ (на вечерни)	165
9. Слово въ недѣлю третію, по св. Пасхѣ	195
10. Поученіе въ недѣлю четвертую, по св. Пасхѣ.	224
11. Поученіе въ среду четвертой недѣли	244
12. Поученіе въ недѣлю пятую, по св. Пасхѣ	282
13. Бесѣда въ недѣлю шестую, по св. Пасхѣ	317
14. Бесѣда въ среду шестой недѣли	347
15. Слово въ четвертокъ шестой недѣли.	373
16. Слово въ недѣлю седмую, по св. Пасхѣ.	396
17. Слово въ субботу седмой недѣли	426
18. Бесѣда въ недѣлю Пятидесятницы	448
19. Слово въ понедѣльникъ Пятидесятницы	483
20. Слово въ недѣлю всѣхъ Святыхъ.	506

ВЕСЕЛА

ВЪ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ.

(на Литургіи)

Христось Воскресе!

Спѣшно проторгающійся изъ устъ вашихъ отвѣтъ: *воистину воскресе*, говоритъ намъ, что въ сей день, въ семь мѣстѣ, въ сіи минуты ничто такъ не прилично говоритъ намъ, какъ только: *Христось воскресе! Воистину воскресе!* Ученикамъ, Господа нужны были свидѣтельства цѣлаго дня для того, чтобы они могли наконецъ сказать: *воистину воста Господь* (Лук. 24, 34). А намъ достаточно начать слово: *Христось*.. какъ на встрѣчу ему въ тысячѣ звуковъ со всѣхъ сторонъ несетя *воистину воскресе!* Но чтоже содержится въ семь

краткомъ переговоровъ нашемъ? Призывъ ли къ радости, привѣтствіе ли любви, пожеланіе ли мира, или вопрошеніе и отвѣтъ? *Христосъ воскресе! Воистину воскресе!* Вотъ все, немногорѣчивое содержаніе нашей удивительной бесѣды. Откуда взялись сіи, дивныя своею таинственною простотою, восклицанія? Произнося ихъ, чувствуешь, что онѣ были когда-то изліяніемъ блаженныхъ душъ, отъ безутѣшной скорби вдругъ перешедшихъ къ нескончаемой радости. Слушая ихъ, какъ бы своими очами видишь блаженныхъ учениковъ Христовыхъ, — какъ они, послѣ всепразднественной и спасительной ночи, встрѣчаются другъ съ другомъ, смотря другъ на друга умиленнымъ, глубоко проникающимъ взоромъ, и въ радостномъ трепетѣ говорятъ другъ другу: *Христосъ воскресе! Воистину воскресе!* Единство мыслей и чувствъ, воспоминаній и надеждъ, страданій и утѣшеній влечетъ ихъ другъ къ другу въ объятія, и минута святаго, неизреченнаго восторга вѣнчается лобзаніемъ братской всепрощающей любви. Не видимъ ли мы и теперь всего этого посреди себя?. О, блаженна ты, Св. Церковь, сохранившая до послѣднихъ родовъ живыми и присущими святыя дни временъ первенствующихъ!

— *Христось воскресе. Воистину воскресе..* Но было время, радующіеся братія, когда ничто, по видимому, не предвѣщало величайшаго событія. День, *уже бль по пятць,* проходилъ какъ и всякій другой день. Событіе минувшаго дня, волновавшее весь Иерусалимъ, какъ бы не бывало! *Иисусъ, Христось,* лежалъ во гробѣ. Тайна лица Его и служенія, по видимому, погребена была вмѣстѣ съ Нимъ. Люди, коимъ всего болѣе она была открыта, всего менѣе обращались къ ней за подкрѣпленіемъ своей, глубоко потрясенной, вѣры. Отдавая послѣдній долгъ немощи своей природы, они плакали и рыдали, когда должны были думать только объ одномъ величайшемъ утѣшеніи наступающаго «царства Христова», о которомъ столько разъ прежде и слышали, и разсуждали. *Третій день,* къ которому неоднократно отсылалъ ихъ мысль Божественный Учитель, непонятно какъ исчезъ изъ ихъ памяти. Но памятливыѣ друзей Господа были враги шего. Не смотря на то, что называли Его *льстецомъ,* нудимые неоторимымъ сознаниемъ Его сверхъестественной силы, они заботились о томъ, какъ бы не сбылось Его предсказаніе о третіемъ днѣ, и, вслѣдствіе сего, *во утрій день, уже есть по пятць, собрахуся ар-*

хіерее и фарисее къ Пилату, глаголюще: Господи! Помянухомъ, яко льстець онъ рече, еще сый живъ: по тріехъ дняхъ востану. Повели убо утвердити гробъ до третіяго дне (Мат. 27. 62. 63). День, въ который они собрались къ Пилату, былъ великъ день субботы (Іоан. 19. 31). Надобно было чтить его болѣе, чѣмъ обыкновенный день субботный; но злоба и страхъ заставили блюстителей закона презрѣть законъ, и великъ день обратился у нихъ въ простой день. Это было началомъ паденія еврейской субботы и измѣненія ветхозавѣтной седмицы въ седмицу новозавѣтную, во главѣ которой сталъ день Господень, день Воскресенія, день недѣланія всякаго дѣла работна. Еще не такъ давно пророчествовалъ неволею Каіафа. Теперь, продолжая не вѣдѣть, что творятъ, оба архіерея, а съ ними и всѣ представители обетшавшей церкви іудейской, торжественнымъ актомъ своего появленія передъ Пилатомъ въ великій день пасхальной от субботы печатлѣютъ сами, предсказанное Господомъ, разрушеніе Его таинственнаго храма, узаконяющее и какъ бы освящающее такимъ образомъ новый порядокъ вещей. Новомѣсячій вашихъ, и субботъ, и дне великаго, не потерплю, глаголетъ Господь (Ис. 1, 14—18).

Пилать, наканунѣ такъ много занимавшійся дѣломъ «Царя Іудейскаго», теперь весьма мало думалъ о немъ. *Имате кустодию*, говорилъ онъ безъ всякаго участія, *идите, утвердите, якоже вѣсте* (Мат.). И «хранящии суетная и ложная» идутъ и утверждаютъ гробъ, знаменавше камень, съ кустодию (—). Безутѣшное малодушіе, злорадостное криводушіе и холодное равнодушіе вмѣстѣ такимъ образомъ содѣйствуютъ тому, чтобы въ теченіе цѣлаго дня не былъ нарушенъ покой Жизнодавца. И день проходитъ невозмутимо, и «воистину священная, всепряднественная и спасительная ночь» близится, не давая угадывать въ себѣ «провозвѣстницу свѣтоноснаго дне востанія». Солнце, потаившее вчера лучи свои передъ страшнымъ зрѣлищемъ Креста, сегодня обычнымъ образомъ посылаетъ послѣдній лучъ на гробъ, скрывшій его Зиждителя, и мракъ, сокрывающій столько тайнъ бытія земнаго, пріемлетъ на послѣднее храненіе у погасающаго свѣта величайшее и неповторимое таинство земли. *Бысть вечеръ.*

Стань на стражѣ твоей ветхозавѣтнѣй міръ! Взыди на камень, и посмотри еже видѣти (Аввакум. 2, 1). Еще мало, и *наполнится вся земля видѣнія славы Господни* (— — 14)! Глаголь, от-

рыгнутый вчерашнимъ днемъ нынѣшнему, глубоко проникъ въ слухъ земли. Отозвавшись на него вчера трепетомъ, она въ такомъ же трепетѣ отрыгнетъ его завтрашнему дню. Небывалый, особенный разумъ передавъ наступившей ночи отъ ночи предъидущей. «Свѣтозарная провозвѣстница, въ свою очередь, ждетъ только минуты, чтобы передать его во всю необъятную послѣдовательность грядущихъ ночей. Надъ новымъ Иерусалимомъ готова возсіяť новая слава Господня, слава возвращенія челоуѣчества къ божеству. *Небеса, повѣдающія* древнюю, вѣчную *славу* вседержительства Божія, повѣдаютъ ее и въ ночь в о с к р е с е н і я когда смиренное челоуѣчество, въ соединеніи съ Божествомъ, въ лицѣ Воскресшаго приѣмлетъ въ нихъ *всякую власть*. Нѣтъ на нихъ теперь той таинственной, чудодѣйственной звѣзды, которая озаряла собою ночь Виелеемскую, и призывала мудрость челоуѣческую на поклоненіе Премудрости Божіей. Но небо, высшее неба звѣзднаго, и теперь, безъ сомнѣнія, приникаетъ на землю. Ангелы незримо несутся надъ «рая краснѣйшимъ» вертоградомъ, и ждутъ, когда земля, въ свою очередь, начнетъ повѣдать небесамъ славу Божію.

Наконецъ велий трепеть, исходящій изъ глубины

земной утробы, возвѣстилъ міру видимому и невидимому о рожденіи *Первенца изъ мертвыхъ* (Ап. 1, 5). Въмѣсто стражей—пастырей, первыми свидѣтелями Перворожденнаго въ пакибытіе готовятся быть стражи-воины. И они дѣйствительно увидѣли, что *Ангель Господень сшелъ съ небесе, и приступль отвали камень отъ двери гроба*. (Мат. 28. 2). Не благовѣствоваль небоявленный недостойнымъ старцамъ радости, какъ благовѣствоваль Вифлеемскимъ пастырямъ, но *слава Господня осіявала* и ихъ, какъ и пастырей; *бл бо зракъ его* (Ангела) *яко молнія, и одѣяніе его было, яко сильъ*. (—4). Воины ужаснулись отъ страшнаго видѣнія, и *быша яко мертви* (—). Боголюбивые стражи Вифлеемскіе, оставивъ стражу, сѣшши нѣкогда узрѣть дивное таинство возвѣщенное Ангеламъ. Міролюбивые стражи Иерусалимскіе сѣшати смежить очи въ виду таинства и Ангела, и бѣжать отъ гроба *возвѣститъ*, кому считали нужнымъ, *вся бывшая* (Мат.).

И еще разъ собираются на *совѣтъ архіерее со старцы*. Но совѣтъ длится не много времени. Тѣ же погибельные сребреники, которые изъ ученика сдѣлали предателя, теперь свидѣтелей божественной истины превращаютъ въ богоборцевъ. И *слово лжи мчится*, предупреждая собою всерадостную истину.

Таковы были первыя событія преславнаго дня! Еще мы не слышимъ ни отъ Ангеловъ, ни отъ людей радостнаго слова воскресенія; видимъ только богопріемную пещеру отверстою, и на стражѣ ея вмѣсто воиновъ «свѣтоносна Ангела, на камени сѣдяща». Но что—внутри пещеры, остается до времени неизвѣстнымъ. Стражи унесли съ собою тайну видѣннаго ими, и только измышленное нечестивымъ совѣтомъ, похищеніе тѣла Господня учениками, позволяетъ намъ заключать, что въ пещерѣ тогда уже не было ничего, кромѣ погребальныхъ пеленъ. Гдѣ же Христось?

Христось воскресе.: Подобно Волхвамъ Персидскимъ, влекомыя любовію пошли отъ Сіона къ повитому пеленами гробными «Царю царствующихъ» *злыю завтра, еще сущей тмѣ* (Іоан.), святыя жены. Онѣ не знали, что при гробѣ поставлена была стража, знали только, что входъ въ пещеру загражденъ былъ камнемъ, *велиимъ злыю*. Онѣ шли, и думали между собою: *кто отвалитъ амь камень отъ дверей гроба* (Марк.)? Когда же по причинѣ отдаленности пещеры, и обычно быстраго разсвѣта въ Іерусалимѣ, онѣ достигли священной скалы, уже при свѣтѣ *возсіяшаю солнца* (Марк.): то увидѣли, *яко отваленъ бь камень*.

Неожиданность такого случая поразила ихъ. Предварившая другихъ своею заботливою пытливостію, Магдалина немедленно пришла къ мысли, что тѣло Господа кѣмъ нибудь похищено. Пораженная такою догадкою, она тотчасъ же возвратилась въ городъ возвѣститъ Апостоламъ, что учителя нѣтъ во гробѣ. Преждевременно—спѣшное заключеніе наказало само себя. Оставшіяся христороубицы вошли во гробъ, и, не найдя тамъ тѣла Господа Іисуса, какъ предполагала и Магдалина, въ недоумѣніи стояли, и размышляли о случившемся. Вдругъ онѣ замѣтили, что находятся лицомъ къ лицу съ двумя Ангелами (Лук.), Жены ужаснулись (Марк.) и сложили лица на землю (Лук.) Тогда сидѣвшій по правую сторону (Марк.) Ангелъ сказалъ имъ: не бойтесь (Мат. Марк.) Вѣмъ бо, яко Іисуса ищете Назарянина распятаго (Мат. Марк.). Что ищете живаго съ мертвыми (Лук.)? ильсть здѣ (Мат. Марк. Лук.); воста бо, яко же рече (—). Приидите и видите (Мат.): се мѣсто, и дѣже положиша Его (Мат. Марк.). Помяните, якоже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи, глаголя, яко подобаетъ Сыну Человѣческому предану быти въ руку чловѣкъ ирѣшникъ и пропяту быти, и въ третій день воскреснути (Лук.). И скоро шед-

ше, *возвѣстите ученикомъ Его* (Мат. Марк.) и *Петрови* (Марк.), *яко воста отъ мертвыхъ* (Мат.), *и се варяеть вы въ Галилеи* (Мат. Марк.). *Тамо Его узрите* (—). *Се рѣхъ вамъ* (Мат.).

И помянуша глаголы Его (Лук.) притрепетныя Мүроносицы, и *исшедше скоро бѣжаша отъ гроба* (Мат. Марк.) *со страхомъ и радостію велию* (Мат.) *Имяше же ихъ трепеть и ужасъ, и никому же ничто же рѣша, бояхубоя* (Марк.), *текоуть же возвѣстити ученикомъ Его.* (Мат.). Между тѣмъ двое изъ учениковъ, на вѣсть Магдалины, уже спѣшили ко гробу повѣрить самымъ дѣломъ слова ея. Ови нашли гробъ точно пустымъ, и въ немъ *ризы едины лежаща и сударь, иже бѣ на главѣ Его не съ ризами лежащъ, но особъ свитъ на единомъ мѣстѣ* (Іоан.). Не нашедъ искомаго, ученики пошли обратно, *въ себѣ дивяся бывшему* (Марк.). Удивленіе ихъ и всѣхъ прочихъ Апостоловъ превратилось въ невѣріе, когда св. жены *возвращаяся возвѣстиша* (Лук.) все видѣнное и слышанное ими *единомунадесяти и вѣсьмъ прочимъ. Явишася предъ ними, яко лжа, глаголы ихъ, и не вѣроваху имъ* (Лук.).

Вотъ чѣмъ закончилась первая вѣсть о воскресеніи Христовомъ. Жены благовѣстницы заподоз-

рѣны были во лжи. То самое, чего всѣмъ сердцемъ желалъ каждый, каждымъ было отвергаемо, какъ предметъ несбыточный! И—мертвъ, и—живъ; и—нѣтъ, и—есть, думали смущенные ученики. «Отъ чего же и не такъ? Но нѣтъ, этого быть не можетъ!» Не такъ же ли и теперь привязанные къ образу міра сего разсуждаютъ о явленіяхъ міра онаго? Имъ, желающимъ все видѣть и осязать, не кажутся ли также *яко лжа* глаголы божественнаго писанія, глаголы священнаго преданія глаголы всякой добросовѣстно засвидѣтельствованной истины, расходящейся съ ихъ убѣжденіемъ, глаголы собственной ихъ совѣсти, несогласные съ направленіемъ вѣка? Урокъ весьма важный преподали намъ ученики Христовы. *Но и жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны, бывшія рано у гроба, глаголюще, яко и явленіе Ангелъ видѣша, иже глаголютъ Его—жива* (Лук.). Такъ рассказывали они *косныя сердцемъ, еже въровати* (—). Оставалось досказать: но кто знаетъ, такъ ли было, какъ говорили жены. Точно ли Онъ живъ? Воистину ли воскресъ?

Воистину воскресе! — Воскресе же Иисусъ за утра въ первую субботу, явися прежде Маріи Магдалинѣ (Марк.). Полагать надобно, что св. Му-

роносица, можетъ быть одна, можетъ быть опять съ другими (Мат.), возвратилась ко гробу. Для вѣры ея, желавшей осязательно удостовѣриться въ истинѣ воскресенія недостаточно казалось завѣреніе Ангела о случившемся величайшемъ чудѣ. Она какъ бы даже не давала вѣры самому явленію Ангеловъ. Ее преслѣдовала одна и та же мысль, что тѣло Господа взято кѣмъ нибудь. Она плакала у гробной пещеры, *и якоже плакашяся, приняче во гробъ* (Іоан.). Новые стражи гроба, видѣнные ученицами и невидѣнные учениками, по прежнему сидѣли тамъ, *единъ у главы и единъ у ногу, и дѣже бѣ лежало тѣло Іисусово* (—). Марія увидѣла ихъ, и не смутилась, занятая однимъ и единственнымъ чувствомъ безутѣшной скорби. *Глаголаста ей она: жено! что плачешися? Яко взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (—), отвѣчала она поспѣшно и не на столько внимательно, сколько требовали того поразительныя обстоятельства. *И сія рекши, обратися вспять* (—). Начинало ли въ ней чувство безмѣрной горести уступать неотразимой дѣйствительности, и присутствіе Ангеловъ стало тяготить ее, или уже въ слухъ всего существа ея заговорило близкое присутствіе Существа, неодолимо влекущая сила Кото

раго ей такъ была извѣстна: и се *Иисусъ* ерв-
теюю (Мат.), удаляющуюся въ скорби отъ скалы
къ выходу изъ вертограда. И *видѣ* *Иисуса* стоя-
ща: *и не вѣдѣше, яко Иисусъ есть.* (Іоан.) Ди-
виться ли сему невѣдѣнію послѣ того равноду-
шія, съ какимъ она отнеслась къ бесѣдовавшимъ
изъ пещеры Ангеламъ? Она сочла Господа за
вертоградаря. *Жено,* спрашиваетъ ее мнимый
Вертоградарь, *что плачешь? Кого ищешь?* —
Господи! Аще ты еси взялъ Его, (повѣждь ми,
адъ еси положишь Его, и азъ возму Его, отвѣ-
тила Мүроносица. Такъ мало занята была, удру-
ченная печалію, святая душа окружавшимъ ее,
что, думая отвѣчать, сама требовама отвѣта, и
спрашивая у Вертоградаря о немъ, не думала, что
вертоградарь могъ вовсе не изпать, (о комъ гово-
рить она. Но Вертоградарь зналъ Его, и отвѣчалъ:
Маріе! Достаточно было сего божественнаго, лю-
безнаго, сладчайшаго голоса, чтобы туманъ без-
надежнаго унынія развеялся вокругъ блаженной
ученицы. Даже слушая евангельское повѣствованіе,
исчезаешь въ трепетно-радостномъ чувствѣ. Что же
сказать о преисполненной умилениемъ душѣ Мү-
роносицы? *Обращися, рече: Развуди!* (Іоан.)
и приступльши къ Нему, вмѣстѣ съ прочими Мү-

роносицами, ялась за ноги Его, и поклонилась Ему (Мат.). Все существо «жены богомудрой» сказало ей, что это былъ Христось. И воистинну то былъ Христось, смертію смертью поправый и сущимъ во гробѣ животь дароваый. *Глагола ей Иисусъ: не прикасайся мнѣ. Не убо въздохъ ко Отцу Моему* (Іоан.). Марія смутилась, — поняла, что иное былъ Учитель ея во дни плоти Своея (Евр. 5, 7), и иное сталъ совершившись (—9) облекшись въ первообразъ небеснаго (1 Кор. 15. 49); пріявши всяку власть на небеси и на земли (Мат. 28. 18). Можетъ быть, то же самое сказало ей и ея прикосновеніе къ стопамъ Воскресшаго. *Тогда глагола ей Иисусъ: не бойся! Иди же ко братіи Моей, и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, къ Богу Моему и Богу вашему* (Іоан.), *возвѣсти (те), да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ* (Мат.).

Симъ окончилось первое явленіе воскресшаго Спасителя міра. Муроносица пошла и повѣдала плачущимся и рыдающимъ (Марк.) ученикомъ, яко видѣ Господа, и сія рече ей (Іоан.). Но мученіе скорби столь глубокое, и столь тревожное, не могло уступить мѣста радости и спокойствію, не перешедши черезъ многократное недовѣріе и усумнѣніе. Ученики еще разъ не повѣрили; слышав-

ше, яко живъ есть и видѣнь бысть отъ нея, не яша вѣры (Марк.).

Утро единыя отъ субботъ и единственнаго между всѣми днями вѣка, дня воскресенія Христова заключилось семи событіями. Заключимъ ими и мы «утреннююше утреннюю глубокую» великаго дня, воспоминательную бесѣду нашу. *Христосъ воскрес!* Вы всѣ это слышали. *Воистину воскрес!* Вы всѣ это видѣли. Между нами, позднѣйшими учениками Христовыми, нѣтъ ни одного плачущаго и рыдающаго. Ангелы и воины, Муроносицы и Апостолы, гробъ и землетрясенія, пелены и камень—все говорятъ намъ: *Христосъ воскрес!* И всему отвѣчаемъ мы: *воистину воскрес!* Трепетъ и ужасъ, обдержавшіе благовѣстницъ воскресенія Христова намъ неизвѣстны, у насъ замѣнены миромъ и восторгомъ. Мы не знаемъ, и не чувствуемъ, и не говоримъ, и сказать не умѣемъ ничего, кромѣ одного: *Христосъ воскрес!* *Воистину воскрес!* Мы не боимся разглашать предивную и прерадостную вѣсть воскресенія, благовѣствуемъ ее всему міру многократно, тысячекратно повторяемъ ее, иѣсно-словимъ, проповѣдуемъ, и чѣмъ больше ее слышимъ, тѣмъ больше даемъ ей живой, вседушевной вѣры. *Христосъ воскрес!* *Воистину воскрес!*

Она, сія вѣсть, черезъ столько вѣковъ пронеслась, въ сихъ самыхъ звукахъ, изъ устъ въ уста, отъ слуха въ слухъ, изъ рода въ родъ,—столько душъ радовала, и ублажала, столько вѣрующихъ окрыляла сладостнѣйшею надеждою воскресенія и вѣчной жизни, столько свидѣтелей божественной истины воздвигала—необоримыхъ и не сокрушимыхъ, столько благодатныхъ утѣшеній пролила на все человѣчество,—она и до нашей души донесла ту же самую, чистѣйшую и совершеннѣйшую, радость, печать которой теперь у всѣхъ на лицѣ, и лучъ которой у всѣхъ во взорѣ. Не время теперь спрашивать: кто и какъ, чему и почему, и всѣ ли равно и одинаково радуются? Нѣтъ, не омрачимъ всесвѣтлаго праздника темнымъ подозрѣніемъ.. Всѣ мы радостны; всѣ торжествуемъ; всѣ ликуемъ. Довольно этого. *Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!* Амѣнь.

ВЕСЕЛА

ВЪ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ.

(на Вечери).

Христосъ воскрес!

Такъ!. Воистину воскрес! Подъ звуками сихъ привѣтствій преполовился, и уже близится къ окончанію, всерадостный, всепразднственный, спасительный день. Паки узрю вы, говорилъ Господь Апостоламъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ (Іоан. 16, 22). Точно. Сердце и плоть наша въ сей нареченный и святой день возрадовастся о Бозѣ живъ (Пс. 83, 3). — такую полною и совершенною радостію, которой трудно противопоставить какую бы то ни было печаль вѣка. Понималъ ли кто во всей полнотѣ, высотѣ и красотѣ

величіе и славу Христова дня, или зналъ о немъ только по слуху, по шуму, по блеску, по яствамъ, по платю, всякій находилъ причину радоваться ему. Пусть онъ и не зналъ или не думалъ или позабылъ совсѣмъ, что съ воскресеніемъ Іисуса Христа воскресло его собственное челоуѣчество, воскресъ онъ самъ, что воскресеніе Іисуса Христа убѣдило его въ его безсмертіи, въ его бытіи безконечномъ, и освѣтило предъ нимъ всѣ темныя стороны прѣвременной жизни. Пусть онъ на сей день не былъ ни богословомъ, ни мудролюбцомъ. Сколько еще поводовъ было ему радоваться празднику. Если онъ убогій нищій, то его убожество менѣе тяжело было ему сегодня отъ удвоенныхъ подаяній Христолюбцевъ. Терзаемый горемъ насильно влеченъ былъ Праздникомъ отъ земли къ небу, и не имѣлъ времени остаться одинъ съ своимъ несчастіемъ. Мучимый совѣстію чувствовалъ неизъяснимую отраду въ душѣ отъ восторженныхъ пѣсней Примирителю рода нашего съ Творцомъ и Зиждителемъ. Гнетомый болѣзнію находилъ отрадное побужденіе отдать себя въ полный промыслъ Тому, Кто, поправъ смерть, разрѣшилъ болѣзни ада. Такъ! Радости нашей никто же возмогъ взять и отъ насъ, преемниковъ Апостоль-

ской радости. Помнили мы неоднократно приглашение пророческое «*возрадоваться и возвеселиться въ сей день, его же сотвори Господь* (Пс. 117, 24)», помнили и радовались. Но день прошел. Тишина вечерняя говоритъ намъ, что всему есть время, что *есть время ликовать, и есть время молчать* (Эккл. 3, 4. 7.). Мы опять собрались въ храмъ, чтобы богорадованное ликование закончить богомысленнымъ молчаніемъ.

Не такъ радостно, какъ мы, провели Христовъ день ученики Христовы. Мы видѣли, что по утру они еще плакали и рыдали. Надобно было въ точности исполниться слову Господа: *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 22). А Онъ еще не зрѣлъ ихъ, или все равно не былъ узрѣнъ ими. И это самое, можетъ быть, болѣе всего располагало ихъ къ столь упорному отрицанію всеѣмъ вождѣнной истины, наперекоръ свидѣтельству Мурносоиць и собственнымъ припоминаніямъ пророческихъ словъ Учителя. Не прискорбно ли было въ самомъ дѣлѣ Апостоламъ думать, что когда жены ходили на гробъ, то видѣли и слышали тамъ ангеловъ, а когда двое изъ нихъ пошли туда же, то нашли только погребальныя пелены? Наконецъ

имъ говорятъ, что онѣ уже самого Господа видѣли и слышали и осязали, а они—Его други и наперсники до сихъ поръ не утѣшены! Дерзнемъ ли подумать, что въ начинающемся царствѣ Царя и Господа съ перваго дня его началось уже и строгое мздовоздаяніе любви? Кто долѣе не хотѣлъ разстаться съ Нимъ, тотъ ранѣе и удостоенъ Его лицезрѣнія. Любвеобильныя и мужественныя жены до тѣхъ поръ не хотѣли оставлять своего Учителя, доколѣ къ пещерѣ гроба не приваленъ былъ камень, и имъ не стало возможности болѣе видѣть его. Можетъ быть онѣ и послѣ того еще бы долго *сидѣли прямо гроба* (Мат.), если бы забота о томъ же самомъ Учителѣ, оставшемся безъ помазанія ради наступившаго субботняго вечера, не повлекла ихъ отъ Него *уготовать ароматы и муро* (Іоан.). Цѣлый день потомъ пламенѣющее усердіе ихъ боролось съ *заповѣдію* (Іоан.) закона. *И минувшей субботы*, когда еще всѣ спали, любовь уже звала ихъ ко гробу Господа. Она и награждена была немедленно. Но и Апостолы спали, а сердце ихъ бдѣло (Пѣсн. пѣсн. 5, 2). Особенно бдѣли на стражѣ событій двое изъ нихъ Петръ и Іоаннъ. Подобно муриносицамъ, они уже ходили на гробъ, но не получили тамъ равнаго имъ утѣшенія. Опус-

тѣвшій для нихъ, но не пустой для Св. Жень, гробъ сей, можетъ быть, напомнилъ имъ ту мину-ту робости, когда они, *оставльше* Учителя своего, *вси бѣжаша* (Мат. Марк.). Надлежало теперь награ-дить ихъ и за минуты мужества, въ которыя они оба шли *видѣти кончину* (Мат. Іоан.), и одинъ прослѣдилъ ее даже до Голгоѣы, раздѣляя муки пренепорочной Дѣвы-Матери. Не знаемъ, утѣшенъ ли былъ особеннымъ какимъ-нибудь образомъ сей послѣдній? Можетъ быть, вмѣстѣ съ Богоматерию, онъ былъ свидѣтелемъ особеннаго, умолчаннаго въ Евангелии, явленія Іисуса Христа въ день вос-кресенія. Боголюбезная скромность Возлюблен-наго ученика сокрыла отъ насъ много тайнъ его сердца. Но о Петрѣ стало извѣстно въ обществѣ Апостоловъ, что ему явился Господь (Лук.). Въ какой часъ необыкновеннаго дня сего и при ка-кихъ обстоятельствахъ произошло явленіе, мы оста-емся въ неизвѣстности.

Между тѣмъ, какъ въ Іерусалимѣ искали Госпо-да и не находили, Онъ *обрътется нищущимъ Его* (Ис. 55, 1.). Двое изъ учениковъ его, не при-надлежащіе къ числу 12-ти, возвращались въ день тотъ изъ Іерусалима домой въ селеніе Эммаусъ. Они вышли изъ города, когда уже извѣстно ста-

ло, что тѣло Господа не оказалось въ гробѣ, и что явившіеся муриноспцамъ Ангелы называли Его живымъ. Это было послѣ возвращенія отъ гроба Петра и Іоанна, и прежде прибытія Магдалины. Можно ли, кажется, было оставить ученикамъ дѣло такой важности и такой близости въ такомъ неопредѣленномъ положеніи? Но, и удалившись тѣломъ отъ Учителя, они не отдалились отъ него духомъ,—и бесѣдовали между собою *о всѣхъ приключившихся съ нимъ, и другъ друга совпрашали.* Бесѣда ихъ привлекла къ нимъ третьяго путника. *Что суть словеса сія,* сказали имъ новый спутникъ, *о нихъ же стязаетъ въ себѣ идуща, и еста дряхла (Лук. 24.)?* Собесѣдникамъ странно показалось, что есть человѣкъ, который не знаетъ того, о чемъ всѣ говорили. *Ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимъ,* замѣтилъ одинъ изъ нихъ, по имени Клеопа, *и не увидѣлъ еси бывшихъ въ немъ во дни сія? Кимъ?* спросилъ третій путникъ. Видѣвшій разсказалъ, какъ вѣдалъ о Іисусѣ Назарянинѣ, и обо всемъ, что случилось съ нимъ до самаго утра текущаго дня. Тогда, въ свою очередь, началъ говорить распрашивавшій о событіяхъ Іерусалимскихъ. Первое слово его показало, что Онъ не только зналъ о всемъ совершив-

шемся, но и умѣлъ объяснить истинное значеніе ихъ. *О несмысленная и косная сердцемя, еже въровати о всѣхъ, яже глаголаша пророцы!* началъ Онъ говорить, смущеннымъ смертію Учителя, ученикамъ, и раскрылъ все, что пророчески сказано было въ писанія о Христѣ, что должно было исполниться, и что дѣйствительно исполнилось въ лицѣ Иисуса Назарянина. Спутники слушали, и сердце горѣло въ нихъ. Такъ они дошли до мѣста, въ которое направлялись. Между тѣмъ время приближалось къ вечеру. Ученики просили собесѣдника зайти къ нимъ и обвечерять у нихъ. Онъ не отказался. Въ домѣ приготовлена была вечерняя трапеза, въ которой принялъ участіе и гость. *И бысть, егда возлеже съ нима и приѣмъ хлѣбъ благослови, и преломивъ дающе има..*

Что случилось въ слѣдъ за симъ, нельзя передать словами. Ничего подобнаго въ жизни своей и въ окружающемъ насъ порядкѣ вещей мы не видали, не знавали, ни испытать, ни представить не можемъ. Самовидецъ случившагося повѣствуетъ просто, что *онѣма отверзосться очи, и познаста Его..* вдругъ они поняли, узнали, увидѣли, что ихъ спутникъ и собесѣдникъ есть самъ Иисусъ. Сего мало. Въмѣстѣ съ прозрѣніемъ, *Той невидимѣ*

бысть има (Лук. 24, 13—31)!. Какъ совершилось сіе дивное и таинственное отверженіе очей, которыя не были сомкнуты, видѣли и не узнавали, узнали и перестали видѣть,—обо всемъ этомъ въ преисполненный чудесъ день не разсуждали. Не будемъ разсуждать и мы. Насъ ожидаетъ еще одно, и послѣднее на нынѣшній день, чудо. Само-видцы Воскресшаго тотчасъ отправились въ Иерусалимъ, чтобы сообщить къ свѣдѣнію всѣхъ, близкихъ ко Господу, случившееся съ ними. Уже было поздно, когда они достигли города. Нашли Апостоловъ, и другихъ съ ними, собранныхъ всѣхъ вмѣстѣ (Лук.) *страха ради Иудейска* (Іоан.), и заключившими дверь дома. Можетъ быть, здѣсь въ первый разъ воскликнуто было присѣвшими ученикамъ, такъ часто слышимое и повторяемое теперь нами: *Христосъ воскрес!* Апостолы отвѣчали: *воистину воста Господь* (Лук.)! Сердца всѣхъ конечно также горѣли, когда повѣствуемо было Эммаусское событіе. Но чѣмъ болѣе являлось подкрѣпленія для вѣры, тѣмъ усильнѣе тѣснилось въ опасливья души сомнѣніе. Явленія одиночныя, явленія въ мѣстахъ отдаленныхъ, тѣмъ менѣе удовлетворяли истинное ожиданіемъ общество, чѣмъ болѣе оно само предъявляло правъ

на подобное вниманіе восходящаго ко Отцу своему, божественнаго Учителя. *И ни тьма върыша*, заключаетъ Евангелистъ если не о всѣхъ, то о нѣкоторыхъ изъ Апостоловъ, также *косныхъ сердцемъ еже въровати*, къ удивленію, но вмѣстѣ и къ великому назиданію всѣхъ вѣрующихъ.

Еще продолжалась въ заключенной хранилѣ бесѣда о рассказанномъ событіи, какъ вдругъ собесѣдники замѣтили, что посреди ихъ Нѣкто стоитъ, кого доселѣ не было. Легко представить, какой страхъ, и вмѣстѣ восторгъ овладѣли присутствовавшими! *Миръ вамъ*, произнесъ столько знакомый голосъ. Всѣ молчали, *пристрашни бывше*. Ждали и желали сего явленія, и, конечно, готовились въ нему, но, встрѣтивъ его лицомъ къ лицу, ужаснулись. *Мняху духъ видѣти*, присовокупляетъ самовидѣць. *И рече имъ: что смущени есте? И почто помышленія входятъ въ сердца ваши? Видите руцъ мои и нозъ мои азъ есмь: осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща. И сіе рекъ, показа имъ руцъ и нозъ (Лук.) и ребра своя (Иоан.).*

Не осталось болѣе мѣста страху. *Возрадовашася ученицы, видѣвше Господа (Иоан.)*. . И радость

ихъ была такъ сильна, что они стали недоувѣрять самимъ себѣ, сомнѣваясь въ дѣйствительности того, что видѣли. *И еще не вѣрующимъ имъ отъ радости и чудящимся, рече имъ: имате ли что спѣдно здѣ? Они же даша ему рыбы печены часть и отъ пчелъ сотъ (Лук.). И вземъ предъ ними яде. Не вѣрять болѣе было невозможно.. И поноси ихъ невѣрствію и жестосердію, яко видѣвшимъ Ею воставша не яша вѣры (Марк.). Рече же имъ: сія суть словеса, яже глаголахъ къ вамъ, еще съи съ вами, яко подобаетъ скончатися вѣмъ, написаннымъ въ законъ Моисеовъ и Пророцъхъ и Псалмьхъ о Мнѣ. Тогда отверзе имъ умъ разумѣти писанія (Лук.).* Когда все, так. обр., было приготовлено къ сообщенію людямъ великаго дарованія, полагаемаго въ основаніе Новому Завѣту благодати и истины (Іоан. 1, 17.), утвержденному седмицею единою и запечатлѣнному искупительною смертію, рече имъ *Иисусъ* паки: миръ вамъ. *Якоже посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы. И сія рекъ, дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ, Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имъ же держите, держатся (Іоан. 20, 21—23).*

Симъ обанчиваются Евангельскія повѣствованія о событіяхъ настоящаго дня. Какъ долго былъ

съ учениками Господь, въ какомъ образѣ явился имъ, какъ вышелъ отъ нихъ? Что продолжали дѣлать оставшіеся опять одни ученики? Гдѣ могъ быть въ то или въ другое время дня Воскресшій? И пр: и пр. На всѣ сіи пытливые вопросы мы не получимъ отвѣта. Самое лучшее, къ чему бы могло послужить рѣшеніе ихъ, было бы подтвержденіе истины воскресенія Христова. Но къ величайшему утѣшенію человѣчества, истина сія засвидѣтельствована такъ, что, кромѣ крайней недобросовѣстности, на нее не можетъ востать ничто, вопреки богоборственной лжѣ, искавшей уничтожить ее прежде, чѣмъ она получила извѣстность. *Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!* Достаточно и сего одного на нынѣшній, всепрядневственный день. *Въ той день*, говорилъ пророчески Господь Апостоламъ, *Мене не воспросите ницесоже* (Іоан. 16, 23). И мы видѣли, что дѣйствительно ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова Воскресшему. Они только слушали Его и смотрѣли на Него. Будемъ подражать имъ,—не вопрошая слушать Его, и не испытывая, смотрѣть на Него.

Слушать Его.. Какое блаженство слова Его несутъ душѣ нашей! *Что плачешься?* говорить

Онъ. *Не бойтесь! Радуйтесь! Миръ вамъ!* О, сколько любви, милости, отрады, утѣшенія заключается въ подобныхъ выраженіяхъ! Мы уже привыкли къ такой дружеской рѣчи. Евангеліе такъ сблизило насъ съ Существомъ, Которому нѣтъ имени, достойнаго Его величія, что насъ не удивляетъ кроткая рѣчь Богочеловѣка. Утѣшенія, ею доставляемые, мы считаемъ принадлежащими намъ какъ бы уже по нѣкому праву, и въ семь, конечно, и состоитъ особенная заслуга Христіанства! При всемъ томъ слабую мысль не можетъ не поражать, когда слышишь отъ Побѣдителя смерти, *всяку власть пріавшаго на небеси и земли*, ту же самую тихую и полную любви рѣчь, съ которою Онъ обращался къ людямъ *во днехъ Своея плоти, еще сый съ нами..* Въ ней слышишь вѣрное ручательство своего непостыднаго упованія на всю жизнь и на всю вѣчность. О, если бы Онъ также сталъ говорить къ намъ за предѣлами дней плоти нашей, когда мы будемъ съ Нимъ, т. е. предъ Нимъ, на страшномъ Судѣ воздаянія! Ибо воскреснемъ нѣкогда и мы, *да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. 5, 10). Судіе и Вѣдче! Пріиди тогда къ душѣ трепетной и

отчаявающейся, и скажи ей свое тихое и милостивое слово: *что плачешься?* Приступи ко всѣмъ, которые хотя когда нибудь, хотя какую нибудь каплю муря сердечнаго несли ко гробу Твоему, и скажи имъ: *радуйтеся! не бойтесь!* Явился посреди собиравшихся нѣкогда во имя Твое на славословіе Тебѣ, на радование о Тебѣ, на молитву къ Тебѣ, учениковъ Твоихъ, стань въ кругу ихъ, и скажи имъ: *Миръ вамъ!* «О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа!»

С л у ш а т ь Е го.. Какое глубокое чувство благодарности проникаетъ въ душу! *Иди ко братіи моей* (Іоан.).. *Возвѣстите братіи моей* (Мат.).. *Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему* (Іоан.).. И такъ востаніе отъ мертвыхъ въ славу Божества и принятіе всякой власти на землѣ и на небѣ не измѣнило отношеній Господа Иисуса Христа къ человѣчеству! Его первыя слова по воскресеніи гласятъ о братіи,—о маломъ обществѣ людей, Имъ избранныхъ и Ему преданныхъ,—зародышѣ великаго и всемірнаго общества Христіанскаго, о родѣ человѣческомъ, о всѣхъ и каждомъ, а слѣд. и о насъ съ тобой, возлюбленный братъ! Какъ понять сію новую тайну богочеловѣчества Христова? У насъ одинъ съ Нимъ —

Отцемъ нашимъ — Отець, и — Богомъ нашимъ — Богъ!. Гдѣ же предѣлъ между Его братствомъ и отчествомъ, между Его человѣчествомъ и Божествомъ?. Но мы общались не спрашивать, а только слушать. Такъ нареченные братія Христовы! Ради братства нашего Сынъ Божій сошелъ на землю не устыдившись *братію нарещи насъ* (Евр. 2, 11), раздѣлялъ съ нами всю долю многоплачевной жизни человѣческой, *по всему уподобився братіи* (— — 17), страдалъ и умеръ. Съ памятію о братіи Онъ воскресъ, — благословляя братію, вознесся, — утѣшая и совершая братію, послалъ въ сердца ихъ Духа сынаположенія, — храня и освящая братію, устроилъ на землѣ Церковь Свою святую, возвращая и одуховляя братію, призываетъ всѣхъ насъ въ Свое общеніе.. О братія! Дано намъ болѣе, нежели мы понять можемъ. Сдѣлаемъ по крайней мѣрѣ то, что понимаемъ, — «просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ, рцемъ: *братіе*, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресивемъ!»

С л у ш а т ь Его.. Какое величіе объемлетъ душу! *Примите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ и имъ же держите держатся.* Вотъ послѣднія тайносовершенствоныя слова

Господа на нынѣшній день. Кто знаетъ, что такое грѣхъ, тотъ не можетъ не сказать съ Еврейскими законовѣдцами: *кто можетъ оставлять грѣхи? Токмо единъ Богъ* (Марк. 2, 7.). Такъ. Но сей единый Богъ отселѣ соединился съ людьми не однимъ уже только общеніемъ человѣчества, а и пребываніемъ въ нихъ Духомъ Своимъ, живетъ въ нихъ и дѣйствуетъ черезъ нихъ.. Ахъ, братія, нѣтъ! Не смотря на торжество воскресенія, на честь братства, на славу единства съ Богомъ, душа наша мала для того, чтобы оцѣнить и ублажить свое величіе и возвеселиться о немъ. Это подтвердилъ между прочимъ и всякій, кто не сымѣлъ нынѣ, въ «день Христовъ» возвеселиться Христовымъ веселіемъ, а искалъ радости въ суетѣ и плоти.. Такъ. Однакоже и самая неясная мысль о томъ, что Искушитель грѣшнаго человѣчества, вмѣстѣ съ обрученіемъ Св. Духа, даровалъ людямъ и власть, приличествующую одному Богу, говоритъ намъ, что мы возвеличены теперь паче всякаго земнаго величія, — что, благодатію Божіею, мы посрамили діавола, и, по его ненамѣренному прореченію, дѣйствительно стали, *яко Бози* (Быт. 3, 5); «яко Богъ крѣпкій совознесе насъ и обожитъ.. Тѣмъ же воспѣваемъ Его во вѣки!»

Смотрѣть на Него. . На кого же и смотрѣть сегодня очами сердца, какъ не на Него, Господа и Бога, къ Которому Церковь постоянно направляла взоръ нашъ и Котораго погребальный чертогъ царскій она среди глубокой ночи освѣтила тысячами огней, огласила тысячами восклицаній, какъ бы нарочно съ тѣмъ, чтобы все мы напрягли свое зрѣніе, и смотрѣли, какъ будетъ исходить Онъ изъ мрачныхъ вратъ смерти «яко Женихъ» во свѣтъ нетлѣнія и въ торжествѣ вѣчной жизни. Не видѣли мы сего таинственнаго исхожденія, какъ не видѣлъ его и никто изъ земнородныхъ, но знаемъ, что Онъ исшелъ дѣйствительно въ сіяніи творческой славы, которой, конечно, только слабый отблескъ осіявалъ свѣтоносна Ангела. Въ семь невыносимомъ для человѣческаго взора свѣтъ не привыкли мы видѣть своего Господа. Болѣе доступенъ слабой мысли и близокъ грѣшному сердцу тотъ смиренный образъ обнищанія Его, который неприступную славу Божества прикрывалъ *подобіемъ плоти грѣха* (Рим. 8, 3). Но, братія мои! отъ слабости мысли незамѣтенъ и очень легко переходъ къ лѣности, отъ близости къ неуваженію, отъ надѣянія къ беспечности, и отъ дерзновенія къ дерзости. «Свѣта отъ свѣта, Бога истина отъ Бога исти-

на» не управляемая богомыслиемъ въра можетъ
наконецъ измѣнить въ одинъ образъ человѣческой,
слишкомъ малый и для малыхъ границъ малаго
разсудка нашего, и, затѣмъ, все поклоненіе Ему
ограничить одними человѣкообразными движеніями
и знаками, при оскудѣніи чувства благоговѣнія,
мертвыми и безцѣльными. Если когда, то въ ми-
нуты святаго восторга души, возбуждаемаго цер-
ковными празднествами, подобно учиться смот-
рѣть на Христа какъ на Бога, и, подъ голосъ пѣс-
нопѣній церковныхъ, приучать себя молиться ему
духомъ. «Очистимъ же чувства, и узримъ, не-
приступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистаю-
щася поюще Его, яко *Бога*, во вѣки!»
Смотрѣть на Него. Смотрѣла на Него му-
роносца, и сочла его вертеградаремъ. Смотрѣли
долго на Него два ученика, и не могли узнать Его.
Посмотрѣли на Него, и ужаснулись его ближніе,
други и наперстники, *мняще духъ видѣти.*
(Лук. 24, 37) Дивное таинство! Что же послѣ сего
наше зрѣніе? что—тѣло наше? что—вещество?
Что—міръ сей? что—бытіе наше, знаменуемое то
жизнію, то смертію? Тайна за тайною! Повсюду,
братія, тайна, и тайна, чѣмъ ближе наблюдаемая,
тѣмъ менѣе зримая! Страстно ко всему восприм-

чивая душа наша отъ перваго дыханія нашего въ мірѣ сѣмъ образуется въ сокращенный и опредѣленный образъ, міра, приучается къ его однообразнымъ перемѣнамъ, свыкается съ его тяготѣющими надъ всѣмъ законами, и, въ слѣдъ за тѣмъ, часто не знаетъ и знать не можетъ, наконецъ—и знать не хочетъ ничего, кромѣ того, что знаетъ. Между тѣмъ образъ міра *преходитъ* (1. Кор. 7, 31), и рано или поздно надобно будетъ встрѣтить иной образъ иныхъ вещей, чудный и по непривычкѣ страшный, не проходящій, безтѣлесный, безсмертный. Это образъ д у х а. Въ сѣмъ поразительномъ для чувственнаго зрѣнія, образѣ являлся и воскресшій Господь — присущій и невидимый, видимый и непознаваемый, познаваемый и снова незримый, проходящій сквозь затворенныя двери, говорящій, приѣмлющій пищу. Можно ли христіюбцу не пожелать увидѣть своего Искупителя и въ сѣмъ прославленномъ его образѣ — въ *тѣль духовномъ* (1 Кор. 15, 44), по выраженію Апостола? Но, братія, поставимъ себя на мѣстѣ Апостоловъ въ тѣ минуты, какъ Господь, бесѣдовавшій къ нимъ, вдругъ сталъ невидимъ. Что должны были чувствовать они? Какъ думать объ окончившемся видѣніи? Точно ли не стало между ними Господа, или только

Онъ пересталъ быть видимъ имъ? Въ семь самомъ состояніи находимся всѣ мы, особенно, когда собираемся *два или трие во имя Его* (Мат. 18. 20) и всегда, какъ участвуемъ въ Божественной Литургии и въ сію минуту, и въ семь храмѣ, и въ семь обществѣ вѣрныхъ учениковъ Его развѣнѣтъ Его? Можно ли при вѣрѣ въ Его Божество, усомниться въ томъ? И что насъ смущаетъ? То ли, что мы не можемъ долго удержаться на мысли сей, а, не держась, теряемъ убѣжденіе въ ней? Но мы—люди, заключенные въ темницу плоти съ первой минуты бытія нашего, и высматривающіе изъ нея въ родной намъ міръ только сквозь тѣсное отверстіе нашихъ опытныхъ, земныхъ познаній, выводящее опять на тотъ же самый дворъ темничный. Какой же силы и широты взгляда ожидать отъ сего? Вспомнимъ самовидцевъ Воскресшаго. Лишь только перестали видѣть Его въ блаженной хранивѣ Эммаусской, какъ уже говорили о Немъ, какъ бы вовсе неприсущемъ имъ! То ли можетъ смутить насъ, что для насъ невысказано современное пребываніе Господа Иисуса Христа и съ нами и со многими множествомъ другихъ вѣрующихъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли? Но земля предъ лицомъ Бога Вседержителя менѣе чѣмъ пы-

картинка передъ взоромъ нашимъ; какая же трудность
 приобщать ее Божеству? Да несмущается напрас-
 (нымъ недоумѣніемъ духъ твой, христомлюбець, хотя
 бы ни взоръ, ни мысль не сильны были поддержать
 въ немъ вѣры. Пусть смотритъ онъ на Иисуса, какъ
 на всеюду сущаго и вся содержащаго, который «во
 гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ
 оранъ же Тсъ разбойникомъ, ои на престолѣ былъ
 со Отцемъ и Духомъ, жъ вся исполняя не описан-
 ный». Онъ ѿвѣн ли ѿвѣджду смѣрдѣтъ дѣбждѣдъ онъ
 йонъ. Смотрѣть на Него. Смотрѣть и видѣть
 въ чело вѣка! Какъ ни униженъ человекъ въ
 слѣдствіе грѣхопаденія, о какъ ни сдѣлался онъ
 нечистымъ, о немощнымъ, о малымъ, кратковремен-
 нымъ, тлѣннымъ, при всемъ томъ онъ есть выс-
 шее существо видимаго міра, онъ есть красота и
 вѣнецъ тѣлесныхъ тварей, властитель и распоря-
 дитель міра его окружающаго. Но краснѣйшій паче
 всѣхъ сыновъ человеческихъ, *Человѣкъ Христосъ*
Иисусъ (1 Тим. 2. 5) *вчера и днесь, тойже и во вѣки*
(Евр. 13. 8), Онъ сидитъ одесную Бога (—10. 12.);
 о имени Его *всяко колѣно поклонится, небесныхъ и*
земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2. 10). И мы видѣ-
 вли *Сего чело вѣка, сего Сына Человѣческаго,*
сего послѣдняго Адама (1 Кор. 15. 45), *прискреленне*

приобщившагося нашей плоти и крови (Евр. 2, 14), во всей истинѣ Его человѣчества, съ плотію и костями, съ язвами на рукахъ и на ногахъ, стоящимъ, говорящимъ и дѣйствующимъ, памятующимъ и любящимъ. Можно ли отвести взоръ отъ сего желаннѣйшаго сердцу человѣческому, образа Христова! Человѣкъ и Богъ! Богъ и человѣкъ! Что можетъ устоять противъ сего неизреченнаго союза милости и истины, правды и мира? *Что речемъ къ симъ? Аще Богъ по насъ, кто на ны? Кто поемлетъ на избранныя Божія? Кто осуждаей? Христосъ Іисусъ, умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, ходатайствуетъ о насъ* (Рим. 8. 31—34). «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ. Сраспинахся Тебѣ вчера, Самъ мя спрослави Спасе, во царствіи Твоемъ!»

Но, братія, веселящіеся о Христовомъ востаніи! Нельзя довольно ни послушаться Христа, ни насмотрѣться на Христа. Да сопровождаетъ Онъ Самъ васъ по всюду и своимъ словомъ и своимъ образомъ! Да скажетъ вамъ тайну лучшей, совершеннѣйшей радости, и да покажетъ вамъ неприступное величіе вѣчной Своей славы! Да явитъ надъ всѣми нами, «безмѣрное свое благоутробіе» да и мы, узники грѣха, «къ свѣту идемъ веселыми ногами, Цасху хваляще вѣчную!» Аминь.

ВЕСЬДА

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ ПАСХИ.

Придите, ниво нѣмъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но нетлѣнія источникъ изъ гроба одождивша Христа, въ Немже утверждаемся.

Ирм. 3-й пѣсни кан. Пасхи.

Отъ величайшаго событія ожидаемъ величайшихъ послѣдствій. «Нынѣ вся исполнишася свѣта небо же и земля и преисподняя» возглашаетъ пѣснь церковная. И мы ищемъ сего дивнаго свѣта, но вмѣсто него видимъ только обыкновенное сіяніе солнца, «Смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ» множество разъ пѣли мы вчера, поемъ и сегодня, но въ тоже время

видимъ, что смерть ежедневно изъ среды насъ беретъ себѣ новыя и новыя жертвы, а сущіе во гробѣхъ не встаютъ къ новой жизни. «Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христось воскресевѣваемъ мы другъ друга, но тварь, сколько мы ее знаемъ и видимъ на землѣ и съ земли, не принимаетъ участія въ нашемъ праздникѣ. . . Что же это значить? Что особеннаго принесъ съ собою нареченный и святой день воскресенія Христова, единъ субботъ Царь и Господь, праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ?»

Праздникъ воскресенія Христова, правда, не окруженъ у насъ чудесными явленіями, какими сопровождалось нѣкогда самое воскресеніе. Но и годъ спустя послѣ великаго событія, Христіанская Пасха уже не разнилась почти отъ нашего празднованія. Чудесъ воскресенія мертвыхъ не было уже и тогда, было только воспоминаніе о нихъ. Однакоже въ самый день востанія Христа изъ гроба и смерть была поправа, и сущимъ во гробѣхъ животъ былъ дарованъ, и свѣтъ разливался по землѣ, и тварь давала знать, что она не нечувствительна къ совершавшемуся таинству. . . Слѣд. и ожиданія наши правы и слова Церкви вѣрны, и пѣсни ея поются не даромъ. Такъ. Но событіе такой важности, какъ воснесе-

ніе Христово, не должно ли было оставить по себѣ постоянныхъ, вѣчныхъ послѣдствій? Безъ сомнѣнія, оно ихъ оставило. Гдѣ и какія? Само существова- ніе духовнаго, составляя, по выраженію Писнописца «ино- го житія вѣчнаго начало» оно и послѣдствіями сво- ими простирается также главнымъ образомъ на духъ чело- вѣка, на его живую, посмертную жизнь, на его обновленіе, сооживленіе, совоскресеніе и вѣчное царствованіе Христу.

Придите пиво темъ новое, а не вотъ камень неплоднъ чудодѣмоу.

Священнопѣвецъ, котораго восторженными сло- вами украшенъ, услажденъ и оживленъ настоящій праздникъ, по близости пребыванія своего къ Іеру- салиму, можно думать ежегодно проводилъ его у живоноснаго Гроба Господня. Проливая тамъ по- токи радостныхъ слезъ, и преисполненный умиле- ніемъ, передъ которымъ всякая отрада земная терпка и жестка, онъ отъ скалы гроба переносился мыс- лью къ другой скалѣ, таинственно источившей нѣ- когда, подъ ударомъ руки чудотворца, обильную воду. Но то ветхое питіе, утоливъ жажду пившихъ, пресѣлось, и камень остался опять неплоднымъ, какимъ былъ до внезапнаго изверженія струи.

Глубокій, богословствующій взоръ Пѣвца, открывшій дивныя подробности соотношенія между завѣтами Ветхимъ и Новымъ, не могъ не замѣтить сходства двухъ утесовъ, равно таинственныхъ, равно свидѣтельствовавшихъ о, непосредственно проявленной, нѣкогда силѣ Божіей, и равно безмолствовавшихъ въ его время. Упомянувъ о камени неплодномъ явно онъ припомнилъ образы, упомянутые Апостоломъ и изъясненные Христомъ. А именно: *Вси тожде брашно духовное ядоша: и вси тожде пиво духовное пиша: пїяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене. Камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 1—11). *Не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе, но Отецъ Мой.. Азъ есмь хлѣбъ животный.. Хлѣбъ, его же Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра. Плоть Моя есть истинное брашно, и кровь Моя есть истинное пиво,* (Іоан. 6, 32—55).. Плоть Богочеловѣка, данная имъ въ жертву за животъ міра нѣкогда покоилась во глубинѣ той скалы. Тамъ совершилось надъ нею преестественное таинство одухотворенія и прославленія необходимымъ слѣдствіемъ коего долженствовалъ быть (Іоан. 7, 39) и тотъ непрестающій токъ жизни или *воды живой*, которую Господь предлагалъ жаждущимъ спасенія (—34): Сею водою жизни упоенъ былъ священнопѣвецъ.

Питіе *новое* проникало весь составъ его, и двигало духъ его къ неудержимымъ изліяніемъ восторга по истинѣ Божественнаго, движущаго, въ свою очередь, къ такому же восторгу и нашъ духъ. *Приидите же, воскликнемъ и мы другъ къ другу, пиво піемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое.*

Но чудодѣйственное нѣкогда отъ камене неплодна, питіе, по свидѣтельству писанія, получило горькое имя *воды пререканія* (Числ. 20. 13); *понеже преогорчисте Мя у воды пререканія*, сказалъ Господь (—24). Поспѣшимъ упредить возможность сего преогорченія Божественной любви—мы, стоящіе мысленно у пещеры гроба Іисусова, сего новаго камене, источившаго потокъ безсмертной жизни. И пусть наклонный къ самомнѣнію разсудокъ нашъ, въ этой пустынѣ пресельничества, при видѣ гробнаго камня Іисусова, удержится отъ совопросничества: гдѣ тутъ источникъ, гдѣ питіе? гдѣ таинство, гдѣ чудо? какъ мудрствовали непокорные людіе въ пустынѣ.

Но Израиль въ пустынѣ былъ поставленъ въ иныя отношенія къ чудесамъ. То было время дивное, не похожее на послѣдующія времена. Народъ *жестоколичный и каменосердечный* (Іезк. 11. 19) много лѣтъ и вѣковъ ходилъ среди безчисленныхъ и непрерывныхъ чудесъ Божіихъ,

и не видѣлъ ихъ, не зналъ ихъ, не понималъ ихъ, не думалъ о нихъ, — не видѣлъ, что одно чудо говоритъ столько же, сколько и другое, — не зналъ, что гдѣ чудо, тамъ и чудотворецъ, — не понималъ, что, по минованіи чуда, не миновалась чудодѣющая сила, — не думалъ, что чудо есть чудо, а не удовлетвореніе праздному любопытству или обыкновеннымъ потребностямъ жизни. Отъ того, лишь только слухъ его переставалъ внимать гласу Господа своего: *Азъ есмь Господь твой, и да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене* (Исх. 20, 2); онъ уже говорилъ: Аарону: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами* (—32. 1)! Отъ того, лишь только чудная манна сдѣлалась явленіемъ обыкновеннымъ, онъ уничтожилъ ее и искалъ замѣнить мясомъ! Отъ того не престающее чудо Скинии Свидѣнія, знаменуемое огнемъ и облакомъ, откровеніями и силами, онъ пренебрегалъ и поклонялся кумирамъ! Отъ того и напоенный въ жажду въ пустынь водою, чудесно изведенною изъ камня (Числ. 20, 11), спустя малое время вознесъ ропоть, *яко плоть хлѣба, ни воды* (—21, 5), какъ бы требуя, чтобы чудо стало ежедневнымъ порядкомъ его жизни. Не такъ ли же мудрствуютъ и тѣ, которые желали бы, что бы воскресеніе Христово было началомъ

постоянныхъ, не перемежающихся чудесъ, подобно тому, какъ изведеніе евреевъ изъ Египта — ихъ Пасха — было на долгое время сопровождаемо чудесами? Но *сія вся Образи прилучахуся онымъ. Писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. 10, 11). Какъ для тѣхъ скала источившая воду, осталась безжизненнымъ камнемъ, такъ и для пыливости современныхъ совопросниковъ вѣка, камень гроба Іисусова — нѣмъ, хладенъ, мертвъ... Будемъ же справедливо и благоговѣнно признательны къ дѣламъ Божественнаго промысла. Изучимъ завѣщанный Ветхимъ Завѣтомъ урокъ. Мы могли убѣдиться, что Господу Богу не трудно сдѣлать чудо. Уступая слабости нашей мысли, мы могли бы сказать, что его сдѣлать легче, чѣмъ поддержать въ непремѣнномъ и неизмѣнномъ порядкѣ всю безграничную, не изслѣдную цѣлость тварей — сіе вѣчно дивное для насъ, непрестанное и непрерывное чудо, предъ которымъ изумѣваешь тысячекратно болѣе, чѣмъ передъ водою, истекшею изъ бесплоднаго камня. Но трудно человѣку *земная мудрствующему* удержаться въ должномъ отношеніи къ чуду, трудно не свести ему чудеснаго на обыкновенное, таинственнаго на простое, Божескаго на человѣческое. Да будетъ для насъ вѣчно памятна

Еврейская манна! Христіанское человѣчество, воспитанное благодатию и многолѣтнимъ опытомъ Божественнаго промысленія, далеко выше стоитъ тѣхъ людей, которые требовали ежедневныхъ чудесъ, чтобы вѣрить Богу и, не смотря на чудеса, не вѣрили. *Образы намъ быша* (1 Кор. 10, 5). *Древняя мимодоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5.17)! *Людямъ обновленія* (1 Петр. 2, 9) постыдно держаться правилъ человѣка *ветхаго* (Рим. 6, 6) *Да не искушаемъ же Христа, яко же нльцимъ отъ нихъ искусиша; и отъ змій погибоша* (1 Кор. 10, 9). Не забудемъ, что и насъ всегда стережетъ *змій древній* (Апок. 20, 2), всегда готовый смущать насъ сомнѣніями и лукавыми совѣтами и дерзко клеветать на самаго Бога.

Такъ, христіанские братія! Мертвенное ложе Богочеловѣка теперь можетъ пребывать нѣмымъ, темнымъ, холоднымъ. Но воскресеніе Господа Иисуса Христіане не есть ли событіе, принадлежащее всѣмъ временамъ и вѣкамъ? Глаголы Ангела: *нльтъ здь, но воста* (Лук.), огласившіе погребальную пещеру, и явленія Самаго Воскресшаго принадлежатъ ли одному опредѣленному времени? Нѣтъ; они имѣютъ величайшую важность и для насъ; камень гроба для насъ преисполненъ жизни, возвышен-

ныхъ надеждъ и неизреченныхъ утѣшеній. Мы находимъ въ немъ *нетлѣнія источникъ изъ гроба одождивша, Христа.*»

Нетлѣнія источникъ! Не игра ли словъ прекрасное и чудное сіе выраженіе вдохновеннаго—Пѣвца? Гдѣ онъ видѣлъ на землѣ не тлѣніе, на землѣ—, гдѣ все, что живетъ, раждается *отъ сѣмене истлѣнна* (1 Петр. 1. 23), упражняетъ силы свои *въ работу истлѣнія* (Рим. 8. 21), и *естествомъ бывши въ погибель и тлю, во истлѣніи своемъ истлѣваетъ* (2 Петр. 2. 12),—на землѣ, гдѣ жизнь не вообразима безъ смерти? *Богъ, Живый и пребывающій во вѣки* (1 Петр. 1. 23), *единъ имѣй безсмертіе* (Тим. 6. 16), *нетлѣнный* (Рим. 1. 23) и *неизмѣнный* (Мал. 3, 6), *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1. 13), говоритъ одинъ древній богопросвѣщенный мудрецъ. Стихійнымъ составомъ своимъ введенный въ общій чинъ живыхъ существъ земли, и слѣдъ подверженный необходимости разрѣшаться на стихіи, человекъ въ то же время предназначенъ былъ продолжать бытіе свое безъ поражающаго явленія смерти. Путь къ сему безсмертію указанъ былъ ему въ питаніи плодами *древа жизни*, долженствовавшими предотвращать тлѣніе, можетъ быть, постепеннымъ утонченіемъ тѣла приготовляя

его ко мгновенному преобращенію въ *тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44). Извѣстно всѣмъ плачевное обстоятельство, отстранившее человѣка отъ древа животнаго. Питаясь теперь тѣмъ же, чѣмъ питаются и всѣ животныя земли, родъ человѣческій и общую съ ними раздѣляетъ участь ислѣбнія. Но болѣе 2000 лѣтъ потомство первозданнаго обнаруживало въ себѣ еще слѣды первоначальнаго питанія человѣка отъ древа жизни. Люди жили по нѣскольку вѣковъ. Тлѣніе какъ бы еще не смѣло касаться ихъ, предназначеннаго для безсмертія, состава. Но если утрата пищи нетлѣбнія грозила человѣку поминутно смертію, то возможное уклоненіе отъ тлѣтворной пищи высвобождало его отъ закона ея. Въ то, все еще чрезвычайное, время былъ примѣръ, что человѣкъ, угодившій Богу, послѣ 365 лѣтъ жизни, *преложилъся*. Тлѣніе не нашло себѣ мѣста въ человѣкѣ, жившемъ для Бога. Въ высшей степени замѣчательно это соотношеніе Богоугожденія съ нетлѣбіемъ. Сравнительно въ болѣе близкія къ намъ времена, другій угодникъ Божій Моисей жилъ еще 120 лѣтъ. *Не затемльствуй очи его, не истлѣвствуй уста его* (Втор. 34, 7), замѣчено о немъ. И еще ближе къ намъ, просіялъ на все человѣчество великій угодникъ Божій, Ілія. Отъ того, кто

имѣлъ силу воскресить умершаго, можно сказать, бѣжало тлѣніе. Счастливъ, гнетомый землею, родъ нашъ, что можетъ хвалиться такими побѣдами надъ тлѣніемъ! Наука чувствъ и опыта говорить, что и одно явленіе природы, несогласное съ принятымъ закономъ, уничтожаетъ силу закона. Возрадуемся же братія Законъ тлѣнія не есть значить, непреложный законъ нашего бытія.

И такъ видно, что было нѣкогда, и можетъ быть, еще на землѣ нетлѣніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно и то, что источникъ сего чрезвычайнаго явленія давно изсякъ. Укажетъ ли намъ его пѣвецъ, Воскресенія? Приидите, гов. онъ, піемъ новое питіе—Христа, одождившаго изъ гроба источникъ нетлѣнія. Мы возвращаемся, такъ обр. опять къ боговмѣстимой пещерѣ Воскресенія. Въ ней, т. е. въ совершившемся въ ней событіи, и заключается новый источникъ нетлѣнія. Въ ней *Пастырь добрый* душу свою положилъ за овцы, да животъ имутъ и лишше имутъ (Іоан. 10. 10. 11).

Да животъ имутъ. Животъ, который начинается и оканчивается дыханіемъ человѣка, носитъ то возрастающимъ, то умаляющимся тѣломъ, слагается весь изъ противоположностей, непрерывно одна другую смѣняющихъ, и одна съ дру-

гою враждующихъ, очевидно не есть истинный *животъ* души человѣческой. Онъ, многоусловный, многотрудный и многострастный, самъ себѣ невѣрный, самъ себѣ враждебный, не даетъ ей раскрыться во всей полнотѣ ея божественнаго призванія, безпрестанно ее колеблетъ и смущаетъ, и обезсиливши, пригвождаетъ къ землѣ, какъ бы именно съ тѣмъ, чтобы здѣсь на землѣ и оканчивалось для нея все. Сей животъ, существующій во времени и на время, называется *временнымъ*. Живя имъ, душа постоянно трудится для другаго истиннаго *живота вѣчнаго*, котораго тотъ составляетъ только малую долю, начало, наглядное выраженіе, частный и случайный образъ. Сей вѣчный животъ, выходящій за предѣлы земной жизни, и послѣ паденія человѣка, не управляемый болѣе его собственными слабыми силами, пришелъ на землю даровать человѣчеству Сынъ Божій. Къ сему потоку жизни, лиющемуся изъ живоноснаго Гроба, приглашаетъ насъ и Священнопѣвецъ. Пророчески говорилъ о немъ многократно Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Припомнимъ нѣкоторыя изъ Его выраженій. *Вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4. 14). *Слушай словесе Моего, и вѣруй послав-*

шему Мя, и мать животъ вѣчный (—5, 24). Всякъ, видяи Сына и вѣруяи въ Него, и мать животъ вѣчный (—6, 40). Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, и мать животъ вѣчный (—54). Ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки (—58). Аще кто отъ него ястъ, не умретъ (—50). Аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не и мать вкусити во вѣки (—8. 51 52). Всякъ живый и вѣруяи въ Мя, не умретъ во вѣки (—11, 26). Якоже посла Мя живый Отець, и азъ живу Отца ради; и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради (—6, 57).

Но здѣсь, братія, готово повториться то же, что было въ Капернаумѣ. Мнози, слышавше отъ ученикъ Его, рѣша: жестоко слово сіе: кто можетъ Его послушати (—6, 60)? Гдѣ же: животъ вѣчный! Какъ же: не умретъ во вѣки? Спрашиваетъ и теперь робкая мысль ученика Христова. Напротивъ, никто изъ вѣровавшихъ въ него, соблюдающихъ слово Его, явшихъ плоть и кровь Его, не остался живъ, всѣ померли, помирають и померуть несомнѣнно. Поспѣшимъ пресѣчь тягостное недоумѣніе Господнимъ словомъ: сіе ли вы блазнили? Аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща идѣже бы первѣе (—62).. Что тогда? остается досказать. Тогда, отвѣчаетъ, колеблющаяся

между опытом и словом Божиим, мысль, Сынъ на человѣческаго надобно будетъ признать Сыномъ Божиимъ и Богомъ, Котораго слово не можетъ быть ложно. Что же далѣе? Не видѣли ль мы Его въ самомъ дѣлѣ *возшедшимъ, и блже бы первымъ?* Отъ чего же и послѣ вознесенія его на небо продолжается прежній порядокъ тѣбна и смерти между людьми, какъ вѣрующими такъ и не вѣрующими?

Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже (Іоан. 6, 62). Вотъ чѣмъ отвѣчаетъ Господь на совопрошеніе разума. Богоповѣданное родо-словіе человѣчества свидѣтельствуемъ, что мы состоимъ изъ персти земной и дыханія божественнаго. Земная персть подлежитъ всѣмъ законамъ земной измѣняемости; духъ жизни долженъ оставаться неизмѣненъ, какъ неизмѣненъ Богъ. Уже самое выраженіе *дыханіе жизни* показываетъ, что живеть въ насъ духъ, а не плоть. Плоть мертва и тогда, когда жизнь находится въ полномъ развитіи тѣлесныхъ силъ. Она ежедневно и видимо тѣлетъ еще до смерти день за день умираетъ. Не въ ней и не на ней совершается тайна вѣчной жизни. Не ея союзъ съ духомъ пришелъ продлить или укрѣпить Сынъ Божій, а союзъ живущаго духа съ

ж и в ы м ь Богомъ. *Плоть*, так. обр. *не пользуется ничтоже*. Оживляемая духомъ, она усиленно стремится къ своему родному удѣлу—смерти, и достигаетъ его ранѣе или позже. *Духъ есть, иже оживляетъ*. Къ духу относятся всѣ обѣтованія живота вѣчнаго, возвѣщенные Господомъ, Но. . имѣемъ ли мы право говорить такимъ образомъ? Вѣчная жизнь есть ли нѣчто условное для человѣка,—такое, что можетъ быть и не быть? Или она принадлежитъ ему необходимо, по свойству его духовной природы? Имѣя въ виду изреченія Господни, въ которыхъ *жизнь* противопоставляется не смерти, а *суду* или осужденію на муку (Іоан. 5. 24. 29), надобно думать, что *жизнь вѣчная*, по божественному разуму, есть не одно вѣчное событіе, и слѣд. не одно безсмертіе, а бытіе вѣчно — блаженное, короче: вѣчное блаженство. Одно, просто нескончаемое, бытіе, по мысли Господа, есть дѣло до того естественное, ясное и общеизвѣстное, что о немъ въ Евангеліи и не разсуждается. Дѣло не въ бытіи, а въ наслажденіи бытіемъ или жизнью. Ранымъ образомъ и выраженія Евангельскія: *не узритъ смерти. . не умретъ вовекъ*. . также надобно относить къ духу, а не къ тѣлу человѣка,—къ избавленію отъ вѣчнаго осужденія,

а не отъ тѣлеснаго истлѣнія. Однимъ словомъ: дѣло здѣсь опять не въ прекращеніи бытія, а въ мучительномъ бытіи или смерти. Человѣкъ можетъ жить, и въ то же время *не имѣть живота вѣчнаго, въ себѣ пребывающа* (1 Іоан. 3, 15), — *пребывать въ смерти* (—14), — *быть отчужденнымъ отъ жизни Божія* (Еф. 4, 18), — *живымъ — умершимъ* (1 Тим. 5, 6). Слышится мнѣ заботливый голосъ вѣрующаго сердца: не производится ли посредствомъ такого изъясненія жизни и смерти непозволительнаго подмѣна понятій, въ высшей степени важныхъ и дорогихъ душѣ нашей? Что это за новая жизнь и новая смерть, о которыхъ рѣдко кто слыхалъ? И почему извѣстная жизнь и смерть не суть то, чѣмъ признаются отъ всѣхъ? Пусть не смущается опасливый стражъ истины! Иное дѣло — ваши понятія о вещахъ, иное — сужденіе о нихъ Божіе. Достаточно прочесть со вниманіемъ одну главу Евангелія, содержащую въ себѣ выраженія о вѣчной жизни, и сличить ее хотя съ первыми главами книги Бытія, гдѣ въ первый разъ высказывается Божественная мысль о смерти, что бы увѣриться, что, по мысли сей, жизнь человѣческая есть именно блаженное, а смерть — несчастное (но въ обоихъ случаяхъ — *вѣч-*

ное) бытіе, и что наши привычныя понятія о жизни и смерти должны быть исправлены.

Но, братія мои! Уже ли всерадостный праздник Воскресенія не имѣеть болѣе близкаго отношенія къ судьбѣ нашей, чѣмъ блаженство другаго міра? Уже ли горестное явленіе разрушенія тѣлеснаго состава нашего должно оставаться такъ, какъ было, и послѣ востанія отъ мертвыхъ Искушителя нашего? Уже ли, въ день воскресенія Христова, мы не радуемся и за свою побѣду надъ своею смертію? Уже ли смерть тѣлесная есть одинъ, напрасно смущающій, призракъ, на который въ дѣлѣ спасенія нашего и вниманія не было обращено? Мы даемъ себѣ право бжизать отъ нашей «Пасхи негнѣвнѣя» дѣйствительнаго «упраздненія» смерти какъ ти воспѣваетъ умиленная церковь: Съ мыслию о семъ поправнн смертн смертію, тѣлесной—тѣлесною, нашею Христовою, мы свыклись, сроднились, сжились. И еслибъ кто сказалъ намъ теперь, что еще одной деть дѣлор, нею ней поется и разглашается въ свѣтлые дни Пасхи, у насъ была бы отнята немалая доля утѣшенія: «Отъ смерти бо къ жизни... Христосъ Богъ насъ преведе». Радующія рѣчи! Кто не подумаетъ, слушая ихъ, что дѣло—идеть о себѣ собственной смерти, «упразднне

мой силою Христова востанія, и кто не согласится ублажить себя мыслию, что отсель преведенныхъ Христомъ отъ смерти къ жизни, ожидаетъ одинъ животъ и животъ?..

Да животъ имуть, и лишше имуть... Не одно вѣчно — блаженное бытіе одождилъ намъ изъ своего гроба Господь. Совмѣстно съ нимъ течетъ оттуда и свѣтлая струя нашего тѣлеснаго нетлѣнія, нашей неразрушимости, чудодѣйственной мощи и наконецъ воскресенія или мгновеннаго *измѣненія* (1 Кор. 15. 52). Даровано намъ и сіе предивное *л и ш ш е е*, сіе прибавленіе къ животу вѣчному, т.е. вѣчное сожитіе тѣла съ духомъ, — то къ чему призванъ былъ первоизданный.

Если *плоть* теперь *не пользуется ничтоже*, то потому, что духъ, оживляющій ее, слабъ. При его безсиліи она беретъ перевѣсъ, и направляетъ его дѣятельность не къ его вѣчнымъ цѣлямъ, а къ минутнымъ увлеченіямъ, то тѣмъ, то другимъ тлетворнымъ удовольствіемъ. Человѣкъ всегда чѣмъ болѣе живетъ, тѣмъ болѣе поставляется въ зависимость отъ своего прошедшаго до того, что можетъ наконецъ утратить всякую самонадѣтельность и стать однимъ, какъ бы невольнымъ, продолженіемъ того, что уже началось. Предположимъ теперь, что жизнь

человѣка перешла на сторону плоти, и что чѣмъ болѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе подчиняется общему закону земли. Чего ожидать ему впереди? Ничего, кромѣ преждевременнаго сотлѣнія. Къ сожалѣнію, такое положеніе человѣка, по причинѣ своей общности, стало считаться естественнымъ, непреложнымъ и неизбѣжнымъ, такъ что отнять былъ и послѣдній поводъ у духа вступить въ борьбу съ подавлявшею его плотію. Онъ, *иже оживляетъ*, утратилъ оживляющую силу, и, можно бы сказать, послѣдовательностію рожденій, одно другаго плотяниѣйшихъ, выродился до того, что однажды Господь Богъ прямо изрекъ о людяхъ, что они *суть плоть* (Быт. 6. 3). И вѣки прошли съ тѣхъ поръ, а плоть порождаетъ все плоть, по своему образу и подобию, ускоряя и умножая тлѣніе и сокращая временную жизнь людей. Надлежало въ самой плоти открыть по собствующую духу силу, обновить плоть, освятить плоть. *И слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, славу, яко единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14). Міръ призванъ былъ увидѣть необычайный союзъ Божественнаго духа съ плотію. Глубоко павшее человѣчество восстановлено было въ лицѣ *человѣка Христа Іисуса* на принадлежащую ему высоту торжества духа надъ плотію.

Не только самъ Господь свидѣтельствовалъ о томъ предъ цѣлымъ свѣтомъ въ лицѣ Своемъ, но и окружавшіе Его, увлеченные Его словомъ и примѣромъ, обнаруживаютъ въ себѣ силу духа, увлекавшую за собою всецѣло послушную плоть. Вспомнимъ Петра, ходящаго по водамъ, — прокаженныхъ мужей вѣрующихъ и очищающихся отъ проказы, — кровоточивую жену, размышляющую съ собою *аще прикоснуся ризамъ Его, спасена буду* (Марк. 5. 28), касающуюся и исцѣлѣвающую. Но то, что было только какъ бы частною попыткою при жизни Богочеловѣка, съ Его воскресеніемъ, долженствовало стать общимъ удѣломъ вѣрующихъ. *Вѣруйи въ мя, говорилъ Господь, дѣла, яже азъ творю (и той сотворитъ) и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. 14. 12). *Уне есть вамъ, да азъ иду, аще бо не иду азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ* (Іоан. 16. 7). Когда Утѣшитель пришелъ, то всѣ, введенные общеніемъ съ нимъ въ живой союзъ со Христомъ, получили *вся Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, и ставши причастниками Божественнаго естества, отбѣгли, яже въ мѣртвѣ похотныя тлѣ* (2 Петр. 1, 3, 4). Началось нетлѣніе. И какъ Онъ, единъ имѣяй безсмертіе, не тлѣный Богъ, носилъ въ тѣлѣ своемъ, отъ естества зем-

ли пріятномъ, начало преестествонаго бытія, такъ разительнѣе проявленнаго на горѣ Фаворской, и такъ мы, причастики Его жизни носимъ въ тѣлѣхъ своемъ залогъ иного бытія, не стихійнаго, не временнаго, не разрушаемаго. Въ немъ дары Св. Одуха постоянно возрѣваются усиліями собственной духовной дѣятельности, и тотъ еще въ мірѣ семь измѣняется въ образъ будущаго духовнаго бытія, — не зря, видитъ, не внимаю слышитъ, не касаясь движеть, не ходя переносится, и творить чудеса, и изцѣляетъ мгновенно отъ смертельныхъ язвъ, не чувствуетъ мученій, препобѣждаетъ благодатию Божіею законы тѣлесной жизни, потребности сна и питанія, просвѣтляется тѣломъ, въ теченіе столѣтій почіетъ нетлѣнно. Является за—живомъ духомъ, и наконецъ по смерти не истлѣваетъ, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій источаетъ муромъ и творить силы, я свидѣтельствующія по непрестающей посмертной жизни его въ неразрывномъ союзѣ со Христомъ. Что все это, какъ не благодатныя прозябенія, вырастающіе отъ напоенія онаго пристокающаго «источника нетлѣнія»? Мы паче иныхъ христіисбцевъ счастливые, обитатели града (а) сего

(а) Говорена въ Кіевѣ.

не видимъ ли въ очью совершающагося сего нетлѣнія? мы знаемъ болѣе. Въ одинъ изъ праздниковъ Пасхи петлѣнные жители пещеръ гляшали, какъ живые. Чего еще болѣе? Какое свидѣтельство еще нужно того, что Христось дѣйствительно «смертію смертью попра, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова» — что Онъ есть «Пасха нетлѣнія» и что «древле держимое смертію и тлѣніемъ возведеса, по истинѣ, къ нетлѣннѣй и присносущнѣй жизни?» Но отчего такъ мало нетлѣнныхъ и такъ много ислѣвающихся? продолжаетъ совoproшеніе. Конечно не отъ безсилія самаго источника. Если онъ и одного сдѣлалъ нетлѣннымъ, заставивъ существовать неразрушимо по смерти: то, значить, онъ дѣйствительно есть и источаетъ нетлѣніе... а отъ того, весьма простаго и яснаго, обстоятельства, что источникъ есть источникъ, а не самое питіе, и что кто хочетъ напиться, тотъ долженъ придти и пить.

Но, какъ утренняя заря предвѣщаетъ, предвѣщаетъ и предвѣзображаетъ собою восходящее солнце, такъ слабыя проблески неразрушимой жизни, вынікающіе кое гдѣ и коекогда изъ глубокаго мрака вещественнаго бытія благодатными лучами нетлѣнія, суть только предвѣстники настоящаго дня

пакибытія, — только отсвѣты восходящаго свѣтила живота вѣчнаго. Такъ какъ *плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наследствуетъ* (1 Кор. 15. 50), то, за обветшаніемъ тѣлеснаго состава, должно послѣдовать его обновленіе, претвореніе, возсозданіе, предивное чудо всемогущества Божія, которому мы ничего подобнаго не видимъ въ окружающемъ насъ мірѣ. Когда *Начатокъ* (1 Кор. 15 23) и *Первенецъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1. 18) восхоцетъ привести къ Отцу всю братію, настанетъ *последній день* (Іоан. 4). «*Живоносецъ, рая краснѣйшій гробъ*» Его, одождившій нетлѣніе на живыхъ, олождитъ его тогда и на усопшихъ, будетъ «*источникомъ нашего воскресенія*». «*Царски рыкая, яко отъ Іуды левъ*» издастъ творческій гласъ оживленія *Исусъ Христосъ*, и (возбудитъ мертвыя отъ вѣка) *Всеи сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5. 25. 28), — *встанутъ нетлѣнни* (1 Кор. 15. 52). *Подобаетъ бо тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе и мертвенному сему облецися въ безсмертіе* (—53), *яко же облекухомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (—49). *Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и — воскрес-*

шеніе будемъ (Рим. 4. 5). Егдаже тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, и послѣдній врагъ испразднится смерть (1 Кор. 15. 26), тогда будетъ слово, написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти смерти, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда!—54. 55). И такъ «смерти празднуемъ умерщвленіе, а до во разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало, и играюще поемъ Виновнаго, единаго Благословеннаго, Отцевъ Бога, и Препрославленнаго!»

Но, увлекаясь святымъ восторгомъ, забудемъ ли мы, что въ неизреченно радостный день всеобщаго воскресенія, яко таетъ воскъ отъ лица огня, такъ погибнуть грѣшницы отъ лица Божія, что *сотворши злая изыдутъ въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 29) *вѣчнаго* (Евр. 4, 2), и приметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла (2 Кор. 5, 10)? О печальное воскресеніе! О плачевная жизнь безконечная! Вѣруемъ, Господи, и молимся, да не постыдится вѣра наша, что *все еже дастъ Тебѣ Отець Твой, Ты не погубишь отъ него* (Іоан. 17, 12), *по идеже будешь Ты, тамъ и слуга Твой будетъ* (—12, 26), и что всѣ, на кого излѣешь ты отъ источника нетлѣнія въ послѣдній день, *животъ имутъ, и лишше имутъ!*

Прійдите, пиво ціємъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но петлѣнія источникъ изъ гроба одождивша Христа, *въ немже утверждаемъся.*

Если почему особенно мы вѣруемъ и дерзаемъ вѣрить въ милость Божию, такъ это потому, что въ Немъ, т. е. во Христѣ, утверждаемъся. Безъ него, безъ Его явленія на землѣ, ученія, чудотворенія, страданія, смерти и воскресенія, что такое человекъ здѣсь, и что такое жизнь его на землѣ? Начало безъ продолженія, конецъ прежде совершенія, призракъ, сонный образъ, мечта, ничто! *Порождени отъ стѣмене истлѣнна* (1 Петр. 1, 23) что такое люди одни, сами по себѣ? *Земля и пепель* (Быт. 18, 27. Сирах. 17, 31). *Малъ и печалень животъ ихъ. Стѣни переходъ житіе ихъ* (Прем. 2, 1. 5), *заве всяка плоть яко трава, и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный. Изше трава, и цвѣтъ ея отпаде* (Петр. 1, 24)! Безцѣльная и бесплодная—что такое жизнь ихъ? *Суета суетствій* (Еккл. 1, 1), *плоть и кровь* (1 Кор. 15, 50), *работа истлѣнія* (Рим. 8, 21), *нечистота и беззаконіе* (—6, 19), *буйство и безуміе, пошбель и тля* (2 Петр. 2, 12) Безъ Христа, безъ спасительнаго служенія Сына Божія роду нашему, намъ не на чемъ было бы стать твердо ни мыслию, ни сердцемъ, ни волею. У насъ

не было бы тогда ни отрады въ прошедшемъ, ни успокоенія въ настоящемъ, ни надежды въ будущемъ. Мы не знали бы, ни что жизнь, ни что мѣръ, ни что Богъ,— не могли бы ни рѣшиться на что, ни ввѣриться чему, ни взяться за что, ни отказаться отъ чего. Однимъ словомъ: человекъ былъ бы наиболѣе жалкое существо земли, а мы вѣрующе— *окалпивши всѣхъ человекъ* (1 Кор. 15, 19).

Не преувеличиваемъ ли мы? Не много ли сказали, придавши такое безмѣрное значеніе событію— безъ котораго обходилось человечество столько вѣковъ, и безъ котораго обходятся еще сотни милліоновъ людей, живущихъ при иныхъ понятіяхъ о Богѣ и человекѣ, отрицающихъ наше ученіе о паденіи, искупленіи, спасеніи человеческого рода? Съ другой стороны точно ли христіанство доставляетъ духу человеческому такую твердость, что ему болѣе не остается ни чего пожелать, успокоиваясь вполне и совершенно на догматахъ, на правилахъ, на постановленіяхъ и на обѣтованіяхъ Евангелія? Предметъ сей, христонименные братія, и былъ и есть и, можетъ быть, до конца вѣковъ пребудетъ на столько пререкаемымъ, на сколько умъ нашъ можетъ заноситься и воставать на разумъ Божій, а сердце—упорствовать въ своихъ прива-

занностяхъ къ тому, что разъ принято имъ по страсти ли, по привычкѣ ль, по выгодѣ или по ложно—истолкованному голосу совѣсти. Требуется собесѣдованіе нѣсколькихъ дней, что бы отвѣтить на немногословные вопросы сомнѣнія, выставленныя нами сейчасъ. Встрѣча съ ними да не смущаетъ впрочемъ насъ. Первое появленіе Господа Иисуса Христа во храмѣ вызвало слѣдующія пророческія слова о Немъ: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе мноимъ во Израили и въ знаменіе пререкаемо* (Лук. 11, 34). При послѣднемъ посѣщеніи храма, Онъ самъ говорилъ: *камень, его же небрегоша зиждущи, сей бысть во главу угла. Всякъ, падый на камени томъ, сокрушится, а на немъ же падетъ (камень), стрыетъ его* (—20, 18).. О, сколь уже пало, но сколько и востало людей, преткнувшись о камень сей, *отъ Господа бывый* (Пс. 27, 23)! Еще разъ: да не смущаемся этимъ! Что явилось въ нашемъ измѣнчивомъ образѣ, и что огласилось въ нашемъ извивчивомъ словѣ, того неизбѣжная доля—быть пререкаемымъ. И чѣмъ дивнее въ очельяхъ нашихъ (—) таинственнѣе и непостижимѣе являющееся, тѣмъ усильѣе нападаетъ на него разумъ. 18 вѣковъ онъ упражнялся въ этой тщетной и не посильной работѣ,

и всегда сокрушался о камень, *положенный въ Сионь* (Ис. 28, 16.—1 Петр. 11, 6.—Рим. 9, 33), камень претыканія и соблазна. Теперь ли ему ожидать успѣха отъ своей борьбы съ Чуднымъ (Быт. 32, 29)? О имени Господа Іисуса Христа надѣмся, что и въ жестокой брани вѣка нашего съ Евангелиемъ дѣло кончится тѣмъ же —сокрушеніемъ падающаго. Ибо тяжело намъ помыслить, что наконецъ самъ камень падетъ на человѣческой разумъ. Тогда онъ неизбежно *стрыетъ* лучшее, чѣмъ отличается и украшается родъ нашъ. — Допустимъ однако на минуту, что то, на чемъ мы утверждаемся, усиліями всѣхъ наукъ о землѣ и небѣ, *звѣзду* и не въ ряду *творящихъ* *краеугольный камень*, поколебалось, распалось, исчезло подъ ногами нашими. . . Что дадутъ намъ, вмѣсто него, разрушители вѣковѣчнаго зданія? На чемъ утвердятъ нашу мысль и нашу волю, и какую надеждою успокоятъ вѣчно тревожное предъ образомъ смерти сердце наше? Наука—истина, отвѣчаютъ намъ, и ей нѣтъ дѣла до такого или другаго состоянія или расположенія человѣка,—до его вѣры,—до его надежды,—до его души наконецъ. Въ такомъ случаѣ, есть ли человѣку до науки дѣло?—можно бы спросить. Напротивъ, тѣмъ—то и доро-

га, тѣмъ—то и желанна, тѣмъ—то и тверда въ свою очередь Св. Вѣра наша, что она даетъ намъ именно то, чего мы ищемъ, какъ основы и опоры себѣ среди, вѣчно колеблющаго насъ своими неразрѣшимыми загадками, міра. О, какъ нужна намъ сія опора, *не отъ чловѣка пріемлющая свидѣтельство* (Іоан. 5, 34), *отъ вышнихъ* посланная (— 8. 23) богооткровенная! Тамъ, гдѣ все разверзаетъ передъ смущеннымъ духомъ нашимъ одну ужасающую пропасть тлѣнія, разрушенія, исчезновенія гдѣ отовсюду грозятъ ему пустотою, случайностію (или, въ замѣнъ ея, слѣпою необходимостію, безцѣльностію и безличностію, гдѣ оставляють его одного среди неисходимаго мрака, въ страхѣ и въ смертномъ уныніи: на терзаніе сознаніемъ своего грядущаго уничтоженія, въ какомъ лучезарномъ сіяніи присно—радующаго свѣта, съ какимъ сладчайшимъ утѣшеніемъ не только не разрушимою, но и вѣчно блаженной, жизни является ему образъ Христа, поправшаго смертію смерть, плѣнившаго адъ, воскресшаго и съ собою вся воскресившаго! Гдѣ и что подобное можетъ отыскать и дать чловѣку весь міръ со всѣми открытіями и изобрѣтеніями смертной науки?

Въ немъ—и ни въ комъ другомъ—утверждаемъ

ся мы, бѣдныя и жалкіе земнородныя, отъ персти созданныя и въ персть обращаемыя «Бога повелѣніемъ!» Но легко понять, что не въ семь одномъ утверждаетъ насъ своимъ воскресеніемъ Христосъ Богъ. Это—самое крайнее только и самое великое, чѣмъ напоеваетъ насъ *питіе новое, не отъ камене неплотна чудодѣемое*. Но его достанетъ и на всѣ мелкія обстоятельства жизни. Оно пригодно ко всему. На всякій зовъ души несомнѣнно отзовется христіанину богопріемный и живоносный гробъ Господень, утверждая въ немъ все, что ослаблено болѣзнію, грѣхомъ, заблужденіемъ, невниманіемъ невѣденіемъ. *Да одождится его источникъ нетлѣный* и на нашъ гробъ въ день общаго воскресенія! *И да утвердится тогда воскресающее сердце наше въ Господь во вѣки!* Аминь.

СЛОВО

ВО ВТОРНИКЪ ПАСХИ.

*Придите, новаго винограда рожденія,—
божественнаго веселія,— царствія Хри-
стова приобщимся, поюще Его яко Бо-
га во овъки. Пѣсн. 8 Кан. Пасхи.*

*Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь возлюблен-
наго моего винограду моему! Виноградъ бысть
Возлюбленному въ розѣ на мѣсть тучнѣ (Ис. 5,
1), виноградъ добрый (— 27. 2), виноградъ благо-
лозень (Ос. 10, 1), яко цвѣтъ шипчанъ, на водѣ
насажденъ. Плодъ его и отрасль его бысть отъ
воды многи. И бысть ему жезлъ крѣпости надъ
племенемъ старѣйшимъ, и вознесся въ величїи
своемъ средь лозїа: и видѣ величество свое во
множествѣ лозїа своего. И.. обломися въ ярости
(Иезек. 19, 12). Злополучный Виноградъ!*

И огражденіемъ оградихъ его, и окопахъ, и насадихъ лозу избранну, и создахъ столпъ посредь его, и предпочиліе ископахъ въ немъ, и ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе (Ис. 5. 2). **Злополучный Виноградъ!**

Божественное насажденіе досталось въ руки злыхъ дѣлателей. Троекратно Господинъ винограда посылалъ рабовъ своихъ, да отъ плода винограда дадутъ ему, но злые дѣлатели каждаго посланнаго, бывше, отсылали тща. Наконецъ послалъ Онъ Сына своего возлюбленнаго, думая: еда како, Его видѣше, усрамятся. Тогда-то бѣдственный виноградъ сотворилъ то послѣднее свое терніе, за которое Господинъ его погубилъ дѣлатели, и вдаль виноградъ инымъ (Лук. 20, 9—16)!

Таинственный виноградъ сей былъ — Церковь Божія Ветхозавѣтная, предуготовительная, прообразовательная, — народъ избранный, **Иудеи**. Отъиму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе: и разорю стѣну его и будетъ въ попраніе (Ис. 5, 5).. и ктому не обрѣжется, ниже окопается и взыдетъ на немъ, якоже на лядинь, терніе: и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя (—).. И заустѣлъ ветхій виноградникъ. **Вмѣсто него проповѣдію Христовою** былъ насаж-

день, древомъ Крестнымъ осѣненъ, кровію Новаго завета напоенъ, воскресеніемъ Господа возвращенъ и новымъ ношеніемъ Духа Божія оплодотворенъ новый Виноградъ, новый Іерусалимъ, новый Израиль, Церковь Бога жива, языкъ святъ, родъ царей и Іереевъ. — Христіане, — мы.

Востани, востани Іерусалиме, и облецыся въ крѣпость мышцы твоя! Востани, яко въ началѣ дне, яко родъ вѣка! Не ты ли еси побѣдилъ гордаго, и расторгнулъ змѣя (Ис. 51, 9)?

Востани, востани Сіоне! Облецыся въ крѣпость твою Сіоне! Отряси прахъ, и востани Сіоне! Возцарися Богъ твой (Ис. 52, 1. 2—7)!

Свѣтися, свѣтися новыи Іерусалиме; прииде бо твоя свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія! Ликуй нынѣ и веселися Сіоне; не зайдетъ бо солнце тебѣ, и луна не оскудѣетъ тебѣ; будетъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный. И людіе твои, вси праведнии, во вѣкъ наслѣдятъ землю, храняще садъ — дѣла рукъ Его — въ славу (Ис. 60, 1. 20. 21).

Доме Іаковль! Приидите, пойдемъ свѣтомъ Господнимъ (Ис. 2. 5)! Приидите, възыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля (— 3)! «Приидите, новаго винограда рожденія, — Божественна!

го веселія, — царствія Христова приобщимся, поюще Его, яко Бога, во вѣки!»

Въ «нарочитый день воскресенія» какъ не пожелать Христіанину и нарочитой какой-нибудь радости отъ Христа? Простое, дѣтски - искреннее и дѣтски - преданное чувство съ праздникомъ соединяетъ обыкновенно время необычныхъ радостей, удвоенной ласки, усиленнаго вниманія, награды, различныхъ даровъ и всякаго рода утѣшеній. Св. Церковь не забываетъ, что у нея есть дѣти, и приглашаетъ всѣхъ раздѣлить даръ Іисуса Христа, который, уже по сему самому, вполне стоитъ нашей радости празднику праздниковъ. *Приидите, царствія Христова приобщимся*, говоритъ она, и мы радостно слѣдуемъ ея призыву, дѣтски вѣруемъ, что намъ даровано благодатію Спасителя наше царство, и не дерзаемъ этого отрицать. Божественное веселіе до того упоеваетъ душу, что никакое величіе не кажется ей несообразнымъ.

Вчера, братія, мы простерли и мысли и сердца на встрѣчу радостной вѣсти о избавленіи отъ смерти. Въмѣсто того узнали, что *попраніе смерти* не означаетъ ковечнаго устраненія явленій смерти. Пришедшій не разорить, но исполнить законъ, не отмѣнить древняго опре-

дѣленія: *смертію умрете* (Быт. 2. 17), хотя показалъ всѣмъ до очевидности, что за смертію слѣдуетъ новая вѣчная жизнь. Легко подумать намъ, что и другое приглашеніе пѣснословствующей Церкви *приобщиться Царствія Христова*, также имѣетъ въ виду не прямо царство, а нѣчто другое, можетъ быть похожее на него, а можетъ быть и различное отъ него. Что это такъ должно быть, не трудно увѣриться въ томъ, припомнивъ разительный оный отвѣтъ Господа нашего на слова Пилата: *убо Царь ли еси ты* (Іоан. 18, 37)? Кому онъ неизвѣстенъ? И кому не внушалъ мыслей, совершенно новыхъ о царствѣ и царствованіи? И такъ, что такое то *царство Христово*, возсіявшее, вмѣстѣ съ свѣтомъ воскресенія, изъ гроба Христова, къ общенію котораго мы приглашаемся?

1. *Завѣщаваю вамъ, якоже завѣща мнѣ Отецъ мой, Царство, да ясте и пиете на трапезь Моей* (Лук. 20, 29—30). Вотъ что изрекъ Господь Апостоламъ послѣ того, какъ наплатилъ ихъ отъ трапезы Своего пречистаго Тѣла и Своея честныя Крови. Подъ изображеніемъ почести, счастья и довольства, какія можетъ ощущать удостоенный царской трапезы, Господь хотѣлъ при семъ случаѣ

показать имъ славу, и вседовольство грядущаго царствія Своего, котораго участниками хотѣлъ ихъ сдѣлать; какъ и въ другихъ случаяхъ царство Божіе изображаетъ подъ симъ же образомъ царской вечери или трапезы. Трапеза въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ просіяло Евангеліе и возникло христіанство, по преимуществу устроилась вечеромъ, и притомъ, если была возможность, въ верхней, господствующей части дома, и обставлялась всѣмъ, что было наиболѣе пріятнаго и успокоивающаго. Чась вечера былъ единственный, въ который труженикъ цѣлаго дня могъ дохнуть отрадою довольства и счастья. Посему-то Господь и избралъ вечерю, какъ земное подобіе наслажденія вѣчными благами, которыя будутъ даны подвижающимся *внѣти въ царствіе Божіе*. Но гдѣ же сія трапеза царствія?

а) Какъ царство Божіе, которое есть Церковь Христова, отчасти пребываетъ на землѣ и будетъ пребывать до скончанія вѣка: такъ и трапеза царствія отчасти есть видимая.—Это божественная трапеза причащенія. И кто изъ насъ не знаетъ эту трапезу Господню? Это-та самая *Тайная Вечеря*, которая хотя предложена была прежде спасительной смерти Господа, но не могла быть безъ воскресенія Господа, безъ Его прославленія, безъ

открывающагося царствія Христова, это—божественная *Литургія*. Преславная и прерадостная Трапеза Царская! Какъ восхвалить ее по достоинству? Преизбыточественно наполнена она всѣмъ, чего можетъ пожелать *алчущая и жаждущая правды* (Мат. 5, 6) душа человѣческая. Къ сей трапезѣ Царя царствующихъ стремись всякій, кому дорого царство и тягостно рабство! Здѣсь ты найдешь все, что есть лучшаго, желаннѣйшаго, совершеннѣйшаго на землѣ, найдешь *Царя Великаго* (Пс. 67, 1)—услышишь глаголь Его тихій (Мат. 12, 19) и *властный* (Лук. 4, 32), *живый и дѣйственный* (Евр. 4, 12), отеческій, дружескій, — войдешь въ соучастіе съ Нимъ, будешь *едино духомъ съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17),—членъ *тѣла Его, отъ плоти Его, и отъ костей Его* (Еф. 5, 30),—отложишь *ветхаго* и облечешься въ *новаго чловѣка* (— 4, 22—24),—освободишься (Іоан. 8, 36) отъ *на работы* (Гал. 5, 1), — не почувствуешь тѣсноты закона (Рим. 7, 6) и тяготы долга (Мат. 11, 30) и страха власти (Рим. 3, 3), и—по истинѣ сдѣлаешься участникомъ царствія. Все на сей священнѣйшей трапезѣ устроено такъ, что однимъ восполняется другое, такъ, чтобы вкушающій ее не лишенъ былъ ни одного истиннаго блага. Свѣтъ

слова Божія освѣщаетъ и просвѣщаетъ его тамъ; совершаемое таинство исполняетъ его глубочайшимъ благоговѣніемъ и вмѣстѣ радованіемъ о высокомъ достоинствѣ, молитва грѣетъ, движетъ и одушевляетъ, Богохваленіе восторгаетъ духъ, благолѣніе храма, утвари и всего богослуженія веселитъ и восхищаетъ, совокупное предстояніе множества вѣрующихъ умиляетъ и вноситъ въ сердце любовь ко всему человѣчеству, вышемірный характеръ богослуженія разрѣшаетъ узы его многостороннихъ и многотревожныхъ привязанностей земныхъ,—дѣлаетъ его невозмутимо-спокойнымъ и превознесеннымъ надъ суетою и печалію житейскою.

Здѣсь, вступая въ единобытный союзъ съ Творцемъ вселенныя, становишься и самъ какъ бы превыше вселенной, входишь въ недомыслимую область присносущной жизни, дѣлаешься причастнымъ Царству всеблаженному, Владычеству всевысочайшему! Приходи, приступай, христоробецъ, къ сей божественной Трапезѣ какъ можно чаще, не отказывайся отъ царской Вечери ни для какой другой радости жизни! А когда Господь сподобляетъ тебя своей трапезы, умѣй вести себя какъ должно. Памятуй, что одному общнику цар-

ской трапезы, пришедшему на брачное торжество безъ одежды брачной, указана была, въ примѣръ прочимъ, вмѣсто свѣтлой вечера, *тма кромѣнная!*

б) *Не имамъ пити отъ плода сего лознаго до дне, егда е пю съ вами ново въ царствіи Отца Моего* (Мат. 24, 26), такъ говорилъ Господь въ оный же священный вечеръ. И такъ, есть еще другая трапеза Христова новая—за предѣлами сей жизни,—въ царствіи Отца Небеснаго. Сія-то божественная, небесная трапеза и есть по преимуществу трапеза царствія Христова, искони для насъ уготованная,—Его трапеза нескончаемая, — неизреченно-радостная и сладостная въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Божія, просвѣщающій, *яко солнце*, блаженныхъ собесѣдниковъ. При ней не будетъ ничего смущающаго мысль, — ничего томящаго сердце. То будетъ трапеза вѣчнаго, невозмутимаго веселія и вѣчнаго покоя, и вѣчнаго довольства, и вѣчнаго торжества! Тамъ, какъ сказалъ Господь, *вино ново* (Мат. 26, 26) испіетъ Онъ со всѣми С в о и м и Ему и вѣчное *Аллилуіа* (—) будетъ оглашать собою тѣ *обители многи* безпредѣльнаго дома Отца небеснаго, въ которыя введетъ Свои

ихъ сонаслѣдниковъ Сынъ. Не одно вино и не одно брашно будутъ новы на трапезѣ той, но будутъ и небо ново, и земля нова (Ис. 66, 22).

Первое небо и земля первая пройдутъ. Градъ святыи Иерусалимъ новъ спидеть отъ Бога съ небесе, приготавливанъ, яко невѣста, украшена мужу своему. Скиния Божія вселится съ чловѣки, и самъ Богъ будетъ съ ними, Богъ ихъ. И отыметъ Богъ всяку слезу отъ очю ихъ, и смерти не будетъ ктому: ни плача, ни вопля, ни бользни не будетъ ктому: И всяка анавема не будетъ ктому: и престолъ Божій и Агнецъ будетъ въ немъ: и раби Его послужатъ Ему, и узрятъ лице Его и имя Его на чельхъ ихъ. И ноци не будетъ тамо, и не потребуютъ свѣта отъ свѣтильника, ни свѣта солнечнаго, яко Господь Богъ просвѣщаетъ, и воцарятъ ся во вѣки вѣковъ (Апок. 21 и 22). Такова небесная трапеза Христова!

Но почему же это обновленное состояніе чловѣка и твари именуется царствомъ? Не потому ли, что по нашимъ, не въ мѣру ограниченнымъ понятіямъ, самое высокое состояніе чловѣка на землѣ, есть состояніе царское, и что, не находя, чему бы уподобить славу и радость будущаго бытія, воображаемъ и того также царствованіемъ,

Но не мы назвали его царствомъ. Въ семь
и состоитъ его неоспоримое глубокое значе-
ніе и вмѣстѣ наше великое утѣшеніе. Надобно ду-
мать, что потому на землѣ есть царское досто-
инство, и потому оно есть высшее, что есть въ зем-
ли, въ общемъ составѣ и порядкѣ тварнаго бы-
тія, царство, не подходящее подъ мѣру мысли
нашей, но несомнѣнно существующее и во всемъ
себя отражающее, — царство, въ которомъ законъ
жизни есть вмѣстѣ и законъ дѣйствія, гдѣ долгъ
есть вмѣстѣ и свобода, и гдѣ бытіе есть вмѣстѣ
и счастіе. Земныя царства должны быть пред-
ставляемы только малѣйшимъ подобіемъ онаго
великаго царства Божія. Если подобіе не до-
ходитъ до сходства, а тѣмъ менѣе — тожества,
этому не надобно дивиться. Грѣхъ сдѣлалъ лю-
дей рабами, невольниками злыхъ влеченій зла-
го сердца. Чтобы возвратить человѣку утра-
ченную свободу, земное царство, въ несходство
съ небеснымъ, должно дѣйствовать принудительно,
связывать своихъ членовъ положительнымъ зако-
номъ, налагать долгъ, устанавливать права, держать по-
рядокъ, вводить судъ, утверждать власть, требовать
и дарствовать, направлять и останавливать, од-
нимъ словомъ: всѣхъ вести къ истинно-свобод-

ному, царственному жительству, въ подобіе царства небеснаго. Оттого въ человѣческомъ царствѣ неизбежны подчиненіе многихъ и начальство единого. Но въ обществѣ учениковъ Христовыхъ, семь предначинательномъ царствѣ Божіемъ, и подчиненіе и начальствованіе уравниваются, на всѣхъ равнолежащимъ, *благимъ игомъ* Христовымъ, подъ которымъ начальствующій мыслить: *придохъ не да послужатъ ми, но да послужу* (Марк. 10, 45), а подчиненный, *свободенъ сый отъ всѣхъ*, свободно самъ себе *вспльмъ порабощаетъ* (1 Кор. 9, 19).— Въ полномъ же откровеніи для насъ царства Божія, или въ царствѣ Небесномъ, не будетъ и сего различія свободы отъ работы, а будетъ одно всеобщее царствованіе, всесвободное и вседовольное и всеблаженное, не столько дѣйствованіе, сколько покой, не трудъ мысли, и не подвигъ воли, а наслажденіе сердца, — упоевающая трапеза общенія Всеблаженнаго Бога, полная и преисполненная благъ, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и яже на сердце чловѣку не въздоша* (1 Кор. 11, 9).

О Пасха велія и священнѣйшая Христе! Подавай намъ истѣ Тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего!

2) *Завѣщаваю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство.. да сядете на престолѣхъ, судяще обоманадесяте колѣнома Израилевома* (Лук. 22, 29—30). Вотъ второй отвѣтъ Господа на вопросъ нашъ о Его царствіи. Ясти и пити на трапезѣ царской значить пользоваться благами царственного званія, но не значить еще пользоваться его правами и преимуществами. Господь, завѣщая намъ свое царство, возводитъ насъ и на сію безмѣрную высоту: *и сядете на престолѣхъ, судяще обоманадесяте колѣномъ Израилевымъ*, говоритъ Онъ. И слишкомъ высоко и слишкомъ чудно новое обѣтованіе! Зачѣмъ намъ судить Израиля, у котораго есть Судія, Истинный и Праведный, Которому данъ *весь судъ* (Іоан. 5, 22)? И какъ намъ судить Израиля? И въ чемъ намъ судить его? И какое наше отношеніе къ нему? Не къ однимъ ли Апостоламъ надобно, потому, относить слова царственного завѣщанія? Нѣтъ, братія, нѣтъ! Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ Апостолами разумѣется и вся Церковь Христова. Ибо если бы слова Христовы относились къ Апостоламъ лично, то слѣдовало бы, что и Іуда предатель сядетъ на престолѣ, и будетъ судить одному изъ колѣнъ Израилевыхъ.. И что дивнаго, что церковь святыхъ будетъ судить Израиля? Свя-

тые судять его уже и теперь своею вѣрою и своею жизнію! И что страннаго, что святые будутъ судить Израиля? Израиль не есть только народъ Израильскій; Израиль есть совокупность всѣхъ людей богоотступныхъ.

Братія! Если бы сынъ царствія не забывалъ того, что онъ призванъ къ участию въ славѣ царствованія и торжеству суда Христова надъ міромъ, тогда онъ приложилъ бы всѣ усилія ума и сердца, чтобы не погасить въ себѣ Духа (1 Сол. 5, 19), и вмѣстѣ съ тѣмъ не свергнуть себя съ престола славы въ бездну вѣчнаго стыденія. Увы! *Наслѣдникъ Божій* и *сонаслѣдникъ Христовъ* (Рим. 8, 17) весьма часто вовсе не знаетъ о томъ, что, въ слѣдъ за своимъ Господемъ, и онъ *на судъ приходитъ въ міръ сей* (Іоан. 9, 39). Въ нашъ вѣкъ не рѣдко слышимъ проповѣдующихъ какъ бы въ согласіе, въ самомъ же дѣлѣ въ укореніе, Евангелію, что не слѣдуетъ судить никому и никого, — что вступать въ пренія вѣроисповѣдныя неприлично, невѣжливо или и просто невѣжественно, что вѣра есть дѣло совѣсти, и что только Богъ одинъ можетъ разсудить, гдѣ правда и гдѣ неправда, что разница между Израилемъ и не Израилемъ не существенна, и что

изслѣдованіе о ней не входитъ естественно въ кругъ жизни, и пр. и пр.. Требуется, повидимому, чтобы Христіане не только не занимались изслѣдованіемъ праваго и неправаго, законнаго и незаконнаго, спасительнаго и погибельнаго, но и не имѣли повода придти къ заключенію о необходимости такого изслѣдованія. Знаемъ мы слово Господа нашего: *не судите, да не судимы будете* (Мат. 7, 1). Знаемъ и слово Ученика Его: *ты-кто еси, судяи чуждему рабу* (Рим. 14, 4)? Но для того, чтобы не быть судимымъ, слѣдуетъ ли отказывать себѣ въ правѣ знать, кто и за что насъ судить можетъ? Но чтобы знать, гдѣ и кто оный чужой рабъ, работающій чужому господину, надобно же обсудить, что есть мое, и что чужое и т. д.. Св. Вѣра наша потому и принимается, потому и исповѣдывается нами, что она есть истина, а всякая истина есть необходимое отрицаніе лжи, для котораго требуется судъ мысли и судъ совѣсти. Христіанину ли, исповѣднику божественной истины, отрицать свое право суда надъ всѣмъ, что могутъ выдавать за истинную вѣру? Нѣтъ, къ суду надъ міромъ онъ влечется уже тѣмъ однимъ, что онъ въ мірѣ, а званіе его не отъ міра. Судить Израйля (кто

бы онъ ни былъ) онъ не только имѣетъ право и преимущество, но и неотмѣнный долгъ, иначе онъ будетъ предателемъ своего царя и Господа, противникомъ Христову дѣлу. *Куплю ольте*, говоритъ онъ намъ (Лук. 19, 13). Подобно рабу лукавому и лѣнивому, легко зарыть свое множество талантовъ въ землю, и облѣниться и заснуть и обезсмыслиться. Но это, конечно, уже не царство, и даже не рабство, а скотоподобіе.

Здѣшній судъ святыхъ членовъ церкви Христовой надъ Израилемъ, косвенный и начинательный, сдѣлается прямымъ и рѣшительнымъ, когда Сынъ Человѣческій придетъ на землю «со славою судити живымъ и мертвымъ». Тогда послѣдовавшіе ему *въ пакибытіе сядутъ на престольхъ* (Мат. 19. 28) вмѣстѣ съ Нимъ. Вся истинная, святая Церковь соберется въ одинъ царствующій ликъ, и будетъ судить всякому царству неправды и беззаконія. Гдѣ взять словъ для описанія сего непостижимаго и невообразимаго суда? Какъ, съ кого и съ чего онъ начнется, и гдѣ и чѣмъ окончится? На все это не можетъ быть дано теперь никакого отвѣта. *Сядете на престольхъ, судяще обоимнадесяте кольномъ Израилевымъ..* только сказано! Но

это, конечно, не—все. Не долго произнести судъ надъ колѣнами, которыхъ жизнь извѣстна всякому христіанину, и еще извѣстнѣе будетъ тогда, когда Судія всѣхъ *приведетъ во свѣтъ тайная тмы, и объявитъ предъ всѣми нами все совѣты сердечныя* (1 Кор. 4:5) подсудимыхъ. Думать можно, что это будетъ только началомъ царствованія святыхъ и суда, которое перейдетъ потомъ въ вѣчное созерцаніе судовъ, мздовоздаянія, и путей божественнаго міроуправленія, въ нескончаемое уразумѣваніе неизслѣдимыхъ судебъ Божіихъ въ твореніи и промышленіи, въ непрестанную судительную мысль о Богѣ, всехвалебную и преблаженную.. О царство неслезанное! О судительство несравненное! О радость, о слава, о честь невообразимая! Какъ бы хотѣлось и на этотъ разъ сказать вмѣстѣ съ Пѣснопѣвцемъ: *пріидите, новаго винограда рожденія божественнаго веселія, царствія Христова приобщимся!* Но еще рано, еще не время приглашать къ сему. Еще не настало для насъ оное царствіе. Еще плоть и кровь гнетутъ духъ нашъ тяжестию земнаго бытія. Еще вмѣсто престоловъ многіе други Христовы сидятъ на гноищахъ... И много лѣтъ и вѣковъ пройдетъ еще можетъ быть, прежде чѣмъ настанетъ тотъ

великій день, послѣдній день, въ который поставятся, гдѣ-то, въ неугадаемомъ мѣстѣ, престолы, раскроются не нашею рукою писанныя книги, воззвучитъ труба, воскреснутъ мертвыи, и всѣ жившіе когда либо явятся предъ судищемъ Христовымъ. Отъ четырехъ вѣтрѣ, отъ конца земли до конца неба соберутся избранные (Марк. 13, 27) и услышатъ гласъ Господа: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мат. 25, 34). Не воскресеніе суда (Іоан. 5, 29) ожидаетъ ихъ, ибо на судъ не приидутъ, но отъ самой смерти перейдутъ въ животъ (— — 24). Приидутъ съ тѣмъ, чтобы судить, кого будетъ судить Христось, сядутъ на престолѣхъ, будутъ судить мірови (1 Кор. 6. 2), самихъ Ангеловъ согрѣвшихъ судити имутъ (1 Кор. 6. 2. 3). Такова почеть, ожидающая избранныхъ въ царствіи небесномъ.

Братія мои! Въ виду толикой высоты, толикой славы, толико безмѣрнаго преимущества, можно ли найти достаточно оправдательное слово нашей охотѣ, скажемъ болѣе, нашей страсти, судить и рядить обо всемъ и повсюду, гдѣ только мы являемся званые и незваные, къ мѣсту и не у мѣста? Упомянутое уже нами стремленіе, современнѣ

наго намъ, вѣка отклонять всякій судъ о вѣрѣ и богословской истинѣ, осталось бы нами не понятымъ, если бы мы не знали, что вмѣсто одного суда, законнаго, оно проповѣдуетъ другой судъ, судъ дѣлъ человѣческихъ, уже въ самой основѣ своей противный духу Евангелія, но еще болѣе несогласный съ нимъ тѣмъ, что, по мысли вѣка, онъ долженъ быть судомъ всѣхъ и надъ всѣмъ. Въ семъ случаѣ дѣйствительно вполнѣ, и вполнѣ законно, приложимы слова Писанія: *не судите, да не судими будете* (Мат. 6, 1).. *Ты кто еси, осуждаяи друга* (Іак. 6, 12)? *Ты кто еси, судяи чуждему рабу?* и пр. Но намъ ли спорить съ вѣкомъ? Онъ и Божественному Писанію готовъ сказать: «сужду, да судимъ буду; ибо изъ взаимныхъ осужденій истекаетъ истина мысли и правда жизни».. Увы! Если уже сознается необходимость повсюдной обиды для прекращенія обиды, то чѣмъ же хвалится, кичащійся предъ Евангеліемъ, вѣкъ? И гдѣ же свидѣтельство того, что современная общественная жизнь стоитъ выше тѣхъ понятій, до которыхъ можетъ довести ее ученіе Христа Спасителя? И звѣри не тѣмъ ли отстаиваютъ свой горькій порядокъ жизни, что постоянно высказываютъ готовность пожрать другъ

друга? Нѣтъ, не по превосходству надъ Евангеліемъ, а по страху предъ Евангеліемъ, лукавый духъ времени движеть насъ ко всеобщему и всенародному суду всѣхъ и обо всемъ, считая это однимъ изъ главныхъ, царственныхъ правъ челоуѣка, за которое готовъ бываетъ потрясти всю землю. Теперь дѣйствительно уместно сказать: не слѣдуетъ судить никому и никого, ибо всякій судъ нынѣшній есть *судъ прежде времени* (1 Кор. 4. 5), ибо еще не наступило время *обличенія всѣхъ совѣтовъ сердечныхъ* (— — —), *ибо безотвѣтенъ еси, о челоуѣче, всякъ судій: имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши* (Рим. 2. 1), ибо, наконецъ, *сіе паче судить* заповѣдано христіанину, *еже не полагати претыканія брату или соблазна* (— — — 26, 13). Искать же всѣмъ быть судіями всѣхъ или, играя истинною Христіанскою, хотѣть надъ всѣмъ царствовать если не дѣломъ, то словомъ, также неразумно, какъ неразумно всѣмъ воображать себя умершими, воскресшими и уже спосажденными *въ небесныхъ о Христь* (Еф. 2, 6). Однако что же? Не слышится ли издали долетающій до насъ, яростный вопль ожесточенія цѣлаго народа, ратующаго огнемъ и мечемъ за безсудное право пререкаемаго суда онаго? Не видимъ ли мы незваныхъ

судей, посмѣвательно сядящихся на престолѣхъ, не для нихъ уготованныхъ, и истребляющихъ самую память законнаго, верховнаго судилища? (*). Отведемъ взоръ отъ того, на что налагаетъ, по видимому, тяжелый гнетъ суда Божественнаго, отмщающаго царству за уничиженіе достоинства царскаго, и обратимся лицомъ къ любезному отечеству. Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме! Слава бо Господня на тебѣ возсія. Не ты ли еси побѣдилъ гордаго, и расторгнулъ змию (Ис. 51, 9)? Отряси прахъ, и востани Сіоне, облечыся въ крѣпость твою (Ис. 52, 1, 2)! Сѣтма покроитъ землю, и мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь, и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ, и языцы свѣтлостію твоею (Ис. 50. 2. 3)! Аминь.

(*) Писано въ 1848 г.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ ПАСХИ.

Радуйся Маріе, Госпоже всѣхъ насъ!

Акаѳ. Богородицы. Пѣсьмъ 9-я.

Среди свѣтлыхъ дней празднованія Г о с п о д у,
Побѣдителю ада и смерти, утѣшительно встрѣтить
праздникъ Г о с п о ж ѣ, побѣдившей естества уста-
вы и въ своемъ преславномъ рожденіи и въ сво-
емъ всечестномъ успеніи, а всего болѣе—славнѣе
и честиѣе въ неискусобрачномъ, нетлѣнномъ и
неизреченномъ таинствѣ зачатія и рожденія Сы-
на Божія. Между множествомъ названій, коими
издревле ублажается въ христіанскомъ мірѣ при-
сноблаженная и преблагословенная Матерь Божія,

одно изъ употребительнѣйшихъ есть слово: *Госпожа*. Въ Христовой Церкви, въ самомъ началѣ ея, извѣстна уже была тайна прославленнаго воскресеніемъ Христовымъ челоуѣчества, тайна царствованія съ Богомъ во славу, могущество и силу всѣхъ истинныхъ причастниковъ заслугъ Христовыхъ, истинныхъ чадъ Божіихъ, во владѣ Господу, своему *Начатку* (1 Кор. 15, 20), также попирающихъ смертію смерть, и *отъ работы* конечнаго, смертнаго *нетлѣнія* (Рим. 8, 21), переходящихъ къ вѣчному господству къ новой нетлѣнной жизни. Первымъ лицомъ въ семь лицъ господствующихъ съ Христомъ издревле признавалась, въ обществѣ вѣрующихъ, Его пречистая Матерь, Госпожа, Царица и Владычица, надежда, предстательство, прибѣжище, покровъ и спасеніе рода Христіанскаго. Но первое лице Царства Божія своимъ первенствомъ говоритъ намъ о другихъ лицахъ его, другія о третьихъ и т. д. и наконецъ всѣ вмѣстѣ о послѣднихъ. Сирѣчь послѣдніе, братія, — мы. Но и послѣдніе призваны быть подобными первымъ, — господами. Господами, да не такими, какихъ знаетъ и чтить міръ. Въ царствѣ Христовомъ послѣдніе нерѣдко бывають первыми, а первые послѣдними,

буи и немощныи и худородныи избираются да посрамятъ премудрыхъ и крѣпкихъ и благородныхъ (1 Кор. 1, 27), рабъ занимаетъ мѣсто господина, ии господинъ служитъ слугѣ. Христіанство много предметовъ, считавшихся важными и желаемыми въ человѣческой жизни, показало пустыми и не стоящими заботы. Такимъ образомъ и господство, подъ разными именами и въ много-различныхъ видахъ столько всѣмъ извѣстное и столько любезное человѣческому чувству, при свѣтѣ Христовой Вѣры, должно утратить свой искусственный блескъ, показать себя несостоятельнымъ и уступить мѣсто другому господству, единственно приличному людямъ обновленія, — господству духа надъ плотію, омишенія надъ довольствомъ, самопожертвованія надъ преобладаніемъ. Христіанинъ! Если ты ученикъ Господа, и чтитель Госпожи, то тебѣ неизбежно идти путемъ, который ведетъ къ сему тройкому господству.

— *ун* 1. *Благословлена Ты въ женахъ!* Благословлена Ты и во всѣхъ людяхъ, — во всемъ родѣ человѣческомъ, отъ всѣхъ родовъ избранная, Госпоже и Владычице! *Благословенъ плодъ чрева Твоего* (Лук. 1, 42.)! *Блаженно чрево, носившее Того, кто говорилъ о себѣ: Азъ отъ вышнихъ есмь* (Іоан. 8. 23): вы

по плоти судите, Азъ не сужду никомуже. Глаголы, яже Азъ глаголю, духъ суть и животъ суть. Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже (—б. 63.). Подобно божественному Сыну, и Она, преблагословенная мать Его, была отъ вышнихъ,—пребывая на землѣ, была небомъ и храмомъ Божества, живя во плоти, водилась Духомъ. Изъ дѣтства находясь при храмѣ, Она рано привыкла не принадлежать многопечительному міру съ его тлещею суетою, среди молитвословій и жертвоприношеній прообразовательной скинии Божества, приготавлилась Сама быть одушевленнымъ Божиимъ кивотомъ, и ежечасно упражняясь въ подвигъ благочестія, научилась быть побѣдительницею своего естества, Госпожею и Царицею. И Ея царство также не было отъ міра сего. Пока жила на землѣ, оно несходно пребывало внутри Ея, оттого Она и глаголовъ, слышанныхъ Ею въ Назаретѣ, Вилеемѣ и Іерусалимѣ, не отдавала на жертву лести вой и пересудливой молвѣ, но слагала ихъ внутри своего потаеннаго царства—въ сердце. Но и въ сію таинницу духа еще могъ проникать голосъ ничтоже пользующей плоти самолюбивымъ убаженіемъ и превозношеніемъ. Мы знаемъ, что для Ея высокаго самовладычества духовнаго не досту-

пень былъ и сей оживый, раболѣпный голосъ. Духъ, отъ Ея оживлявшій, умерщвлялъ въ Ней все земное. Такъ протекла вся жизнь Ея. Последнее время пребыванія Ея на землѣ посвящено было Ею, согласно съ христіанскимъ преданіемъ, одной уже молитвѣ. Она жила сладчайшею надеждою близкаго отшествія къ Сыну, и почила наконецъ Госпожею естества видимаго и невидимаго. Но то, что земная жизнь Богоматери содержала только въ зачаткахъ и въ сокровенности, раскрылось во всей полнотѣ по Ея успеніи. Ревнуя на землѣ о небѣ, Она ревностно занялась земнымъ міромъ на небѣ. Получивши власть и силу «Госпожи всей твари», Преблагословенная Владычица взяла на себя дѣло помощницы и споручницы грѣшниковъ во спасеніе. И къ чему сама болѣе всего стремилась во время земной жизни, къ тому стала влечь и располагать и направлять жительствовающихъ на землѣ, — къ стяжанію господства духа надъ плотію.

Господство духа надъ плотію.. Странная для положительнаго вѣка слова! Во 1-хъ, что такое: *духъ* и *плоть*? по его мнѣнію это о т в л е ч е н н ы я понятія, не близкія уму, не нужныя сердцу, безплодные въ наукѣ и безполезныя въ жизни.. Во 2-хъ, для чего противопоставленія одного другому? Зачѣмъ

борьба, вражда, насиліе? Должны быть равновѣсіе, равенство, равноправность, миръ и любовь между всѣмъ, что соудчтано въ единство жизни: таковы извѣты вѣка, заповѣдающаго, что за нимъ слѣдуетъ вѣчность! Языческая мудрость, блуждавшая въ сумракѣ гаданій, долго и усильно старалась, понять, что такое человекъ, но, влекомая при этомъ всегда къ землѣ, не могла выразумѣть тайны существа человеческого, созданнаго въ образѣ Божій, но обезображившагося до подобія бессловесной твари. Для сего надобно было имѣть отвлеченный отъ земли взоръ. Господь нашъ, не сый отъ земли (Іоан. 3. 031.), сказалъ, что человекъ есть *духъ* и *плоть* (Іоан. 3. 6.). Что такое *плоть* мы это еще болѣе или менѣе понимаемъ, имѣя безпрестанное и неотступное свидѣтельство о ней въ своемъ тѣлѣ, но что такое *духъ*, этого почти вовсе не знаемъ. Не знаемъ — потому, что не думаемъ о *духѣ*, а не думаемъ потому, что не сознаемъ на то добности въ томъ, предавшись плоти и ея *угодіямъ*, возлюбивши легкое и привычное рабство паче труднаго и многозаботнаго господства надъ собою. Но, о, если бы человекъ болѣе занимался тѣмъ, что вѣкъ уничижаетъ, какъ непригодное къ жизни «отвлеченіе»! Онъ не только узналъ бы тогда

жизнь свою съ лучшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ, но научился бы понимать весь міръ Божій, прозрѣлъ бы въ немъ другой, таящійся отъ чувствъ, *міръ духовный*, позналъ бы самого Бога ближайшимъ уму и сердцу образомъ, не говоримъ уже, что чрезъ это онъ достойно приготовилъ бы себя къ тому чудному и грозному перелому жизни, когда настанетъ время отвлечься ему не только отъ земли, но и отъ собственной плоти, и остаться однимъ духомъ. Теперешнее дѣйствительное окажется нѣкогда предъ изумленнымъ взоромъ нашимъ призрачнымъ, мнимымъ, положительное—не сущимъ, а духовное, встрѣчаемое теперь нерѣдко улыбкою недоувѣрія или сожалѣнія, во всей поразительности дѣйствительно—и существенно — и единственно — сущимъ, къ вѣчному стыду и посрамленію плотолюбиваго вѣка.

Пусть такъ, скажутъ. Пусть *духъ* и *плоть* будутъ для насъ тѣмъ, за что выдаются богопроповѣданною мудростію, все же нѣтъ надобности возставлять ихъ другъ противъ друга, вносить разстройство и въ безъ того нестройную жизнь? Къ чему усиліе, къ чему мученіе, за чѣмъ подвигъ? О, вотъ этого всего болѣе и не любитъ и отвращается и страшится, мужественный во всемъ другомъ

вѣкъ нашъ! Подвигъ, нестерпимый подвигъ.. Къ
 чему оны? *Богъ есть любовь*, говоритъ вѣкъ, жизнь
 есть радость, духъ и плоть—братья.. Точно, какъ
 бы человекъ все еще находился въ раи сладости,
 былъ въ нравственномъ согласіи съ самимъ собою
 и не носилъ въ себѣ отъ дня рожденія зачатковъ
 смерти! Вѣкъ нашъ знаетъ ли, что *плоть похот-*
ствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же
другъ другу противятся (Гал. 5. 17)? Вѣкъ нашъ
 вѣритъ ли, что *духъ есть, иже оживляетъ, плоть*
не пользуется ничтоже (Іоан. 6. 63)? Вѣкъ нашъ
 думаемъ ли, что *спяй въ плоть свою, отъ плоти*
пожнетъ истлѣніе, а спяй въ духъ, отъ духа
пожнетъ животъ вѣчный (Гал. 6. 8)? Вотъ въ ка-
 кой разительной противоположности находятся
 между собою духъ и плоть! Еще яснѣе будетъ
 видно это, когда мы посмотримъ на плоды ихъ.
Явлена суть дѣла плотская, гов. Апостоль, яже
суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣ-
яніе, идолослуженіе, чародѣяніе, вражды, рвенія,
заввдыя, ярости, разженія, распри, соблазны,
ереси, зависти, убійства, піянство, безчинны кличы,
и подобная симъ (Гал. 5. 19—21). *Плодъ же ду-*
ховный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе,
благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержан-

не (— — 23). Какое чрезвычайное несходство
 тѣхъ и другихъ дѣлъ! Также не сходна и судьба
 ихъ. Тогда какъ на праведныя дѣла духа *нѣсть*
закона (— — 24), *творящія дѣла* плотская цар-
ствія Божія не наслѣдуютъ (— — 22). Что же
 слѣдуетъ изъ сего? То, что желаннаго равновѣсія
 между духомъ и плотію, при настоящемъ порядкѣ
 вещей, быть не можетъ и искать не должно, —
 что духъ всегда несетъ съ собою свободу, плоть—
 рабство, — что плоть должна быть въ постоянномъ
 подчиненіи закону, или, что то же, духу, и слѣд. не-
 избѣжна борьба сильная и упорная духа съ пло-
 тію, побѣда перваго надъ послѣдней, господство-
 одного и порабощеніе другой, ослабленіе, умерщ-
 вленіе ея. *Иже Христовы суть, плоть распяша*
со страстьми и похотьми (— — 24). Что бы
 ни говорило плотолюбіе въ защиту, якобы уничи-
 жаемой, плоти, ни чѣмъ оно не пересилитъ словъ
 Писанія, подтверждаемыхъ повсюднымъ и непре-
 стающимъ опытомъ. *Иже Христовъ*, т. е. кто
 Христіанинъ, тотъ непременно долженъ *распять*
плоть свою, т. е. заставить умереть въ себѣ стра-
 сти и похоти. Только послѣ этого богоподобный
 духъ его получить свою царственную власть, и
 онъ будетъ господиномъ истиннымъ и дѣйстви-

тельными, властными и могущественными, — какъ бы видимымъ представителемъ на землѣ Господа силъ, — внушающимъ страхъ всей безсловесной твари. Если мы не видимъ среди себя примѣровъ такого господства, и не можемъ потому хотя наглядно, хотя на другихъ, испытать его божественнаго величія. причиною сему все тоже плоть наша, осѣтившая насъ, связавшая, убившая своими страстями и похотями. Но стоитъ только взглянуть въ исторію Святыхъ Божіихъ и взоръ нашъ встрѣтится тамъ съ безчисленнымъ множествомъ примѣровъ людей чрезъ господство духа стяжавшихъ себѣ владычество надъ всѣмъ, надъ чѣмъ хотѣлось имѣть его.

2. Подчиненіе духа плоти не есть, братія, единственно возможное рабство человѣка. Во всякой болѣзни знатоки многострадальнаго тѣла нашего находятъ нѣсколько различныхъ болѣзней. Тоже бываетъ и съ душою, когда она немоществуетъ. Поработиться можно всему на свѣтѣ. Христіанство предлагаетъ христіанину, какъ средство и пособіе къ духовному господству человѣка, еще другое, сродное первому, господство его надъ страстію всякаго рода мірскихъ пріобрѣтеній, — освобожденіе его отъ незримыхъ, но весьма крѣп-

кихъ и многосплетенныхъ, узъ міра. Разительнымъ примѣромъ предшествуетъ намъ на семь спасительномъ пути Госпожа и Владычица міра богоизбранная Марія. Отъ дѣтства она возлюбила нищету и крайнюю нестяжательность, приучила себя къ довольствованію малымъ, къ благодушному перенесенію ежедневныхъ недостатковъ и лишеній. Когда ей надлежало сдѣлаться *Матерью Господа* (Лук. 1. 44.), она была уже вполнѣ «Госпожею и Владычицею». Изъ глубокаго сознанія своего *всѣсодержащаго неимущества* (2. Кор. 6, 10) она износила, конечно, свои чудныя слова: *низложи сильныя со престоль, и вознесе смиренныя! Амущія исполни благъ, и богатящіяся отпусти тщи* (Лук. 1. 52. 53)! Смиренная и неимущая, она сознавала себя богатою, исполненною благъ и вознесенною на престоль, отвѣчая на духовно подвижимый привѣтъ Елисаветы. И сіе самое сознаніе сопутствовало Ей потомъ вездѣ, и въ убогомъ Вертепѣ, среди бѣгства въ Египеть—конечно, и въ трудной жизни Назаретской, и въ скорбномъ слѣдованіи за Сыномъ, не имѣвшимъ *идъ главу поклонити* (Лук. 11. 58), и у Креста, и въ Сіонской хижинѣ. Ни къ чему не привязанная, ни чѣмъ себя не поработившая, она господство-

вала надъ всѣмъ, — исполненная благъ, Ею одною вѣдомыхъ и цѣнимыхъ, презирала богатство, — возвеличенная паче всякой твари, не думала ни о какомъ земномъ величїи, — нося въ себѣ не отступно внутреннее, сокровенное царство, находила себя вседовольною во всякой долѣ жизни.. Предѣлъъ, земнаго бытія Ея долженъ былъ служить предѣломъ и сего скромнаго, не многими понимаемаго, господства Ея здѣсь надъ міромъ. Восшествіе къ Сыну должно было показать Ее честнѣйшею и славнѣйшею горнихъ воинствъ, госпожею всего видимаго и невидимаго. Но блаженное, безвѣстное господство земнаго жительства не оставило Ея и на небѣ. И тамъ, можно бы сказать, *вся слава дочери Царевой* опять *внутри*, — слава ходатайцы, заступницы, молитвенницы, избавительницы, спасительницы рода христіанскаго. Исторія Христовой церкви свидѣтельствуетъ, что Богоматерь во всѣ вѣка, какъ бы постоянно и непрерывно, являла себя присутствующею между нами и дѣйствующею во спасеніе наше, точно — слава небеснаго господства Ея, полнаго и совершеннаго, казалась Ей недостаточною, и получала себѣ завершеніе только участіемъ Ея въ бѣдвыхъ и многоплачевныхъ дѣлахъ земли, точно — бла-

женнѣйшее вседовольство. Ея требовало, для полноты своей, непрестающаго отъятія.

Отъ высоты такого недосыгаемаго господства низойдемъ къ своему, безъ труда приобрѣтаемому, и болѣе или менѣе для всѣхъ доступному, господству общественнаго положенія, столько известному всѣмъ и каждому. Человѣкоугодничество, искательство и простое приличіе называютъ у насъ «господиномъ» чуть не всякаго. Ублажительный титулъ этотъ не занимаетъ, потому, уже никого. За тѣмъ и самое понятіе, имъ выражаемое, также считается ни чѣмъ, за то съ усиленнымъ пристрастіемъ человѣкъ влечется, вмѣсто именъ и понятій, къ самому существу дѣла, къ дѣйстви- тельному господствованію надъ текущимъ порядкомъ жизни, къ устраненію всего, что стѣсняетъ и тяготитъ ее. Отсюда всѣ ухищренія ума, всѣ напряженія воли, всѣ извороты совѣсти, чтобы стяжать достатокъ средствъ, обезпечивающій земное существованіе и при томъ не одно существованіе и недостатокъ только, а избытокъ и преизбытокъ. Перечислять ли то, чѣмъ знаменуетъ себя въ свѣтѣ сіе «господство отъ довольства»? Въ большей или меньшей рѣзкости оно заявляетъ себя вездѣ, гдѣ есть 5—6 жилищъ человѣческихъ. Большой домъ,

многолюдный дворъ, высокій тонъ, роскошный столъ, богатая одежда, громкое имя, рѣчь, взоръ, поступь—все особенное, отвага, надменіе, небрежность, прихотливость, кто не видалъ всего этого и не знакомъ съ нимъ?. Что же высказывается имъ? Одна коренная, средоточная мысль: человекъ долженъ быть доволенъ на землѣ. Такъ, о Христѣ Исусѣ братъ и господинъ! Человекъ долженъ быть доволенъ на землѣ. На то онъ и созданъ, на то поставленъ обладать землею. Вседовольный Отецъ Небесный желалъ лучшему изъ своихъ земныхъ созданій сообщить всякое довольство, и окружилъ его для того всякими благами. Но вѣдь извѣстно же, что тотъ блаженный господинъ земли, на которомъ почило благословеніе Творческое, не существуетъ болѣе на ней. Одинъ первый взглядъ на человека теперешняго заставляетъ видѣть въ немъ слабое, жалкое, многобѣдственное, самому себѣ невѣрное, самому себѣ враждебное, всѣмъ міромъ озлобляемое и боримое, какъ бы отверженное, существо. Ему ли теперь искать господства надъ всѣмъ, его окружающимъ? У него ежедневно передъ глазами уроки, обличающіе тщету его попытокъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ? Чѣмъ человекъ богаче, тѣмъ онъ недовольнѣе,

чѣмъ онъ сытѣе, тѣмъ ему тяжелѣе, чѣмъ онъ выше, тѣмъ ему опаснѣе. Думая владѣть, онъ овладѣвается, господствуя—порабощается, приобретаая—теряетъ.. Почему такъ? Потому, что міръ сильнѣе его, потому, что міръ—господинъ его до тѣхъ поръ, пока онъ ищетъ міра.

Премудрость вѣка сего, недовольная буйствомъ проповѣди Крестной, безъ сомнѣнія не замедлитъ спросить: что же? Христіанинъ долженъ отказаться отъ всѣхъ услугъ, добровольно или принудительно оказываемыхъ ему міромъ, которыя со дня на день совершенствуютъ домашній и общественный бытъ нашъ, внося повсюду въ нашу жизнь всѣмъ желанное удобство, котораго не можетъ не благословить и Евангеліе? Что же—въ самомъ дѣлѣ—можно ли еще отрицать, что путемъ неутомимаго сближенія съ міромъ, какъ бы страстнаго исканія его, человѣкъ достигъ по истинѣ господства надъ нимъ, и что, напротивъ, продолжая чуждаться и отрекаться его, онъ доселѣ былъ бы рабомъ его, какъ былъ за тысячи лѣтъ передъ симъ?. Премудрость вѣка слѣдуетъ въ этомъ случаѣ недо-стохвальному правилу навязывать другимъ крайній взглядъ, а себя, повидимому, ставить на «золотую» средину. Но.. если бы мы не знали, что

такое сія, мнимая, середина ея! Въ концѣ ея — она есть безразличіе мыслей и дѣлъ, холодность, распушенность, лѣнность, животность, вещественность. Не съ бѣльшею ли справедливостію назваль бы кто нибудь такое направленіе мысли и жизни истинною и дѣйствительною крайностію, кѣторой отвращается время наше, какъ недостатка или заблужденія временъ минувшихъ? Хорошо удобство жизни когда оно есть вмѣстѣ и удобство жизни духовной. Намъ не воспрещено творить друзей и *отъ мамы неправды* — такихъ, которые, при оскудѣніи нашемъ, могли бы ввести насъ въ *вѣчныя кровы* (Лук. 16. 9.). Но намъ заботливо поставлена на видъ вся опасность нашего обращенія къ міру, переходящаго бѣльшею частію въ пристрастіе къ нему и въ равнодушіе къ себѣ. Ибо *какая польза челоуьку, аще міръ весь пріобрѣщеть, душу же свою отщетитъ* (Мат. 16, 26.)? Самодѣльное господство челоуька надъ міромъ несомнѣнно возрастаетъ день ото дня, но куда ведетъ оно? Довольно сказать, что оно не ведетъ насъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси! Братія! Краткій отвѣтъ на многосплетенныя возраженія: То есть истинное господство надъ міромъ, и то есть полное довольство жизни, которое не

нуждается въ мірѣ, не оскорбляется никакимъ его отказомъ, не тревожится ни однимъ земнымъ лишеніемъ, всякое приобрѣтеніе вмѣняетъ *тщету и уметы быти* (Фил. 3, 8, 9), на все готово, ничего не боится, и—то есть истинное совершенство жизни, которое всѣ пособія, доставляемыя міромъ, сводить, приспособляетъ и направляетъ къ душѣ человѣческой, падшей, искупленной, облагодатствованной, свободной, подсудной, которой предстоитъ вѣчно блаженствовать или погибнуть, и тотъ, наконецъ, воистину есть господинъ міра кто въ самомъ стремленіи къ нему безпрестанно отрекаясь его, какъ чужаго и несроднаго, помимо всѣхъ изобрѣтеній и усовершенствованій временныхъ, съумѣетъ пройти въ жизнь вѣчную. И много и мало имѣя, и болѣе и менѣе встрѣчая удобствъ жизни, истинный господинъ своихъ наклонностей отнесется ко всему, *не прилагая сердца*, или, лучше, прилагая его только къ тому, чтобы доставить возможность другимъ жить безбѣдно, — самое умноженіе удобствъ, предлагаемыхъ міромъ, обращая въ поводъ къ упражненію себя въ лишеніи и самопожертвованіи. Такова была и есть, и пребудетъ во вѣки, преблагословенная Госпожа всѣхъ насъ.

3. Вниманія и слова нашего достойно еще одно господство въ самомъ тѣсномъ, и самомъ извѣстномъ, смыслѣ слова сего, господство однихъ людей надъ другими, въ теченіи многовѣковой жизни человѣчества прошедшее черезъ разные образы и степени, мнѣнія и уложенія. Нельзя не замѣтить, что духъ Евангелія, отвлекающей чловѣка отъ виѣшняго ко внутреннему, древнее господство силы, страха, шума и блеска преобразилъ мало по малу въ господство права, мысли, слова и взаимнаго уваженія,—менѣе замѣтное, но болѣе дѣйствительное и гораздо болѣе приличное тому, кто украшенъ образомъ Божиимъ, и долженъ дѣйствовать по подобію промысла Божественнаго, всѣмъ господствующаго и рѣдко гдѣ себя оглашающаго. Но.. *аще премънитъ Еѳіоплянинъ кожу свою и рысь пестроты своя* (Іерем. 13, 23)? Чѣмъ болѣе мы отказываемся отъ одного вида самолюбія, тѣмъ болѣе впадаемъ въ другой. Переставъ быть показнымъ и глупотщеславнымъ, господство дѣлается утонченно-гордымъ, изъ отечески снисходительнаго переходитъ въ неумолимо взыскательное, изъ прямодушнаго и попечительнаго преобразуется въ своекорыстное и недобросовѣстное, холодное и неблагодарное. Если

господство нашего времени не есть еще таково, то оно стоит на пути къ такому. Сугубо свѣтлый праздникъ нынѣшняго дня указываетъ всѣмъ господамъ и госпожамъ земли на совершеннѣйшіе образцы господства, на Господа нашего Иисуса Христа и на Госпожу нашу Пресвятую Богородицу. *Болѣе въ васъ да будетъ, яко мнѣ, и старѣе, яко служай* (Лук. 12. 27.); *иже аще хочетъ въ васъ влещій быти, да будетъ всѣмъ рабъ* (Марк. 10. 43). Сіе правило земнаго господства вѣрнѣе всѣхъ соблюдалъ самъ Господь. *Сынъ Человѣкъ придетъ, не да послужатъ Ему, но послужити*, говорилъ Онъ, и послужилъ такъ, что остается вѣчно изумѣвать намъ предъ Его величайшимъ дѣломъ. *Вы глашаете Мя учителя и Господа*, сказалъ Онъ однажды ученикамъ, послѣ того, какъ исполнилъ дѣло слуги, *и добръ глаголете, есмь бо. Азъ умыхъ ваши нозъ, Господь и Учитель, и вы должны есте другъ другу умывати нозъ: образъ бо дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13. 13—15). Такою точно служащею госпожею была и Его преблагословенная Матерь. Евангеліе мало передало намъ извѣстій о жизни Маріи; но что вся жизнь Ея была живымъ и непрерывнымъ служеніемъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться,

зная Ея глубочайшее смиреніе и высокое человѣколюбіе. Преданіе гласить, что Она и по вознесе-віи Господнемъ продолжала работать своими пречистыми, богоносными руками, служа слугамъ своего Сына. Такимъ же служеніемъ свидѣтельствуется доселѣ у насъ на землѣ и вся небесная жизнь Ея, преславная и превознесенная — до того, что можно бы сказать, что возвеличеніе господства Ея на небесахъ послужило Ей только поводомъ къ увеличенію своего служенія на землѣ. Одни чудеса Ея при Живоносномъ Источникѣ, въ память которыхъ и установленъ нынѣшній праздникъ, довольны были бы къ тому, чтобы и увѣриться въ томъ и себѣ взять незабываемый урокъ съ нихъ. А такихъ чудесъ, а такихъ живоносныхъ источниковъ милости и помощи Божіей Матери полна земля! Отечеству нашему такъ знакомы они, что излишнее было бы приводить ихъ на память.

Какъ во многомъ другомъ, братія — соотечественники, такъ и въ предстательствѣ Госпожи все-милостивой отечество наше видимо предпочтено многимъ изъ царствъ земли. И если кому, то намъ всего благопотребнѣе видѣть надъ собою поучительныя дѣйствія Госпожи Царицы и Владычицы міра; потому что рѣдко гдѣ господство имѣеть

такое значеніе какъ у насъ, и потому что нигдѣ истина Божія не должна свѣтиться такъ лучезарно, какъ у насъ—въ первомъ, и едва не единственномъ, православномъ государствѣ міра. Чтоже скажемъ мы о своемъ господствѣ? Во имя успѣховъ человѣчества, во имя непреложныхъ законовъ правды, во имя самаго Евангелія наконецъ требуютъ, чтобы произнесено было осужденіе ему. Припоминается намъ присемъ невольню, какъ однажды нѣкто просилъ Господа Іисуса Христа раздѣлить между нимъ и братомъ его имѣніе. Противъ чаянія просителя, не отличавшаго учителя вѣры отъ правителя, Мессія отвѣтилъ: *человѣче! Кто мя постави судію или дѣлителя надъ вами.* (Лук. 12. 14)? Не то же ли должно отвѣчать Евангеліе, когда духъ того или другаго времени призываетъ его разсудить то или другое междоусобіе жизни? Господь отказался дѣлить имѣніе, но не отрекся сказать при этомъ наставительное слово о значеніи и употребленіи имѣнія. Примѣръ Его есть правило для насъ. Согласно сему мы и поступимъ. Господство защищать или уничтожать мы не возьмемъ на себя. Господство долга считалось необходимостію общественной жизни, залогомъ и убѣжищемъ тишины и безопасности

между рабами *иръха*, вѣчно влекомыми творить не еше хотятъ (Рим. 7. 19.). Все, потому, что было лучшаго и славнаго въ прошедшемъ человечества средоточилось большею частію около господства. Но, къ сожалѣнію, не всегда господство обнаруживало себя самыми лучшими послѣдствіями, потому что не всегда господинъ другихъ былъ господиномъ самого себя. Господство въ рукахъ раба—мечъ въ рукахъ дитяти. Рабство, прикрытое одеждою господства, не разъ, такимъ образомъ, и обличало себя недостойнымъ своего высокаго положенія. Своекорыстіе, насиліе, хищничество, самомнительность, упрямство, безъ любви и справедливоти, бываютъ причиною того, что подрывается уваженіе и довѣріе къ господству, послѣ чего буйное рабство поднимаетъ возмутительную голову, требуя всеобщаго равенства.. Сію погнѣбельную голову не видимъ ли мы и теперь поднятою превыше всякой власти и посмѣвающеюся всякой правдѣ. Урокъ господству! Чтобъ имѣть высокую честь и славу господствовать надъ себѣ подобными, надобно быть подобнымъ Господу. Господство есть какъ бы нѣкоторое участіе въ Господнемъ міроуправленіи, и всякій господинъ, вѣдомо или невѣдомо для него, беретъ на

себя, такъ, сказать право Божіе. Господь благословляетъ сіе сотрудничество, не отрѣвая ни одного *дѣлателя* отъ своей *многой жатвы*; но сотрудникъ долженъ понимать, что духъ его господствования долженъ быть духъ Христа, не пришедшаго да *послужатъ Ему*, но да *послужитъ мірови*, да *спасется имъ міръ* (Іоан. 3. 17.), — долженъ знать, что онъ есть рачитель и попечитель, наставникъ, помощникъ, распорядитель, разсудитель, цѣнитель своихъ слугъ, ихъ неусыпный стражъ, другъ и первый слуга. Таково должно быть истинное, хриstopодражательное господство наше, братія, призванные, или признавшіе себя, къ высокой долѣ участвовать съ Господомъ въ Его спасительномъ міроуправленіи. О, *ему же дано много, много взыщется отъ него.* (Лук. 12. 58.)! Какъ же мало цѣнится людьми сіе *многое* и *премноее*, свидѣтельствомъ тому, между прочимъ, можетъ быть и то, что господствомъ считается у насъ часто и одно употребленіе власти, господствомъ называется нерѣдко и одно только пользованіе чужимъ трудомъ, за господство выдавалось ивогда и одно темное понятіе о принадлежавшихъ «людяхъ» или о «душахъ». Конечно, подобнаго рода господинъ не думаетъ, что ему *дано много*. Но думаетъ онъ или

нѣтъ, а *взыщется съ него мною*. Отъ устъ его будутъ судить его. Онъ зналъ, что на его попеченіи или отвѣтственности есть души. Какъ онъ заботился объ нихъ, покажетъ самъ въ день суда. Но какъ тяжело отвѣчать за неисправное господство надъ душами человѣческими, такъ ни съ чѣмъ несравнимо-радостно получить возмездіе за спасенную душу. Можетъ быть одно благовременное вразумительное, или утѣшительное слово, одно малое участіе, снисхожденіе и вспомошествованіе господское рѣшило участь слуги, и спасло его отъ вѣчной гибели. Спасенный здѣсь господиномъ, слуга можетъ, въ свою очередь, спасти тамъ — на судѣ страшномъ. Узрѣвъ въ немъ добраго и вѣрнаго раба, *Господь* нашъ, и *Госпожа* наша призовутъ его въ вѣчное господствованіе, вмѣстѣ съ Собою, во всемъ и надъ всѣмъ, что есть Божіе.

Лишь только мысль, слишкомъ ограниченная и рабски привязанная къ землѣ, перенесется въ будущее, въ другую жизнь, въ небо, она теряется отъ безмѣрнаго величія, ожидающаго тамъ спасаемыхъ. И если бы не Ты, *Матерь Свѣта*, животноными источниками своихъ чудесъ поддерживала объемлемую тмою недовѣрія къ Богодарованно-

му величію, душу нашу, бѣдныя и слабыя, боязливыя и неразумныя, мы никогда бы, можетъ быть, не возвысились отъ рабства къ господству, и скоро забыли бы, что носимъ въ себѣ *Духа Святаго, Господа, животворящаго.*

«Станемъ благоговѣнно въ дому Бога нашего, и возопіемъ: радуйся міру Владычице! Радуйся Маріе, Госпоже всѣхъ насъ! Радуйся едина непорочная въ женахъ и добрая! Радуйся огненный столпе, вводяй въ вышнюю жизнь человѣчество»!.
Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ ПАСХИ.

*Аще воскреснете со Христомъ,
вышнихъ ищите. Кол. 3. 1.*

— Вотъ общее правило жизни для воскресшаго со Христомъ Христіанина. Кто восталъ, тотъ сталъ выше, а кто выше, тому естественно и имѣть въ виду уже все высшее. *Аще воскреснете со Христомъ, вышнихъ ищите.* Гдѣ же сіе *вышнее*, и что оно такое? Вышнее вездѣ, гдѣ есть человѣкъ съ его многостороннею и разнообразною, таинственною жизнію духа. Вышнее есть все, что возводитъ человѣка къ Богу, въ Его царство во Христѣ и со Христомъ. Кто воскресъ по причастию воскресенія Христова, тотъ пересталъ быть *отъ нижнихъ* (Іоан. 8. 23), умеръ грѣху и ожилъ Богу

(Рим. 1. 11), а потому все, что дѣлаетъ, долженъ дѣлать съ однимъ и тѣмъ же непреложнымъ и неослабленнымъ убѣжденіемъ, что онъ есть *присный Богу* (Еф. 2. 19), *сожитель святымъ* и самъ *святъ* (1 Кор. 7. 14 и др.), какъ и называемы были въ апостольское время всѣ вѣрующіе (1 Кор. 6. 1. 2 Кор. 1. 1. и мн. др.), — что его и *духъ* и *душа* и *тѣло* должны непорочными соблюстись въ *прішествіе Господа Иисуса Христа* (1. Сол. 5, 23), — и что, слѣдовательно, всякое занятіе его душевное и тѣлесное должно направляться по одному и тому же высокому образу христіанскому, по образу жизни Господа нашего (Іоан. 13. 15), *отъ вышнихъ* Суцаго (— 8. 23), и прежде всего — должны направляться тѣ дѣла, которыя составляютъ первую необходимость земнаго бытія человѣческаго, и, по естественному порядку вещей, учащаемыя болѣе другихъ, болѣе всего могутъ споспѣшествовать его добродѣтельному житію. Главнѣйшее и существеннѣйшее въ ряду сихъ дѣлъ безъ всякаго сомнѣнія питаніе. Волѣ Творческой благоугодно было, чтобы жизнь человѣка протекала и достигала своего назначенія чрезъ *возрастаніе*, *благосостояніе* и *разнообразное дѣйствованіе* его тѣлеснаго

состава, а для сего безконечная Премудрость опредѣлила, чтобы человекъ принималъ въ себя различныя вещества стихійнаго міра, и претворялъ ихъ въ свое тѣло, что и составляетъ питаніе. Это важнѣйшее, въ порядкѣ жизни человѣческой, дѣло питанія у омраченнаго смысломъ и развращеннаго сердцемъ человекъ часто обращается въ поводъ ко грѣху. Христіанинъ, призванный *искать вышнихъ*, долженъ внимательно смотрѣть за собою, чтобы не злоупотребить симъ высокимъ дѣломъ Творческой мысли, и не навлечь на себя грозной карающей руки Божіей. Св. Церковь, заботясь о томъ, чтобы сдѣлать насъ *сообразными подобію воскресенія Христова*, и заставить *ходить во обновленіи жизни* (Рим. 6. 4, 5.), прежде всего обратила взоръ свой на первую и существенную потребность земной жизни нашей. Еще въ свѣтлый день Пасхи она освятила намъ трапезу нашу. Въ нынѣшній день изъ собственныхъ рукъ даетъ намъ хлѣбъ, посвященный памяти Господа Иисуса, научая насъ тѣмъ и другимъ, что наша трапеза должна быть всегда трапеза христіанская.

Съ двухъ ошибочныхъ сторонъ можно смотрѣть на питаніе, и къ двумъ погибельнымъ крайностямъ можетъ придти питающійся христіанинъ.

1. Питаніе, понимаемое вообще какъ утоленіе голода или насыщеніе, можно признать дѣломъ до такой степени тѣлеснымъ, животнымъ, физическимъ, какъ мы привыкли его называть, что можно почестъ его вовсе недостойнымъ христіанскаго вниманія.. Заблужденіе отчасти односторонняго взгляда на жизнь и на значеніе чловѣка, отчасти—утовченно—развращеннаго состоянія сердца! Важнѣйшее условіе бытія нашего, по взгляду христіанскому, должно занимать и важнѣйшее мѣсто между предметами нашей разумной заботливости. На питаніе, какъ дѣло премудрости и благодати Божіей, питающійся долженъ взирать съ особеннымъ уваженіемъ. Наука, занимающаяся изслѣдованіемъ законовъ жизни тѣлесной, изумѣваетъ предъ премудрымъ устройствомъ питанія. Христіанинъ, для котораго Господь податель, и охранитель его жизни, долженъ быть видимъ ближе и яснѣе, нежели для какой бы то ни было науки, несравненно болѣе долженъ думать о томъ, что онъ дѣлаетъ во исполненіе Творческой мысли, ставшей закономъ его жизни, и потому

Во 1-хъ, долженъ смотрѣть на свое питаніе какъ на законъ уставленный и заповѣданный Богомъ для земнаго счастія чловѣка и для прославленія

благости и премудрости Божіей, а потому каждое дѣйствіе питанія долженъ сопровождать хвалою и благодареніемъ своему Питателю, подражая Господу Иисусу Христу (Іоан. 4. 11, 23. Лук. 23. 17, 19 и др.) и святымъ Апостоламъ (Дѣян. 2. 46. 27. 35). *Аще ясте, аще ли пѣете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31). Такъ заповѣдано поступать намъ.. И это; конечно, самое естественное дѣло въ томъ, кто не только вѣруетъ въ живаго Бога, но и любитъ Отца небеснаго. Болѣзни нерѣдко дѣйствительно и научаютъ человѣка, не хотящаго учиться по доброй волѣ богословію, смотрѣть на свое питаніе истиннымъ, достойнымъ разума нашего, образомъ, и одновременно обращаться съ словомъ молитвы или хвалы къ Тому, Кто единъ вѣдаетъ *исходища жизни*. Ужели христіанянь согласится лучше, чтобъ его учила необходимость, нежели собственная христолубивая рѣшимость?

Во 2-хъ; вслѣдствіе того же возвышеннаго взгляда на питаніе, христіанинь долженъ понимать его какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій жизни, не унижая и не стыдясь его, а напротивъ, усматривая въ немъ образъ другаго питанія высшаго, сокровеннаго, вносящаго въ тѣло наше зачатокъ бу-

душаго, вѣчнаго, *духовнаго* тѣла. У христіанина высшій взглядъ на свое питаніе облегчается и какъ бы узаконивается еще тѣмъ преимущественнымъ обстоятельствомъ, что путемъ сего самаго питанія онъ вводится въ таинственное, преестественное общеніе съ Божествомъ. Ъсть онъ или піеть, онъ не можетъ забыть, что у него есть другія, особенныя *брашно и питіе, истинныя* (Іоан. 4. 32. 55), *неиблющія* (—27), споспѣшествующія «исцѣленію души и тѣла», служащія «во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». Если, при всякой окомъ богомыслія въ святѣйшее таинство Причащенія, невольно возвышаешься духомъ, и возвышаешь съ собою свое бренное и многострастное тѣло, то, равномерно, нѣчто ублажающее сердце и уцѣломудривающее мысль видится и вообще въ питаніи, слагающемъ, развивающемъ и поддерживающемъ собою жизнь, предназначенную для безсмертія. Не безызвѣстны намъ примѣры того, какъ люди, очистившіе отъ страстей душу, не могли принять пици, не оросивъ ея слезами.

Аще воскреснуете со Христомъ, вышнихъ ищите. Если мы припомнимъ, что Самъ воскресшій Господь не счелъ для Своего прославленнаго естества униженіемъ вкушать нашу тлѣнную пицу (Лук. 24

43. Дѣян. 1. 4): то какъ можно намъ смотрѣть на питаніе, какъ на одно животное, грубое и низкое, дѣло, и не вводить его въ кругъ занятій, требующихъ особенной заботливости? *Вышнихъ ищите.* Низко не то въ мірѣ, что поставлено ниже другаго, а то, что сводить человѣка съ его высокой степени Богоподобія и уравниваетъ съ безсловесною тварію. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ непреходимой черты между вышнимъ и нижнимъ. Господь Богъ во всемъ сущемъ оставилъ слѣды своей Творческой Премудрости, повсюду и на всемъ впечатлѣлъ свою вѣчную, Божественную мысль, и слѣд. вездѣ оставилъ Свое вышнее. Есть оно потому и въ пищѣ. Его не видитъ и не разумѣетъ тварь безсловесная, но потому самому необходимо требуется, чтобъ его понимала и цѣнила тварь разумная. Возвратимся къ предложенному нынѣ Церковію хлѣбу. Возвышеніе священнодѣйствій церковныхъ мы ничего не знаемъ въ мірѣ. И вотъ мы видимъ, что среди таинствъ, жертвоприношеній и молитвословій отъ имени Церкви, съ ея благословіемъ и съ ея молитвою намъ раздается хлѣбъ! Къ чему и почему дѣлается сіе необычное раздаяніе? Отвѣтъ на это не иначе можетъ быть сдѣланъ, и во всей силѣ понять, какъ только въ

обществѣ любящихъ Господа Иисуса Христа, въ обществѣ тѣсно о имени Его соединенныхъ между собою учениковъ Его. Ежедневно по славномъ воскресеніи Господа, ученики его собирались вмѣстѣ на общую трапезу, и, наученные внезапнымъ таинственнымъ появленіемъ Его и яденіемъ предъ ними въ первый день, оставляли не занятымъ Его обычное на трапезѣ мѣсто, полагая предъ Нимъ хлѣбъ. Можно представить, что это за трапеза была, преисполненная благоговѣнія, умиленія, богомыслія, вѣры, надежды и любви! Сей хлѣбъ, оставшійся неприкосновеннымъ, освящаемый и благословляемый невидимымъ присутствіемъ Христа, и былъ и есть и пребудетъ во вѣки тотъ самый хлѣбъ или *артось* (какъ звали его на своемъ языкѣ христіане первыхъ временъ), который получаемъ мы сегодня изъ рукъ служителей алтара Господня. Въ немъ нѣтъ ничего, вещественно преизбыточествующаго предъ обыкновеннымъ хлѣбомъ, но онъ по преимуществу есть хлѣбъ Христовъ, — этого достаточно къ тому, чтобы мы приняли его съ живымъ чувствомъ радости, благодарности, любви и безконечной приверженности ко Господу. *Грядущаго ко Мнѣ не изжужу вонъ* (Іоан. 4. 37), говорилъ Онъ. А что же

мы дѣлаемъ, простпрая руки къ Его хлѣбу, какъ не къ Нему грядемъ, Подателю жизни п всякихъ благъ? Прими Христовъ хлѣбъ, христороубецъ, раздѣли радость Апостоловъ, освяти имъ свою трапезу, сдѣлай ее вечерей любви а домъ свой—Сіонской горницею, п не сомнѣвайся, что твой *хлѣбъ пасущій* обратится для тебя въ *брашно негниющее*.

2. Нужно ли часто п настоятельно напоминать челоуѣку заботу о его питаніи? Къ сожалѣнію, до того рѣдки примѣры пренебреженія людей къ своему столу, что это оказывается излишнимъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не былъ свидѣтелемъ того, какой незаслуженно-важный видъ большею частию придаютъ на свѣтѣ питанію до того, что оно уже какъ бы теряетъ со всѣмъ значеніе естественнаго тѣлеснаго подкрѣпленія, а превращается въ занятіе духа, такъ какъ бы оно служило не средствомъ только, а исключительною цѣлію жизни? Что сказать о такомъ близорукомъ взглядѣ на челоуѣческое назначеніе среди окружающаго насъ міра? Постыдно для владыки п повелителя неразумной жизни нисходить въ кругъ ея п быть одною сь нею, — постыдно это для него п оскорбительно для Господа, поставившаго челоуѣка владѣть зем-

лею, а не быть обладаемымъ. Для христіанна еще позорнѣе сдѣлаться рабомъ пищи и питія. Его *житіе на небесѣхъ есть* (Флп. 3. 20); гдѣ пи-
 нють, ни ѣдятъ. Земное питаніе опъ долженъ
 терпѣть, какъ дѣло необходимости, а отнюдь не
 ставить его на ряду съ существеннымъ дѣламъ
 своего призванія и назначенія на землѣ и на не-
 бѣ. Какъ смотрѣлъ на питаніе Господь нашъ Іисусъ
 Христосъ, многократно освящавшій Своимъ при-
 сутствіемъ трапезу человѣческую: такъ должны смо-
 трѣть и всѣ, носящіе имя Христіанъ. *Дѣлайте не
 брашно глблющее, учили Онъ, по брашно, пребываю-
 щее въ животъ вѣчный* (Іоан. 6. 27). *Не о хлѣбѣ еди-
 номъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю,*
исходящемъ изъ устъ Божіихъ, повторилъ Онъ
 однажды слова пророка Моисея въ отвѣтъ искус-
 телю (Мат. 4. 4; Втор. 8. 3).. *Царство Божіе
 нльсть брашно и питіе* (Рим. 14. 17). *Брашно насъ
 не поставляетъ предъ Богомъ, Ниже бо аще ямы,
 избыточествуемъ; ниже аще не ямы, лишаемъ* (1
 Кор. 8. 8), возвѣщалъ языческому міру проповѣдникъ
 христіанства. Въ слѣду такого взгляда на питаніе,
 мы находимъ недостойными христіанна.

Во 1-хъ, излишество въ пищѣ или обѣде-
 ніе, которое само по себѣ есть уже насиліе при-

родъ человѣческой, требующей насыщениа, а не пресыщениа. Трудное дѣло, конечно, указать мѣру насыщениа. Однакоже ее пойметъ всякій, кто въ насыщениа будетъ видѣть одно утоленіе голода. Весьма опасно въ этомъ случаѣ руководствоваться слышимымъ иногда правиломъ житейскимъ: «душа — мѣра». Душа дѣйствительно можетъ и должна быть мѣрою, но только душа чистая, возвышенная надъ похотию. Душу можно приучить ко всякой мѣрѣ, и даже къ неумѣренности. Къ стыду человѣчества, бывали въ мірѣ люди, которые считали честию для себя ѣсть и пить какъ можно болѣе, и имѣли безславное мужество приневоливать себя къ тому, чтобы потомъ хвалиться своимъ невоздержаніемъ. Можетъ быть, не существуютъ примѣры похвальбы этимъ позорнымъ дѣломъ и въ наше время.. И если сличить съ нею Давидово *похваленіе о Бозѣ* (Пс. 33. 3), Апостольское — о Христѣ и о *крестѣ Христовомъ* (Гал. 6. 14), то дѣйствительно о такихъ людяхъ можно сказать, что для нихъ *Богъ — чрево*, а оттого и *слава ихъ въ стыдѣ*, а оттого и *кончина ихъ должна быть погибель* (Филип. 3. 19).

Во 2-хъ, пристрастіе къ услаждающему вкусу пищи или лакомство. Въ нѣкоторомъ отноше-

ни оно даже хуже позорнаго объяденія. Ибо въ томъ все же видится потребность естества, хотя и грубо понимаемая, а въ этомъ не видно ничего осмысленнаго и нравственнаго. Но можно бы подумать: для чего же Отець жизни и сообщилъ пищѣ сладость, а человѣку способность наслажденія, если лакомство недостойно человѣка? Для того, конечно, чтобы украшенному образомъ Творческимъ творенію дать возможно большую полноту благъ для возможно меньшаго страданія на землѣ, и вѣрно не для того, чтобы дать ему этимъ поводъ прилѣпиться къ подаемому и позабыть дающаго (Втор. 4. 10—12). Напротивъ, въ Ветхозавѣтномъ законодательствѣ мы находимъ страшный приговоръ сыну непокориву и грубителю, который *сласлолюбствуя пїянствуетъ* (—21. 33),—напротивъ, самъ Богъ, оказавшій столько милостей Израилю, поразилъ смертію сласлолюбцевъ, промѣнявшихъ *манну на крастелей* (Числ. 11. 33).. Что же касается христіанина, то для него всякая житейская сладость должна казаться жалкою и ничтожною предъ безконечною сладостію небесной пищи, ожиющей его во всеблаженномъ царствіи Іисусъ «Сладчайшаго»,—должна казаться рпкою и гькою при мысли о страданіи

яхъ и крестной смерти Сына Божія, ради нашего спасенія пріѣвшаго горечь послѣдняго униженія и озлобленія, — безцѣльною и бесплодною — въ виду, ожидающаго составъ нашъ, неминуемаго стихійнаго разрушенія; чѣмъ уже окончательно обезславится и упочижится неестественное наслѣднику жизни вѣчной лакомство. *Брашна чреву и чрево брашнямъ*, говоритъ Апостоль; *Богъ же и сіе и сія упразднитъ* (1 Кор. 4. 13).

Аще воскреснете со Христомъ, вышнихъ ищите. Ищите прежде всего и наче всего царствія Божія (Мат. 6. 33). *Царствіе же Божіе нсть брашно и питіе, по правда, и миръ, и радость о Душъ Святъ* (Рим. 14. 17), — *вышнихъ ищите, видѣжесть Христось, одесную Бога сѣдя* (Кол. 3. 1). Не великъ и не льститъ вкусу тотъ укрупъ священнаго хлѣба, который мы получаемъ сегодня изъ рукъ Церкви, но въ немъ есть внутреннее сокровенное обпліе — благословеніе Божіе, и внутренняя, неощутимая языкомъ, сладость — имя Господа Іисуса Христа, одесную Бога сѣдящаго, въ честь, славу и память Котораго предложенъ и освященъ хлѣбъ Пасхальный. Такого рода обилія и такого рода сладости свойственно христіанину искать и во всякой другой пищѣ. Черезъ это онъ стяжеть бла-

женную возможность быть сыту и непогнѣ и до-
вольну—невкусною пищею,—приобрѣтеть себѣ крѣ-
пость тѣла и сплу духа, и всякую горечь жизни
найдетъ чѣмъ умѣрить и усладить. Такъ. Но не на-
добно забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пред-
метомъ самаго страстнаго и ревниваго вниманія нѣ-
которыхъ людей — съ тѣмъ, что въ простотѣ своей
они называютъ погнѣ и в о т о м ѣ. Привязан-
ные къ нему упорно, своими попеченіями они не
рѣдко отказываются, ради любимыхъ привычекъ пи-
танія, отъ самыхъ постоянныхъ совѣтовъ врачей
въ виду близкой и очевидной опасности. Склонять
ли слухъ свой такіе животолубцы къ тихимъ вѣща-
ніямъ Евангелія, указывающаго имъ на отдаленную
опасность въ пной жизни? И въ самомъ дѣлѣ, не
слышатся ли уже довольно гласно съ разныхъ сто-
ронъ возносимыя къ Церкви жалобы дѣтскаго мало-
душія на ея стѣнительныя постановленія, на ея
скучныя и тяжелыя и въ то же время напрасныя и
будто бы вредныя посты? Постъ именно къ тому и
направленъ, чтобы не дать мѣста въ обществѣ хри-
стіанскомъ съ одной стороны объяденію, съ дру-
гой—лакомству. Естественно потому, что онъ
встрѣчаетъ себѣ въ *плоти* и ея *земномъ мудрова-
ніи* (Рим. 8. 7. Кол. 3. 2.) заклятаго врага, воору-

женнаго и грубыми воплями нужды и тонкими софизмами роскоши и односторонними выводами науки. Если для послѣдней все равно, что вышнее, что нижнее, т. е. и то и другое ей равно не нужно, для нее не существует, то лучше христіанину отказаться отъ такой науки. Но когда утонченная распущенность жизни ищетъ намѣстѣ уставовъ Церкви утвердить свой законоправильникъ понятій и взглядовъ, то ревнителю Евангельскаго *вышняго* предстоитъ не мало труда усовершенствовать лукавную разумъ, иногда именовъ самаго Евангелія попрекающій Церковь. Наконецъ, нужно ли что нибудь говорить въ отвѣтъ настойчивымъ требованіямъ нужды, неспособной внимать никакому внушенію? Истинная нужда идетъ объ руку съ постомъ. Ей нѣтъ причины и повода быть недовольной имъ, ибо постъ есть та же нужда, только — по желанію, по избранію, по самоотверженію. Нѣтъ, не нужда встаетъ противъ спасительнаго воздержанія, а то, чему наше *воскресеніе со Христомъ* и не нужно и противно, — что есть самое нижнее въ человѣкѣ, что посягается одной мысли о *вышнемъ*, — похоть.

3. Бываетъ, что питаніе не представляютъ себѣ крайностью а считаютъ дѣломъ совершенно безразличнымъ подобно дыханію, будетъ

ли оно совершаемо въ такомъ или другомъ количествѣ, качествѣ, родѣ и видѣ. Этотъ холодный взглядъ на питаніе также большею частію не есть мысль духа, возвышеннаго надъ міромъ, какъ бы можно было подумать, а скорѣе есть уловка лукаваго сердца, желающаго отречься отъ всякаго самопринужденія и остаться при животной безпечности. Питаніе, какъ потребность природы, какъ тѣлесное отправление жизни, есть, конечно, дѣло безразличное для носимаго тѣломъ духа, но какъ выборъ той или другой пищи есть дѣло разумнаго произвола, а какъ удовлетвореніе свободнаго желанія, почти неизбѣжно становится причиной того или другаго нравственнаго состоянія. Оттого на принятіе пищи всегда и вездѣ смотрѣли выше, нежели какъ на простое, неразумное и неотвѣтственное выполненіе естественной потребности. Вездѣ, гдѣ человѣкъ сознавалъ себя существомъ нравственнымъ, было различіе пищи, и конечно основаніемъ тому не служило одно только естественное свойство пищи, а вмѣстѣ и дѣйствіе ея на душу. Христіанство умѣряетъ и эту, также своего рода, крайность. По своему существенному характеру—свободѣ, оно, конечно, позволяетъ вкушеніе всякаго рода снѣдей. *Не входящее въ уста*

сквернитъ чловѣка, говоритъ оно (Мат. 15. 11). Ничтоже скверно само собою (Рим. 14. 14). Вся чиста чистымъ (Тит. 1. 15). Вся ми лть суть (1 Кор. 6, 12; 10, 23).. Оно знаетъ, что брашно насъ не поставляетъ предъ Богомъ (1 Кор. 8, 8). Господу Спасителю дорого въ насъ не то, кто чѣмъ питается, но то, кто и что соединяетъ въ своей совѣсти съ прнпятемъ пищи. Въ устахъ нашихъ Онъ щетъ видѣть, безъ сомнѣнія, не столько брашно, сколько слово хвалы. Не важенъ родъ пищи, однакоже законъ христіанскій по своему тѣспому отношенію къ жизни внѣшней, въ то же время приспособляется къ совѣсти людей,—къ ихъ тѣлеснымъ и духовнымъ условіямъ бытія,—къ ихъ высокому назначенію жить по смерти, и такъ обр. даруемую имъ свободу включаетъ въ предѣлы христіанской осторожности и осмотрительности. Такъ выраженъ онъ въ отношеніи ко внѣшнему устами Апостола.

Во 1-хъ) *Вся ми лть суть, но не вся на пользу, но не вся назидаютъ* (1 Кор. 10, 23), слѣд. уже не вся, а за исключеніемъ того, что можетъ быть не на пользу,—что можетъ послужить не къ назиданію, а къ разрушенію чловѣческаго благосостоянія. Не полезное же сіе и не назидательное

можетъ быть или то, что вредитъ здоровью, по крайней мѣрѣ не способствуетъ ему, или то, что препятствуетъ раскрытію духа въ самомъ человѣкѣ и въ другихъ. Законъ христіанскій, предоставляя намъ самимъ заботиться о первомъ, обращается съ своею заповѣдью только ко второму предмету, и здѣсь бережетъ душу нашу отъ зѣроуподобленія, запрещая употребленіе въ пищу *крови* (Лев. 17. 10. 11) и *удавленныи* (Дѣян. 15. 20), и предотвращаетъ всякое сближеніе насъ съ язычествомъ, не позволяя вкушать *идоложертвенныя брашна* (1 Кор. 7, 10. 19. 20). Что же касается до другихъ, въ обществѣ которыхъ происходятъ вкушенія, то законъ христіанскій повелѣваетъ щадить немощную совѣсть, *да не ради брашна разорится дѣло Божіе* (Рим. 14. 13—21; 1 Кор. 8, 9—13; — 10, 23—29). *Вся чиста*, говоритъ Апостоль, *но зло чловѣку претыканіемъ ядущему* (Рим. 14, 20), слѣд. уже не все добро, но пзъ чистаго иное добро, иное зло, смотря по тому, какъ, чистая сама по себѣ, пища можетъ быть принимаема совѣстію другихъ. *Аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки* (1 Кор. 8, 13).. Такъ заключаетъ свое наставленіе о христіанскомъ столѣ Апостоль, *свободенъ сый*

отъ всѣхъ, но умѣвшій поработить себя всѣмъ, да всяко нѣкія спасетъ (—9, 19. 22).

Во 2-хъ) *Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу,—но не азъ обладаю буду отъ чего* (1 Кор. 6. 12). Вотъ другая предосторожность для свободнаго и безразличнаго употребленія брашенъ. Чѣмъ же человекъ можетъ быть *обладаемъ*? Весьма много, чтобъ не сказать *всѣмъ*, что только составляетъ предметъ его питанія. И само здоровое, хотя можетъ быть не всегда ясное, сознание человечества понимало во всѣ времена опасность сей, такъ сказать, вседозволенности, высказанную Апостоломъ. Оттого съ древнѣйшихъ временъ существуютъ у людей нарочитые дни воздержанія, какъ установленія общественныя и священныя. Рѣдко (и даже едва ли) можно усматривать въ нихъ простыя цѣли поддержанія или востановленія здоровья. Напротивъ, обыкновенно связывается съ ними мысль богоугожденія и богоумилостивленія. Какимъ же образомъ воздержаніе человека можетъ умилостивлять Божество? Вотъ здѣсь-то и открывается глубина Апостольскаго изреченія: *но не азъ обладаю буду отъ чего*. Единственный способъ преклонять на милость Праведнаго Карателя и Отмстителя неправды нашихъ—молитва. А какая молитва у че-

ловѣка, не владѣющаго собою? И такъ, да не обладавъ будетъ отъ чего, онъ постится, не будучи обладаемъ — молится, молясь — умилоствивляетъ. Таковъ ходъ дѣла. Что онъ есть ходъ естественный и правильный, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія послѣ безчисленныхъ примѣровъ жизни христіанскихъ воздержниковъ, постомъ возвысившихъ душу свою до непрерывнаго общенія съ Богомъ. Воздержаніе так. обр. отверзаетъ, можно сказать, врата неба. Мы знаемъ, что вамъ укажутъ вопреки сказанному на нѣкоторые опыты воздержанія, которые не только не приводили къ самообладанію, но доводили человѣка до расслабленія, до унынія, до раздраженія, однимъ словомъ — до *невозможности владѣть собою*. Но постъ на одинъ день или часъ, невольный, насильный, упорно отрицаемый, можно ли избирать мѣрою для оцѣнки плодовъ, даруемыхъ намѣреннымъ, постояннымъ, Богоугоднымъ воздержаніемъ? Только любителя подвига неяденіе или малояденіе освобождаетъ отъ преобладанія тѣла.

Аще воскреснете со Христомъ, вышнихъ ищите. Не оставайтесь равнодушны къ духовнымъ вопросамъ жизни, нѣтъ — *вышнихъ ищите, и дѣже есть Христосъ*, законодатель, правитель и судія человѣчества. Христосъ же — въ

Церкви. И такъ въ Церкви, въ ея вѣрѣ, въ ея ученіи, въ ея уставахъ будемъ искать поддержки, защиты и утѣшенія своему духу, гнетомому всюду, безпрестанно и ожесточенно, веществомъ. Обратимся къ ней съ дѣтскимъ довѣріемъ. Не насъ однихъ, а роды родовъ воспитала она уже для вѣчной жизни. Немѣру предовѣрчивый, а потому и ревнующій за права свои, человѣкъ вѣка нашего ничего такъ не отвращается, какъ порабощенія себя подобному. Отдадимъ ему должную справедливость. Одинъ какой-нибудь, или чей-нибудь личный взглядъ и образъ мыслей, получающій вдругъ силу и значеніе правила, обязательнаго для всѣхъ, въ дѣлѣ Вѣры конечно неумѣстны. Но въ святой православной, соборной, Апостольской Церкви и не было мѣста ничьему произволу. На то она есть *церковь*, т. е. совокупность вѣрующихъ, на то она—*Апостольская*, т. е. хранящая ученіе и преданіе Апостоловъ, поставленныхъ Христомъ! Съ другой стороны, кто же однако не согласится съ тѣмъ, что христіанство, просуществовавшее столько вѣковъ, должно было неминуемо передать отъ поколѣній къ поколѣніямъ память своего бытія? И кто будетъ отрицать, что вся совокупность вѣрующихъ извѣстнаго времени имѣла право

высказывать себя особеннымъ образомъ тѣмъ или другимъ церковнымъ постановленіемъ — безъ сомнѣнія, все на томъ же единственномъ и неизблемомъ основаніи Апостолъ и Пророкъ, сушу краеугольную самому Иисусу Христу (Еф. 11, 20) Такъ. Кто знаетъ, что Церковь есть живое (1 Петр. 11, 5) тѣло, и вмѣстѣ — *тѣло Христово* (1 Кор. 12, 27), тотъ не можетъ признать нужнымъ для нея никакого другаго законодательства, кромѣ того, которое въ ней есть и было дѣйствительно, и, для извиненія своей слабости, никогда не рѣшится обвинять установленія *Церкви Бога жива, которая есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Оставимъ так. обр. плотоугодію доказывать съ помощію всѣхъ, извѣстныхъ ему и чтпмыхъ имъ, наукъ земнаго благополучія, что всякая пища равна, что жизнь дороже пищи и проч. Все это могло бы имѣть значеніе только тогда, когда бы благосостояніе тѣла нашего было главною цѣлію всей нашей жизни.

Питомецъ *Хлѣба животнаго* (Іоан. 6, 35), пасыщающаго *дѣлающихъ брашно негиблющее* (—27)! Питаясь земнымъ, не забывай небеснаго, и *Господь* напичаетъ тебя со временемъ плодами *древа животнаго* въ Иерусалимѣ небесномъ (Апок. 22, 2)! Амнь.

ВЕСЕДА

ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮ ПО ПАСХѢ.

(на Литургіи).

Не многорѣчиво излагается въ святомъ Евангелии событіе, сдѣлавшее столько извѣстнымъ, и иногда даже незаслуженно упрекаемымъ, досто-
чтимое имя Апостола Фомы. Немногообстоятель-
но, вѣроятно, было и самое событіе. Не смотря
на то, Св. Церковь вполнѣ поняла его великую
важность, и почтила его особымъ празднествомъ.
Мы не слышимъ сегодня въ храмъ Божіемъ ни
привычныхъ пѣснопѣній Воскресной службы, ни
даже тѣхъ Пасхальныхъ пѣсней, которымъ будемъ
внимать въ слѣдующіе за симъ воскресные дни,

не слышимъ нынѣ въ ихъ полнотѣ. Собственно и исключительно воспоминается сегодня одно «доброе невѣріе Омино», которое «вѣрныхъ сердца въ познаніе приведе» по выраженію священной пѣсни. Подобно недѣлѣ Ваій, Пасхѣ, и Пятидесятницѣ, день сей выходитъ изъ ряда Воскресныхъ дней, и имѣетъ значеніе одного изъ великихъ Господскихъ праздниковъ. На языкѣ церковномъ вся минувшая седмица называется *обновительною* или не совсѣмъ точно—*новою*, а, заканчивающій ее, настоящій день—*Антипасхою*. По древнему обычаю еще Іудейской Церкви, ежегодное воспоминаніе какого-нибудь важнаго событія называлось въ народѣ *обновленіемъ* его, и праздновалось 8 дней, изъ коихъ послѣдній былъ какъ бы повтореніемъ перваго. Благочестивый сей обычай перешелъ и въ Церковь христіанскую. Великія событія Новаго Завѣта также сдѣлались у Христіанъ ежегодными осмидневыми праздниками, хотя древнее имя *обновленій* осталось только за величайшимъ изъ сихъ праздниковъ. Естественно, что и послѣдній день сихъ обновленій по древнему обычаю составлялъ какъ бы самъ собою отдѣльный праздникъ, отраженіе, противообразъ Пасхи,—*Анти-Пасху*. Не безъ намѣреннаго про-

мышленія Божественнаго, конечно, въ сей самый послѣдній день совершилось и второе явленіе воскресшаго Господа Ісуса Ученикамъ, такъ что Антипасха получила вдвойнѣ праздничный смыслъ.

По примѣру свѣтоноснаго дня Пасхи, простремъ въ томъ же духѣ слово собесѣдованія и въ свѣтлый день Антипасхи.

Ома же, отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бы ту съ ними, егда прииде Ісусъ. Глаголаху же ему друзии ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ рече имъ: аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму втры (Іоан. 20, 24, 25). Того, кто имѣлъ, повидимому, самую большую надобность видѣть Воскресшаго изъ мертвыхъ, не было, во время перваго явленія Его, между Апостолами. Какъ это случилось, мы не можемъ рѣшить. Будущему просвѣтителю отдаленнаго юга, сей предполагаемой родины и первоначальной школы челоѣчества, двукратно выпадалъ особенный жребій быть певольнымъ провозвѣстникомъ глубокихъ, непроницаемыхъ тайнъ посмертнаго бытія. Что тутъ видится явно персть Божій, въ этомъ не можно сомнѣ-

ваться. И такъ, *видѣхомъ Господа*, говорили невидѣвшему другіе ученики. Какъ ни умѣстно было, при томъ, въ душѣ послѣдняго возникнуть различнымъ вопросамъ, онъ оказался чуждъ всѣхъ ихъ. По крайней мѣрѣ такъ надобно заключить, читая святое повѣствованіе Евангельское. Апостолъ не спрашивалъ другихъ о подробностяхъ разсказаннаго имъ явленія Господа, такъ какъ бы онъ во все не имѣлъ сродной челоуѣку пытливости. Онъ не искалъ знать, что и какъ происходило. Онъ имѣлъ дѣло прежде всего съ самимъ собою; — видимо, былъ изъ тѣхъ твердыхъ умовъ, которые въ дѣлѣ вѣры и вѣдѣнія не легко подчиняются другимъ, и убѣждаются только своимъ, и, какъ говорятъ, непосредственнымъ, опытомъ. Оттого въ слѣдъ за вѣстію, что ученики видѣли Господа, онъ вдругъ все, столько дивное и предстательственное, дѣло воскресенія Христова подвергнувъ суду собственнаго опыта, дерзнувъ свое личное мнѣніе или душевное настроеніе, противопоставить всему божественному смотрѣнію, котораго столько чудныхъ и поразительныхъ свидѣтельствъ видѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ, можетъ быть, ежедневно, — дерзнувъ вступить какъ бы въ нѣкое состязаніе съ Богомъ; требуя или убѣдительныхъ доказательствъ согласно

съ своимъ желаніемъ или же подвергаясь опасности погибнуть въ невѣріи *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя.* мало того, — *аще не вложу перста моего въ язвы гвоздинныя.* и сего мало, — *аще не вложу руку мою въ ребра Его,* т. е. однимъ словомъ: если не испытаю дѣла, какъ хочу, — *не иму вѣры.* Такъ говорилъ онъ, *косный сердцемъ еже въровати* (Лук. 26. 25). Тугая и тяжелая, но благодѣтельная вѣра! Не будь ея, сколько бы вѣрующихъ, подобно Апостолу, пожелали осязать руками Воскресшаго изъ мертвыхъ! И сколько близорукихъ изслѣдователей христіанства въ исторической его отдаленности не увидѣли бы ничего, кромѣ произвольныхъ образовъ, построенныхъ людьми легковѣрными, и недалъновидными! Сколько враговъ святой Вѣры стали бы относить ее къ преднамѣренному измышленію и соглашенію нѣсколькихъ сговорившихся между собою лицъ? Но истинно слово священнопѣвца: «невѣріе вѣру и звѣстя у роди!»

Прежде чѣмъ увидимъ, какъ Божественный Промыслъ благоволилъ отвѣтить на дерзновенное требованіе человѣка, обратимъ вниманіе на сей страшный характеръ, упорно ставшій предъ общимъ и рѣшительнымъ свидѣтельствомъ, и требовавшій, чтобы истина не только была, но и видѣлась

всѣмъ истиною, и вѣра была яснымъ и полнымъ знаніемъ. Въ томъ училищѣ боговѣдѣнія, куда вводитъ насъ нынѣ своимъ повѣствованіемъ Евангеліе, весьма умѣстно взять нѣсколько уроковъ объ истинѣ и вѣрѣ. На всякую истину жизни въ душѣ человѣческой есть тайный отголосокъ — вѣра. Но слышится сей отголосокъ только тамъ, гдѣ душа чиста и свободна, — не предзанята, какъ говорятъ, ничѣмъ чуждымъ той и другой. Въ противномъ случаѣ между истиною и вѣрою неизбежно прекращается прямой союзъ, и для того, чтобы повѣрить первой, требуются тогда уже многія и разнородныя свидѣтельства. Если, по несчастію, человѣкъ получилъ неправильное образованіе ума или привыкъ измѣрять все (даже и не подходящее подъ мѣру его понятій) однимъ собственнымъ, мнимонепогрѣшимымъ, опытомъ, или обстоятельствами жизни доведенъ до мнительности во всемъ, то часто требованіямъ сихъ свидѣтельствъ не видится конца, — до тѣхъ поръ, пока истина не явится дѣйствительно такою, какою хотятъ ее видѣть. Чужому разсказу, чужому слуху и взору не повѣрить, при этомъ, считается дѣломъ самымъ естественнымъ и какъ бы законнымъ. Упорство переходитъ нерѣдко за эту степень сомнѣнія. Не до-

вѣряя своему собственному слуху и зрѣнію, иже-
 лають, такъ сказать, и взять въ руки истину, и
 — не только взять, но и удержать ее при себѣ на-
 всегда, еще болѣе — повѣрять ее, когда она уже въ
 рукахъ у нихъ. Что это, какъ не болѣзненное со-
 стояніе духа? Къ утѣшенію нашему, можно ска-
 зать, что общество вѣрующихъ во Христа сла-
 гается пабольшую частію изъ людей, охотно и
 вполне предающихъ себя святой истинѣ Евангелія,
 и не требующихъ для убѣжденія своего, *да кто*
взыдетъ на небо, сиречь Христа свести (Фил. 10.
 6.), — изъ людей, для которыхъ достаточно было
 бы напр. одного повѣствованія о воспоминаемомъ
 нынѣ событіи, чтобы призвать несомнѣнную исти-
 ну воскресенія Христова. Но надобно предпо-
 лагать между вѣрующими (конечно немногихъ)
 и такъ называемыхъ неувлекающихся или
 холодныхъ изслѣдователей истины, которые какъ-
 бы долгомъ поставляютъ для себя, не довѣрять ни-
 чему, что требуетъ себѣ ихъ согласія. Для сихъ-
 то немногихъ предживописаная въ Евангеліи сей
 поразительный примѣръ апостольскаго невѣрія.
 Поговоримъ о нихъ подробнѣе. Частное и одиноч-
 ное свидѣтельство истины они считаютъ весьма
 подозрительнымъ, общее — также сомнительнымъ,

устно передаваемое, едва ли равняютъ съ баснословіемъ, засвидѣтельствовавшее исторіей вводить въ безкопѣчный рядъ совопрошеній, древнее оглашаютъ одностороннимъ или предразсудочнымъ новое — примышленнымъ и невѣроятнымъ, однимъ словомъ: ничего не считаютъ удовлетворительнымъ. Имъ хотѣлось бы, чтобы истина явилась имъ, по ихъ первому призыву, видимо и осязательно, и притомъ такъ именно, какъ желаютъ ее видѣть. Для такихъ, мнимо-вѣрующихъ, вѣра если не есть осязательная очевидность, то она — суевѣріе. Имъ нельзя выдать ничего за послѣдній и окончательный признакъ истины; потому что всегда что нибудь найдется еще, чего могутъ они отъ нея потребовать. Если такое настроеніе ума и сердца есть невольное то человѣкъ достоинъ глубокаго сожалѣнія. Если благонамѣренный духъ ученаго изслѣдованія влечетъ къ тому человѣка, то онъ заслуживаетъ участія и терпѣливаго вразумленія. Но если злоба и лукавство пораждаютъ его, то для нихъ само Евангеліе кажется соборающимъ неправому обследованію истины. Апостольскія говорять лукаво, невѣрили, наперекоръ всеобщему свидѣтельству, и тѣмъ открыли путь папеш-

му невѣрію.. Христось, добавляють злонамѣренно, уважилъ его невѣріе до того, что показалъ ему желанную истину въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ тотъ хотѣлъ ее видѣть.. Но ни Апостоль не былъ для насъ примѣромъ подражанія въ этомъ случаѣ, а напротивъ былъ примѣромъ предостереженія, ни Христось, поносившій невѣрствію и жестосердію Апостоловъ, *яко видѣвшимъ Его воставша не яша въры* (Марк. 11. 14), не ублажилъ, какъ увидимъ, поступка мнительнаго ученика.

И по днехъ осмихъ паки прииде Исусъ, и глагола Оомъ: принеси перстъ твой стмо, и виждь руцъ Мои, и принеси руку твою, и вложи въ ребра Моя и не буди невѣренъ, но вѣренъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе минувшихъ седми дней много новыхъ помышленій открылось въ сердцахъ учениковъ Іисуса Христа. Можетъ быть уже не только Оома, но и другіе всѣ желали, чтобы повторилось то, чему они были свидѣтелями въ незабвенный вечеръ *единя отъ субботъ*. Привыкшему къ обыкновеннымъ законамъ земнаго, чувственнаго бытія, естественно было думать, что существующее дѣйствительнымъ образомъ долженствовало являться неразъ, а многократно, если не постоянно. Между тѣмъ видѣнный ими

и бесѣдовавшій съ ними въ оный всерадостный день Учитель не являлся имъ болѣе. Такъ прошло восемь дней. Если то не былъ призракъ, то гдѣ же Онъ былъ во все это время?. Но незримый Учитель былъ съ ними, Онъ видѣлъ ихъ, Онъ слышалъ ихъ разговоръ о Себѣ, Онъ ждалъ, можетъ быть, благопріятнаго случая найти ихъ всѣхъ, попрежнему совокупленныхъ воедино, чтобы стать посредѣ ихъ снова въ томъ же таинственномъ недомыслимомъ образѣ, въ какомъ видѣли Его прежде, и показать имъ, что сей образъ есть столько же истинный и дѣйствительный, сколько и тотъ, въ которомъ они видѣли и знали Его до Его смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что и одного вторичнаго явленія Господа Апостоламъ достаточно было къ тому, чтобы не сомнѣвался болѣе въ приснорастной истинѣ доселѣ коснѣвшій въ невѣріи ученикъ. Но поелику дѣло здѣсь выходило за предѣлы одного лица, и становилось достояніемъ всей Церкви, въ которой требованія Апостола Оумы могли по вторяться много разъ, поелику «невѣріе одного долженствовало утвердить вѣру многихъ», то Господь и восхотѣлъ словамъ ученика дать вѣсъ болѣйшій, нежели какой онѣ имѣли, и пригласилъ его выполнить на самомъ дѣлѣ то, къ

чему тотъ обязалъ себя своимъ опрометчивымъ словомъ. *Принеси персть твой стмо*, сказалъ ему Воскресшій, — ты, который подумалъ, что я могъ, или хотѣлъ оставить въ заблужденіи другихъ, когда показывалъ имъ *руцѣ и нозѣ и ребра Мои*, — *виждѣ руцѣ Мои*, если ты полагаешь, что твое зрѣніе вѣрнѣе и безошибочнѣе зрѣнія твоихъ собратій, — *принеси руку твою*, долженствующую подтвердить или обличить во лжи самое зрѣніе, да будутъ и здѣсь два свидѣтеля истины, требуемые закономъ, — *и вложи въ ребра Мои*, свою язву всего разительнѣе гласившія о Моей полной смерти, *виждѣ... принеси... вложи... и не буди невѣренъ, но вѣренъ!*

Довольно и одного краткаго изложенія Евангельскаго, чтобы видѣть, къ какимъ несообразностямъ приводитъ насъ желаніе вѣрить только самимъ себѣ, — притязаніе на то, чтобы въ одномъ только собственномъ наблюденіи, или изслѣдованіи видѣть и полагать непогрѣшимое ручательство истины. *Не буди невѣренъ, но вѣренъ*. Въ сихъ двухъ словахъ заключается приговоръ всему, что думалъ и дѣлалъ Апостоль. Желаніе, слѣд., подвести все подъ собственный опытъ, есть невѣріе, а невѣрію не должно быть мѣста въ ученикѣ Хри-

стовомъ.. Въ исторіи человѣчества, равно какъ и въ частной жизни одного человѣка, встрѣчаются нерѣдко обстоятельства, располагающія насъ невѣрять, обѣщанному Евангеліемъ, присутствію съ вѣрующими Господа Іисуса Христа *во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28. 20). Первые времена христіанства представляются умственному взору маловѣрующаго испытателя тѣмъ, чѣмъ для Апостоловъ былъ первый день воскресенія Христова. Тогда видимо печатлѣлось въ судьбахъ Церкви вседѣтельное присутствіе Христова. Много потомъ прошло вѣковъ. Царство зла ширилось и возрастало. Церковь страдала, вѣрслабѣла, чудесъ не было видно. Ереси и расколы разсѣкали тѣло Христово. Мечъ нечестія и изувѣрства плѣнялъ страны христіанскія. И современное человѣчество не представляетъ ли тѣхъ же явленій? Гдѣ же Христось, могли бы спросить нынѣшніе ученики Іисусовы? Если Онъ дѣйствительно есть, и пребываетъ въ Церкви, пусть Онъ явится міру, пусть разрушитъ и разоритъ царство нечестія, пусть покажетъ намъ *руцъ Свои*, которыми въ давнія времена сотворилъ столько знаменій и чудесъ, и накоторыя принялъ *язвы гвоздинныя*—во спасеніе наше! Пусть мы увидимъ Его, пусть осяжемъ Его. Но, Братія, не многого ли

желаемъ, и небезполезнаго ли требуемъ? Не будемъ льстить себѣ напрасно. Мы такъ непостоянны, что если бы и явился, мы вскорѣ бы о томъ забыли— не мы, такъ дѣти наши, не забыли бы, то какънибудь иначе перетолкуемъ явленіе Его! Если бы Онъ сталъ говорить съ нами тѣмъже языкомъ Евангелія, объ Отцѣ, небѣ, будущемъ царствіи: многіе ли изъ насъ перестали ли бы думать о домѣ, о чревѣ, о пищѣ, о чести? Если бы онъ сталъ снова совершать знаменія и чудеса: развѣ многіе изъ насъ не отвратилибы взоровъ отъ дѣлъ Его къ привычной и любимой пустотѣ привременнаго бытія, ядуще, піюще, купующе, продающе, женясь и посягая? Сомнительно, чтобы чтонибудь на свѣтѣ могло вдругъ измѣнить суетный порядокъ суетной жизни нашей, хотя бы это было явленіе самаго Христа. Братъ мой! Если только отъ явленій Христа зависитъ вѣра твоя, *не буди невѣренъ, но вѣренъ!* Господь нашъ, во вѣки обѣщавшійся быть съ нами, множество разъ являлся въ мірѣ послѣ явленія своего Апостоламъ. Ты можешь встрѣтить Его въ безчисленныхъ повѣствованіяхъ о жизни страсто-терпцевъ и подвижниковъ Св. Церкви не только въ Его богочеловѣческомъ образѣ, но и съ Его милующимъ и радующимъ словомъ, во всѣхъ предѣ-

лахъ земли, во всѣхъ убѣжищахъ вопіющей къ нему вѣры, отъ мрака отшельнической келіи до великолѣпія царскихъ чертоговъ. Приди къ симъ бытописаніямъ, симъ позднѣйшимъ памятникамъ, и какъ бы зеркаламъ Евангельской истины воскресенія и присносуція Христова, приикни умомъ и сердцемъ, и—*не буди невѣренъ, но вѣренъ!* Знаемъ мы, что когда напасти одна за другою преслѣдуютъ христіанина, вопреки всѣмъ его теплѣйшимъ чаяніямъ, вопреки его вѣрѣ и молитвѣ, въ подрывъ всякой надеждѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ душу несчастливца западаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности того, что проповѣдуются и священнодѣйствуются въ церкви. Если Христось дѣйствительно съ нами, и помогаетъ намъ, говоритъ малодушный, пусть Онъ избавить меня отъ бѣды, пусть явить мнѣ Себя, Свою силу, Свою любовь, Свою помощь непререкаемымъ свидѣтельствомъ Своего присутствія! Въ противномъ случаѣ, что бы мнѣ ни говорили, *не иму вѣры*. Знаемъ, что наконецъ онъ самъ не въ состояніи бываетъ совладѣть съ собою, удержаться противъ напора отчаянія. Съ другой стороны знаемъ, что его тяжкая душевная борьба происходитъ отъ его же вѣры въ неложное обѣтованіе Христова, и тѣмъ паче

побуждаемъ отослать его къ словамъ Христовымъ: *не буди невѣренъ, но вѣренъ*, — своимъ ничтожнымъ несчастіемъ не измѣрай величія Божія, и отъ своей беспомощности не заключай къ небытію помощника. Отчаяніе скорби ставитъ христіанина въ то же положеніе невѣрія, до какого довело Апостола отчаяніе мысли. И тотъ и другой не даютъ вѣры тому, чего не видятъ передъ собою. Но Апостоль съ тѣмъ и показалъ намъ примѣръ своего упорнаго невѣрія, чтобы послѣ него никто уже не становился на его мѣсто. Ибо во всякомъ случаѣ подобнаго ему маловѣрнаго ожидаетъ тоже слово Господне: *не буди невѣренъ, но вѣренъ*. Не забудемъ, что тотъ же Господь, Который своимъ явленіемъ отвѣтилъ на угрожающій, какъ бы, вызовъ Апостола *не иму вѣры*, не отвѣчалъ ничего на вызовъ первосвященниковъ съ книжники и старцы и фарисеи: *да сидеть нынѣ со креста, и вѣруемъ въ него* (Мат. 27, 42). Не все, значить, въ равной мѣрѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе челоуѣколюбца, хотя бы и произносилось во имя вѣры въ Него. И что говорить? Вспомнимъ *крѣпкій вопль* (Евр. 5, 7) самого Господа Іисуса Христа, со слезами молившагося Отцу о минованіи смертной чаши. Не примѣръ ли

это всякому нашему молитвенному воззванію къ подателю судьбы нашей. вмѣсто того, чтобы ставить ожидаемую свыше помощь вопросомъ вѣры въ Бога, не слѣдуетъ ли вопіющему о ней говорить вмѣстѣ съ Сыномъ, *навыкшимъ отъ сихъ, яже пострада, послушанію* (—8): *обаже не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. 22, 42)?

И отвѣща Тوما, и рече ему: Господь мой и Богъ мой. Теперь мы видимъ Апостола во всемъ величіи его Божественнаго призванія. Чѣмъ долѣе отрѣвалъ отъ сердца своего утѣшительную вѣру сомнѣвавшійся ученикъ, тѣмъ скорѣе она явилась въ немъ во всей зрѣлости и полнотѣ. Урокъ—тому, кто, потерявъ надежду побороть свои сомнѣнія, въ отчаяніи говоритъ: «что же мнѣ дѣлать? Я погибшій человекъ, я не могу вѣрить!» Что дѣлать? Имѣть терпѣніе, и ждать поворота къ лучшему состоянію души. Гонитель Савль сдѣлался ревностнѣйшимъ проповѣдникомъ Христа. Многіе мучители христіанъ сами пострадали за Христа. Лицедѣи, кощунствуя надъ христіанскими таинствами, вдругъ обращались въ христіанъ. Не одинъ, т. обр., Апостоль Тума стоитъ утѣшительнымъ явленіемъ на глухомъ и мрачномъ пути невѣрія, въ подкрѣпленіе, случайно попавшему на него страннику. Что дѣлать? Думать

чаще о томъ, что было, и ставить его въ связи со всѣмъ, что бываетъ. Самому себя доводить до вѣры, убѣждая умъ не только въ возможности, но и въ необходимости бытія того, что разъ было, и засвидѣтельствовало себя. Что дѣлать? Смиренно молить Бога, чтобы Онъ *приложилъ намъ вѣры* (Лук. 17, 5). Ибо не Ему, а намъ нужна вѣра наша. Путемъ вѣры нашей Онъ открылъ намъ возможность участвовать въ Его вѣчноблаженной жизни. И такъ намъ остается просить у Него сей вѣры, какъ великаго дара Его милости.

Господь мой и Богъ мой!. Никто еще изъ учениковъ Господа не высказалъ дотолѣ предъ Нимъ всего, что содержало въ себѣ самаго тайнаго и существеннаго Его явленіе между людьми въ образѣ пророка. Крайнему торжеству вѣры суждено было явиться въ слѣдъ за крайнимъ невѣріемъ. *Ты еси Сынъ Божій, ты еси царь Израилевъ* (Іоан. 1, 49), говорила нѣкогда пламенная, но не искушенная, вѣра, смѣшивавшая потому славу Божества съ достоинствомъ Израильскаго царства, *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мат. 16, 16), говорила другая вѣра, столько же пламенная, но уже проведенная чрезъ наблюденіе великихъ и чудесныхъ знаменій Божественнаго посланничества

Христовая, и потому въ лицѣ Сына Божія видѣвшая всѣми чаемаго Спасителя міра. *Господь мой и Богъ мой!* возгласила наконецъ вѣра, узрѣвшая въ Царѣ Израилевомъ и во Христѣ существо, не принадлежащее къ порядку міра сего, являющееся въ боголѣпной славѣ вѣчнаго бытія, приписывающее себѣ *всякую власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18). Первое сіе, прямое богопровѣданіе Іисуса Христа есть важнѣйшая часть настоящаго праздника, такъ какъ во всемъ событіи священнаго онаго вечера исповѣданіе его Богомъ было, безъ сомнѣнія, важнѣйшимъ обстоятельствомъ. Какимъ образомъ приведенъ былъ къ нему Апостолъ? Какія были у него посредствующія мысли между признаніемъ Божества Іисуса Христа и Его явленіемъ въ полнотѣ челоуѣчества? Трудно угадать ихъ тому, кто не былъ въ положеніи Апостола. Для насъ онъ оставилъ поучительный примѣръ того, какъ холодно, по земному, можно думать и разсуждать о Христѣ, не видя Его, и какъ вдругъ можно какъ бы охватиться чувствомъ присутствія Божества, узрѣвъ Его. Не холодное умозаключеніе сказало Апостолу, что учитель его есть *Господь* и *Богъ* его. Скорѣе вѣрить должно, что то сказало ему объявленное его мгновенно ощущеніе при-

сутствія Бога, поразившее духъ его благоговѣйнымъ страхомъ съ первыхъ словъ, съ коими обратился къ нему Господь, призывая его на судъ его собственной рѣчи. Съ тою легкостію, съ какою язычники города Лустръ (Дѣян. 14) сочли богами Павла и Варнаву, увидавъ совершенное ими чудо, не могъ ученикъ великаго чудотворца, постоянно приписывавшаго всѣ свои необычайныя дѣла Богу, счесть его самого Богомъ, если бы къ тому не призванъ былъ вопіющимъ внутри себя голосомъ неудержимой вѣры. Апостоль Ѳома былъ не только испытующій любитель мудрости, но и ревностный слушатель Богословія, ежедневно обращавшійся въ кругу вѣроучителей народныхъ; наконецъ онъ былъ строгій Іудей, вполне разумѣвшій все безмѣрное величіе Б о ж е с т в а. И однакоже, его первое исповѣданіе Воскресшему Учителю было: *Господь мой, и Богъ мой!* Тѣмъ цѣннѣе для человѣчества сія невольная проповѣдь его, положившая начало новому Богословію, предназначенному создать новый міръ мысли и жизни на землѣ.

Слово Божіе не говоритъ, осязалъ ли дѣйствительно, согласно своей прежней рѣшимости, своею рукою язвы Господни Апостоль. Пишется только, что на приглашеніе Учителя слѣзть это, от

вѣчалъ: *Господь мой и Богъ мой!* Весьма можетъ быть, что пристыженное словами Господа самовѣніе не оставило въ немъ мѣста прежнему дерзновенію. Достаточно было ему даже узнать только, что Господь слышалъ слова его, хотя и не былъ съ нимъ, чтобы не требовать болѣе осязательнаго испытанія его дѣйствительности, его истиннаго и полнаго бытія. Если же, для пользы и нужды Церкви, допущено было невѣрію Апостола дойти и до сей степенн, вмѣстѣ со всѣмъ, воспоминаемымъ нынѣ, событіемъ, мы можемъ считать Апостольское осязаніе однимъ предостерегательнымъ урокомъ вѣрующему, а ничуть не-примѣромъ для него. Думая такимъ образомъ, мы всякаго ученика Христова приглашаемъ учиться у Апостола его исповѣданію, а не вмѣстѣ и дерзновенію,—послушанію, а не притязанію,—страху вѣры, а не мужеству упорства. Когда так. обр. и тебѣ, вѣрный послѣдователь Христовъ, придетъ на сердце желаніе осязательно, такъ сказать, видѣть Бога, чтобы повѣрить то, въ чемъ увѣряютъ другіе, при первомъ явленіи Его уму твоему въ чинѣ ли природы, или въ судьбахъ твоей жизни, поспѣши преклониться предъ нимъ всею полнотою благоговѣйной вѣры, и не настаивай на

томъ, что скорѣе можетъ привести къ помраченію, а не къ просвѣтленію ума. Осяжи Бога взоромъ, а не рукою, тѣмъ менѣе рукою безстрашною. Для того Онъ, по слову писанія, *сотворилъ отъ единыя крове весь языкъ чловѣчь жити по всему лицу земному, оставивъ предучиненная времена и предѣлы селенія ихъ, чтобы разыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалеко отъ единого коегождо насъ суща. О Немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17. 26—28). При первомъ случаѣ, потому, когда и гдѣ только замѣтишь или ощутишь Его, не боясь смѣшать Творца съ тварію, а напротивъ смѣло повсюду открывая въ твари Творца, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ ума и съ восторженнымъ чувствомъ сердца спѣши исповѣдать Его предъ всѣми, вопія ему гласомъ умиленія: *Господь мой и Богъ мой!*

Глагола ему Исусъ: яко видѣвъ мя, вървалъ еси: блаженъ не видѣвшій и въровавшіи. Симъ оканчивается Евангельское повѣствованіе о вторичномъ явленіи Воскресшаго Спасителя вкупѣ собраннымъ Апостоламъ. Не смотря на то, что ученикъ исповѣдывалъ учителя Богомъ, Богочеловѣкъ не ублажилъ его, какъ ублажилъ нѣкогда Симона Петра (Мат. 16. 17) за подобный отзывъ. Вся честь и

вся радость сего убаженія досталась другимъ, и сія другіе—мы. *Яко видѣвъ мя, вървалъ еси*, т. е. увѣровалъ тогда, когда вѣрѣ уже не было мѣста, когда она изъ свободнаго согласія на истину переходила уже въ необходимость принять ее, въ невозможность не признать ея. Что же, слѣд., особенно похвальнаго сдѣлалъ ты? Искушилъ недостатокъ вѣры торжественнымъ исповѣданіемъ? Но не придавъ ей того исключительнаго свойства, по которому она должна предварять очевидность и необходимость истины. Такъ какъ бы говорилъ Господь увѣровавшему ученику: блаженъ не тотъ, кто, *видѣвъ Мя, вървалъ, блаженъ не видѣвшій и въровавшіе*. Нельзя пожелать болѣе утѣшительнаго и успокоительнаго для вѣрующихъ закончавія Христовой бесѣды. Точно какъ бы нарочно все сіе второе явленіе ученикамъ Иисуса Христа направлено къ намъ, Его отдаленнымъ по времени, но также близкимъ по духу, ученикамъ. Для насъ, какъ бы, Апостоль Ѳома искалъ осязать Воставшаго отъ мертвыхъ. Для насъ Воставшій снишелъ на дерзновенное желаніе пытливости. Для насъ устрешенный и восторженный испытатель превратился вдругъ въ богопроповѣдника. Для насъ проповѣданный имъ Богъ изрекъ оныя приснопа-

мятныя и приснорадостныя слова, ублажающія всю полноту Церкви до ея послѣднихъ предѣловъ, до ея окончательныхъ временъ.

Блаженнiи не видѣвшiи и вѣровавшiе... Братія! У какого христоролюбца не раждалось желаніе несбыточнаго благополучія возвратиться существованіемъ своимъ ко временамъ Евангельскимъ, примкнуть къ обществу блаженныхъ Апостоловъ, и вмѣстѣ съ ними видѣть и слушать Христа Спасителя? *Блаженнiи очи, видящiя, яже видите* (Лук. 10. 23), говорилъ Господь своимъ современникамъ. И по истинѣ, блаженнѣе сего ничего не можетъ представить себѣ христіанинъ. Всегда, потому, съ нѣкоторымъ прискорбіемъ думаемъ мы о своемъ времени, какъ времени лишенія и сиротства. Даже одни церковныя, празднественныя воспоминанія о Христѣ на время дѣлаютъ насъ блаженными, и печалютъ своимъ окончаніемъ. Мы испытали это вчера, прощаясь по истинѣ съ *святою и свѣтлою седмицею*. Сердце наше и въ дѣлѣ Св. Вѣры тоже самое, которое въ обыкновенномъ быту жизни безпрестанно тревожитъ насъ радостями пріобрѣтенія и горестями лишенія. Сердцевѣдецъ зналъ нашу немощь, и прежде отшествія Своего отъ насъ заботился о насъ. Въ утѣшеніе и успокоеніе наше

Онъ сказалъ предъ учениками Своими ту великую и чудную истину, что они, Его очевидцы, не имѣютъ блаженнаго преимущества, какое имѣемъ мы, не видѣвшіе и не слышавшіе Его,—преимущества чистой, совершенной, самопожертвовательной вѣры. Поймемъ же и ублажимъ, христоролюбивые братія, сіе преимущество наше, и при этомъ постараемся, во 1-хъ, сдѣлать вѣру нашу достойною ея имени, такъ чтобы ею и чрезъ нее мы и не видя видѣли и не слыша слышали, и не осязая чувствовали Христа, съ нами живущаго; во 2-хъ, сдѣлать жизнь нашу согласною съ нашею вѣрою, чтобы говоря языкомъ: вѣрю, не говорить дѣломъ: и не думаю о вѣрѣ! Постараемся, въ 3-хъ, чтобы и вѣра и жизнь направлялись по тому, единственно вѣрному, чистому и совершенному образцу, который содержитъ и указываетъ своимъ чадамъ Православная Церковь.

Вѣрный ученикъ Господа Иисуса Христа! Что бы тебѣ ни говорили *помыслы многіе* насчетъ Св. Вѣры и Св. Церкви, не склоняй умственнаго слуха своего къ навѣту невѣрія, — *не буди невѣренъ, но вѣренъ!* Вѣрный послѣдователь Господа Иисуса Христа! Что бы ни говорили тебѣ различныя искушенія жизни насчетъ путей Божественнаго

промысла, не склоняй сердца своего къ *совѣту*
нечестія, и въ благоговѣнномъ смиреніи всегда и
 за все говори: *Господь мой и Богъ мой!* Тогда
 оправдается и на тебѣ исполнѣ не столько насто-
 ящею, но и будущею жизнію слово Господне,
 сказанное ко всѣмъ, но приличествующее не мно-
 гимъ: *блажени не видѣвши и вѣровавши. Аминь.*

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮ ПО ПАСХѢ.

(на вечерни)

Не буди невяренъ, но ввяренъ.

И такъ, въ обществѣ самихъ учениковъ Христо-
выхъ, самовидцевъ и собесѣдниковъ и соучастни-
ковъ воплотившагося Бога Слова, было уже мѣсто не-
вѣрію! Горькая и безотрадная мысль! Чего жеждать
отъ учениковъ Его, отдаленнѣйшихъ и по времени
и по мѣсту? Какъ слабому сѣмени Св. Вѣры взойти
и возрасти въ древо, долженствующее осѣнить со-
бою всю землю? Какъ устоять и удержаться тому,
что, повидимому, готово было пасть и разрушиться
при самомъ построеніи? Не отъ самого ли Господа
слышится, тяжкое для христіанскаго слуха, слово:

обаже Сынъ Человѣческій, пришедъ убо, обращаетъ ли вѣру на земли (Лук. 18, 8)? Когда пройдеши мысленно исторію Христовой вѣры, то сколько разъ печально задумаешься надъ судьбою ея! Когда посмотришь на современный христіанскій міръ, то не только задумаешься, но и упадешь духомъ отъ горестнаго зрѣлища.. Вѣра Божія, святая, спасительная, чудодѣйственная—гдѣ ты? *Гдѣ есть вѣра наша* (Лук. 8. 25), можемъ и мы, въ слѣдъ Господу, спросить самихъ себя. Но изъ устъ вѣрующаго, въ обществѣ вѣрующихъ, притомъ на мѣстѣ тайносовершительныхъ дѣйствій вѣры—умѣстно ли слышать жалобу на отсутствіе вѣры? Ахъ, вѣрующіе братія! Если только надлежащимъ образомъ понять, чтѣ такое вѣра, то легко не повѣрить и собственному завѣренію о вѣрѣ.

Что же такое Вѣра?

1. *Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1). Такъ опредѣляетъ намъ ее Св. Апостоль Павелъ. Съ перваго раза видно, что ту вѣру, которая у всякаго на языкѣ надобно значительно пополнить намъ. Чего мы *уповаемъ*, и чего *не видимъ*? Многого и премногого не видимъ, и еще большаго уповаемъ. То, что мы видимъ, говорятъ, есть только малѣйшая часть въ

сравненіи съ невидимымъ, а то, что имѣемъ, насъ учать, есть совершенное ничтожество въ сравненіи съ уповаемымъ. Вѣра т. обр. заключаетъ въ себѣ предметы величайшіе, неисчетные и недомыслимые. Это одно уже ставить ее превыше всего, что входитъ въ кругъ нашего мышленія и помышленія. Но съ вѣрою, кромѣ того, соединяется столько *обитованій живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4. 8), что она становится не высочайшимъ только, но и самымъ ближайшимъ къ намъ предметомъ. Что же она такое? Кратко можно бы сказать, что она есть согласіе на то, чему учить Церковь. Но и Церковь учить тому, во что научилась вѣрить, слѣд. начало вѣры надобно искать далѣе самой Церкви. Она передаетъ намъ только ученіе Христово. Но и Господь Иисусъ Христосъ говорилъ, что *ученіе Его нѣсть Его, но Пославшаго Его* (Іоан. 7. 16), что Онъ возвѣщалъ только то, что *слышалъ отъ Отца* (—8, 26). Вѣра, братія, о которой столько слышится и говорится, есть нѣчто весьма важное, нужное и трудное въ ряду всего, чѣмъ долженъ быть занятъ умъ человѣческой. По своей высотѣ она требуетъ, по своей близости къ намъ стѣдить того, чтобы бесѣдѣ о ней посвятить самое глубокое и неразсѣянное, любомудренное, вниманіе.

Не обвиняясь скажемъ: вѣра наша есть мысль Божія. Вѣра начинается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ началомъ его лично сознательной жизни. Вѣра во что? спросите вы. Вѣра во все, вѣра въ свое бытіе, въ бытіе міра, въ связь одного бытія съ другимъ, въ опредѣленный образъ міра, въ порядокъ его, цѣлесообразность его, причинность его. Все это одна и та же вѣра, она же и разумная жизнь. Человѣкъ, говоримъ мы, есть существо разумное, потому что онъ есть образъ Бога—перводѣтельнаго и началоисточнаго ума. Быть же разумнымъ ему значило быть созданнымъ съ тѣмъ, чтобы разумѣть все его окружающее, и, побуждаясь разумніемъ, рѣшиться такъ, или иначе дѣйствовать, т. е. жить. Но то, что первообразъ его, Богъ, вѣдаетъ вдругъ, во всей пространственной и временной совокупности, всесвободно и всесовершенно, человѣкъ не иначе познаетъ, какъ только по частямъ, одно за другимъ, неполно, какъ бы неволью, неточно, неясно, однимъ словомъ недостаточно. Съ первыхъ минутъ бытія своего, такъ обр. онъ долженъ видѣть себя посреди безконечнаго множества предметовъ, нравственно его занимающихъ, которые ему предстоитъ узнать. Но какъ узнать? У души его есть къ тому нѣсколько

внѣшнихъ путей. Она напр. видитъ, слышитъ и т. п., вслѣдствіе чего и находитъ вещи съ опредѣленными свойствами, въ опредѣленныхъ отношеніяхъ одну къ другой и къ ней самой. За тѣмъ полагаетъ, что признанное ею точно таково, какъ ей кажется, и наконецъ, на основаніи сего положенія, составляетъ свои обо всемъ понятія, путемъ которыхъ и уразумѣваетъ міръ. Какой нескорый, не прямой, не безопасный путь вѣдѣнія! Хорошо ли душа видитъ, слышитъ и т. п.? Тѣ ли свойства находитъ, какія существенно принадлежать вещамъ? А всего важнѣе: точно ли можно положиться ей на истину своихъ заключеній? Кто ей поручится, что внутренній законъ ея мыслей находится въ полномъ соотвѣтствіи съ законами бытія вещей? Не смотря на все это, человѣкъ лишь только увидитъ вещь, тотчасъ составляетъ заключеніе о ней. Откуда же оно? *Отъ вѣры.* Человѣкъ вѣритъ, что его заключенія согласны съ самымъ дѣломъ. Кто увѣряетъ его въ этомъ? *Вѣра-отъ слуха.* Онъ слышитъ въ себѣ голосъ истины, заставляющій его думать такъ, а не иначе. Сей голосъ доноситъ до него духъ его—первоначальная черта сходства нашего съ Богомъ, обращенная всегда къ Богу, частію однажды и навсег-

да изглаголавшему Себя въ немъ, частію доселѣ глаголющему въ святилищѣ существа нашего.— въ совѣсти. *Слухъ же глаголомъ Божиимъ* (Рим. 10. 17). И такъ, Богъ глаголетъ въ совѣсти. Совѣсть изводитъ слухъ, слухъ внушаетъ вѣру, вѣра даетъ вѣдѣніе, вѣдѣніе рѣшаетъ дѣло. Вѣра, т. обр., предваряетъ въ человѣкѣ всякое познаніе ума, всякое опредѣленіе воли. Она есть первое и существенное послѣдствіе его тварнаго, и еще болѣе, его духовно-тѣлеснаго бытія. Она есть посредница для него между Богомъ и міромъ. Гдѣ-она, тамъ несомнѣнное свидѣтельство о Богѣ единомъ, неизмѣнномъ, всегда себѣ вѣрномъ, положившемъ на всякомъ бытіи свой единый, вѣчный законъ, и чрезъ него открывающемъ себя всему разумному міру. Она предназначена къ тому, чтобы при всѣхъ перемѣнахъ познаванія и дѣйствованія хранить въ глубинѣ духа человѣческаго одно и то же, вѣчное признаніе Бога. Ибо прежде всего и паче всего она есть свидѣтельство о Богѣ, осуществившемъ свою творческую мысль во всемъ, къ чему суждено человѣку обращаться съ своею разумною и неразумною жизнію. *Вся Содѣлавшій Себе ради* (Притч. 16. 4) не могъ дать другаго значенія всей чудной цѣлеобразности міра, кромѣ проявленія

повсюду Себя Самого. Оттого, стремясь къ міру, человѣкъ волей-неволей стремится къ Богу, и вѣруя во что бы то ни было въ мірѣ, исповѣдуетъ тѣмъ свою вѣру, въ премірное бытіе, дающее смыслъ явленіямъ міра. Первый взглядъ на безпредѣльное разнообразіе всего существующаго и на неудержимое влеченіе ко всему духа нашего убѣждаетъ всякаго, что человѣкъ созданъ не съ тѣмъ, чтобы прилѣпиться къ чему нибудь одному исключительно, или имѣть что нибудь одно въ виду, внѣ связи его со всѣмъ прочимъ, нѣтъ,—а напротивъ—съ тѣмъ, чтобы отъ всего идти къ одному, въ безконечномъ разнообразіи искать неизмѣннаго прообраза всего, и думая о томъ, что приходитъ и проходитъ, додумываться постоянно до того, что остается не преходящимъ во вѣки. Сіе то единое, первообразное и вѣчное и составляетъ существенный предметъ всякой вѣры человѣческой. Какъ бы ни ограниченно, ни односторонне раскрывалъ человѣкъ свои познавательныя силы, всегда онъ дѣйствуетъ по указанію и руководству одной и той же, прирожденной ему, вѣры. Вѣра, т. обр., есть самобытная школа боговѣдѣнія для человѣка, изъ которой онъ не можетъ выйти до тѣхъ поръ, пока владѣеть разумомъ. Въ древнія

времена къ вѣрѣ обыкновенно примыкало и всякое любомудріе человѣческое, такъ что хранитель и учитель вѣры былъ вмѣстѣ тогда и наиболѣе ученый человѣкъ и пѣснописецъ и ораторъ и даже врачъ. Подъ покровомъ вѣры развивалась тогда вся частная и общественная жизнь людей, которой первое слово было слово вѣры. И сколько человѣкъ ни разномыслилъ, ни заблуждался, ни развращался на землѣ, посланница Божія, вѣра, всегда неуклонно ходила за нимъ пѣстуномъ. Что ни говорили человѣку его *боязливыя и погрѣшительныя помышленія* (Прем. 9. 14), къ какому животному безчувствію и бессмыслію ни влекли его страсти и похоти, она, и въ самомъ невольномъ обезображеніи своемъ свято чтимая и превозносимая, неумолкаемо говорила ему о Богѣ, заставляла его тяготиться удовольствіями, отрѣшаться отъ суеты, торжествовать надъ страстями, обращала его къ его совѣсти, говорила ему о невидимомъ, бессмертномъ, духовномъ, учила богомыслію, богопочтенію. Сколь мало удовлетворялъ сему внутреннему влеченію человѣка внѣшній, суетливый, чувственный характеръ жизни, это извѣстно. Вмѣсто дѣйствительности онъ давалъ душѣ мечту, вмѣсто истины — ложь, вмѣсто богопочтенія-бессмы-

сленный обрядъ, вмѣсто Бога дерево и камень. Сколь много терзалась отъ сего душа, призываемая, конечно, вѣрою къ лучшему и совершеннѣйшему богопоклоненію, это также извѣстно. Она то отвергала одно за другимъ ложныя вѣрованія и мечтательныя предположенія, то пыталась совмѣстить ихъ какимъ-нибудь образомъ въ одно вѣроученіе, то думала выбрать изъ нихъ наилучшее, очистить ихъ, объяснить сколько нибудь богоприлично. Но ни что не помогало. Вѣра внутренняя (идея Божества) наконецъ уже слишкомъ далеко расходилась съ вѣрою внѣшнею (религіею). Первая всегда учила человѣка идти отъ себя и отъ міра на пути боговѣдѣнія, послѣдняя страстно устремлялась на всякій земный образъ, отыскивая въ немъ утраченныя черты Божества, представляла Бога въ ложномъ видѣ, обезображивала, уничтожала, не яко Бога прославляла, измѣняла Его въ подобіе тльнна чловька и птицъ и четвероногъ и гадъ (Рим. 1, 23). Когда ученіе Господа нашего Иисуса Христа огласило міръ, вѣра узнала это ученіе, какъ собственное достояніе, и всюду, гдѣ его ни встрѣчала, спѣшила присоединиться къ нему, корить ему разумъ, какъ спасительной божественной истинѣ. *Николѣ же тако есть малолазъ че-*

ловѣкъ, яко же сей человекъ (Іоан. 7, 46).. Къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаша (+6, 68).. Учителю, добръ рекъ еси (Лук. 20, 39). Что сотворимъ, яко человекъ сей многа знаменія творитъ? Аще оставимъ его тако, вси увѣруютъ въ него (Іоан. 11, 48).. Не сердце ли наше горѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути (Лук. 24, 32)? Что сотворимъ мужіе и братіе (Дѣян. 2, 37).. Яко не можемъ отрещися (—4, 16)?.. Вмалъ мя препираеша христіанина быти (27, 28). Сіи и другія, подобныя имъ, свидѣтельства полного согласія внутренней вѣры людей съ Евангельскимъ ученіемъ говорили, что отсель оно одно должно быть общимъ вѣрованіемъ человѣчества. И дѣйствительно, вскорѣ истины христіанства привлекли къ себѣ вѣру человѣчества, какъ совершеннѣйшій ея первообразъ. Всякій, на кого падалъ, положенный въ Сіонь для непостыдной вѣры, Камень (Рим. 9, 33), стывался имъ, и всякій, кто падалъ на сей камень, сокрушался объ него (Лук. 20, 18). Странная (Дѣян. 27, 20) и буяя (1 Кор. 1, 21), по выраженію Апостола, проповѣдь побѣждала міръ (1 Іоан. 5, 4). Въ настоящее время подъ именемъ Вѣры главнымъ образомъ разумѣтся уже вѣра въ ученіе Христово, отъ которой рѣзко

отдѣляется всякая другая вѣра, понимаемая какъ *невѣріе* (1 Кор. 7. 1. Тим. 5, 8.) или и прямо *безбожіе* (2 Іоан. 9).

Братія! Судя по тому, что сказано нами о вѣрѣ, какъ легко, повидимому, вѣрять! Къ вѣрѣ влечетъ человѣка его природа. Вѣра есть самое желанное явленіе въ человѣчествѣ. Вѣра имѣетъ на своей сторонѣ всевозможныя свидѣтельства своей истинности. Вѣра столько даетъ и еще болѣе обѣщаетъ дать человѣку. Что же значить, что вѣра святая не вездѣ есть, гдѣ есть сердце человѣческое, гдѣ есть духъ богоподобный?

Во 1-хъ, тоже значить, что значило, столько разъ встрѣчающееся въ Евангеліи, невѣріе учениковъ Господа. Не во всей ли полнотѣ и ясности говорила имъ за себя св. вѣра и словомъ и дѣломъ ихъ Учителя? Не достаточно ли было, повидимому, и одного изъ безчисленныхъ чудесъ Его, чтобы довѣриться Ему совершенно? Но только въ рѣдкія минуты восторженнаго порыва ума и сердца они высказывали свою вѣру въ Него. А прямо и единогласно исповѣдали это уже только въ послѣдній вечеръ своего блаженнаго общенія съ Нимъ. *Нынѣ вѣры, говорили, яко вѣси вся и не требуеши да кто Тя вопрошаетъ.* О семъ

вѣруемъ, яко отъ Бога исшелъ еси (Юан. 16, 30). Но и тогда они еще обманывали себя. Учитель сказалъ имъ: *нынѣ ли вѣруете? Се грядетъ часъ, и нынѣ прииде, да разыдется кійждо во своя, и Мене единого оставите (—31).* Такъ и случилось. Сколько разъ прежде Своей смерти Онъ говорилъ имъ, что *Его убіютъ* и что Онъ *воскреснетъ въ третій день*. И что же? Не только никто не ждалъ этого, но никто и вѣрить не хотѣлъ тому, что Онъ дѣйствительно воскресъ въ третій день. Что же это за ослѣпление было очесъ чувственныхъ и умственныхъ? Это была крайняя немощь природы человѣческой, до того оземленившейся, осутившейся, уничижившейся, что ей уже какъ бы невозможно стало возвышаться до крѣпкой, полной и живодѣйственной вѣры въ самое рѣшительное и непререкаемое откровение Бога. Тою же немощію одержимы и всѣ мы. Не пойдемъ далеко за примѣромъ. Представимъ себя на мѣстѣ Апостоловъ собранными вкупѣ на горѣ Галилейской, или представимъ, что Галилея оная здѣсь, въ семь собраніи вѣрующихъ. Господь предстаесть предъ насъ, и показываетъ намъ *руцѣ и козѣ и ребра своя*. Мы не затруднимся сказать, что подобное явленіе передъ нами

Иисуса Христа вызвало бы въ насъ и глубочайшее благоговѣніе и теплѣйшее умиленіе, всесвятое, благое и совершенное. Но на долголи? Едва бы окончилось предивное видѣніе, у насъ немедленно открылось бы мѣсто переговоровъ и совопрошеніямъ о немъ, преніямъ, мнѣніямъ, и сомнѣніямъ. Чуть бы мы вышли изъ храма, охватившій насъ потокъ обычной жизни вдругъ ослабилъ бы въ насъ потрясающее впечатлѣніе только что совершившагося знаменія. Почти можно быть увѣреннымъ, что къ концу того же самаго дня мы бы уже думали о немъ такъ же, какъ о многомъ другомъ, а къ концу слѣдующаго дня—какъ думаемъ обо всемъ другомъ! Мѣсяць, а тѣмъ паче годъ, достаточны къ тому, чтобы если не совсѣмъ изгладить, то вполнѣ ослабить память событія. Время, обычный ходъ природы, привычная суета жизни, страсти духа и пристрастія плоти подавляютъ и погашаютъ въ человѣкѣ все, что *нѣсть отъ міра сею*. Не дивно потому что и вѣра святая, отъ безпрестанныхъ волненій и прираженій міра, колеблется въ человѣкѣ во всѣ дни земной жизни его, и что ее нужно беречь и поддерживать, возвращать, а иногда и вновь насаждать. *Господи! Приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5) говорили, въ вѣчное поученіе вѣрующихъ, Апостолы.

Во 2-хъ,—тоже значить, что значило, преслѣдовавшее Господа Христа въ теченіе всего служенія Его роду человѣческому, подозрѣніе къ Его лицу, слову и дѣлу книжниковъ и фарисеевъ, переходившее не рѣдко въ открытую вражду, въ ожесточеніе, въ гоненіе противъ Него. Онъ самъ говорилъ: *вино ново не вливаютъ въ мѣхи ветхи* (Мат. 9, 17), а большая часть Его слушателей были именно мѣхи ветхіе, изветшавшіе отъ древней лжи, привыкшіе къ ней, всосавшіе въ себя ея богопротивный духъ,—для которыхъ тяжело и невыносимо было новое ученіе. Оттого они употребляли всѣ усилія, чтобы перетолковать, исказить и уничтожить дѣло Христово, — называли Его льстецомъ (Іоан. 7, 12), грѣшникомъ (—9. 24), ядцею и пійцею (Мат. 11. 19), бѣснымъ (Іоан. 8. 52), еретикомъ (—49), собщникомъ діавола (Мат. 12. 24), богохульникомъ (Іоан. 10. 33) и т. п.,—гнали и тѣснили Его до тѣхъ поръ, пока не предали послѣднему поруганію, и не стерли, по ихъ мнѣнію, враждебнаго ученія съ лица земли. Тоже было и съ первыми проповѣдниками Христіанства. Ихъ называли суесловивыми (Дѣян. 17. 18), шіянными (—2. 13), бѣснующимися (—26. 24), хульниками (—6. 13), представителями ереси (—24.

5), развратителями вселенныя (—17. 6), сквернителями святыни (—21. 28), губителями (—24. 5) и т. п., — гнали, мучили и убивали, большею частью думая *службу приносить Богу* (Иоан. 16. 2)! Обстоятельства времени нашего, конечно, иные. Но проповѣдника Св. вѣры не встрѣчаетъ ли и нынѣ вѣкое тайное озлобленіе, тайное противодѣйствіе успѣху, тайное злорадованіе неуспѣху, многое тайное... И тайное ли только? Заботливый взоръ христоробца не видитъ ли и нынѣ кругомъ себя, въ средѣ христіанской, вмѣсто *новой твари* (Гал. 6. 15), вмѣсто *людей обновленія* (1 Петр. 2. 9) все тѣ же, пропитанные запахомъ Іудейства и язычества, *мъхи ветхіе*, хотя, можетъ быть, и другаго вида и иного качества?

Въ 3-хъ,—тоже значить, что значить холодная и неплодная вѣра бѣсовъ, которые не могутъ не вѣрять, *вѣрують* до того, что *трепещуть* (Іак. 2, 19), но принимаютъ вѣру не какъ свободное убѣжденіе, а какъ насильственную, тягостную и ненавистную необходимость. Случается, конечно, и не въ бѣсахъ находить сію христоненавистную вѣру, при которой вѣрующій радъ бы совсѣмъ отказаться отъ вѣры, если бы только могъ замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ, или если бы

могъ сдѣлать это безъ укора своему имени и безъ ущерба своему благополучію. . Нѣтъ ничего дивнаго, что такъ мало проявляетъ себя вѣра Христова въ такомъ вѣрующемъ, такъ слабо держится въ немъ, такъ скудно плодоносить, такъ робко выступаетъ противъ нападокъ невѣрія, такъ безуспѣшно борется со грѣхомъ! Братія! хотя малый упрекъ въ такой бездушнѣй вѣрѣ не падаетъ ли и на насъ? Вѣримъ ли мы тому, чему вѣримъ, съ такою же теплотою, живостію, несомнѣнностію и рѣшительностію, какъ вѣримъ всему окружающему насъ, ходу и порядку вещей? Не забудемъ, что въ душѣ нашей возможно незамѣчаемое, неощутимое лицемѣріе. Убѣжденъ бываешь, что вѣришь, и въ то же время и мысли не имѣешь о вѣрѣ. До трепета боишься Бога, и въ то же время забываешь о Немъ совершенно. Не *храмлемъ* ли и мы на *объ плеснь* (3 Цар. 18. 21) наши въ этомъ случаѣ, по выраженію пророческому?

Можетъ быть, суета и многопечительность житейская доселѣ не давали намъ времени и повода всмотрѣться въ свою вѣру. Можетъ быть, привычка искать и находить въ себѣ только одно хорошее скрывала отъ насъ до сихъ поръ состояніе вѣры нашей. Займемся ею теперь. *Нынѣ время*

благоприятно (2 Кор. 6, 3). Воскресеніе Христово есть вѣнецъ, сила, слава и держава нашей вѣры. Имъ прежде всего Апостолы стали насаждать и утверждать въ людяхъ Св. вѣру. *Велию силою*, сказано о нихъ, *воздалху свидѣтельство воскресенію Господа Іисуса Христа* (Дѣян. 4. 33). Оно такъ связано съ вѣрою, что, по слову Апостола, *аще Христосъ не воста, тща бысть вѣра наша* (1 Кор. 15. 14, 17). Если же Христосъ восталъ, то вѣра наша не встрѣчаетъ ничего, что бы останавливало какимъ бы то ни было образомъ успѣхъ ея. И вся вина ея оскудѣнія вполнѣ, неотразимо и неизвинимо падеть на насъ.

2. Допытываясь существа Вѣры, мы не усомнились назвать ее *Божіею мыслию*. Такое выраженіе употребили мы только примѣнительно къ человеку, — образу и подобію Бога. Сотворитель мысли нашей конечно мыслить, думаемъ мы. Но что въ насъ является ограниченнымъ, сложнымъ и колеблющимся помышленіемъ, то въ Богѣ надобно представлять безконечною полнотою опредѣленія или судьбою. При всемъ томъ, сходство между тѣмъ и другимъ есть, и мы, исходя изъ него, нудимся дѣлать слѣдующее соображеніе: за мыслию у человека слѣдуетъ дѣло. Мы это видимъ въ се-

бѣ всякую минуту, не знаемъ, однакоже, какимъ образомъ изъ одного вытекаетъ другое,—кто, какъ и чѣмъ посредствуетъ между мыслящею душою и дѣйствующимъ тѣломъ. Видно только, что есть таинственная нѣкая сила у мысли, совершающая вдругъ то или другое, по ея мановенію. У Божіей ли мысли нѣтъ сей силы? Есть она—живая, властная, присносушая и всемогущая, тайно-совершительная сила вѣры, извѣстная всѣмъ и каждому изъ Св. Евангелія. *Вся возможна вѣрующему* (Марк. 9. 22), провозгласилъ въ слухъ всего міра нашъ Божественный Учитель.

Вѣра, так. обр., во вторыхъ, есть «увѣренность въ томъ, что человекъ можетъ дѣлать все».. *Господи! Кто вѣрова слуху нашему* (Ис. 53, 1)? Такъ вопіялъ нѣкогда пророкъ, возвѣщая великое таинство искупленія рода человѣческаго. Не возопіемъ ли и мы къ Провозвѣстнику великаго таинства вѣры: Господи! кто вѣрова слуху Твоему? Кто, когда имѣлъ дерзновеніе согласиться съ тѣмъ, что для вѣрующаго нѣтъ ничего невозможнаго? Кто самъ на себѣ испыталъ дѣйствіе такой всемогущей вѣры? Однакоже, братія, слово Господне не подлежитъ пререканію, и надобно признать несомнѣннымъ, что дѣйствительно и возможна и есть

на самомъ дѣлѣ сія чудная, непостижимая, и какъ бы противоестественная, вѣра. Откуда она? Повторимъ и здѣсь опять то же Апостольское слово: *вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. 10, 17). Всякой вѣры источникъ, основаніе и утвержденіе есть глаголь Божій, кромѣ котораго разумъ человѣческій не склоняется ни передъ чѣмъ. Послушаемъ сего предвѣчнаго глагола. *Сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію*, сказано было о насъ, когда мы были еще только въ мысли Звждителя, *и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными и скотами и всею землею* (Быт. 1. 26). Не могъ внимать, конечно, сему глаголу тотъ, кто имѣлъ обладать землею, какъ еще насуществовавшій по дыханіе Божественное, положенное въ основу жизни его, могло въ послѣдствіи, съ большею или меньшею ясностію раскрыть ему тайну господственнаго вліянія его на природу. Сего недостаточно. Господь *въ слухъ уха* первыхъ людей повторилъ свое благословеніе и свое опредѣленіе *владѣть имъ землею* (—28). Внимая сему двоякому внушенію, человѣкъ не могъ забыть того, что онъ обладатель природы земной, находилъ себя дѣйствительно такимъ, и вѣрилъ въ свою

великую власть надъ міромъ. То блаженное время давно, и очень рано для человѣчества, окончилось. Первый повелитель сталъ первымъ рабомъ въ своемъ разстроенномъ царствѣ, и чѣмъ болѣе онъ погашалъ въ себѣ вседѣтельнаго Духа, тѣмъ менѣе оставалось въ немъ царственного величія. Міръ отовсюду воставалъ на него, тѣснилъ его, томилъ, измождалъ, уничижалъ. вмѣстѣ съ тѣмъ погасала и вѣра обладателя въ свое владычество. Онъ не только пересталъ думать о своемъ высокомъ значеніи для земли, но самъ добровольно возвысилъ надъ собою землю отъ великаго до малаго изъ ея явленій и произведеній. Величайшій мужъ ветхаго завѣта, обновитель рода человѣческаго, Ной, приѣмля отъ Бога новое благословеніе на новое обладаніе землею, имѣлъ уже нужду въ посторонней поддержкѣ своего пререкаемаго достоинства. *И страхъ и трепетъ вашъ будетъ на всѣхъ звѣрехъ земныхъ*, говорилъ ему Богъ, *въ руцѣ ваши вдахъ я* (Быт. 9, 2). Другой великій мужъ, явившій въ себѣ безпримѣрную силу духа и заслужившій имя *Отца върующихъ* (Рим. 4, 11), прямо и торжественно исповѣдалъ предъ Богомъ, что онъ *земля и пепелъ* (Быт. 18. 27). *Но не раскаянна дарованія и званіе Божіе* (Рим. 11, 29).

Не смотря на всю глубину своего паденія, чело-
вѣкъ остался въ завѣтѣ съ Богомъ, и Его силою
восполнялъ немощь духа своего. При первомъ воз-
вышеніи бывшаго державца земли надъ грѣхомъ
и суетою, при первомъ взысканіи имъ утраченной
власти, Господь, какъ отецъ чадолюбивый, спѣшилъ
возвратить ему его первобытное достоинство,—и
сколько длился завѣтъ Божій съ челоуѣкомъ, столь-
ко являлись по временамъ въ исторіи челоуѣче-
ской плоды чудодѣйственной вѣры. Вспомнимъ И-
суса Навина (Ис. Нав. 3, 7. 6, 1. 10, 12), Самсо-
на (Суд. 16. 28), Илію (3 Цар. 18. 36), Елисея
(4 Цар. 4. 33—35), Исаію (Ис. 38. 21), Азарію
(Дан. 3. 42—50). Но то, что должно было быть
постояннымъ удѣломъ челоуѣка, сдѣлалось теперь
даромъ чрезвычайнымъ, рѣдкимъ, сверхъ-естест-
веннымъ. Въ наилучшемъ изъ людей древняго мі-
ра, совершившемъ столько знаменій чудесъ, и вос-
питавшемъ вѣру свою въ непосредственномъ об-
щеніи съ *Господомъ Сильъ*, однажды не достало
сей вѣры (Числ. 20. 10. 11). На исходѣ дней Вет-
хаго завѣта, челоуѣчество совершенно отрекалось
отъ своего царственнаго владычества надъ силами
естества, свободно и охотно порабощало себя все-
му, признавало ходъ и порядокъ вещей какъ не-

измѣнную необходимость земнаго бытія и мало по малу так. обр. дошло до убѣжденія, что чудотвореніе есть дѣло или Божеское или бѣсовское, но ни въ какомъ случаѣ не человѣческое. Въ сіе-то время *Пророкъ велиій воста въ людехъ* (Лук. 7. 16), которому повиновались суша и воды, люди и животныя, Ангелы и демоны. Во услышаніе всѣмъ Онъ возвѣстилъ тайну своихъ чудотвореній. Міръ узналъ предивную новость, — что *вся возможна върующему. Велия въра твоя. Буди тебѣ, якоже хочещи* (Мат. 15, 28). *Вѣра твоя спасе тя* (Марк. 5, 34). *По вѣрѣ вашей будетъ вамъ* (Мат. 9, 29), говорилъ Чудотворецъ. *Аще бысте имѣли вѣру, яко зерно горушно, глаголали бысте убо ядодичи- нъ сей: восторнися и всадися въ море: и послушала бы васъ* (Лук. 17, 6). *Имѣйте вѣру Божію Аминь бо глаголю вамъ, яко иже аще речетъ горь сей: двинися и верзися въ море: и не размыслитъ въ сердце своемъ, но вѣру иметъ, яко еже глаголетъ, бываетъ, будетъ ему, еже аще речетъ* (Марк. 11, 23).. Неслыханное ученіе! Неудобопріятное обѣтованіе! Много сокровенныхъ силъ вызывалъ Господь изъ немощнаго естества человѣческаго, но нигдѣ не выказывала себя столь мало способною къ выполненію требованій божест-

венныхъ слабая воля человѣческая, сколько въ рѣшимости вѣрить въ свое необыкновенное могущество. Ближайшіе слышатели и пріемники внушеній и обѣтованій Христовыхъ, Апостолы много разъ не находили въ себѣ мужественной смѣлости вѣрить своей силѣ. Малѣйшее же сомнѣніе и колебаніе упраздняло всю вѣру,—по крайней мѣрѣ прекращало ея дѣйственность. Припомнимъ Петрово хожденіе по водамъ. Что же касается до другихъ слушателей, то они съ трудомъ могли и понимать что такое вѣра, о которой говорилъ Иисусъ Христосъ. Одинъ изъ нихъ оставилъ намъ разительный примѣръ своей неустойчивости на высотѣ вѣры. *Вѣрую, Господи, возопилъ оны, помози моему невѣрью* (Марк. 9, 24). Какъ и все, возстановляемое въ человѣкѣ изъ поврежденнаго въ первобытное состояніе, вѣра требовала себѣ особенной, непосредственной поддержки свыше, и только при этомъ пособіи становилась вѣрою чудодѣйственною. *Имѣйте вѣру, Божію*, говорилъ Господь, т. е. вѣру въ Бога, въ Его слово, силу, помощь,—вѣру,—вѣру, которою человѣкъ дѣлается всемогущимъ отъ общенія съ Божествомъ какъ сказано: *вся могу о укрьпляющимъ мя Иисусъ Христе* (Филип. 4, 13), Какъ же стяжать сію чудо-

дѣйствѣнную вѣру? Для совершенія величайшаго дѣла—побѣжденія законовъ естества—требуется и величайшее напряженіе всѣхъ духовныхъ силъ чело-вѣка, требуется жизнь, во всей полнотѣ христіанская, т. е. хриstopодражательная, требуется не-престанный и неослабный подвигъ боголюбія, міро-отреченія и самоотверженія,—трехъ условій, изъ коихъ ни одно не можетъ быть ни отстране-но, ни обойдено, потому что всѣ вмѣстѣ составля-ютъ одинъ и тотъ же «Духъ Евангелія», и между тѣмъ ни одно не мыслимо при плоти, страсти, грѣхѣ, суетѣ и постыдномъ равнодушіи къ вѣрѣ. Иначе, братія, и быть не можетъ, Чтобы сдѣлать дѣло Божіе, надобно, конечно, прежде сдѣлать-ся богоподобнымъ.

Исторія великихъ подвижниковъ благочестія со-хранила намъ пречудный и преславный примѣръ того, какъ, въ подтвержденіе обѣтованій Еван-гельскихъ, одинъ вѣрующій, именно св. Маркъ Ораческій, однимъ простымъ повтореніемъ словъ Христовыхъ о силѣ вѣры заставилъ двинуться гору.. Не сомнѣвайтесь и не дивитесь. Въ минуту смерти чудотворца былъ слышенъ Божественный голосъ, назвавшій его «совершеннымъ христіа-ниномъ».. Отъ христіанства совершеннаго слѣ-

довало ожидать и плодовъ совершенныхъ, т. е. тѣхъ самыхъ, которые обѣщаль Христосъ вѣрующимъ. Братія—христиане, если не совершенные, то усовершенующіеся, если и не усовершенующіеся, то несомнѣнно помышляющіе о совершенствѣ, по крайней мѣрѣ—вѣдущіе совершенство, наконецъ—хотя слыхавшіе о совершенствѣ! Въ виду толикихъ обѣтованій и такихъ дѣйствій вѣры, отличавшихъ собою жизнь, древнихъ пуственножителей и незамѣчаемыхъ въ нашей современной жизни, излишне ли будетъ спросить намъ: есть ли у насъ вѣра, и гдѣ она?

Вѣра. во 1-хъ, тамъ, гдѣ *сердце* (Рим. 10. 10.), а сердце—гдѣ *скорвище* его (Мат. 6. 21); сокровище же сіе у насъ, къ величайшему сожалѣнію, не въ Богѣ, Господѣ силъ, а въ корнѣ и источникѣ безсилія—самолюбіи. Но къ кому—любовь, на того, естественно, и—надежда, къ тому и—мольба, отъ того и—помощь. Кто же поможетъ послѣ сего вѣрѣ нашей? Кто дастъ духу нашему могущество востать изъ-подъ гнета плоти и земли, проявить въ себѣ истинно и дѣйственно богоподобіе, и посредствомъ его властенно распоряжаться всѣмъ окружающимъ насъ бытіемъ? Никто. Ибо никого самолюбецъ не признаетъ своимъ

дателемъ, пособникомъ, руководителемъ, высшимъ и лучшимъ себя, отъ всѣхъ загородить себя своимъ непреступнымъ самомнѣиёмъ. Онъ и Евангелію скажетъ: «довольно съ тебя; ты дало мнѣ все, что могло дать; дальнѣйшее предоставь мнѣ». Что же предоставить ему? Свое обо всемъ мнѣніе и заключеніе, свое правило жизни, свои склонности, привычки, страсти... все свое. Это ли споспѣшники вѣры Божіей? Напротивъ, это самыя жестокия гонители ея. Не удивляйся, потому, ревнитель божественнаго, премірнаго, сверхъестественнаго своему безсилію! Чудодѣйственная вѣра, когда являлась, всегда истекала не изъ самомнѣнія, а изъ самоуничженія, не изъ мудрованія, а крайняго простосердечія, не по преднамѣренной пытливости къ совершаемому, а какъ бы даже безъ мысли о немъ (Марк. 11. 23). Чудотворецъ обыкновенно не признавалъ въ себѣ никакихъ особенныхъ силъ, всего менѣе могъ думать о нихъ, и счелъ бы безуміемъ похвалиться ими. Ему извѣстно, что для совершенія великихъ дѣлъ вѣры требуется великое дерзновеніе къ Богу, а слѣд. отреченіе отъ самомагійшаго дерзанія въ свое имя. Намъ также извѣстно, братія, что *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.* (1 Петр. 5. 5).

Во 2-хъ, вѣра тамъ, гдѣ—вѣра. Мы не играемъ словами, говоря это. Человѣкъ имѣеть сколько прекрасную, столько и опасную способность привыкать ко всему, и, привыкнувши, относиться уже къ нему какъ бы бессознательно, машинально, какъ говоримъ мы.—можетъ такъ обр. потерять то, что имѣлъ, и все еще думать, что имѣеть, можетъ вмѣсто дѣйствительнаго имѣть воображаемое, можетъ наконецъ не имѣть ничего, и все же думать, что нѣчто имѣеть. Дивиться ли, что онъ и при вѣрѣ можетъ оставаться безъ вѣры? Сила ученія Христова о вѣрѣ въ томъ и состоитъ, что вѣра не есть холодное вѣдѣніе чего нибудь, еще менѣе одна мысль о чемъ нибудь, а живое и дѣятельное чувство души, непосредственное, неотразимое и незаглушимое, убѣжденіе, восторгъ души, внимающей *вопліющему въ сердце нашемъ Духу сыноположенія* (Гал. 4, 6),—своего рода видѣніе и слышаніе! Возможна ли такая вѣра? *У человѣкъ сіе не возможно есть, у Бога же вся возможна* (Мат. 19, 26). Будемъ на первый разъ утѣшать себя этимъ. Возможность, значить, все же есть. Правда, что возможность при условіяхъ Божіей помощи,—*у Бога возможна*. Но кто же вѣрующій не есть *человѣкъ Божій* (2 Тим. 3, 17)?

Кто однимъ своимъ христіанствомъ не введенъ уже въ завѣтъ непрестающаго общенія съ Богомъ? Кто можетъ сказать, что и ему, вмѣстѣ со всѣми вѣрующими, не даны всѣ силы, *яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3)? И такъ остается возможное обратить въ дѣйствительность. Великое дѣло, требующее крайнихъ нравственныхъ усилій, полнѣйшаго раскрытія духовной природы, но—не невозможное. Этому научаетъ насъ всякій трудъ, вѣнчаемый успѣхомъ. Сколько терпѣнія, вниманія, напряженія, мужества, самопожертвованія требуется отъ труженика для совершенія задуманнаго имъ, даже не важнаго, дѣла! Поучимся у всякой науки, въ которой достигаетъ совершенства только тотъ, кто всѣ силы ума призываетъ и употребляетъ въ дѣло. Всюду требуется неослабное и непрерывное напряженіе дѣйствующей силы. Того же самаго требуетъ отъ человѣка и чудодѣйственная вѣра. Вѣра, какъ одинъ запасъ, одно орудіе, предначертаніе, правило... не произведетъ ни чего! Чудотворцы были *не слышателие токмо, а и творцы дѣла* (Іак. 1, 25), *учившіе и вмѣстѣ творившіе* (Мат. 5, 19), *искавшіе, а отъ того и обрѣтавшіе* (—7, 7.), жившіе со Христомъ, а потому и творившіе дѣла Христовы (Іоан. 15, 5).

Въ 3-хъ, вѣра—тамъ, гдѣ благодать Божія, спасающая человѣка (Еф. 2, 8). Ибо вѣра есть *даръ Божій* (—); *плодъ Духа Святаго* (Гал. 5, 23), *дарованіе Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 9).. Вотъ гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, надобно искать рѣшенія того томительнаго недоумѣнія, въ которое впадаетъ человѣкъ, послѣ всѣхъ усилій самаго высокаго подвига, не обрѣтающій въ себѣ обѣщанныхъ Евангеліемъ плодовъ вѣры. На дарованіе никто не имѣетъ права. *Помилую, его же аще помилую, и ущедрю, его же аще ущедрю* (Исх. 33, 19. Рим. 9, 15). Таково опредѣленіе Творческое относительно всей твари; *и кто противъ—отвѣщай Богови* (Рим.—20)? Но, *Иже своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не съ Нимъ и вся намъ дарствуетъ* (— 8, 32)? *Глаголю вамъ: вся елико аще молящися просите, вѣруйте, яко приемлете: и будетъ вамъ* (Марк. 11, 24), сказалъ, утѣшая и ободряя человѣчество, Господь. Тѣмъ болѣе и умѣстно просить, и позволительно надѣяться получить отъ Христа, необходимый намъ, *духъ вѣры* (2 Кор. 4, 13) живой и дѣйственной. Ученики Господни знали, что нужно просить о томъ, и просили Учителя: *и рекоша, сказано, Апостоли Господеви: приложя намъ вѣру* (Лук. 17,

5). Да просимъ и мы, ученики учениковъ Христо-
 выхъ, общаго Учителя и Господа о томъ же. Онъ
 знаетъ крайнее безсиліе и нашей мысли и нашей
 воли. Въ сей же день рѣшительнаго утвержденія
 вѣры Апостольской, божественнымъ взоромъ сво-
 имъ Онъ обымалъ и всѣхъ насъ, и назвалъ насъ
 даже *блаженными* за то, что мы не видимъ и вѣ-
 руемъ. . *О, вступемъ, Господи; помози нашему не-
 вѣрію!* Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ТРЕТІЮ ПО ПАСХѢ.

*Придите, Иосифа чуднаго восхвалимъ
купно съ Никодимомъ и мѣроносицами
вѣрными.* Кан. пѣснь 9.

Отъ имени св. Церкви такъ взываетъ къ намъ нынѣ священнопѣвецъ. Не имѣемъ нужды разбирать, какія особенныя цѣли имѣеть мать вѣрующихъ, совершая нынѣ честную память лицъ, послужившихъ Господу Иисусу Христу во время Его послѣдняго, смертнаго истощанія. Для насъ довольно знать, что мы приглашены къ дѣлу, которое и безъ того желанно намъ, какъ случай и поводъ поучиться у блаженныхъ самовидцевъ Господа ихъ любви къ Нему. Если въ минувшее воскресеніе

ніе мы имѣли утѣшеніе быть, такъ сказать, въ обществѣ Апостоловъ, явныхъ послѣдователей Иисуса Христа, то на сей разъ не меньшее утѣшеніе предстоитъ намъ встрѣтиться съ другою частію учениковъ Божественнаго Учителя, таившихся при Его жизни *страха ради Иудейска*, какъ говорится въ Евангеліи (Іоан. 19, 38), но равномѣрно преданныхъ Ему, сочувствовавшихъ Его ученію, и безъ сомнѣнія, распространявшихъ оное подъ рукою, каждый въ своемъ кругу, по мѣрѣ силъ и средствъ. И такъ

1. *Приидите, восхвалимъ Іосифа чуднаго купно съ Никодимомъ.* Чудный Іосифъ купно съ Никодимомъ являются въ Евангельской исторіи тогда, когда съ захожденіемъ Солнца правды во гробъ, все радующее боголюбивую душу скрылось, гонимое частію страхомъ, частію горемъ. Стоявшіе во время распятія Иисуса Христа *издалеча, знаеміи Его* (Лук. 23, 49), послѣ Его смерти, конечно, ушли еще далѣе. Сердобольные зрители печальнаго событія *біюще перси своя возвращахуся* (—48). Наконецъ и горестная Матерь Распятаго отведена была ученикомъ, *его же любляше Иисусъ, во свои си* (Іоан. 19, 27). Распятый, казалось, былъ оставленъ всѣми, и тма вечерняя начала покрывать

«Одѣющагося свѣтомъ яко ризою». Въ это время Иосифъ чудный идетъ къ Пилату, и просить у него тѣла Иисусова для погребенія. Пилать соглашается, и Иосифъ приходитъ исполнить свое намѣреніе. Здѣсь является въ блаженное сотрудничество ему и Никодимъ, *нося смѣшеніе смиренно и алойно яко митръ сто* (— 39), чтобы, по обычаю Іудеевъ, погребсти усопшаго съ благоуханіями. Снявъ со древа тѣло Господа, они обвиваютъ его купленною Иосифомъ плащаницею, и осыпаютъ принесенными Никодимомъ благоуханіями, и положивъ въ углубленіи гроба, закрываютъ входъ въ пещеру камнемъ. Здѣсь оканчиваются Евангельскія повѣствованія о погребеніи Спасителя, и о благосердыхъ погребателяхъ Его болѣе уже не упоминается. Здѣсь остановиться слѣдовало бы и намъ. Мы видѣли благочестивыхъ Иосифа и Никодима въ самыя торжественныя минуты ихъ жизни, когда характеръ ихъ обнаружился вполнѣ. Но неумѣстнымъ не будетъ, если мы присоединимъ къ сему еще нѣсколько извѣстныхъ намъ, или изъ писаній Евангелистовъ или изъ церковнаго преданія, обстоятельствъ ихъ богоугодной жизни, чтобы свѣтлый образъ друзей Господнихъ представился намъ въ наибольшей ясности.

До само смерти Господа, исторія Евангельская какъ бы вовсе не знаетъ *Иосифа*. Хотя онъ принадлежалъ къ числу учениковъ Христовыхъ, но былъ *потаетъ страха ради Иудейска* (Иоан. 19, 38); оттого и необнаружилъ себя въ качествѣ ученика никакимъ гласнымъ дѣломъ. Но для насъ довольно знать, что онъ былъ ученикъ Христовъ, любилъ Христа, вниманіемъ и мыслию слѣдовалъ за Нимъ, противо-дѣйствовалъ, конечно, преступному замыслу Синедріона, и, не успѣвши въ томъ, безъ сомнѣнія, болѣлъ душою объ участи Учителя, чтобы воздать ему честь и хвалу, какъ избранному сосуду силы Божіей, какъ *Пророку, великому словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми*, искалъ ходить предъ Богомъ непорочно, ревновалъ о законѣ Господнемъ и о благѣ ближняго, былъ *благъ и праведенъ* (Лук. 23, 51), какъ пишется въ Евангеліи. Мы знаемъ, что онъ принадлежалъ къ высшему сословію евреевъ, былъ богатъ и знатенъ, — былъ *совѣтникомъ* по слову Евангелія, т. е. членомъ верховнаго совѣта Иудейскаго, или синедріона. Въ такомъ случаѣ ему, конечно, трудно было дѣйствовать подобно рыбалямъ Галилейскимъ, ходя открыто въ слѣдъ Пророка отъ Галилеи, и духъ *премудрости и разума* внушилъ ему быть тайнымъ послѣдо-

вателемъ Его, что не менѣе полезно было для успѣховъ Евангелія, при томъ положеніи, въ какое озлобленность учителей народныхъ ставила правительство въ отношеніи къ новому ученію. Духъ *совѣта* также не оставлялъ того, кто самымъ званіемъ своимъ имѣлъ нужду въ немъ. Не напрасно Евангеліе называетъ Іосифа *совѣтникомъ благообразнымъ* (Мат. 25, 43), т. е. благоприличнымъ, благоправнымъ, благоразумнымъ, творящимъ все благое и ничего злаго. Сіе самое благообразіе осмотрительности, разсудительности, добросовѣтности, и заставило его, конечно, уклониться и отъ безразсуднаго умысла сиведріона—*не бѣ присталъ совѣту и дѣлу ихъ* (Лук. 23, 51), сказано о немъ. Когда наступила рѣшительная минута подвига его боголюбивой душѣ, онъ изъ потаеннаго ученика Распятаго вдругъ дѣлается явнымъ приверженцемъ Его, дерзновенно идетъ къ пгемону, и открыто проситъ позволенія погребсти руками его—совѣтника, члена правительства—тѣло Того, Кто умеръ, по приговору сиведріона какъ преступникъ, между разбойниками.. Открылось, так. обр., что въ св. мужѣ обиталъ и духъ *крѣпости*, всю силу котораго пойметъ тотъ, кто сообразитъ, что Іосифъ высказалъ свою приверженность къ

человѣку, не только судебно-обезславленному, но и всенародно опозоренному именемъ лжеца, который не могъ *спасти себя* (Лук. 23, 35). Крѣпость воли въ дерзновенномъ ученикѣ Іисусовомъ поддерживалъ духъ *вѣдѣнія*, говорившій ему, что позорный крестъ не есть простое древо казни, а нѣчто предуставленное къ совершенію величайшихъ дѣлъ, и что безпомощность распростертаго на немъ не знаменуетъ его дѣйствительнаго безсилія, а стоитъ предвѣстіемъ необычайнаго событія. Въ самомъ дѣлѣ, кто, какъ не сей Духъ вѣдѣнія, внушилъ ему, въ то время, какъ *не вѣдѣвшіе, что творятъ* (Лук. 23, 34) думали видѣть конецъ всему дѣлу Іисусову, прозрѣвать, вмѣстѣ съ разбойникомъ благоразумнымъ, въ уничиженіи смерти своего Учителя начало славнаго царствія Его, котораго *бѣлая* (Марк. 15, 43)? Когда получено было согласіе игомона, въ Іосифѣ во всей полнотѣ и силѣ раскрылся духъ *благодѣтельности*. Онъ спѣшитъ положить конецъ безчестію *Господа славы* (1 Кор. 2, 8), снимаетъ со креста и погребаетъ пречистое тѣло Его въ *своемъ новѣмъ гробѣ* (Мат. 27, 60), *иже бѣ изъсѣченъ отъ камени* (Марк. 15, 46), *въ немъ же николиже никто-жс положенъ бѣ* (Іоан. 19, 41), спѣша кончить

святое дѣло милосердія прежде наступленія субботы, чтобы не явиться преступникомъ закона. Для такого высокаго благочестія могли ли быть когда нибудь, какіе нибудь предѣлы? И преданіе церковное свидѣтельствуеть, что чудный Іосифъ дѣйствительно погребеніемъ Господа не окончилъ своего служенія Ему. Напротивъ, здѣсь-то, можно сказать, и началась его апостольская, проповѣдническая жизнь. Синедріонъ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что между членами его есть ученики Іисуса, и потому, узнавъ о дѣлѣ Іосифа, до того озлобился на него, что немедленно приказалъ его схватить и заключить въ темницу, съ тѣмъ, чтобы, по мнѣваніи субботы, произвести надъ нимъ слѣдствіе. Но сила Божія внезапно восхитила праведнаго изъ мѣста нечестивыхъ, и поставила его въ отечественномъ городѣ его, Аримаѳѣ. Впрочемъ, онъ и здѣсь не избавился отъ узъ, наложенныхъ на него крѣпкою рукою злобы и мести; но крѣпчайшая рука Божія освободила его и еще разъ. Узнику явился самъ Спаситель, послѣ чего св. Іосифъ, подобно Апостоламъ, сталъ уже гласнымъ и всенароднымъ проповѣдникомъ Евангелія. Іудеи изгнали его изъ своихъ предѣловъ, но чрезъ это сдѣлали только гражданиномъ всего міра. Съ благовѣстіемъ

Христовымъ онъ прошелъ, какъ передается памятью признательвой Церкви, въ самый отдаленный конецъ пзвѣстной тогда земли, и, пламенѣя любовію къ дѣлу Божию, ни во что поставилъ суровость страны и дикость жителей, къ коимъ влекли его слава имени Христова и спасеніе ближняго. Апостольски проваждалъ и въ мирѣ окончилъ онъ тамъ свою мпоготрудную жизнь, и память его до нашихъ дней была, и будетъ, *память съ похвалами* (Притч, 10, 7.).

Усерднымъ споспѣшникомъ Юсифа въ незабвенный для міра вечеръ былъ другой благочестивый мужъ *Никодимъ*. Онъ принадлежалъ къ числу высшихъ членовъ Іудейскаго общества, былъ *князь* (Іоан. 3. 1), какъ называетъ его Евангеліе. Принадлежа въ тоже время къ обществу Фарисеевъ, т. е. учителей народныхъ, онъ пзмлада имѣлъ случай пзучить богоустрояемыя судьбы своего отечества и своей церкви, съ которою, какъ и естественно, жилъ одною, нераздѣльною жизнью. Время Христово было временемъ общаго въ Іудеѣ ожиданія чего-то чрезвычайнаго, а потому каждое событіе, хотя мало выходившее изъ ряда обыденныхъ дѣлъ, должно было обращать на себя общее вниманіе народа, въ особенности же его вождей.

по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не даромъ носили имя учителя. Когда въ первый разъ пропелась вѣсть о прибытіи въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи дивнаго пророка Галилейскаго, то все усердно стали стекаться къ нему слушать глаголы живота вѣчнаго, столь близкіе сердцу человѣческому, и въ теченіе одного сего праздника уже мнози, говорится, *вървоаша во имя Его* (Іоан. 2, 23). Въ числѣ первыхъ слушателей новаго Учителя былъ и Никодимъ. Неотразимое свидѣтельство чудесъ Іисусовыхъ убѣждало его, что *отъ Бога пришелъ* совершитель ихъ, и что *Богъ пребываетъ съ нимъ* (Іоан. 3. 2). Но какъ самъ—учитель народа, Никодимъ не хотѣлъ оставлять дѣла не выясненнымъ, и, передаваемое молвою пародною, новое ученіе хотѣлъ слышать самъ отъ самого Провозвѣстника его, передаваемое какъ бы исключительно для него—учителя, его—учительскимъ—языкомъ, въ уровень съ его—учительскимъ—кругомъ зрѣнія. Для сего онъ хотѣлъ бесѣдовать съ тѣмъ, въ комъ видѣли Мессію. Лучшимъ для сего временемъ онъ избралъ часы ночи. Съ словъ его самого, конечно, Богословъ-Евангелистъ передалъ къ свѣдѣнію всего міра его бесѣду съ Іисусомъ Христомъ. Повѣдавшій о ней мало сообщилъ

о своихъ собственныхъ рѣчахъ, но съ любовью распространился объ отвѣтахъ Господнихъ. Изъ отрывочныхъ вѣщаній Божественнаго Учителя видно, что Онъ въ теченіе одной сей ночи преподавалъ Никодиму вкратцѣ всю сущность Евангелія, даже предрекъ ему свою собственную крестную смерть. Много, конечно, страннаго, тяжкаго или жестокаго (Іоан. 6, 60), какъ выражались Іудеи, услышалъ при семъ учитель Израилевъ изъ устъ Того, съ кѣмъ, по его убѣжденію, несомнѣнно былъ Богъ. Всего сказаннаго онъ, безъ сомнѣнія, не могъ понять, а изъ понятаго—многаго принять. Тѣмъ не менѣе слова Христовы запали въ сердцѣ его глубоко. Онъ въ терпѣніи, или, можетъ быть напротивъ,—съ крайнимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ исхода судьбы новаго Пророка, объявившаго ему себя едиnorodнымъ Сыномъ Божіимъ, и возвѣстившаго ему новое ученіе о царствѣ Божіемъ, объ искупленіи, о вѣчной жизни, о спасеніи и осужденіи (Іоан. 3. 16 — 18). Для ревнителя отеческихъ преданій наступили трудные дни *искушенія втры* (1. Петр. 1, 7.). Чудеса Христовы между тѣмъ ежедневно умножались. Вмѣстѣ съ ними, все въ большей и большей загадочной определенности раскрывалось и ученіе необыкновен-

наго Учителя. Въ обществѣ Фарисеевъ, главою котораго стоялъ первосвященникъ, уже рѣшено было схватить мнимаго богохульника, и предать предержавшей власти на осужденіе смерти. Когда посланные для того слуги отозвались, что не было еще человѣка, который бы такъ говорилъ, какъ говорилъ Іисусъ, то въ укоръ имъ сказано было: *еда и вы прельщени бысте? Еда кто отъ князь върова въ онь, или отъ Фарисей* (Іоан. 7, 47, 48)? Озлобленіе присовокупило къ сему, что только простой народъ, *невѣдущій закона*, присталъ къ Іисусу, и что за то онь *проклятъ* (—49). Никодимъ былъ князь и Фарисей. Его должно было затронуть укорительное и клятвенное слово его собратій по званію. Ясно было, что онь сознавалъ себя въ то время уже вѣрующимъ въ Сына Божія, ибо не усомнился тотчасъ же замквуть хвалившіяся о законѣ уста симъ самымъ закономъ, потребовавъ, чтобы прежде обвиненія выслушаны были слова обвиняемаго, и понятъ было дѣла его. Послѣднее требованіе имѣеть великую важность. Никодимъ, очевидно, искалъ убѣдить другихъ, какъ убѣдился самъ, что таинственное ученіе не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно, внѣ связи съ дѣлами учителя, и дѣлами-не просто свидѣтельствуемо

мыми, а разумѣваемыми. Никодимъ былъ и законовѣ-
 дець и богословъ. Но между Фарисеями онъ былъ,
 можетъ быть, одинъ, понимавшій нужду и закон-
 ность сего разумѣнія. Защищаемого имъ чудотвор-
 ца объявили богохульникомъ и возмутителемъ —
 два обвиненія, равно влекшія за собою смертную
 казнь. Не видимъ мы Никодима нигдѣ во время
 исполненія сей казни. Судя просто, можно по-
 думать, что она должна была поколебать вѣру
 его въ божественность своего Учителя, утверж-
 давшуюся на разумѣніи творимыхъ имъ зна-
 меній. Знаменія сія прекратились тогда, когда, по-
 видимому, былъ всего пужиѣе для дѣла Христова.
 Если онъ дѣйствительно былъ *единородный сынъ*
Божій, то какъ же Отцу оставить Сына на позоръ
 людямъ? могъ думать смущаемый ученикъ. Съ дру-
 гой стороны то множество мпущихъ знаменій,
 которыхъ *никтоже можетъ творити, аще не бу-*
детъ Богъ съ нимъ (Іоан. 3, 2), по прежнему
 оставалось предъ нимъ во всей доказательной си-
 лѣ. Трудныя минуты души богомудрой! Можно
 не сомнѣваться, что потаенный ученикъ проводилъ
 своего Учителя до Голгофы. А стоя въ виду кре-
 ста, могъ ли онъ не вспомнить сказанныхъ
 ему въ одну ночь словъ: *яко же вознесе*

Моисей змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну Человѣческому (—14)? Съ яркостью молніи должно было пронестись передъ нимъ сіе воспоминаніе, освѣтивъ и уяснивъ ему все неразгаданное въ лицѣ и ученія Того, Кто называлъ себя таинственно то *Сыномъ Божиимъ*, то *Сыномъ человѣческимъ*. И рожденіе *Духомъ*, и спасеніе и судъ и жизнь *вѣчная*—все входило въ естественную связь съ Сущимъ на небеси и Даннымъ на землѣ за спасеніе міра (—16, 17.). А померкшіи свѣтъ солнца, а землетрясеніе, а раздравшаяся завѣса святилища??. Не въ перси бѣя, отошель, конечно, отъ тайносовершительнаго креста Никодимъ; но лишь только Іосифъ испросилъ у Пилата позволеніе погребсти Распятаго, онъ опять былъ уже тамъ съ обильнымъ приношеніемъ своей умлениой души. Вмѣстѣ съ совѣтникомъ теперь уже дерзновенно показалъ себя послѣдователемъ Іисуса и онъ—*князь и Фарисей*. Когда совершилось преславное воскресеніе Господа Іисуса Христа, Никодимъ явился ревностнымъ провозвѣстникомъ его, за что и отлученъ былъ отъ общества своихъ собратій и соучителей, какъ чистый агнецъ отъ зараженнаго стада. Преданіе о семъ занесено въ древнюю книгу, долго носившую имя самого Ни-

кодима, какъ ея писателя. Четыре вѣка спустя послѣ блаженной кончины св. мужа, изъ бывшаго одному палестинскому священнику откровенія извѣстно стало, что св. Никодимъ былъ родственникъ славнаго Гамалила, учителя въ жидовствѣ св. Апостола Павла (Дѣян. 22, 3), что былъ крещенъ святыми Апостолами Петромъ и Іоанномъ, и въ слѣдъ за тѣмъ, лишенный отъ первосвященниковъ своего званія, обреченъ былъ ими на смерть, отъ которой спасся только предстательствомъ Гамалила, — что былъ выгнанъ изъ города, ограбленъ и избитъ до полусмерти, — наконецъ, что не долго послѣ сего жилъ въ имѣніи своего родственника, и погребенъ у ногъ св. Первомученика Стефана, не вдалекѣ отъ Іерусалима. Мѣсто покоя обоихъ исповѣдниковъ Христовыхъ открыто было вслѣдствіе того же указанія при благочестивыхъ Императорахъ Аркадіѣ и Гоноріѣ.

Братія! Такъ жили и дѣйствовали, сколько извѣстно, святые мужи, которыхъ восхваляемъ мы нынѣ. *Страхъ Божій* былъ исходнымъ началомъ ихъ жизни. Изъ него раскрылся весь ихъ благочестивый характеръ. Въ немъ заключались у нихъ и поводъ, и побужденіе, и цѣль, и средство ихъ и равнодушія къ міру, и вниманія къ самимъ

себѣ, и ревнованія о законѣ, и любви къ правдѣ, и мужества, и милосердія, и многихъ другихъ добродѣтелей. Почтимъ память друзей Господнихъ, — усвоимъ себѣ многоплодное сѣмя ихъ богоугодной жизни, ихъ страхъ предъ Богомъ, сіе *начало премудрости* (Притч. 1. 7)! Пусть онъ будетъ началомъ всякаго нашего дѣйствія. Въ средѣ нашей есть много людей, которымъ какъ нельзя болѣе идетъ на пользу примѣръ Іосифа чуднаго, купно съ Никодимомъ. Если въ наибольшей части нынѣшнее общество христіанское призывается брать уроки жизни своей съ св. Апостоловъ, сего первообразнаго общества вѣрующихъ, то для нѣкоторыхъ его членовъ не только весьма пригодны, но и — необходимо нужны примѣры учениковъ Христовыхъ, составлявшихъ потаенный кругъ христіанъ, не могшихъ или не смѣвшихъ объявить себя гласно исповѣдниками преслѣдуемаго, отвергаемаго или, по крайней мѣрѣ не раздѣляемаго ученія.

О какъ часто приходится и въ наше время явному послѣдователю Іисуса Христа прибѣгать къ тайному исповѣданію Его или въ маломъ кругу единомысленныхъ лицъ или даже въ однихъ тѣсныхъ предѣлахъ собственнаго сердца! То званіе и слу-

женіе, въ которыхъ былъ поставленъ Іосифъ, остается до сихъ поръ однимъ изъ существенныхъ учрежденій благоустроеннаго общества, и, что замѣчательно, продолжаетъ представлять человѣку тѣ же трудности и опасности благочестивой жизни, какія испытывалъ и Іосифъ, своимъ положеніемъ вынуждаемый не признавать, или и прямо осуждать то, что принималъ и хранилъ сердцемъ, какъ драгоценную и неприкосновенную святыню. Въ томъ, что мы называемъ службою, есть свой служебный духъ, *духъ среды*, господствующій тамъ верѣдко неограниченно и всегда самовластно. Сей злосовѣтный, лжеименный духъ продолжаетъ и нынѣ, какъ безъ сомнѣнія было въ Іосифово время, охватывать собою, охлаждать, разсѣвать, притуплять, обезсиловать преданнаго службѣ совѣтника во всѣхъ степеняхъ его длинной служебной лѣтвицы. Все, что не подходитъ въ немъ подъ устанавливаемую тѣмъ духомъ мѣру, большею частию должно бываетъ или исчезать или укрываться въ непроницаемой тайнѣ. Но это не первая и не послѣдняя опасность для благообразнаго совѣтника нашего времени отъ его служебнаго положенія. Предоставляемъ каждому свидѣтельствомъ собственнаго опыта дополнить то, что мы проходимъ молчаніемъ. И такъ,

тотъ Иосифъ, которому, подъ давленіемъ духа среды, нельзя бываетъ исповѣдывать свое христіанство какъ и гдѣ захочется, укрой въ тайнѣ сердца твоего свое пламенѣющее боголюбіе, памятуя заповѣдь Христа Спасителя (Мат. 7. 6), уклонись отъ зла, отврати слухъ, положи храненіе устамъ, не продай своей святыни ни потворною улыбкою, ни взоромъ, ни помаваніемъ заискивающему твоего согласія нечестію,— ни за хвалу, ни за почесть, ни за выгоду, ни за какую бы то ни было радость жизни! Не унывай и не смущайся. Придетъ и для тебя благоприятная минута открыто и смѣло послужить Христу, и получить блаженное возмездіе за неизмѣнную преданность Ему. Помни, что члены Снедріона, востававшіе противъ дѣла Христова, погнѣзъ памяти людской временно и вѣчно, а давній сослуживецъ твой и совѣтникъ, благообразный Иосифъ, былъ и будетъ *въ память вѣчную* (Пс. 3. 7) по слову Писанія.

Еще болѣе имѣемъ мы сказать отъ лица потаенныхъ учениковъ Христовыхъ вамъ, — учителя народныя, хранители закона, провозвѣстники истины! Изъ повѣствованій Евангельскихъ мы убѣждаемся, что у истины, кромѣ духа среды, есть и другой, еще болѣе жестокой, врагъ—*духъ школы*,

нетерпѣливо, высокомерно и злобно относящійся ко всему, что не похоже на него. Тяжелымъ, подавляющимъ гнетомъ падаетъ онъ на учителя, особенно начинающаго свое поприще, навязывая ему свои начала, свои правила, свои обычаи и приличія, однимъ словомъ: у с в о я я его себѣ. Всегда ли хорошо это усвоеніе? Опыты множества вѣковъ показали, что школьный духъ обыкновенно есть духъ исключительности, односторонности, противорѣчія требованіямъ жизни, сомнѣнія и самомнѣнія. Вообразать себѣ, что такой духъ не, воспрепятствуетъ распространенію евангельскаго ученія, принесеннаго на землю Сыномъ Божиимъ съ тѣмъ, чтобы изъ всего рода человѣческаго составить одно и единственное училище — х р и с т і а н с т в а, было бы дѣтскою мечтою. Конечно, не всякой школы духъ таковъ именно, но тамъ, гдѣ онъ-таковъ, внушаетъ великое опасеніе за судьбу святой Вѣры въ сердцѣ учащаго, а потомъ — учащихъ. Присовокупить ли къ сему, что сухое завятіе научнымъ изслѣдованіемъ, нерѣдко одностороннимъ и близорукимъ, не давая пищи сердцу усерднаго учителя, можетъ изсушить въ немъ и то, что занесено туда раннимъ христіанскимъ воспитаніемъ? Что же дѣлать остается намъ, почтенный

собрать, если съ одной стороны наука въ лицѣ своихъ представителей явится разномыслящею съ учениемъ св. Вѣры, а съ другой, школа осилить и плѣнить разумъ въ послушаніе своему исключительному духу? — Подобно св. Никодиму, идти ноцію къ *единому учителю* людей, Христу (Мат. 23, 10), и искать себѣ умиренія и подкрѣпленія въ бесѣдѣ съ Его Евангеліемъ. Какъ ни страннымъ казалось учителю Израилеву слово Христово, оно оставило въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. И тебѣ, чей бы и какой бы ты ни былъ учитель, пусть Евангеліе не даетъ желаннаго разрѣшенія вопросовъ, — пусть, взамѣнъ того, даетъ совершенно неожиданные, и съ складомъ науки твоей несообразные, отвѣты, удержишься отречься отъ него, тѣмъ паче — уничтожить его. Помни непрестанно, что учитель сей *отъ Бога пришелъ* есть, ибо *никтоже можетъ тѣхъ знаменій сотворити, яже Онъ творитъ, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. 3, 2). Столько естественное умозаключеніе сіе противопоставляй всякому, исходящему изъ науки, сомнѣнію и недоумѣнію. Пусть будетъ казаться страннымъ, невѣроятнымъ, непостижимымъ, невозможнымъ то или другое въ ученіи христіанскомъ, однако ученіе сіе *отъ Бога есть*,

ибо никтоже можетъ и пр.. Повѣрай постоянно слово Христово Христовымъ дѣломъ, которое и самъ учишь и другихъ учи уразумѣвать. Уразумѣвать же значитъ ставить его въ необходимой связи съ промыслительною волею Божіею. Самъ Господь Иисусъ Христосъ училъ Иудеевъ поступать такъ. *Дѣла, яже Азъ творю о имени Отца Моего, та свидѣтельствуютъ о Миѣ* (Іоан. 10, 25). *Аще не творю дѣлъ Отца Моего, не имите Ми въры: аще ли же творю, аще и Миѣ не въруете, дѣломъ Моимъ въруйте* (—38). Такъ и поступалъ Никодимъ. Чудился, конечно, учитель Израилевъ ученію Евангельскому, но не хотѣлъ, потому что не могъ, отвергать его, *разумля* всю доказательную силу дѣлъ Христовыхъ. Такъ поступай и ты, общникъ учительскаго жребія Никодимова, да будешь общникъ жребія его и въ томъ царствіи, котораго онъ нѣкогда не понималъ, но, подобно Іосифу, *бл чаю*.

2. *Придите восхвалимъ* и другую половину христолюбиваго общества, отдавшаго послѣдній долгъ Сыну Человѣческому, — *Игроносицъ върныхъ*. Евангелисты, повѣствуя о смерти Господа Иисуса, упоминаютъ при семъ и о нѣсколькихъ благочестивыхъ женахъ, подобно Апостоламъ, ходившихъ во слѣдъ Божественнаго Учителя и слушавшихъ

Его спасающее слово. Намъ сохранены имена пяти изъ нихъ: *Маріи Магдалины*, *Маріи Клеоповой*, (она же и *Марія Іаковлева* (Лук. 24, 10) и *Іосіева* (Марк. 15, 47), т. е. мать Іакова, по прозванію малаго и Іосіа (Марк. 15, 40. Мат. 27, 56), *Саломіи* (она же и *мати сыну Зеведеову* (Мат. 27, 56) — по общему свидѣтельству древней церкви), *Іоанны*, жены приставника дома Иродова (Лук. 8, 3) и *Сусанны* (—). Когда меркло солнце, и колебалась земля, св. жены стояли въ виду Голговы. Когда Іосифъ благочестно предавалъ тѣло Господне землѣ, онѣ, какъ пишется, *спѣяще прямо гроба* (Мат. 27, 61.) *зрясть, идъ его полагаху* (Марк. 21. 47.). Когда все было кончено, боголюбивыя жены пошли купить мѹра, чтобы, по обычаю страны, умастить усопшаго, по минованіи праздника. *И во едину отъ субботъ зѣло рано, еще сущей тмѣ*, онѣ уже спѣшили ко гробу *посяще яже уготоваша ароматы* (Лук. 24. 1), *да пришедше помажутъ Іисуса* (Марк. 16. 1). Не пришлось благочестивымъ душамъ еще разъ послужить отъ своего усердія Учителю, обрѣтшему наконецъ мѣсто, гдѣ преклонить свою пречистую главу. Не смотря на свой, *зѣло ранній*, путь, онѣ пришли поздно. Солнце правды взошло прежде, чѣмъ

возсіяло солнце природы. *Что ищите живаго съ мертвыми* (Лук. 24, 5), услышали онѣ, когда проникли во гробъ.. Сей голосъ торжества жизни, раздавшійся въ пещерѣ смерти, необычайный, неожиданный, потрясъ все существо ученицъ. Онѣ склонили *лица свои на землю* предъ опустѣлымъ мертвеннымъ ложемъ Учителя (первыя поклонницы животноснаго Гроба Христова!), и если бы не услышали отъ того же гласа прямого повелѣнія *идти скоро къ Апостоламъ*, вѣроятно не знали бы, что имъ дѣлать болѣе. *Со страхомъ и радостію велию* (Мат. 28, 8) бѣжали съ своимъ, не нужнымъ болѣе, муромъ вѣстницы востанія Христова отъ гроба, и на пути удостоились поклониться самому Воставшему (— —9). Преславная и прерадостная вѣсть воскресенія Христова быстро распространилась черезъ св. женъ по всему Іерусалиму. Не поспѣвъ съ своимъ вещественнымъ приношеніемъ ко гробу Жизнодавца, онѣ другое, нетлѣнное и благоуханное муро своего свидѣтельства излили на новое таинственное тѣло Христово, — св. Церковь, все вѣрующее человѣчество. Да будетъ хвала ихъ памяти съ благословеніями отъ всякаго, чающаго воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка!

Послѣ событій, коими завершается Евангельская исторія, однажды только слово Божіе упоминаетъ о «мруносицахъ вѣрныхъ», говоря, что, по вознесеніи Господнемъ на небо, онѣ вмѣстѣ съ Апостолами, *Марією, матерію Иисусовою и братією его вси бязу единодушно терпяще въ молитвъ и моленіи* (Дѣян. 1, 14), не отлучаясь, по заповѣди Господней, отъ Иерусалима, въ ожиданіи совершенія послѣдняго обѣтованія своего Учителя и Бога. Другихъ же, кромѣ слова Божія, достовѣрныхъ свидѣтельствъ о жизни и дѣлахъ св. женъ мы не имѣемъ. Удовольствуемся, потому, тѣмъ немногимъ, что знаемъ о нихъ изъ Евангелія. Не напрасно ублажаются онѣ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ именемъ *вѣрныхъ*. Вѣра у нихъ была одно съ мыслию и жизнію. Сѣмя божественнаго ученія Христова нигдѣ не обрѣтало такой доброй и плодотворной земли себѣ, какъ въ непорочныхъ и благихъ сердцахъ сихъ истинныхъ дочерей Авраамскихъ. Подобно Апостоламъ, онѣ также были *отъ Галилеи* (Мат. 28, 55), такъ мало значившей въ глазахъ ослѣпленнаго Иерусалима, не разумѣвшаго, *еже къ смиренію его* (Лук. 19. 42)! Нѣкоторые изъ нихъ были въ родствѣ съ Господомъ. Всѣ онѣ сдѣлались Его послѣдовательницами за Его дивное

ученіе, такъ много и такъ близко говорившее простому сердцу, и за Его преславныя дѣла, носившія на себѣ печать не только власти и силы божественной, что естественно такъ поражаетъ, — но и великаго человѣколюбія, что такъ привлекаетъ къ себѣ—богобоязненную душу. Можетъ быть, кромѣ того, ихъ привязывало къ Учителю и чувство благодарности за Его къ нимъ благодѣянія. По крайней мѣрѣ о Маріи Магдалинѣ извѣстно, что Иисусъ Христосъ исцѣлилъ ее отъ тяжкаго педуга. Къ высокой похвалѣ ихъ надобно сказать, что имъ также предстояло *искушеніе въры*, о которомъ упомянулъ однажды самъ Господь. Къ кому, какъ не къ нимъ, Его единоземцамъ и сродникамъ, всего болѣе теперь шли слова: *нѣсть пророкъ безчести, токмо въ отечествіи своемъ* (Марк. 6, 4)? Но души боголюбивыя, и свободныя отъ предразсудковъ, не затруднились признать въ *Сынѣ Тектоновомъ Христа Господня*, внимали Ему, какъ Пророку и ввѣрили слову Его всею полнотою сердца. Съ довѣрчивостію естественно соединялась преданность, за преданностію слѣдовала усердная готовность служить Ему, чѣмъ могли, — *служаху*, говорить писаніе, *отъ имѣній своихъ* (Лук. 8, 3)—кто богатаго, кто скуднаго, и конечно болѣе скудна-

го, *служаху*—безъ всякой надежды на возмездіе отъ Того, Кто не имѣлъ *идъ главы поклонити* (Мат. 8, 20). Ихъ дѣйствіями управляла святая и совершенная любовь къ Совершеннѣйшему изъ сыновъ человѣческихъ. Она, освящающая и преобразующая, положила свою печать и на духовную жизнь ихъ. Какъ женщины, принадлежавшія большею частію къ простому званію, и мало знакомыя съ предметами высшаго образованія, онѣ, можетъ быть, блуждали во мракѣ невѣденія, подобно ихъ соотечественникамъ, прежде чѣмъ услышали глаголы Того, кто назвалъ себя *путемъ, истиною, и животомъ* (Іоан. 14, 6), но потомъ мы видимъ въ нихъ ревностныхъ слушательницъ бесѣдъ Его. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось вниманіе ихъ къ своей судьбѣ настоящей и грядущей, являлась въ нихъ и жажда лучшей жизни, съ которою необходимо соединяется отвращеніе отъ суеты земной. Мало по малу исчезала и слабость женскаго характера, на мѣсто которой вѣдрялось безбоязненное мужество, державшее ихъ *прямо гроба* въ то время, когда крѣпчайшіе духомъ бѣжали и крылись, гдѣ кто могъ. А когда благодать Св. Духа излилась въ ихъ сердце, то любовь ученицъ вѣрныхъ, подобно Апостольской, проявилась

и въ дерзновенной проповѣди объ Учителѣ предъ всѣмъ міромъ. Признательная Церковь не забыла ихъ подвиговъ, и одна изъ мурносицъ отъ древнихъ временъ носить названіе *равноапостольной*.

Благочестивыя дщери возродившей насъ для новой жизни, Св. матери церкви! Настоящій день извѣстенъ болѣе какъ «недѣля мурносицъ». Простота же обычая прямо называетъ его женскимъ праздникомъ. Тому, на что намекаетъ простота, дадимъ разумный толкъ. Пусть Св. жены мурносицы, въ сей общій праздникъ женъ, составятъ одинъ ликъ со всѣми христойменными женами, т. е. пусть каждая христіанка поревнуетъ сегодня о томъ, чтобы также въ своей мѣрѣ и въ своемъ родѣ быть мурносицей-ученицей Господа Иисуса Христа, глубоко и совершенно преданной своему Учителю, — до полного подчиненія своихъ земныхъ привязанностей сладчайшей любви Господней, — до самоотверженія, — до самопожертвованія! И естественно сердцу женскому понимать тайну неизреченной любви Божіей. Кому, какъ не ему естественно лучше усвоить и воспріять въ себя то отраднѣйшее убѣжденіе, что *Богъ любви есть* (1 Іоан. 14, 6)? Нельзя не утѣшиться христіанину православному. У насъ благосердая любовь женъ ко Господу Иисусу

Христу предваряетъ собою всякіе уроки, — рѣдко требуетъ себѣ побужденій и наставленій, а напротивъ сама бываетъ первою и лучшею наставницею и проповѣдницею христіанской жизни. Въ матери она учитъ дѣтство и юность чистотѣ и непорочности, вѣрѣ и любви, миру и правдѣ, заботливо насаждая и возвращая въ сердцахъ дѣтскихъ сѣмена христіанскаго благочестія, исторгая изъ нихъ *плевелы непріязни* (Мат. 13, 38), храня ихъ отъ бездождія, и отъ безведрія, и отъ града, и отъ червя. Достоянная всякаго уваженія и ублаженія любви! Половина того, что есть лучшаго въ христіанскихъ обществахъ, держится ею. Въ супругѣ она умѣряетъ чувственность, многопопечительность и суетливость мужа, смягчаетъ жесткость хладѣющаго къ міру горнему, сердца его, возвышаетъ духъ его ежечаснымъ обращеніемъ и воздыханіемъ къ Господу, хранителю и умирителю жизни, влечетъ вмѣстѣ съ нимъ и весь домъ къ покаянію, къ освященію, къ подвигу, къ предвкушенію вѣчной радости въ будущемъ, всеобщемъ семействѣ Христовомъ. Въ дочери она бережетъ, живитъ и покоитъ старѣющее и охладѣвающее чувство родителей, поддерживаеъ въ нихъ теплоту вѣры и надежды, даетъ отраду ихъ сердцу въ

послѣднія минуты жизни, оставляя имъ сладкую
 увѣренность, что послѣ нихъ остается у нихъ въ
 мірѣ теплая молитвенница предъ нелицеприятнымъ
 судією ихъ грѣховъ и немощей.. Во всѣхъ воз-
 растахъ, состояніяхъ и званіяхъ преданная учени-
 ца и послѣдовательница Христова самымъ благо-
 потребнымъ и благотворнымъ образомъ проводить
 и распространяетъ кругомъ себя владѣющее ею, свя-
 тое чувство любви ко Господу Іисусу. Поистинѣ от-
 радное, поистинѣ прекрасное и умиленное зрѣли-
 ще! Пусть же и рано утромъ, *еще сущей тьмѣ*, бла-
 гонастроенная христіанка «мурноносицы взявши
 чинь» влечется любовію Господнею въ храмъ Божій
 на встрѣчу воскресшему Учителю, и *поздѣ*, вечеромъ,
 садится мысленно *прямо гроба Его*, и размыш-
 ляетъ о томъ, что было и что будетъ съ нами и
 со всѣмъ міромъ. Пусть съ наступленіемъ дня,
 посвященнаго Господу Богу, *умолкаетъ по запо-
 вѣди* отъ всѣхъ дѣлъ житейскихъ, тѣмъ болѣе —
 тѣхъ дѣлъ, которыя житію человѣческому не при-
 носятъ ни чего, кромѣ скрытнаго разрушенія, хо-
 тя бы и прикрывались именемъ невинныхъ удо-
 вольствій. Пусть приходитъ предъ лице Господне
 не такъ, какъ являются предъ лице міра, а такъ,
 какъ бы шла она ко гробу Христову, смиренно,

сокрушенно, заботливо, спѣшно, — съ ароматами молитвъ и чистоты, съ муромъ сочувствія и состраданія всему страждущему, въ украшеніяхъ не внѣшняго, а внутренняго, *потайнаго, сердечнаго челоука* (1 Петр. 3, 4), съ лѣпотою души, единою достойною чертога Спасова украшеннаго, съ вѣрою, все устрояющею, съ надеждою, все утверждающею, и съ любовію, *вся покрывающею и вся терпящею* (1 Кор. 13, 7). «Жены съ муръ богомудрыя въ слѣдъ Тебе течаху, и его же яко мертва со слезами искаху, поклонишася радующеся живому Богу, и пасху тайную твоимъ, Христе, ученикомъ *благовѣстиша*». Покланяемся и мы, радующеся, Тебѣ живому Богу, и Твою пасху тайную *благовѣствуемъ* въ родъ и родъ. Аминь.

УЧЕНИЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ ПО ПАСХѢ

Упованіе не посрамитъ.

Рим. 5. 5.

Какъ отрадно принимать уроки жизни христіанской отъ людей, которые были самовидцами Господа нашего Ісуса Христа! Отъ одного этого и до вѣрчиво слушаешь и охотно изучаешь урокъ. Въ двѣ предшествовавшія недѣли Св. Церковь водила насъ къ такого рода блаженнымъ учителямъ, и заставляла насъ учиться у нихъ христіанской вѣрѣ и любви. И третій дополнительный урокъ о христіанской надеждѣ мы можемъ выслушать также отъ одного изъ самовидцевъ нашего (Мат. 23, 10) *благго* (Лук. 18, 18) *Учителя*. Мы

слышали изъ Евангельскаго чтенія, что тридцать восемь лѣтъ несчастный разслабленный поддерживалъ въ себѣ непрерывно угасающій лучъ надежды, пока увидѣлъ наконецъ предъ собою *Свѣтъ во откровеніе языковъ и Славу Израиля* (Лук. 11, 32), а съ нею и—конецъ своимъ страданіямъ. Какая высокая надежда! Несчастному всего легче было ослабѣть духомъ, дойти до отчаянія! Столько разъ напрасно ждалъ онъ человѣка, который бы, *егда возмутится вода*, ввергъ его въ купель. Его какъ бы нарочно милосердіе Божіе обходило, забывало, не видѣло.—И все онъ жилъ надеждою! Помнилъ, что въ прошлое лѣто Ангелъ сходилъ въ купель, думалъ, что сойдетъ и въ слѣдующее лѣто. Между сими двумя помышленіями страдальца 38 лѣтъ вращалась его неослабная, искушенная терпѣніемъ, надежда, которая наконецъ и *не посрамила* его.

Вотъ весь, немногословный, Евангельскій урокъ намъ на нынѣшній день. Мы также знаемъ, братія, одно *лѣто Господне пріятно* (Лук. 4, 19), въ которое былъ и жилъ и чудодѣйствовалъ на землѣ Ангелъ *завѣта* (Мал. 3, 1), и мы вѣримъ, что Онъ опять придетъ въ грядущее лѣто міробытія. И

намъ, потому, прилична и необходима терпѣливая благодушная и безотвѣтная надежда на Бога во всемъ, что бы ни случилось съ нами отъ одного лѣта до другаго. Надежда есть душа христіанской жизни. Ее завѣщаль челоуѣчеству Господь Іисусъ, возносясь на небо (Мат. 28, 20. Марк. 16. 17. 18. Лук. 24. 49. Іоан. 15 и 16). Къ ней отсылали вѣрующихъ первые утѣшители осиротѣвшей церкви, Ангелы: *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, говорили они, такожде придетъ, имъ же образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11). Вся церковь первенствующая жила сею надеждою, и завѣщала ее всему дальнѣйшему христіанству. Что она—для насъ, и что мы для нее? слово о семъ достойно вниманія надѣющихся.

А. Что говоритъ челоуѣку его надежда? Главное и существенное то, что жизнь его всегда съ Богомъ, гдѣ бѣ, когда бы и какъ бы онъ ни жилъ. Откуда можетъ происходить сія присножелаемая и преблаженная увѣренность? Отъ двухъ, извѣстныхъ намъ, величайшихъ дѣлъ Божіихъ: творенія и искупленія.

1. Тайна челоуѣческой надежды есть одна и та же съ тайною бытія земнаго. Земля есть жилище челоуѣка, его владѣніе, собственность со всѣмъ,

что на ней существуетъ. Для человѣка она предназначена, создана, устроена, приспособлена, ему дана, подчинена, предъ нимъ старается выказать свою готовность, служить ему своими силами предлагаетъ ему сама все нескончаемое богатство своихъ произведеній, даже заставляетъ его принимать свои дары.. Съ своей стороны человѣкъ ищетъ земли, безпрестанно обращается къ ней всѣми силами существа своего, требуетъ отъ нея всего, ему нужнаго пользуется ею. Такимъ образомъ между нимъ и землею всегда есть нѣкоторый неразрывный союзъ дающаго и принятія, желанія и удовлетворенія, предположенія и исполненія. Вотъ начало надежды человѣческой! Человѣкъ и земля равно суть т в а р и,—произведеніе одной Мысли, одной Воли и одной Силы, благоустроившей ихъ другъ для друга. Въ сей первоначальной школѣ своихъ неизмѣнныхъ отношеній къ природѣ, человѣкъ научается надеждѣ прежде, чѣмъ уразумѣть законъ, дающій ему право надѣяться, подобно тому, какъ младенецъ прежде научается понимать свою мать, чѣмъ узнаетъ языкъ ея. Уразумѣвъ сей законъ, свидѣтельствуемый строгимъ порядкомъ міра, онъ сколько съ одной стороны крѣпнетъ въ своей надеждѣ тамъ, гдѣ видитъ себя чѣмъ-то об-

щимъ, какъ бы тождественнымъ съ землею, столько, съ другой стороны, слабѣть въ надеждѣ вездѣ, гдѣ она относится къ предметамъ, не подходящимъ подъ усвоенный понятіемъ законъ. Вотъ начало и человѣческаго ненадѣянія! Весьма скоро замѣчаетъ человѣкъ, что земля не всегда оказываетъ себя послушною ему, и увидитъ, что она даже и тамъ, гдѣ онъ имѣетъ какъ бы право ожидать себѣ того или другаго отъ нея, дѣйствуетъ наперекоръ ему. . Еще болѣе несоотвѣтствія своимъ чаяніямъ человѣкъ встрѣчаетъ въ своихъ отношеніяхъ къ подобнымъ ему, къ людямъ, менѣе, чѣмъ земля, подчиненнымъ какому-нибудь одному закону жизни, и не легко дающимъ ни угадывать ихъ образъмыслей, ни проникать въ ихъ таинственныя цѣли. Наконецъ, независимо отъ земли и людей, даетъ себя разумѣть еще въ мірѣ нѣкая особенная, таинственная, незримая и непостижимая Сила, всесвободная, всемогущая и вездѣсущая, которая еще менѣе можетъ быть понята и предугадана, и потому еще болѣе можетъ не соответствовать ожиданіямъ нашимъ. Въ дополненіе всего, самъ человѣкъ до того бываетъ невѣренъ себѣ, что весьма рѣдко можетъ положиться на себя вполне. . При такомъ неустойчивомъ, нерѣшительномъ положеніи своемъ

среди міра, безпрестанно волнуемый то тѣмъ, то другимъ желаніемъ своей измѣнчивой воли, то здѣсь, то тамъ встрѣчающимъ отпоръ и неудачу, на чемъ можетъ успокоиться человѣкъ? На источникъ бытія своего, — на *Творца*. Это единъ и единственно возможный отвѣтъ. Всемогуцій, все предусмотрѣвшій и все предуставившій Виновникъ всего, Которому извѣстны цѣль мірбытія, значеніе всякаго существа въ мірѣ и взаимодѣйствіе всего сущаго, создалъ человѣка по Своему образу, вдохнулъ въ него Свой духъ жизни, сдѣлалъ его по преимуществу *Своимъ* въ безконечномъ ряду существъ, вызванныхъ вмѣстѣ съ человѣкомъ къ бытію. Сіе с в о й с т в о человѣка съ Богомъ, сіе какъ бы сыновство его, и есть то, что непрестанно сообщаетъ духу нашему ублажающее и подкрѣпляющее чувство надежды, что удерживаетъ его отъ отчаянія, въ виду самыхъ страшныхъ и неотвратимыхъ опасностей. Надежда, какъ и вѣра, имѣетъ въ себѣ также чудодѣющую силу, тайна которой заключается, какъ и тайна первой, въ нашемъ богоподобіи. Чѣмъ меньше кто размышлялъ, надѣясь, тѣмъ сильнѣе надѣется, и — присовокупимъ — тѣмъ рѣже обманывается въ надѣемомъ. Какъ сила духа, она вмѣстѣ со всѣмъ, что человѣкъ теряетъ, а Богъ возвра-

щаетъ, есть *дарованіе Божіе* (Рим. 15, 13), а какъ упражненіе духовное, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтель. Такова надежда въ смыслѣ богословскаго изслѣдованія. Ею-то, богонасажденною и богодвижимою, человѣкъ укрѣпляется противъ грозныхъ силъ стихій, ратуетъ противъ бѣдъ и напастей, утѣшается въ скорбяхъ и болѣзняхъ,— ея побораютъ уныніе, малодушіе, тоску и всякій прилогъ порабощающей страсти, въ ней находятъ побужденіе и средство отрѣшиться отъ измѣнчиваго и обманчиваго вѣка, и прилѣпиться къ *Царю вѣковъ, неплыному невидимому Богу* (1 Тим. 1, 17), ею, такъ сказать, носится поверхъ сей недовѣдомой бездны, которая называется тѣлесною или физическою жизнію, и ею перелетаетъ тотъ ужащающій рубежъ, который извѣстенъ подъ именемъ смерти..

Такъ бы надлежало быть, но такъ ли бываетъ? А что же значить тотъ глухой ропотъ, то страстное ожесточеніе, то ничему не внимлющее отчаяніе, которыхъ горестныя явленія доводится видѣть или слышать то здѣсь, то тамъ и въ наше утвержденное вѣрою время и въ нашемъ просвѣщенномъ обществѣ? Не будемъ говорить здѣсь о всѣхъ путяхъ, которыми доходитъ человѣкъ до

безнадежности. Остановимся на одномъ, самомъ общемъ. Человѣка какъ бы гонить на оный несчастіе. Достаточно къ тому, если разъ оно случится неожиданно и противъ всякаго расчета. Съ избыткомъ и преизбыткомъ,— если повторится и притомъ вскорѣ и вопреки мольбамъ. Тогда уже прямо возносится безутѣшный вопль: судьба преслѣдуетъ! А когда преслѣдуетъ, и притомъ судьба, то гдѣ и какое мѣсто надеждъ? Братія мои! Какъ много надобно учиться человѣку, чтобы научиться понимать самыя простыя вещи! Меня преслѣдуетъ судьба, слѣд. мнѣ не остается ничего, кромѣ отчаянія. Есть ли смыслъ въ этомъ? Тогда только у человѣка могло бъ быть истинное, и поистинѣ ужасное, отчаяніе, если бы онъ не замѣтилъ надъ собою никакой судьбы, если бы, по несчастію, пришелъ къ убѣжденію, что все въ мірѣ семь и въ его жизни есть одинъ случай, одно неразумное теченіе или сцѣпленіе обстоятельствъ. Что такое судьба? Судьба есть промыслъ Божій. А гдѣ—промыслъ, тамъ безнадежности нѣтъ мѣста. Гдѣ—промыслъ, тамъ неизбѣжное убѣжденіе, что не я самъ, одинъ своимъ умомъ или неразуміемъ, еще менѣе—міръ, всего менѣе—слѣпой случай или что то же—никто, причиною моего несча-

стія. Какъ ни странно, ни тяжело слышать, а христіанину отъ имени Христова надобно говорить: если ты замѣтилъ, что у тебя есть судьба и особенно — судьба преслѣдующая, радуйся, благодарь и надѣйся! Это значить, что ты чѣмъ нибудь привлекъ къ себѣ особенное вниманіе Божіе, которое не мыслимо безъ любви Божіей. Намъ ли, своимъ Господа Иисуса Христа, *до конца Имъ возлюбленнымъ* (Іоан. 13, 1), намъ ли, любовью Его порожденнымъ и воспитываемымъ, для вѣчной жизни, и на любви устрояющимъ наилучшія и самыя дорогія отношенія свои другъ къ другу, не разумѣть тайнъ *любви Божіей*? Развѣ опытами своей собственной жизни, ежедневными состояніями своего собственного сердца, мы не могли убѣдиться, что любовь, хотя всегда есть вниманіе, но не всегда угожденіе, хотя всегда милость и жалость, но не всегда ласка, и особенно не всегда — потачка?. Устранимъ и остатокъ недоразумѣнія. Въ людяхъ иногда вниманіе можетъ быть и недоброжелательное, но въ источникѣ и подателѣ благъ, Богъ — никогда. Слѣд. вѣрно, свято и непреложно то, что если вниманіе Божіе видимо въ жизни нашей, то единственно — для нашего счастья, хотя бы оно и не вскорѣ оказалось достоя-

ніемъ нашимъ. Есть у любочестиваго духа нашего всѣмъ сродное стремленіе быть извѣстнымъ, а, если можно, и близкимъ, лицу высокому. . . Для чего? Большею частію и самъ не знаешь, для чего. Для какой-то сокровенной надежды, на какое-то невѣдомое благо. Возвеселись же духомъ, всякій—истинный и мнимый—несчастливецъ! То лице, которое обратило на тебя свое превысочайшее вниманіе, есть Богъ. Какое же несравненное счастье быть не только извѣстнымъ, но и близкимъ Богу. Здѣсь-то и можетъ и должна раскрыться во всей широтѣ непрестающая надежда на безконечное благо. Твоя бѣдная и тяжкая доля есть *борьба съ Богомъ*, укрѣпляющая и спасающая тебя. Такъ ты и смотри на нее, но возымѣй мужество сдѣлать болѣе. Возьмись крѣпко за судьбу свою, какъ бы она ни была жестока и неприятна, и говори ей вмѣстѣ съ праотцемъ: *не пущу тебе, аще не благословиши мене*. Она объявитъ потомъ и тебѣ свое *чудное* имя, послѣ чего всякое мѣсто, гдѣ случится съ тобою благодарованное искушеніе несчастія, ты прозовешь *видѣніемъ Бога*, и скажешь: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу, и спасеся душа моя* (Быт. 32, 26—30)!

2. Любимецъ Божій христіанинъ, кромѣ обща-

го основанія челоуѣческой надежды, носить въ себѣ залогъ еще другаго, особеннаго, крѣпчайшаго и блаженнѣйшаго, упованія, *упованія о Господѣ Исусѣ* (Фил. 2. 19), утверждающагося на богочеловѣчествѣ Христовомъ. Въ лицѣ «шедшаго съ небесъ насъ ради челоуѣкъ и нашего ради спасенія, воплотившагося и вочеловѣчившагося, Сына Божія единороднаго» челоуѣколюбіе Божіе открылось такимъ поразительнымъ образомъ, что недостойнство челоуѣческое отказывалось нерѣдко вѣрить своему высочайшему возвеличенію. Не удивительно. Столько вѣковъ люди жили Богомъ, не зная Бога, не видя и неразумѣя дѣлъ Его, отвращаясь отъ Него. Столько вѣковъ, по слову Апостола, были *безбожны въ мѣръ* (Еф. 2, 12), *не имуще упованія* (1 Сол. 4. 13), вѣрили и разувѣрялись, заблуждали и обманывались, что могли уже не повѣрить столь великому откровенію любви Божіей, несущему съ собою такое обиліе упованія, такое множество щедротъ, утѣшевій и благословеній. Не удивительно, — ибо и теперь благодатное единеніе челоуѣка съ Богомъ во Святomъ духѣ грѣхoлюбивому и загрубѣвшему въ дѣлахъ суеты, христіанину кажется также невѣроятнымъ, обращается у него болѣе въ предметъ вѣдѣнія, нежели сер-

дечнаго убѣжденія. Не удивительно потому, далѣе, что вмѣстѣ съ вѣрою и надежда на Христа у насъ превращается также въ одно холодное вѣдѣніе. Но не смотря на все, что думаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ человѣкъ, посящій не рѣдко только одно имя христіанина, христіанская надежда всегда неизмѣнно остается одна и та же, потому что *Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Кто захочетъ отдаться ей вполнѣ и совершенно, тотъ, уповаемъ, не постыдится никогда. *Се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28. 20), сказалъ Господь, а гдѣ онъ есть, тамъ есть всѣмъ своимъ вниманіемъ, попеченіемъ, всевѣдѣніемъ, всемогуществомъ. Слѣд. остается ему только благоизволить содѣлать то, на что надѣется христіанинъ, и оно будетъ, по Его неложному обѣтованію: *вся, елика аще молящися просите, вѣруйте, яко приимете, и будетъ вамъ* (Марк. 11, 24), *и аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю* (Іоан. 14, 14). Это Его вѣрныя, непреходящія слова. Можно ли послѣ сего подумать, что христіанинъ когда нибудь будетъ обмануть въ своей надеждѣ, — оставленъ Богомъ?

Такъ! Но тысячи затаенныхъ вздоховъ готовы явиться возраженіемъ, противъ отпадѣй-

шаго изъ убѣжденій человѣческихъ. Можетъ быть жизнь многихъ изъ насъ преисполнена примѣрами разрушенныхъ предположеній, несбывшихся желаній, неуслышанныхъ моленій, обманутыхъ надеждъ, напрасныхъ ожиданій. Можетъ быть и было нѣкогда у насъ блаженное время сердечнаго довѣрія и промыслу и правосудію и милосердію Божію, — всему, на что шцеть положиться душа вѣрующая, но неисчетныя лишенія, непрерывныя неудачи, безвременныя и безпричинныя болѣзни, бесплодныя труды, безцвѣтное настоящее, безотрадное будущее.. все отвсюду собиралось на насъ съ тѣмъ, чтобы поселить въ душѣ нашей горестную безнадежность, отъ которой одинъ—и страшный—шагъ до отчаянія! Какъ удержать себя противъ напора невольнаго сомнѣнія въ томъ, на чемъ бы радъ былъ успокоиться духомъ? Въ самомъ дѣлѣ, христіанинъ, побуждаемый вѣрою своею возлагать надежду свою постоянно на Бога, всякій разъ, какъ видитъ ее несбывшеюся, получаетъ поводъ сомнѣваться въ дѣйствительности Евангельскихъ обѣтованій, а за тѣмъ— и во всемъ, чему научаетъ Св. Вѣра. Какъ удержать его отъ сего погибельнаго пути? Послѣ столькихъ ясныхъ и опредѣленныхъ завѣреній самого Іисуса Христа о законности, не-

преложности и дѣйственности христіанской надежды, удовольствуется ли обезнадеженный вѣрующій указаніемъ на слова пророчества: *не суть совѣти Мои якоже совѣти ваши, ни якоже путіе ваши, путіе Мои. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ и помышленія ваши отъ мысли Моея* (Исх. 55, 8 9)—слова, приводимыя въ объясненіе разительнаго несходства дѣйствій Божественнаго промысла съ видами человѣческими? Или на—слова Апостола, отказывающія человѣку во всякомъ правѣ предъ Богомъ: *егоже хочетъ Богъ, милуетъ, а его же хочетъ, ожесточаетъ. О человѣче! Ты кто еси противу—отвѣщайи Богови? Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако? Или не имать власти скудельникъ на брени отъ тоюжде смышенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь. овъ же не въ честь* (Рим. 11. 33—35)? Напротивъ, не найдетъ ли онъ, что подобные отзывы божественнаго Писанія могутъ совершенно упразднить христіанскую надежду? Если зданіе не можетъ спросить *создаваго е*, то на чемъ утвердить мысль, что и слово молитвы созданнаго будетъ имѣть доступъ къ создателю, а за тѣмъ, что и всякая надежда наша на помощь Божію не есть

противо—отвѣщаніе Богу?. Братія! У премудрости Божіей достаточно найдется средствъ приблизить пути божественныхъ совѣтовъ къ путямъ человѣческой надежды. О семъ менѣе всего слѣдуетъ заботиться христіанину. Что верховный раздаятель судебъ дѣйствуетъ независимо ни отъ кого и ни отъ чего, по одному собственному изволенію, это такъ естественно думать, зная, что Промыслитель есть вмѣстѣ и Творецъ всего. Но и въ томъ, что Онъ призираетъ на человѣка, вѣдаетъ мысли его и внемлетъ мольбамъ его, не напрасно убѣждено сердце наше. Въ коренныхъ и общихъ стремленіяхъ сердца человѣческаго надобно видѣть всегда мысль самого Бога, Его неизмѣнное опредѣленіе, ставшее закономъ жизни нашей. Если Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ обращаться къ Богу, какъ *Отцу* (Мат. 6, 9), то симъ самымъ уже не только показалъ, что опредѣленія воли Божіей не отнимаютъ у человѣка его надежды на Бога, но и обозначилъ какъ бы, что и почему движетъ Божественную волю на нисхождение къ человѣку. Отецъ на то и отецъ, чтобы пешишь о дѣтяхъ, которымъ чрезъ него дорована жизнь и въ которыхъ видитъ свой собственный образъ. Сей образъ, съ воплощеніемъ

Сына Божія, Отецъ небесный видитъ въ насъ уже не въ тускломъ подобіи Себѣ инокроднаго бытія, а въ явственнѣйшихъ чертахъ своего собственнаго существа. *Яко же ты, Отецъ, во Мнѣ, и Азъ въ тебѣ, да и ти въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Такъ взывалъ Единородный Сынъ, приводя насъ, своихъ братій, своему Родителю. И такъ съ одной стороны, сладкой надежды нашей на Бога о имени Христовомъ нѣтъ возможности вырвать изъ сердца нашего. Съ другой — безмѣрное величіе Божіе въ сравненіи съ нашимъ крайнимъ ничтожествомъ, грозитъ какъ бы совершенно отнять ее у насъ, дѣлая невообразимую или просто несообразною съ понятіями о Богѣ, ежеминутную, такъ сказать, помощь его намъ, и—кому: намъ? Не одному, не десяти, а множеству миллионѡвъ вѣрующихъ, каждому по его собственной нуждѣ. Что сказать на сіе упорство ограниченнаго ума въ признаніи безграничности Божества, — подкапывающее также самыя основы христіанской надежды? Обратимъ оружіе нападающаго противъ него самого. Безмѣрная разность между величествомъ Божіимъ и ничтожествомъ челоувѣческимъ, на которую ссылается безнадежное умствование, даетъ ли намъ право заключать

отъ себя къ Богу? Если для человѣка непонятнымъ и невысказаннымъ кажется тождественное помышленіе (и конечно, еще менѣе — совмѣстное помышленіе) его о многихъ предметахъ, то изъ сего слѣдуетъ только то одно, что для него, по его ничтожеству, дѣйствительно невозможно такое дѣло, а за тѣмъ остается думать, что для Бога, въ слѣдствіе Его безмѣрнаго величія, оно возможно. *У человѣкъ сіе не возможно есть, у Бога же вся возможна суть* (Мат. 9, 26. Марк. 10, 27), сказалъ по одному случаю Господь Иисусъ Христосъ, давшій самыя рѣшительныя увѣренія въ томъ, что промыслительная воля Божія относится ко всѣмъ людямъ и ко всѣмъ обстоятельствамъ ихъ жизни (Мат. 10, 29, 30), и что Онъ самъ пребудетъ съ людьми *во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20. Иоан. 14, 16), такъ что гдѣ будутъ *два или три собраны во имя его*, тамъ и Онъ будетъ *посредь ихъ* (Мат. 18, 20), внимая ихъ мольбѣ *о всякой вещи* (—), къ вѣчному удивленію непостигающаго ума и радованію надѣющагося сердца.

В. Одинъ отецъ привелъ однажды ко Господу нашему своего недужнаго сына, и обратился къ Врачу душъ и тѣлесъ съ слѣдующими словами: *аще что можешь, помози намъ, милосердовавъ о*

насъ. Не что другое, какъ надежда, привлекла несчастнаго просителя къ Чудотворцу. Что же сказала ему Христось? *Иисусъ же рече ему: еже аще что можещи въровати вся возможна върующему* (Марк. 9. 22, 23). Великое значеніе для насъ имѣть отвѣтъ сей. Не всего, значить, человѣкъ долженъ ожидать прямо и непосредственно отъ Бога, а весьма многое (чтобъ не сказать все, ибо сказано: *вся возможна*) онъ можетъ дать самъ себѣ. Не усомнимся сіе самое сказать и о всѣхъ видахъ христіанской надежды. И то и другое изъ указанныхъ нами основаній ея, сами въ себѣ крѣпкія и вѣрныя, не послужатъ ни къ чему, если мы не съумѣемъ воспользоваться ими. Положимъ, что у насъ заложено основаніе дома. Что пользы въ томъ, если мы выстроимъ на немъ легкую кущу, которая разлетится при первомъ порывѣ вѣтра, или еще иначе:—если вмѣсто того, чтобы строить домъ, мы будемъ только думать о постройкѣ? Разумѣется, дома не будетъ. Тоже самое произойдетъ съ надеждою нашею, если мы будемъ только думать о ней, или станемъ созидать ее, такъ сказать, изъ вичего. Благоразумно не ожидать всего единственно и исключительно отъ умалившейся до служенія намъ, любви Божіей. Невозможно, конеч-

но, не помнить утѣшительнѣйшихъ словъ Писанія: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единокровнаго далъ есть* (Іоан. 3. 16), *Иже сына своего не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его, како убо не съ нимъ и вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8. 32)? Но можно ли забыть при этомъ, что любовь есть оружіе обоюду острое, что *Богъ есть огонь поядай* (Евр. 12. 29), а человекъ—*прахъ и пепель* (Быт. 18.)? И отъ своей, ничтожной, любви мы научаемся, что чѣмъ болѣе любовь, тѣмъ взыскательнѣе она. Можно ли подумать, что не примѣняется это же самое правило строжайшимъ образомъ къ совершеннѣйшей и всесвободной любви Божіей? *Волею, гов. писаніе, согрѣшающимъ намъ по пріятію разума истины, ктому о грѣсьхъ не обрѣтается жертва...* что же обрѣтается? *Страшное нѣкое чаяніе суда и огня ревность, поести хотящаго сопротивныя* (Евр. 10, 26, 27). Къ кому относятся сіи грозныя слова? *Намъ*, говоритъ Апостоль слѣд.—къ христіанамъ. Слѣдовательно, любовь Божія не препятствуетъ совершаться надъ нами правдѣ Божіей, или лучше побуждаетъ ее къ тому, достигая наконецъ страшной *ревности огня*.

— Чтобы надежда наша на Бога и на Христа его

не была простымъ звукомъ, недовольно христіанину только быть любимымъ, и за тѣмъ не помышлять уже ни о чемъ, а надобно еще

во 1-хъ, просить Иисуса Христа о томъ, чего желаетъ душа наша. *Просите и дастся вамъ* (Мат. 7, 7), *просите и примете* (Іоан. 16, 24). Просить надобно не потому, что безъ сего Онъ какъ бы не знаетъ нуждъ нашихъ: *вѣсть Отець вашъ, и хъже требуете, прежде прошенія вашего* (Мат. 6. 8), а—потому, что безъ этого Онъ не перестанетъ знать болѣе, нежели сколько нужно для успѣха просьбы нашей, а именно—наши ежеминутныя оскорбленія безконечной любви его, наше самонадѣяніе, самодовольство, самохвальство, наше какъ бы самопоклоненіе, которое въ насъ самихъ возбуждаетъ такое неодолимое отвращеніе! Просить же не всякій можетъ, у кого только есть желаніе получить. Нужно знать, какъ просить, когда, кому, что, и для чего просить, что бы не оскорбить подателя благихъ какою-нибудь грубою или безвременною или недоброжелательною или несмысленною или наконецъ прямо несбыточною просьбою. *Не вѣста, чесо просита* (Мат. 20, 22), разъ и навсегда отвѣтилъ онъ всѣмъ, кто залъ просить Его. *Желаете и не имате*, говорить

Ученикъ Христовъ, оставившій намъ превосходные образцы объясненія Евангелія, *не имате, — зане не просите. Просите и не приѣмлете, зане зль просите, да въ сластьхъ вашихъ иждивете* (Лук. 4, 3). Это одинъ изъ примѣровъ злаго, а потому и безнадежнаго, прошенія. А ихъ тысячи!

Во 2-хъ, предать ся Христу вполне и совершенно, возлюбивъ Его дѣйствительно *отъ всего сердца, отъ вся души и отъ вся силы* (Второз. 6. 5), *всею мыслію и всею крѣпостію, встѣмъ умомъ и встѣмъ помышленіемъ* (Мат. 22, 37.—Марк. 12. 33.—Лук. 10. 27); потому что создавшій вся Себе ради (Притч. 16. 4) конечно хочетъ, чтобы созданное, а тѣмъ болѣе еще и искупленное Имъ жило Имъ и для Него,—потому что даровавшій человѣку всю полноту благъ имѣеть право на полноту человѣческой признательности, наконецъ—потому что *Положившій душу свою за други своя имѣеть всякую власть* говорить друзьямъ своимъ: *будите въ любви моей.. будите во Мнѣ., да плодъ многъ сотворите, яко безъ Мене не можете творити ничесоже. А кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ* (Іоан. 15).. Сіе-то самое «изсыханіе» и есть болшею частію то, чѣмъ объяснять должно несбывающія-

ся надежды наши; ибо *Господь Богъ—ревниво имя, Богъ ревнитель есть* (Исх. 34. 14). Кто не съ Нимъ, тотъ на Него (Лук. 11. 23). *Къ зависти желаетъ духъ, иже вселся въ ны* (Іак. 4. 5). Между тѣмъ, не думая о семъ, нехолодный и негорячій христіанинъ обыкновенно думаетъ *угодить и Богу и мамонъ* (Мат. 6. 24,)—въ довольствѣ кланяется міру, въ бѣдѣ обращается къ Богу, и напрасно потому воздыхаетъ, унываетъ и ропщетъ, если надежда его обманывается. *Богъ поругаемъ не бываетъ. Еже бо аще съетъ человекъ, тожде и пожнетъ* (Гал. 6. 7). Посѣялъ разсѣянность, получишь невниманіе. Нѣтъ, *Приблизитесь, сказано. Богу, и приблизится вамъ, очистите руки грѣшницы, исправите сердца ваша, двоедушніи* (Іак. 4. 8). *Аще есть Господь—Богъ, идите въ слѣдъ его, аще же Ваалъ—есть, то идите за нимъ* (3 Цар. 18. 21), *ибо кое согласіе Христови съ Велиаромъ* (2 Кор. 6. 15)? Христось страдалъ, скорбѣлъ, болѣзновалъ и намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ (стопамъ Его (1 Петр. 11, 21)). И такъ, кто дѣйствительно преданъ Христу, да покажетъ, что онъ *пріобщается Христовымъ страстемъ* (1 Петр. 4, 13). *Постраждите, говоритъ Апостоль, и слезите и плачитесь: смѣхъ вашъ въ плачь да обра-*

тится, и радость въ сѣтованіе (Іак. 4, 9). Пусть будетъ вся жизнь наша единою жертвою. Христу во славу Божию. Тогда можно намъ быть увѣренными, что *все, еже воспросимъ мы отъ Отца во имя Его, Отецъ сотворитъ, да прославится Отецъ въ Сына* (Іоан. 14, 13).

Въ 3-хъ, Терпѣть, не упадая духомъ, и не колеблясь мыслию, и не ожестѣвая сердцемъ. Такое мужество души велико и потому, что вытекаетъ изъ преданности Богу, но оно можетъ имѣть и свою особенную цѣну. Страданіе и плачь, дѣйствительно легко преклоняють насъ на жалость, но, кажется, болѣе потому, что мы и сами часто подпадаемъ тѣмъ же страданіямъ такъ что, въ другихъ мы нѣкоторымъ образомъ состраждемъ самимъ себѣ. Иное можно думать о человѣколюбіи Божию. Лучшій предъ взоромъ Вышняго, и болѣе угодный Ему—тотъ, кто наиболѣе проявляетъ въ себѣ богоподобія. Не малодушіемъ, конечно, не безутѣшнымъ горемъ, не отчаяніемъ знаменуетъ въ насъ себя образъ Всемогущаго Бога, а силою духа, крѣпкою волею, равнодушіемъ къ измѣняющемуся порядку жизни, высотой помысловъ и невозмутимымъ спокойствіемъ. Потому мужественный терпѣливецъ, безъ сомнѣнія, ско-

рѣе малодуннаго несчастливца привлечеть къ себѣ вниманіе Долготерпѣливаго. Мы слышали изъ устъ Господнихъ дивный законъ божественнаго міроправленія: *имущему вездѣ дано будетъ и преизбудеть: отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Мат. 25, 29). Тоже можно сказать и о надеждѣ христіанской. У кого ея много, тому и самое надѣемое дано будетъ и преизбудеть, а у кого вмѣсто терпѣливаго ожиданія одно безуспѣшное уныніе, у того можетъ быть отнято и остальное благо, какъ не цѣнимое имъ и бесполезное для него. *Долготерпите убо, братія моя, говоритъ Апостоль, утвердите сердца ваша.. образъ пріимите злостраданія и долготерпѣнія,—пророки, иже глаголаша именемъ Господнимъ. Се блажимъ терпящія. Терпѣніе Іовле слышасте и кончину Господню видѣсте* (Іак. 5, 7—11).. Кромѣ Іова, мы припомнимъ и своего учителя на нынѣшній день, несчастнаго Разслабленнаго. 38 лѣтъ терпѣлъ онъ, ожидая помощи себѣ, и не отчаявался, пока упованіе не спасло его. Послушаемъ, какъ говоритъ мужественный страдалецъ: *ей, Господи, человека не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купель: егда же прижду азъ, инъ прежде мене слазитъ*

(Иоан. 5. 7). Если бы это были мы, вѣрно, къ простому разсказу о неудачѣ присовокупили бы хотя одну жалобу на свою несчастную долю, а можетъ быть и не одну. За то, въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ *человѣка не имья*, онъ вдругъ приобрѣлъ себѣ помощника Бога.

Братія! Обыкновенно, чѣмъ болѣе намъ даютъ, тѣмъ большаго желаемъ. Это житейское правило, или неправильное мѣрило житейскихъ удовольствій, нерѣдко слабый христіанинъ вноситъ и въ жизнь духовную. Зная, что вѣрующимъ дана область, т. е. полная возможность, содѣлываться чадами Божиими, онъ уже считаетъ себя достигшимъ этого преимущества, и, что дается ему по милости, на то онъ не стѣсняется предъявлять права. И такъ, чтобы надеждѣ нашей на Бога не дать повода перейти въ дерзновенное требованіе, а за тѣмъ, при ея несбыточности, — въ ожесточеніе или отчаяніе, полезно внушать христіанину, заниматься болѣе своими собственными, нежели Божиими, трудно усматриваемыми, и еще труднѣе разумѣемыми, дѣлами. Предоставимъ Господу Іисусу Христу знать, какъ не посрамить надежды нашей на Него, въ чѣмъ Онъ благоволитъ призрѣть на насъ, въ чѣмъ *отвратить* отъ насъ Свое пречистое *лице* (Пс. 50. 11). То время, въ которое можно было

говорить и слышать: *человѣка не имамъ*, прошло. Теперь всѣ мы имѣемъ у себя Богочеловѣка, *ходатайствующаго о насъ* (Евр. 7. 25) Своимъ чело-вѣчествомъ, и милующаго насъ Своимъ Божествомъ.

«Упованіе мое Отець, прибѣжище мое Сынъ покровъ мой Духъ Святой.» Чего же еще болѣе? «Троице Святая, слава Тебѣ!» Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ СРЕДУ ЧЕТВЕРТОЙ НЕДЕЛИ ПО ПАСХѢ.

*Жаждущую душу мою благочестія
напои водами!*

Тропарь Преполовенія.

Есть жажда души, подобно тому, какъ есть жажда тѣлесная. Кто сознаетъ ее, кто—нѣтъ, а всѣ ее имѣютъ. Когда получишь одно, и желаешь другаго, за другимъ—третьяго, то что это означаетъ, какъ не жажду душевную? Когда прежнее, извѣстное, привычное становится скучнымъ и незанимательнымъ, и ищешь все новаго и новаго, то что это—опять, какъ не жажда? Когда въ дѣтствѣ желаютъ сдѣлаться большими, когда и возрастные,

недовольствуясь тѣмъ, что имѣютъ, постоянно стремятся къ большому: то не жажда ли и это? Отъ перваго дня смысловой жизни нашей до послѣдняго все жаждетъ чего-то ненасытимая душа наша. Жажду тѣла скоро можно утолить. Для сего повсюду въ неисчерпаемомъ множествѣ Господь Богъ далъ воду, которая утоляетъ жажду человѣка и всѣхъ животныхъ земли, и утоляетъ лучше всякихъ искусственныхъ напитковъ. Гдѣ же найти воду, которая бы въ такомъ же обиліи текла и также благопотребно служила намъ въ утоленіе жажды душевной? Источникъ жизни нашей Христосъ Богъ возгласилъ нѣкогда всѣмъ людямъ: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и да пьетъ* (Іоан. 7, 37). Въ другое время разсуждая о водѣ съ женою Самарійскою, сказалъ Онъ: *всякъ, пійи отъ воды сея, вжаждется паки; а иже пьетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (— 4. 13. 14). Сія вода, какъ видно изъ выраженія Церкви, есть *на все полезное* (Тим. 4, 8), благочестіе. «Жаждущую душу мою благочестія напои водами,» молитвенно пѣснословимъ мы сегодня.

Что такое—*благочестіе*, это, по видимому, всѣмъ извѣстно. Благочестиваго человѣка мы можемъ, кажется, тотчасъ узнать и указать. Большею частію можемъ отличить благочестіе не только отъ нечестія, но и отъ похожаго на него, лицемѣрія; но не смотря на то, мы затруднимся дать прямой и ясный отвѣтъ на то, что такое благочестіе. Не есть оно, конечно, помышленіе или ревнованіе о благой *чести*, не есть и одна благая *честность*, не есть и, исключительно,—благое *цествованіе* Бога. Оно есть вмѣстѣ и благоговѣніе, и благовѣріе, и благонастроеніе и благопомышленіе, и благопожеланіе, и благоизволеніе, словомъ: все *благое* въ душѣ, но и это еще не все, все—христіанское *благое* или *святое*. Благочестіе есть жизнь истинно-христіанская. И вотъ приходимъ мы къ великому вопросу: что такое христіанская жизнь? Христіанская жизнь есть жизнь *со Христомъ* (Кол. 3. 3). Господь Іисусъ Христосъ не одно только имя далъ Христіанину. Онъ далъ намъ всего Себя, соединилъ Себя съ каждымъ вѣрующимъ. *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3. 27). Такъ было пѣто надъ всякимъ изъ насъ послѣ того, какъ вода крещенія омыла насъ, оправдала, осватила, умертвила грѣху и оживила

Христу (Рим. 6. 2—10). Духъ Господень запечатлѣлъ насъ собою тогда, соединился съ нами и живетъ въ насъ. Все это такія непреложныя всѣмъ общія и всѣмъ близкія истины, отъ которыхъ нельзя отказаться, не отказавшись отъ христіанства. Такъ. Иисусъ Христосъ живетъ духомъ своимъ съ каждымъ христіаниномъ, слѣд. и на оборотъ: каждый христіанинъ живетъ съ Иисусомъ Христомъ духомъ своимъ. Жизнь христіанская, потому, прежде всего, есть *жизнь со Христомъ*, благочестіе — прямое и необходимое свидѣтельство сего сожителства нашего со Христомъ. Какъ все начинающее и возрастающее, благочестіе достигаетъ своей полноты тогда, когда, по выраженію Апостола, въ человѣкѣ *воображается Христосъ* (Гал. 4. 19). Соберемъ въ единый образъ черты достоподрожательнаго благочестія.

1. Благочестивый человѣкъ не можетъ быть представляемъ иначе, какъ постоянно сосредоточеннымъ мыслями, устремленнымъ своимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ тому предмету, который одинъ достоинъ занимать его безсмертный духъ. Предстоящіе Господу славы, чины Ангельскіе немолчно славословятъ Его, какъ было открыто пророку (Ис. 6, 3. Апок. 4, 8), всегда слѣд. заняты Имъ,

непрерывно устремлены къ Нему. Такъ и нашъ духъ, предстоящій Господу Иисусу Христу, непрестанно долженъ быть занятъ Имъ, собранъ весь во всякое время, сосредоточень самъ къ себѣ во всякомъ мѣстѣ, всегда бодръ, всегда присущъ, всегда готовъ къ неусыпному мысленному дѣланію. Только при семъ конечно и можетъ жить съ нами Христось, и только при семъ и мы бываемъ дѣйствительными и живыми членами тѣла Христова, принимая непрерывное и дѣятельное участіе въ жизни Главы своей. Всякое разсѣяніе мыслей есть уже временное онѣмѣніе или омертвѣніе христіанина, *отчужденіе его отъ жизни Божіей* (Еф. 4, 18). Сія сосредоточенность духа нужна особенно потому, что завистникъ блаженства и ненавистникъ совершенства нашего никогда не дремлетъ и пользуется каждымъ, даже самымъ кратковременнымъ, случаемъ нашей разсѣянности, чтобы привязать къ душѣ, не владѣющей собою, нить его погибельныхъ помышленій, или набросить на сердце всюду-влекомое, его темное и нечистое чувство, отъ котораго мы не скоро освободимся. Будучи учащаема разсѣянность можетъ обратиться въ постоянную привычку, за тѣмъ, лишивъ духъ благодатнаго общенія съ Господомъ и Богомъ, можетъ.

какъ говорить писаніе, *угасить* (1 Сол. 5, 19) его, и существо безсмертное, *малымъ чимъ умаленное отъ Ангель* (Пс. 8, 6) обратить въ *ската несмысленнаго* (—48. 13). Сосредоточенность духа знаменуетъ себя во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка строгою внимательностію, въ частности же, относясь къ предметамъ настоящаго, обнаруживается *зоркостию*, —будущаго—*предусмотрительностию*, —къ явленіямъ міра внѣшняго—*сообразительностию*, —къ составу, ходу и порядку внутренней жизни— неизмѣнною *правильностию*, въ изслѣдованіяхъ выказывается *глубокомысліемъ*, въ сужденіяхъ—*точностию*, въ опредѣленіяхъ—*стойкостию*, въ убѣжденіи—*непреклонностию*, въ дѣлѣ—*силою*, въ словѣ—*властию*.. Самососредоточенный духъ есть по истинѣ и по всей справедливости слова духъ—дыханіе Божіе олицетворенное и вочеловѣченное. видимый и разумѣемый образъ невидимаго и непостижимаго Бога.

Благочестивые братія! Таковы ли мы? Нельзя именоваться благочестивымъ и не хотѣть повѣрить жизни своей правиломъ благочестія. Повѣрка однако же едва ли доставитъ намъ какой-нибудь утѣшительный выводъ. Такъ думать надобно, зная свое, чрезъ мѣру страстное и преданное

міру, сердце. Не было бы и нужды намъ дѣлать неприятое сличеніе правила съ управляемымъ, если бы печальная очевидность дѣлъ нашихъ не представляла сей нужды вопіющею. Христось съ нами, в мы съ Нимъ, сказали мы. Какъ ни непременно это, все душа наша, безъ поразительныхъ указаній на то, скоро забываетъ сію, святую и превождедѣнную истину. Мы можемъ сейчасъ же поставить ее на очный, такъ сказать, съ собою допросъ. Вотъ въ настоящія тайнодѣйственныя минуты Господь нашъ Іисусъ Христось несомнѣнно и какъ бы осязаемо присутствуетъ съ нами. Что же мысль наша? Собрана ли, сосредоточена ли она вся около одного и единственнаго предмета? Занята ли неотступно и непрерывно пришедшимъ на зовъ *молитвы вѣры* (Іак. 5, 15), Спасителемъ? Не будемъ допрашивать. Отвѣтъ и безъ того ясенъ. Подумаемъ однако же, что съ тѣмъ же самымъ отвѣтомъ, или безотвѣтнымъ самообвиненіемъ, мы можемъ предстать предъ Господа и тогда, когда *узримъ Его лицемъ къ лицу*. Что тогда будетъ съ нами? Продолжимъ ли и тамъ, смотря на Христа, думать о всемъ, кромѣ Христа? Слово краткое въ подкрѣпленіе благочестію нашему: кто разсѣивъ, тотъ не увидеть въ царствіе небесное; ибо, по-

слову Спасителя, *никтоже, возложъ руку свою на рало, и зрѣи вспять управленъ будетъ въ царствїи Божїи* (Лук. 9, 62).

2. Сосредоточенность духа необходимо должна положить на христїанина печать в а ж н о с т и. Но сія важность будетъ имѣть характеръ священнѣйшій отъ представляющаго живущаго съ нами Сына Божїя. Подобно тому, какъ присутствіе высокаго гостя исполняетъ весь домъ, гдѣ онъ находится, нѣкоторымъ особеннымъ строгимъ и важнымъ настроеніемъ умовъ его обитателей, и нашъ духъ отъ общенія со Христомъ долженъ получить священно-важный характеръ. Христїанина, проникнутаго вѣрою въ соприсутствіе Христова, не въ силахъ отнять у Бога никакая приманка суеты. Онъ не уступитъ никакому пустому и неправственному дѣлу своего, посвященнаго Богу, духа, не дастъ сердца своего даже и такъ называемому «невинному» развлеченію. Его слово всегда есть слово вѣры, правды и святости, его взоръ — глубокій и безстрастный всегда есть взоръ молитвы, сокрушенія о грѣхахъ и радованія о Господѣ, выраженіе лица его строгое и благовѣйное, обращеніе съ другими, въ лучшемъ смыслѣ слова, благородное, всегда собѣ равное и искреннее. Печать неотступной заботы ду-

шевной и тайной скорби по лучшей жизни должна лежать на всемъ существѣ и отражаться во всѣхъ дѣлахъ истинно благочестиваго. Однимъ словомъ: не себя онъ долженъ высказывать въ себѣ, а Христа, котораго, по отзыву св. Преданія, никто не видалъ смѣющимся, а плачущимъ видели часто. Важность, выражаемая твердостью убѣжденій и нравственныхъ правилъ, называется у насъ *степенностію*, направленная къ обузданію беспорядочныхъ парывовъ плоти и духа является *строгостію*, ревнующая о правдѣ жизни и достоинствѣ человѣка—*честностію*, заботящаяся о христіанскомъ приличіи—*скромностію*, отвращающаяся многопечительности и расчетливости житейской *возвышенностію* духа, а борющаяся съ собственнымъ самолюбіемъ человѣка—*величіемъ* души.

Братія благочестивые! Христіанъ перваго времени, языческій міръ, разсѣянный и легкомысленный, не любилъ за ихъ строго-благочестивый образъ жизни. *Дѣло понятное. Азъ дахъ имъ* (Апостоламъ) *слово твое*, говорилъ Сынъ Божій Отцу въ приснопамятный вечеръ, *и міръ возненавидѣ ихъ* (Іоан. 17, 14). *Аще отъ міра бысте были*, говорилъ Онъ же ученикамъ своимъ, *міръ убо свое любилъ бы, якоже отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ*

*васъ міръ, но вѣдите, яко Мене прежде васъ возне-
 навидь (—15. 18, 19), яко Азъ свидѣтельствую
 о немъ, яко дѣла его зла суть (—7, 7).* Была,
 значить, тогда причина неудовольствія міра на
 Христа и на христіанъ. Какъ же понять теперь,
 что въ христіанскомъ обществѣ христіане отъ хри-
 стіанъ за христіанство подвергаются также все-
 возможнымъ нападкамъ, — что *у насъ* считаютъ
 тяжелыми противными или и прямо невыносимы-
 ми нѣкоторыхъ людей за то только, что рабы Хри-
 стовы не могутъ забыть въ своей богоносной совѣсти,
 что они христіане, и иногда, по ревности о че-
 сти Божіей и о спасеніи ближняго, не могутъ
 скрыть своего живаго убѣжденія, и еще болѣе—
 считаютъ святымъ долгомъ своего Христіанскаго
 званія, дѣйствовать по слову Христову? Уже ли
 печальное предсказаніе Апостола: *вси хотящїи
 благочестно жити о Христь Иисусь, гоними бу-
 дутъ* (2. Тим, 3. 12.) должно относить и къ нашимъ,
 цвѣтущимъ благочестіемъ, временамъ? Именно къ
 вамъ, ревностные христолюбцы, къ вамъ, тяжелымъ
 и скучнымъ для легкомысленнаго міра, не въ мѣ-
 ру важнымъ, не въ пору печальнымъ, и для утѣхъ
 его жизни не пригоднымъ, относится апостольское
 слово: *аще укоряеми есте о имени Христовѣ,*

блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ поживаетъ: онъми убо хулитъся, а вами прославляется. Да ни кто убо отъ васъ постраждетъ яко убійца или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосльтникъ, аще ли же яко х р и с т і а н и н ъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей. Яко время нача ти судъ отъ дому Божія: аще же прежде отъ васъ, кая кончина противящимся Божію Евангелію (1. Петр. 4. 14—17)? Братія! Христіанину благочестивому конечно не свойственно злорадованіе.. Однакоже тотъ, кто такъ или иначе противится Божію Евангелію, долженъ крѣпко подумать, что его ждетъ кончина, и—ка я кончина!

3. Благочестивому христіанину не грозитъ опасность быть чрезмѣрно строгимъ или ригористомъ, какъ привыкли называть настойчивыхъ проповѣдниковъ ученія одоброй жизни. Онъ по своей природѣ христіанской (возрожденной въ св. купели крещенія), необходимо есть б л а г ѣ. Третій сей потокъ источника благочестія указываетъ на свойство души нашей по преимуществу внутреннее и закрытое, болѣе чувствуемое, нежели выражаемое языкомъ. Когда Господа нашего Иисуса Христа называли б л а г и м ѣ, то Онъ сказалъ: *никтоже благъ,*

только одинъ Богъ (Лук. 18. 19), чѣмъ явно показъ, что на землѣ нельзя найти истинной и полной благодати. Мы можемъ только развѣ по частямъ, встрѣчать въ людяхъ сіе Божественное свойство. Оно можетъ являться намъ то подъ именемъ *доброты* или мягкосердечія, т. е. такого расположенія духа, въ которомъ человѣкъ всѣмъ желаетъ всякаго добра и всякаго благополучія, дружески и какъ бы родственно относясь ко всему (а особенно—разумному) созданію Божию, сочувствуя и сострадая всему, что вышло изъ рукъ общаго Отца твари, сотворившаго и его доброе сердце, то подъ именемъ *благодущія*, или неизмѣнно тихаго, или, какъ говорятъ, яснаго состоянія души всѣмъ довольнаго и все пріемлющаго съ любовію, радостію и благодарностію, то подъ именемъ *простосердечія*, когда человѣкъ, не подозрѣвая ни въ комъ зла, довѣрчиво высказываетъ себя другимъ, какъ онъ есть и какъ себя чувствуетъ и довѣрчиво принимаетъ слова другихъ. Но болѣе понятною, и такъ, сказать, очертательною становится благодать тогда, когда обнаруживается въ общеніи съ другими. Здѣсь она проявляетъ себя *любовію, милостію, кротостію, ласковостію, пріятливостію, снисходительностію, предупредительностію* и т.

под. Однимъ словомъ: здѣсь нельзя указать предѣла ея многостороннему раскрытію въ многоразличныхъ обстоятельствахъ жизни. Благость Христіанина есть вмѣстѣ съ тѣмъ его собственное высокое благо, и тѣмъ важнѣе значеніе ея въ области христіанскаго благочестія. Кто благъ, тотъ, можно сказать, уже и блаженъ.

Благочестивые братія! Потому самому, что *никто же благъ, токмо единъ Богъ*, никому столько не свойственно быть благимъ, сколько христіанину, общнику Божества въ Іисусѣ Христѣ. Но прежде чѣмъ ублажимъ себя мыслию, что общество наше есть общество благихъ людей, посмотримъ на тѣ признаки благаго человѣка, которые указаны въ Евангеліи. *Благій человѣкъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *отъ благаго сокровища* (сердца своего (Лук 6, 45) *износитъ блага, и злый человѣкъ отъ злаго сокровища* (сердца своего) *износитъ злая* (Мат. 52, 35). Износимое симъ послѣднимъ сокровищемъ Господь исчислилъ подробно. *Отъ сердца* *человѣческа*, говорилъ Онъ, *исходятъ помышленія злая: убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы* (Мат. 15, 19), *лихоимства, обиды, лукавствія, лесть, студодѣнія, око лукаво, гордыня, безумство* (Марк.

7, 22), изъ коихъ каждое надобно понимать во многихъ степеняхъ грубости или утонченности. И такъ, у кого изъ насъ сердце отрыгаетъ хоть одно изъ сихъ злыхъ помышленій, тотъ будь увѣренъ, что онъ не благъ. Вотъ первый признакъ. Второй: *Рабе благи и вѣрный! О малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю* (Мат. 25, 21, 23). Вотъ слова всѣмъ извѣстной притчи Господней. Въ чемъ же показалъ себя благимъ ублажаемый рабъ? Въ томъ, что исполнилъ волю господина, вѣренъ былъ ему. *Куплю дѣйте* (Лук. 19, 13), сказалъ тотъ рабамъ своимъ отходя на страну далече. И благій рабъ дѣлалъ куплю съ *лихвою*. И такъ, не благъ тотъ рабъ своей церкви, своего отечества, своего званія, своей должности, своего слова, который оказываетъ себя невѣрнымъ своему долгу, — не благъ тотъ, который по лѣности или злонамѣренности выходитъ изъ послушанія Божественному промыслу, господствующему надъ его судьбою, а особенно не благъ тогда, когда при первомъ случаѣ готовъ бываетъ причину своей неисправности сложить на своего господина, укорить его въ жестокости и несправедливости. Третій признакъ: *Аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь?* (Мат. 20, 15) говоритъ господинъ

въ другой притчѣ, защищая себя предъ роищущимъ слугою, онъ же былъ благъ, — тѣмъ, что работнику, пришедшему на работу въ послѣдній часъ дня, даль такую же плату, какую по условію долженъ былъ дать работавшему цѣлый день. Не благъ, значитъ, тотъ господинъ, который живетъ только расчетомъ, который трудъ ближняго цѣнитъ только по одному количеству и качеству его, а не по состоянію или усердію трудящагося, и въ работникѣ видитъ не лице разумное и свободное, а одну мѣру и степень своихъ выгодъ. Благъ ли тотъ господинъ, который не даетъ и условленной платы, не даетъ — и тому, кто трудится до поту и крови цѣлый день, а иногда и цѣлый вѣкъ, объ этомъ пусть судитъ всякій. Ахъ, сколько же и между христіанами должно быть не благихъ людей! На вечерю царствія Христова собрали насъ теперь всѣхъ, *елицьхъ обрътоша, злыхъ же и добрыхъ* (Мат. 22, 10); и доколѣ Отецъ небесный солнце свое сіяетъ равно на злыя и благія (—5. 45), дотолѣ благочестіе не имѣетъ какъ бы существеннаго отличія отъ нечестія, и быть благимъ какъ бы не значить имѣть какія-нибудь преимущества на землѣ. Но, братія! на землѣ и Самъ всеблагій Господь нашъ умеръ посреди злодѣевъ. Что же намъ думать о землѣ?

4. Не будемъ скрывать, что есть люди, по общему отзыву истинно благіе или добрые, которые однакоже вовсе не притекають къ водамъ благочестія и не выказываютъ жажды къ нимъ, или лучше, выказываютъ жажду совершенно въ противномъ родѣ. Скажемъ болѣе. Философія многострастной плоти готова утверждать, что благіе-то люди и суть люди, по преимуществу, склонные къ удовольствіямъ невоздержанія въ разныхъ его родахъ и видахъ, отмѣченныхъ на языкѣ благочестія общимъ именемъ *скверны* или *нечистоты*. Для сей философіи христіанскій подвижникъ не различается отъ человѣка жестокаго и даже дикаго, по меньшей мѣрѣ—эгоиста, слѣдоват. во всякомъ случаѣ человѣка злаго, а плотоугодникъ у нея всегда есть «добрякъ». Что это не голось благочестія, о томъ и говорить нечего. Но что также и не благость-то, что самому человѣку первому не приноситъ блага, это также разумѣется само собою. Нѣтъ, благочестивый христіанинъ прежде всего есть врагъ всякаго невоздержанія плоти и ревнитель строгій чистоты сердечной. Всякая скверна для него равна его отреченію отъ своего званія. Евангеліе и невообразимо безъ ученія о чистотѣ. *Блудъ и всяка нечистота ниже да име-*

нуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ, говорить Апостоль. *Сіе бо да вѣсте, яко всякъ блудникъ или нечистъ не имать достоянія въ царствіи Христа и Бога* (Еф. 5, 3, 5). Чистота нравовъ въ первенствующее время церкви была всеобщимъ отличительнымъ признакомъ христіанъ. Ревность въ этомъ отношеніи доходила у вѣрующихъ до того, что долго цѣлыя общества христіанскія не хотѣли вступать въ общеніе съ христіанами, обличенными въ преступленія или, какъ говорили тогда, *п а д ш и м и*, основываясь на понятіяхъ Евангельской чистоты и на прямой заповѣди Апостола: *не примышлатися, аще илькій братъ именуемъ будетъ блудникъ или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Кому неизвѣстно, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ чистоту христіанскую распространилъ отъ внѣшнихъ дѣйствій до самыхъ тончайшихъ и духовнѣйшихъ проявленій чувства и мысли? Раскрывая въ многоразличныхъ приложеніяхъ къ жизни заповѣдь Господню о чистотѣ, великіе поборники благочестія, христіанскіе подвижники передали въ назиданіе наше безчисленные уроки ангело-подобнаго жительства. И не напрасно трудились надъ

нимъ. Награда его безмѣрно велика. *Блаженн чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ* (Мат. 5, 8), сказалъ Господь.

Дерзновенно было бы, благочестивые братія, съ словомъ внушенія о чистотѣ обратиться къ цѣлому собранію христіанскому. Есть въ душѣ нашей такія стороны, доступъ къ которымъ считается позволительнымъ для одной только совѣсти. Кто чистъ и кто нечистъ предъ Богомъ, кому о томъ вѣдать? Такъ. Но нельзя не сказать, что вѣдать о томъ кому-нибудь необходимо нужно. Если хотя одному изъ насъ совѣсть скажетъ, что онъ нечистъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ скажетъ, что онъ *не имать достоянія въ царствіи Христа и Бога*; а это не только для него, но и для всего общества христіанскаго есть дѣло величайшей важности, ибо *царствіе Христа и Бога* здѣсь на землѣ есть ничто иное, какъ сама церковь Христова. Чтобы не напрасно украшаться именемъ благочестивыхъ, почему бы и въ наше время, какъ это было во времена апостольскія, не быть намъ нѣсколько болѣе строгими къ тѣмъ, къ кому заповѣдано *не примѣшати*? Позволить ли всякому спасать душу свою, какъ и когда онъ хочетъ? Думать ли, что христіанинъ вообще въ состоя-

нѣи управить жизнь свою однимъ кроткимъ и тихимъ словомъ Евангелія, самъ безъ участія и содѣйствія другихъ? Нѣтъ, для того мы и составляемъ Церковь, т. е. общество вѣрующихъ, чтобы помогать другъ другу словомъ и дѣломъ. И такъ чистый помоги очиститься нечистому, указавъ ему то, что онъ есть, и чѣмъ быть долженъ. Но вотъ является благовидное возраженіе: кто бы чистъ? христіанское смиреніе не учить ли осуждать себя, а не судить другихъ? Братія! Доколѣ учить сему истинное смиреніе, сказать противъ него нечего. Но когда будетъ учить тому антихристіанское равнодушіе къ добродѣтели, или прямѣе — потворство своей и чужой грѣховности, то противъ такого учителя надобно единодушно востать всей полнотѣ вѣрующихъ, и въ посмѣяніе древнему лукавству показать себя, съ полнѣйшимъ христіанскимъ смиреніемъ, ревностными учениками Христовыми, для которыхъ не одно и то же благочестіе и нечестіе, чистота и скверна, свѣтъ и тма, Христось и Веліарь.. Не выставимъ себя образцомъ чистоты, но безбоязненно, во имя св. вѣры, укажемъ на образецъ нечистоты. *Измите зло отъ васъ самѣхъ*, сказалъ Апостоль (1. Кор. 5, 13).

5. Чѣмъ выше и дѣйственнѣе въ челоуѣкѣ чисто-

та, тѣмъ болѣе она приближается къ дѣтской непорочности. *Яко агнецъ непорочный и пречистый* (1 Петр. 1, 19). Христось приближалъ къ себѣ дѣтей, и говорилъ, что *тацѣхъ есть царствіе Божіе* (Марк. 10, 14), и что *иже аще не прииметь царствія Божія, яко отроча, не имать внити въ не* (—15). Дѣйствительно, что желательнѣе для обществъ христіанскихъ, какъ дѣтская непорочность сердца и мысли, открытая для всѣхъ благихъ внушеній Св. Вѣры? Но съ другой стороны, что же и опаснѣе для христіанства, какъ та же дѣтская довѣрчивость и покорность всякому ученію. Апостоль въ свое время боялся, чтобы *разумы върующіихъ не истлѣли отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. 11, 3). Боязни сей всегда было и есть мѣсто. Требуеть, потому, христіанское благочестіе, чтобы христіанинъ былъ не только цѣлъ, но и мудръ или цѣломудръ. *Будити мудри яко змїя, и цѣли яко голубіе* (Мат. 10, 16), заповѣдалъ Господь ученикамъ своимъ, посылая ихъ на проповѣдь Евангелія. Главныя свойства змѣи, поставляемой въ примѣръ христіанамъ, суть, конечно, осторожность, быстрая изворотливость и умѣніе скрыться отъ бѣды. Тоже самое требуется и отъ вѣрующаго, особенно когда онъ имѣеть дѣло

съ невѣрными. Но, безъ сомнѣнія, мудрость чело-
вѣческая должна далеко превосходить мудрость
змія, преимущественно же прямою и благона-
мѣренностію дѣйствія. Тамъ, гдѣ можетъ угрожать
опасность его жизни во Христѣ, онъ долженъ упо-
треблять всѣ средства, доставляемыя умомъ и
опытомъ, чтобы спасти свое нетлѣнное и неоще-
ненное сокровище. Гдѣ же премудрость Божія,
втайнѣ сокровенная (1 Кор. 11, 7.), чистая, мир-
ная, кроткая, благопокорливая, исполненная ми-
лости и плодовъ благихъ, несумнѣнная и нелице-
мѣрная (Іак. 3, 17.), встрѣтитъ упорное со-
противленіе отъ *буіей премудрости вѣка сего*
(1 Кор. 1, 20), *не сходящей свыше, земной, ду-
шевной, бѣсовской, исполненной зависти и рвенія,
нестроенія и всякой злой вещи* (Іак. 3, 15. 16.),
тамъ онъ долженъ рѣшиться на одно изъ двухъ:
или побѣдить врага, или избыть его.. Другими
словами: христіанская мудрость должна внушить
человѣку, во 1-хъ, терпѣливую *настойчивость* тамъ,
гдѣ есть вопіющая надобность и законное право
обличить антихристіанское направленіе мыслей въ
людяхъ, именующихся христіанами, въ особенности
же дѣйствующихъ или представляющихъ себя дѣй-
ствующими во благо общее, во 2-хъ, благоразум-

ную *уклончивость* въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ его глубоко-христіанскаго настроенія можетъ выйти вмѣсто пользы вредъ, напр. большій соблазнъ; въ 3-хъ, самое трудное и требующее великаго ума и долговременнаго упражненія, дѣло—спасительную *примынительность* къ мѣсту, времени, лицу, случаю, своему значенію и положенію и проч.. да и онъ, по примѣру Апостола, *пріобрѣщетъ Христу и подзаконныя и беззаконныя и немощныя и сильныя, да всяко нѣкія спасеть* (1 Кор. 9, 19—22).

Братія благочестивые! Памятны вамъ слова Господни: *сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть* (Лук. 16, 8). А изъ сего слѣдуетъ, что благочестивому человѣку столько надобно быть мудрымъ, чтобы пересилить мудрость вѣка сего, пути которой безчисленны, весьма закрыты и многосложны. Вотъ простѣйшій, такъ сказать, ученическій изъ нихъ: Если вамъ случилось когда нибудь дѣлать выговоръ человѣку виноватому, и если при этомъ онъ считалъ себя въ правѣ защищаться передъ вами, то вѣрно сынъ вѣка сего старался или ваше требованіе долга представить въ видѣ крайности, чтобы показать его тѣмъ какъ можно болѣе несправедливымъ, или свой

проступокъ выставить крайностію, чтобы сдѣлать его черезъ-то какъ можно менѣе значительнымъ. Если вы говорили ему напр.: зачѣмъ ты поносишь брата своего; онъ вѣрно отвѣчалъ вамъ: убилъ что ли я его? Если посовѣтовали ему быть напр. воздержнымъ, услышали, конечно: развѣ я ангелъ? и прочее въ этомъ родѣ. *Бъсовская мудрость* ваше обличеніе вамъ же бросаетъ въ лице, обвиняя васъ въ крайностныхъ взглядахъ! Затѣмъ васъ обвиняетъ въ противорѣчїи самимъ себѣ, въ глупости, упрямствѣ, недобросовѣстности, пытаются забросать васъ словами, смѣшать, запутать, раздражить насмѣшками, завлечь уступчивостію, перетолковать ваши, слова навязать чужія мысли и пр. и пр. Сія злостная или зловещная мудрость, если захочетъ показать видъ, что одобряетъ внушенія христіанской мудрости, то вмѣсто благоразумной уклончивости совѣтуетъ христіанину полное равнодушїе къ дѣлу вѣры, вмѣсто мужественнаго стоянїя за истину, устремляетъ его къ обидамъ, вмѣсто человѣколюбивой примѣнительности вдаетъ его въ человѣколюбивое потворство! Если же предпочтетъ прямо востать противъ христіанской мудрости, то, принявъ видъ защитницы Евангелїя, уклончивость—

называетъ измѣною Христу и христіанскому долгу, настойчивость—посягательствомъ на свободу человѣческую, провозглашенную христіанствомъ, нарушеніемъ правъ, гражданскихъ постановленій, личности, обычая, приличія, примѣнительность—выдаетъ за предательскую слабость и неустойчивость самой истины.. Мудрому и премудрому надобно быть христіанину, чтобы, подъ навѣтами лукавства, *не истлѣть отъ простоты, яже о Христь.*

6. Часто случается видѣть людей добрыхъ, умныхъ, прекрасныхъ, въ достаткѣ, въ почетѣ, въ любви у всѣхъ. Все хорошо у нихъ, но одного имъ недостаетъ, а сіе одно и есть самое важное и дорогое для нихъ—они нездоровы, недостаетъ—того, что всему прочему даетъ силу и основу. Тоже можно сказать и о христіанскомъ благочестіи, которому недостаетъ скрѣпляющей его силы,—душевнаго мира человѣка. *Возлюбленнѣи, говоритъ Апостоль, сѣхъ чающе* (т. е. нова небеси и новы земли), *потщитесь нескверни и непорочны тому обрѣстися въ миръ* (2 Петр. 3, 14). Та премудрость, о которой мы только что разсуждали, *первѣе чиста есть, по словамъ писанія, потомъ же мирна* (Іак. 3, 17). Въ ней

миръ, *миръ Божій*, какъ называетъ его слово Божіе, къ ней *призваны* мы всѣ вѣрующіе (Кол. 3, 15), которымъ и въ необходимость поставлено *водворять* его *въ сердцахъ своихъ* (—). Нельзя опредѣлить двумя-тремя—словами: что такое миръ душевный... Какъ здоровье есть слѣдствіе правильнаго состоянія и хода всѣхъ сторонъ тѣлесной жизни, такъ миръ души есть плодъ согласнаго дѣйствія всѣхъ неповрежденныхъ силъ души. Когда человѣкъ дѣлаетъ напр. не то, чего хочетъ, онъ уже не миренъ. Когда сердце хочетъ того, что отрицаетъ умъ, онъ опять не миренъ. Когда умъ принимаетъ рѣшеніе, отвергаемое совѣстію, онъ еще разъ не миренъ, и т. д. Зная странное, и необъяснимое безъ слова Божія, разстройство душевныхъ силъ человѣка, можно бы сомнѣваться въ возможности душевнаго мира. Но христіанское благочестіе такъ настраиваетъ вѣрующую душу, что *миръ* оный *водворяется* какъ бы самъ собою *въ сердцахъ нашихъ*. Ибо каждое изъ отличительныхъ свойствъ благочестиваго человѣка порознь необходимо вводить въ душу его желанный миръ, потому что каждое отводитъ ее отъ увлеченій въ какомъ бы то ни было родѣ, въ которыхъ и кроется существенная, если не единственная, причина ду-

шевнаго разлада челоуѣка. И всѣ вмѣстѣ неизна-
че обнаруживаются въ челоуѣкѣ, какъ одно под-
крѣпляя другое. Чему научить его напр. со-
средоточенность ума, тому не разучить нравст-
венная строгость, съ тѣмъ совершенно согласят-
ся сердечная чистота, благость сердца и муд-
рость жизни. При всемъ томъ, сходя съ высоты
христіанскаго правила въ невысокій уровень дѣй-
ствительности, долженъ бываешь признаться, что
не легко стяжать полный миръ челоуѣку, постав-
ленному среди нуждъ и заботъ, приманокъ и устра-
шеній, недоумѣній и столкновеній, болѣзней, не-
счастій, случайностей всякаго рода и вида. Но, по
благодати Сына Божія, другъ Христовъ пусть
не забываетъ, что надъ нимъ почиваютъ благо-
воленіе и неотступное промышленіе Божіе,—съ
одной стороны направляющее всѣ обстоятельства
жизни его всегда къ лучшему, съ другой—
не попускающее ему *искуситися паче, еже можетъ*
(1 Кор. 10, 13). *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой*
даю вамъ: не яко же миръ даетъ, Азъ даю вамъ
(Іоан. 14, 27). Сіе завѣщаніе Господне должно
успокоить волнующійся духъ нашъ. По мѣрѣ то-
го, какъ челоуѣкъ самъ перестаетъ гоняться за
призрачнымъ миромъ, который міръ даетъ, укло-

няется отъ суеты и многопечительности, и ищетъ только *единого на потребу* (Лук. 10, 41), *Богъ мира* даетъ ему свой миръ, *превосходяй всякъ умъ*) Фл. 4, 7). Это понимаютъ тѣ, кои отрекались ради Христа отъ многотревожнаго міра, но не невѣдаютъ и тѣ труженики Божіи, которые среди моря житейскаго силятся огребаться отъ волнь его. И у нихъ бываютъ минуты посѣщенія Божія, въ которыя среди самыхъ жестокихъ скорбей и искушеній они находятъ въ душѣ своей, невѣдомо откуда зашедшій, миръ. Человѣка, носящаго въ сердцѣ своемъ миръ Божій, узнать можно по его невозмутимо спокойному виду, Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей онъ постоянно себѣ *равенъ*, въ опасностяхъ *безстрашенъ*, въ лишеніяхъ *безпечаленъ* въ довольствѣ *незаносчивъ*, во всемъ и всегда *умѣренъ*, въ своемъ обращеніи съ другими—*кротокъ*, *молчаливъ*, *терпимивъ*, *смирненъ*, *благопокорливъ*. Блаженъ онъ вмѣстѣ съ миротворцами; ибо и онъ *Сынъ Божій* *называется* (Мат. 5, 9).

А сколько разъ Св. Церковь отъ начала до конца богослуженія взываетъ намъ о мирѣ, такъ усиленно заботится она о мирномъ настроеніи души нашей! Кромѣ такъ часто слышимаго изъ устъ служителя

тайнствъ: *миромъ Господу помолимся*, многократно еще преподаеть тайносовершителемъ *миръ всѣмъ*. Насъ приглашаютъ, кромѣ того, внимать — *святое возношеніе въ миръ приносить*, равно и по совершеніи возношенія, *съ миромъ исходитъ* изъ храма. Насъ учатъ молиться Господу *о миръ всего міра, о времяяхъ мирныхъ*, просить у Господа *дне мирна, Ангела мирна, кончины мирны..* Не напрасно, конечно, все это. Миръ есть вождельннѣйшее изъ благъ жизни. Безъ мира человѣка по истинѣ можно назвать самымъ несчастнымъ существомъ земли. Его высокое преимущество разумно-свободной дѣятельности, съ исчезновеніемъ мира, устремляетъ его на разрушеніе всякаго порядка какъ въ немъ самомъ, такъ и во всемъ, къ чему онъ прикасается, — поставляетъ его во вражду со всѣмъ, и что — всего горестнѣе и ужаснѣе — по дѣйствию врага, возставляетъ его даже на самого Бога! Но братія благочестивые, если такъ важенъ вообще для человѣка миръ душевный, то что сказать о томъ христіанинѣ, который куда ни пойдетъ, чѣмъ ни займется, повсюду носить въ душѣ своей разстройство и недовольство, готовое при первомъ случаѣ излиться изъ сердца его потокомъ жалобъ, злословія, клеветы, брани, и полагающее на лицѣ и на

всемъ существѣ его безобразную печать раздраженія, вражды, зависти, презорства, скуки, муки? Именуется онъ христіаниномъ, но можно рѣшительно сказать, что Христосъ не вѣдомъ сердцу его. Кажется онъ благочестивымъ, но можно поручиться, что онъ никогда не приступалъ къ *водамъ благочестія*, даже не жаждалъ ихъ, даже не зналъ о нихъ.

7. Скажемъ, наконецъ, что и миръ съ самимъ собою и миръ съ ближними окажутся для христіанина пустымъ словомъ, несбыточною мечтою и тцетою безплодныхъ усній души, безъ мира съ Богомъ, который долженъ быть первымъ желаніемъ и послѣднимъ чаяніемъ всякаго вѣрующаго, но грѣшнику, о столь слабому, страстному и неразумному существу, можно ли надѣяться имѣть когда нибудь миръ съ Богомъ? Миръ сей предполагаетъ въ человѣкѣ неотступное слѣдованіе божественному велѣнію, совершенное подчиненіе всѣхъ силъ души своей Евангельскому ученію. Дѣло, конечно, естественное и неизбѣжное для всякаго, кто украшаетъ себя именемъ Христовымъ, но, при всемъ томъ, въ полнотѣ своей—весьма трудное. Путь къ сему, такъ сказать, вѣнцу христіанской жизни есть набожность. Это самое рѣшитель-

ное, чѣмъ должно заявлять себя христіанское благочестіе передъ глазами всего міра. Набожность такъ свойственна ему, что большею частію считается за одно и то же съ нимъ, и благочестивымъ чело­вѣкомъ обыкновенно называютъ того, кто отличается набожностію. Что же такое набожность? Любовь ко всему божественному и преданность все­му богозаповѣданому. А такъ какъ все божествен­ное и богозаповѣданное заключается для души въ­рующей въ св. Таинствахъ, въ Богослуженіи, въ церкви, то и набожность проявляетъ себя, соот­вѣтственно сему главнымъ образомъ глубочайшимъ *благоговѣніемъ* предъ церковными таинствами, *при­вязанностію къ церковному Богослуженію, частымъ посѣщеніемъ храма Божія*, а за тѣмъ и многи­ми другими упражненіями боголюбиваго чувства по духу Св. Церкви, какъ-то бесѣдою о духов­ныхъ предметахъ, чтеніемъ духовныхъ писателей, обращеніемъ съ духовными лицами, соблюденіемъ церковныхъ уставовъ и пр. Путемъ сей набож­ности чело­вѣкъ самъ собою незамѣтно и какъ бы невольно вводится въ самое святилище христіан­ской жизни, дѣлаясь глубоко благочестивымъ не­рѣдко безъ особеннаго приготовленія и даже безъ предварительнаго призванія къ тому. О, блаженъ

тотъ, кого благочестіе родителей приучило укрываться въ сѣни дома Божія съ малыхъ лѣтъ! Онъ не будетъ потомъ имѣть нужды проходить одну за другою всѣ ступени трудной лѣствицы христіанскаго благочестія. Первая и послѣдняя изъ нихъ для него есть одна и та же—ежедневно переступаемая имъ, ступень храма Божія.

Братія благочестивые! Кто не упражнялся въ добродѣтели, тотъ большею частію первый ей не вѣритъ. Невѣріе этого рода когда слышитъ о набожности, съ лукавствомъ и безстыдствомъ подставляетъ ей слово: ханженство, и затѣмъ позволяетъ себѣ издѣваться надъ всѣмъ, что говорится о первой.. Оставимъ любителю напраснаго труда упражняться въ немъ, и не будемъ защищать скалы отъ ударовъ руки. Почтимъ лучше словомъ признательной хвалы чудную, ангеложительную набожность. Она есть непрестающее свидѣтельство духовнаго союза нашего съ Богомъ,—во времени начало вѣчной жизни, духовное всеоружіе, сокровищница дарованій вышеестественныхъ, обрѣтаемая безъ труда, сообщаемая безъ заслугъ. Она есть училище взаимнаго обученія добродѣтели, гдѣ одна сила души учитъ другую, она есть всѣмъ доступный, простой и

легкій, самоучитель языковъ Ангельскихъ (Кор. 13, 1),—ключъ къ разумному пнїю предъ Богомъ (Пс. 66, 9)—всеобщая азбука благочестія, изучая внѣшніе знаки которой, невѣдомо самому себѣ начинаешь черезъ нихъ доходить до скрытой подъ ними мысли, и наконецъ видишь себя посреди новаго совершеннаго міра,—становишь-ся вѣдцемъ тайнъ Слова. Набожность, братія, самымъ именемъ своимъ показываетъ, что ближе ея къ Богу нѣтъ ничего, а слѣд. и цѣннѣе ея для насъ также нѣтъ ничего.

Стань, возлюбленный, и стой предъ Господомъ седмисвѣщнымъ свѣтильникомъ благочестія! Тебѣ нужно горѣть и свѣтить. На твой свѣтъ, яркій или потухающій, чистый или дымный, смотрятъ съ томленіемъ души друзья и съ злорадованіемъ—враги Христа. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТУЮ ПО ПАСХѢ.

Духомъ и истинною достоинъ кланяться.

Іоан. 4, 24.

Часто мы обращаемся съ укоромъ къ нашему времени, по многимъ причинамъ вполне заслуживающему того. Не хотимъ мы этимъ сказать, что будто время наше есть уже худшее всякаго другаго, бывшаго или имѣющаго быть, а большею частію жалѣемъ только, что оно хуже того блаженнаго времени, въ которое вѣра наша святая только что начинала освѣщать и освящать собою міръ. Посмотрите для примѣра, какъ было въ то время. Вотъ по близости одного города приходитъ на кладязь за водою женщина. Встрѣтивъ тамъ незна-

когого чловѣка изъ другаго края земли своей, она вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и—о чемъ же? о молитвѣ? Ей показалось, что незнакомецъ сей былъ Пророкъ, и она воспользовалась встрѣчею съ нимъ, какъ случаемъ, разсуждать объ истинахъ вѣры. Скажите, кто теперь, при подобныхъ обстоятельствахъ, заговоритъ о молитвѣ! Даже если бы кто имѣлъ бесѣдовать о ней, того могли бы остановить, вѣжливо напомнивъ ему, что онъ у колодца, а не въ церкви.. Для всякаго духовнаго собесѣдованія теперь какъ бы считается отведеннымъ определенное мѣсто—церковная каеэдра, и развѣ еще школьная аудиторія,—мѣста, рѣзко отличающіяся отъ всѣхъ другихъ мѣстъ частной или общественной жизни,—мѣста, за предѣлами которыхъ считается неумѣстнымъ вести собесѣдованія о вѣрѣ, о Богѣ, о душѣ.. Но лѣнивое къ подражанію время наше нелѣпно отыскиваетъ въ древнихъ временахъ того, что можетъ хотя сколько нибудь извинять его лѣность. *Грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истинною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся ему. Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 23. 24). Такъ сказалъ Господь нашъ Іисусъ Хри-

стось, бесѣдуя съ самарянскою женою. Лѣность, суемудріе и недоброжелательство нашего времени спѣшаютъ замѣтить при этомъ, что истинная христіанская молитва должна состоять, потому, не въ словахъ и тѣлодвиженіяхъ, не въ собраніяхъ и священнодѣйствіяхъ, а въ *духѣ*, напр. развитіи ума, и *истинѣ*, напр. честной жизни.. О, наслышались мы сего «развитія» и сей «честности», ставимыхъ на мѣстѣ, устарѣвшихъ будто бы, понятій о спасеніи души и благочестивой жизни! Давно упавшій съ высоты подвига и самоотверженія, современный человѣкъ не думаетъ однако же отказаться отъ притязаній на свою духовность, и воображаетъ достаточнымъ для сего возможно большее образованіе ума, ошибочно полагая, что духовное и разумное есть одно и то же. Такъ об. и молитву *духомъ и истинною*, въ крайности онъ сведеть на одно размышленіе о Богѣ, или, и того менѣе, на одно вѣдѣніе Бога. Какъ во всемъ другомъ, такъ и здѣсь *неправда* прежде всего *лжетъ себѣ* самою (Пс. 26, 12). Принимая вымышленное за дѣйствительное, и не находя въ своемъ лѣнивомъ занятіи духа ничего похожаго на молитву, человѣкъ приходитъ наконецъ къ той мысли, что духовной молитвы вовсе нѣтъ, что она есть меч-

та, изобрѣтеніе празднаго воображенія или чрезъ мѣру живаго чувства, а затѣмъ,—что и всякая молитва есть только пустая трата времени,—потому что Богъ не требуетъ ея,—потому что безъ нея знаетъ cadaго нужду и желаніе,—потому что всякаго судьба предопредѣлена, и т. д. и т. д.

Братія! Что же, въ самомъ дѣлѣ: Есть ли основаніе молиться, и нужна ли молитва? Въ чемъ она состоитъ, и какъ обнаруживается? Какова она должна быть, и когда бываетъ?

Есть ли основаніе для молитвы и нужно ли молиться? Того, кто предлагаетъ подобный вопросъ, можно, въ свою очередь, спросить: есть ли основаніе хотѣть челоуѣку или чувствовать, и нужно ли ему скорбѣть и радоваться, любить, бояться, думать, смотрѣть и т. д.? 1. *Отъ избытка сердца уста глаголютъ*, сказано (Мат. 21, 34). Здѣсь не можетъ быть рѣчи о нуждѣ или необходимости молитвы, а можно разсуждать только о ея необходимости, какъ о необходимости всего, что намъ прирождено. И скорбь и радость и молитва суть потребности души, возникающія сами собою. Но скорби и радости никто не учатъ челоуѣка, а къ молитвѣ приучаютъ его съ дѣтства?

Вотъ что говорятъ намъ далѣе. Такъ. Но приучая младенца ѣсть, ходить, говорить, одѣваться, не то же ли самое дѣлають, что онъ самъ началъ бы дѣлать, только позже? Есть разница, скажутъ намъ, въ вѣрѣ и молитвѣ, и укажутъ на примѣры того, какъ человѣкъ, не научившись ни отъ кого молитвѣ, не молится потомъ во всю жизнь, и даже худшіе примѣры, какъ и наученый молитвѣ, оставляетъ ее потомъ, сознавши, что будто бы она навязана была ему насильно. Изъ подобныхъ совпрошеній убѣдиться надобно, что молитву понимаютъ обыкновенно въ весьма тѣсномъ смыслѣ. Конечно, встать и поклониться, сопровождая притомъ поклонъ свой крестнымъ знаменіемъ, это не всякому молящемуся можетъ придти на мысль, тѣмъ не менѣе, побуждающее его, вставать и кланяться, чувство, независимо ни отъ кого и ни отъ чего, будетъ возникать въ немъ всякій разъ, какъ ему станетъ трудно, или страшно, или скучно и пр.; однимъ словомъ, когда онъ вполне и глубоко сознаетъ всю невозможность помочь себѣ. Но это не все, а лучше сказать,—самое малое изъ всего, что движетъ человѣка къ молитвѣ. Молитва не есть только моленіе или прошеніе о чемъ нибудь, она столько же есть и благодареніе

за помощь, испосылаемую отчаявающейся безпомощности. И только ли этимъ, такъ сказать корыстнымъ, кругомъ ограничивается молитва человѣка? А когда мать, въ преизбыткѣ любви, смотритъ на дитя свое, и шлетъ ему мысленно тысячи благихъ пожеланій, что это такое? А когда слышишь гдѣ нибудь вопль человѣческій и весь объемлешься томительною тревогою за избавленіе отъ бѣды себѣ подобнаго, что это опять? А когда мятешься духомъ и тужишь и сокрушаешься, помышляя свою краткую жизнь и неминуемую смерть, что означаетъ и сей глубокій стонъ внутренній? Все это—мольба души, братія,—молитва, изводимая сердцемъ, и возсылаемая въ ту, чаемую, область бытія, гдѣ сокрыты причины бывающихъ здѣсь съ нами явленій. Но и этимъ далеко не исчерпывается источникъ молитвенныхъ расположеній души. Только половина ихъ падаетъ на долю сердца.

2. *Помолюся духомъ, помолюся и умою*, говоритъ Апостоль (1 Кор. 14, 15). Молитва сколько принадлежитъ сердцу: столько же и уму. Если первая живѣе, послѣдняя отчетливѣе. Сердце молящееся только чего-то или кого-то ищетъ, а умъ сего искомаго находитъ, и если не видитъ

его лицомъ къ лицу, то бесѣдуетъ съ нимъ усты
 ко устомъ.. О сладкая, о крѣпкая, о радостная
 молитва мысли? Куда-бы ни обратился взоромъ
 слухомъ, вкусомъ мыслящій человекъ, повсюду
 встрѣчаетъ онъ необъятную, безпредѣльную мысль,
 встающую предъ нимъ неисчетными милліонами
 образовъ, одинъ другаго совершеннѣйшихъ, одинъ
 другаго привлекательнѣйшихъ! Выйди въ поле и
 посмотри на радующую безконечность одного расти-
 тельнаго царства, по истинѣ—*царства Божія*.. Что
 долженъ говорить тебѣ, т. е. твоему уму, первый
 попавшійся цвѣтокъ? «Безъ причины ничего не бы-
 ваетъ. И моего бытія есть причина. Всему, что при-
 ходитъ въ явленіе жизни, предшествуетъ его идея,
 «т. е. образецъ, планъ, модель. И моему бытію
 предшествовало предназначеніе меня въ умъ твор-
 ческомъ, я есмь обликъ, отпечатокъ, отраже-
 ніе мысли Божіей. Я есть сама мысль Бо-
 жія, воплощенная!» И можно ли истинно мысля-
 щему существу остаться равнодушнымъ при по-
 добной встрѣчѣ съ Тѣмъ, Кто, Незримый и Неиз-
 слѣдимый, составляетъ первый и послѣдній пред-
 метъ его помышленій? Его изумленіе, его благо-
 говѣніе, его умиленіе есть самое естественное
 дѣло при этомъ. А оно уже и есть молитва! И

еще какая молитва? Самая чистая, безстрастная, безрасчетная, — истинно ангельская! Что дивнаго, когда слышимъ мы, что были боголюбцы, воспитанные пустыннымъ уединеніемъ и непрестаннымъ самоиспытаніемъ, которые при первомъ взглядѣ на высоту небесную приходили въ неудержимый восторгъ, и изливали душу свою предъ Вседержителемъ въ дѣтскомъ невнятномъ лепетѣ? Намъ передають, что одинъ великій мыслитель, научившись повсюду видѣть безмѣрное величіе Божіе, не могъ произнести имени Божія, обнаживъ своей мудрой, почтенной головы. Онъ открывалъ ее, а тысячи и милліоны другихъ могли наклонять ее, возводить слезящіе взоры, воздѣвать трепещущія рѣчи, преклонять дрожація колѣна, простираться на землю и пр. и пр. Могли возсылать Богу *жертву хваленія, плодъ устенъ, исповѣдающихся имени Его* (Евр. 13, 15), пѣть и ликовать. . . Нужно ли все это дѣлать? спросите о томъ ихъ самихъ. Увидите, что и самый вопросъ неумѣстенъ.

11. *Отцы наши въ горы сей поклонишася*, говорили во время Христова Самаряне. А Иудеи, напротивъ, утверждали, *яко во Иерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаесть* (Іан. 4, 20).

Истинныхъ поклонниковъ Бога, который есть *духъ*, конечно, недостойно такое, привязанное къ веществу, поклоненіе; и потому Господь Іисусъ Христосъ сказалъ бесѣдовавшей съ нимъ женѣ: *вѣру ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу. Егда и стинни и поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истинною: ибо Отець таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему* (—23—25). Вотъ гдѣ получила начало или т. ск. освященіе наша молитва христіанская, молитва истинная, духовная! Между молитвою Самарянъ и Іудеевъ и молитвою христіанъ положено так. обр. существенное различіе. Молитва тѣхъ была привязана къ веществу, къ мѣсту, къ посредствующему образу жилища Божія, была потому и сама только образомъ и подобіемъ истинной молитвы. А молитва наша есть молитва духа, для котораго Богъ вездѣ есть и во всякое время, молитва слѣд. истинная, какая единственно прилична человѣку. Однакоже рождается вопросъ: молитва «духовная» ужели есть та самая, которую мы совершаемъ ежедневно, и въ которой иногда такъ мало можно замѣтить присутствія или обнаруженія духа? Братія! Когда говорится о *духъ*, обыкновенно и въ большей части слу-

чаевъ не понимаютъ того, о чемъ идетъ дѣло. *Духовная* *духовными* *сразсуждаются* (1 Кор. 2, 13), сказано въ божественномъ писаніи, а плотолюбивый и долѣревностный, какъ выражается церковное пѣснопѣніе, человекъ такъ рѣдко живетъ духомъ! Всегда, впрочемъ, при этомъ мысль наша переносится на небо. въ міръ Ангеловъ, духовъ, о которыхъ довольно говорятъ намъ и слово Божіе и церковное бытописаніе. Молитва духовная для насъ прежде всего, потому, есть молитва Ангельская. *Ангелы*, по свидѣтельству самого Господа, *выну* (т. е. постоянно) *видятъ лице Отца Небеснаго* (Мат. 18, 10), а слѣд. они и постоянно заняты Богомъ. Инаго порядка дѣлъ на небѣ представить не можно. Первое, т. обр., что съ опредѣленностію можно сказать о молитвѣ духовной, какъ молитвѣ духовъ, это есть постоянное богомысліе. Далѣе мы знаемъ, что *егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша творца гласомъ велиемъ вси Ангели* (Иов. 38, 7). Тайновидецъ Исаія также зрѣлъ окрестъ Господа стоящихъ Серафимовъ, которые *взываютъ другъ ко другу, и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ* (Ис. 6, 3). При рожденіи Богочеловѣка также оглашало землю Ангельское славословіе (Лук.

2, 14)... Заключаемъ изъ сихъ, и симъ подоб-
ныхъ, свидѣтельствъ, что молитва духовъ небес-
ныхъ состоитъ въ богохваленіи. Довольно для
насъ и сего. Такова слѣд. должна быть и на зем-
лѣ молитва духовная, т. е. должна состоять въ
постоянномъ богохваленіи. Но человѣкъ не Ан-
гелъ. Во-первыхъ, онъ есть духъ, облеченный пло-
тію, и ею связанный съ вещественнымъ, во всѣхъ
отношеніяхъ ограниченнымъ, многочастнымъ и из-
мѣнчивымъ бытіемъ. Во-вторыхъ, онъ есть духъ
грѣшный, отъ множества грѣховъ своихъ не имѣ-
ющій часто дерзновенія на ангельское богохва-
леніе. Что же дѣлать? Ради плотяности и грѣ-
ховности человѣка не представлять же молит-
вы христіанской въ ложномъ видѣ. Образецъ есть,
и у всѣхъ находится предъ глазами. Примѣрай
къ нему себя, кто на сколько можетъ!

Но, ревнитель духа и всего духовнаго, не сму-
щай себя напраснымъ страхомъ. *Иго мое бла-
го, и бремя мое легко есть*, сказалъ Господь
(Мат. 11, 30). Молитва духовная не есть заня-
тіе одного духа, а вмѣстѣ и всего существа че-
ловѣческаго, не потому Христосъ назвалъ молитву
христіанскую молитвою *духомъ и истиною*, что
она должна быть совершенно отрѣшеннымъ отъ

тѣла, упражненіемъ чловѣка, а потому, что имѣлъ въ виду пристрастіе Іудейской церкви къ одной молитвенной внѣшности, за которую не оставалось какъ бы мѣста упражненію духовныхъ силъ молящагося, и которая молитву превращала въ бездушный обрядъ. Но какъ было во времена древнія, такъ и во всякое время можетъ быть что одна часть людей привяжется ко внѣшности въ молитвѣ, а другая будетъ исчерпывать до глубины ея внутреннія сокровища, то и въ духовной молитвѣ умѣстно дѣлать различіе молитвы внѣшней и внутренней,—различіе, впрочемъ, не такое, по которому бы одна изъ нихъ уничтожила другую. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, первый изъ истинныхъ поклонниковъ Отца Небеснаго, молясь душою, молился и тѣломъ, слѣд. своимъ примѣромъ навсегда сочеталъ и внутреннюю и внѣшнюю молитву въ одну истинную христіанскую молитву, которую, конечно, никто не усомнится назвать духовною. Скажемъ нѣсколько словъ и о *внутренней* и о *внѣшней* молитвѣ.

1. Чѣмъ влечется жаждущій *елень на источникахъ водные*? Тѣлесною потребностію, вещественными условіями своей жизни,—тѣмъ, что мы въ себѣ назвали бы внѣшнею стороною бытія нашего.

Справедливо, что *еще желаетъ* и душа наша къ Богу (Пс. 4, 2), но со всѣмъ другое нѣчто влечетъ ее къ Нему, не зависящее отъ нашей тѣлесной жизни, и принадлежащее къ другому кругу или роду ощущеній, который, за неимѣніемъ болѣе точнаго слова, мы называемъ *внутреннимъ міромъ*, или, какъ Псалмовидецъ просто называетъ словомъ: *внутренняя* (Псал. 102. 1). Сіе внутреннее и есть, такъ сказать, сѣдалище молитвы. Безъ него и внѣ его она невозможна и немислима. Совершаясь внутри существа нашего, она по тому самому есть молитва внутренняя, тайная, мысленная, умственная или умная, какъ называютъ ее люди, по преимуществу упражнявшіеся въ ней. Она есть занятіе, дѣемое въ умѣ или «умное дѣланіе» человѣка, какъ называютъ ее тѣ же святые мужи, — есть невидимая, нечувственная, безмолвная, безвидная бесѣда человѣка съ Богомъ, и состоитъ въ «помыслахъ или божественныхъ движеніяхъ чистаго сердца и мысли», которыя, по выраженію подвижниковъ, суть «гласи кротцы, ими же благочестивыя души Тайному тайно поютъ» (Добротол. част. 2 гл. 38). Она есть непрестающее возведеніе или возношеніе всѣхъ силъ души къ Богу, какъ бы постоянное мысленное «хождение

предъ Богомъ», предстояніе Ему, созерцаніе Его, величаніе Его, поклоненіе Ему, равноангельное вынудѣніе лица Его.. Начинаясь въ умѣ, она проникаетъ во всѣ душевныя силы чловѣка, объемлетъ собою все существо его, и дѣлаетъ его *исполненнымъ очесъ кругомъ*, носящимъ въ себѣ *духъ жизни, воздвизающимся отъ земли*, въ соотвѣтствіе таинственному движенію на небесахъ міроправительнаго престола Господа славы, чуднымъ образомъ *шестующимъ на четыре страны, и не обращающимся* (Иезек. 1, 15—21).. «Егда бо кто достигнетъ сего, къ концу всѣхъ добродѣтелей dospѣ, и прочее жилище Св. Духа есть; бываетъ. душа его прежде смерти ангель». Такъ отзываются объ истинной *молитвѣ ума* знающіе ее.

Братія! Та ли это молитва, которою мы молимся? Не другая ли она, — предоставленная однимъ отшельникамъ, однимъ великимъ подвижникамъ, молящимся за весь міръ? Нѣтъ. Двухъ молитвъ нѣтъ, какъ нѣтъ у чловѣка двухъ душъ. Но что же недоумѣваемъ и какъ бы страшимся передъ высотой своей молитвы—мы, призванные къ общенію съ Богомъ? Для насъ не можетъ быть ничего уже высокаго и недоступнаго послѣ того, какъ самъ Богъ запечатлѣлъ насъ своимъ Духомъ, непрестан-

ными неизмолотными воздыханіями ходатайствующимъ о насъ (Рим. 8, 26). Ахъ, еслибы только услышать сіи божественныя воздыханія! Тогда не боялся бы никакой высоты, а напротивъ взыскалъ бы ея, и чѣмъ она выше, тѣмъ охотнѣе устремился бы къ ней, *Господи! Воздвигни въ насъ силу Твою, и приди во еже спасти насъ* (Пс. 79, 3)!

2. Когда такое, почти исключительное, значеніе въ жизни христіанина имѣетъ молитва внутренняя, что сказать о такъ называемой внѣшней которую, въ противоположность молитвѣ умной, называютъ еще устнойю, потому что главнымъ образомъ она совершается при участіи усть? То, что она есть съ одной стороны конецъ или завершеніе молитвы внутренней: *отъ избытка бо сердца уста глаголютъ*, сказалъ Господь (Мат. 12, 34),—отъ полноты внутренняго хваленія и чествованія происходитъ славословіе усть и поклоненіе тѣла, съ другой стороны—въ свою очередь—ея начало, потому что есть первое и побудительнѣйшее средство расположить къ ней душу. Мысль человѣческую занимавшіеся самиспытаніемъ люди уподобляютъ птицѣ, постоянно перелетающей съ мѣста на мѣсто. Какъ бы ни сильно возбуждена была чѣмъ нибудь душа; но если о возбуждившемъ

предметъ постоянно уносится отъ него, то и самое возбужденіе слабѣетъ до того, что наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Ее удерживаетъ при немъ слово. Слово собираетъ умъ, движетъ, останавливаетъ, привлекаетъ, направляетъ, руководитъ имъ, кратко: подчиняетъ себѣ душу. Такъ роббующій человѣкъ иногда придаетъ себѣ мужество своимъ собственнымъ голосомъ. . Стихъ церковной пѣсни, пропѣтый по привычкѣ. ненамѣренно, вдругъ даетъ иногда богомысленное настроеніе человѣку въ такъ называемыя «самыя веселыя», минуты. . И одно ли слово такъ дѣйствуетъ? Нѣтъ, а и многія изъ движеній тѣла, которыя также называютъ языкомъ души. Подними къ небу руки твои, говорятъ учителя молитвы, и ты поднимешь свои мысли. Склони чело твое къ персти земной, и ты упадешь съ высоты превозношенія. Приложи къ сердцу руку твою, и оно изнесетъ вздохъ сокрушенія. . Теплота сердца отверзаетъ уста, какъ бы стремясь выйти ими вонъ, когда есть избытокъ ея въ душѣ. Уста, въ свою очередь, своимъ словомъ толкутъ въ дверь сердца, и вносятъ въ него теплоту, когда ея недостаетъ душѣ. Такой круговоротъ есть самое обыкновенное явленіе въ духовной жизни нашей.

Братія! Великое приобрѣтеніе, или великое ли-

шеніе несетъ намъ съ собою *молитва устная*. Обыкновенно она бываетъ не наша собственная, не нами сложенная, а чужая, готовая, заимствованная у церкви. Такимъ образомъ то, что излилось изъ одной души, очищенной и освященной великимъ и труднымъ подвигомъ, достается другой душѣ даромъ, вводитъ ее въ чужой трудъ, или, лучше, въ воздаяніе за чужой трудъ. Высокая и блаженная доля! Бываютъ дѣйствительно чудныя перемѣны въ сердцѣ иногда отъ одного слова молитвы, проникнутой духомъ великаго боголюбца. Но бываетъ и совсѣмъ напротивъ. Чужое слово, не находя себѣ никакого созвучія въ душѣ, пролетаетъ сквозь нее, неоставляя по себѣ никакого слѣда, бываетъ *яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ звѣцающій* (1 Кор. 3, 1). Между тѣмъ человекъ думаетъ, что онъ молится, и привыкаетъ так. обр. въ молитвѣ видѣть одно упражненіе языка, одинъ обрядъ, часто тяжелый и непріятный, обыкновенно бесполезный, а иногда и прямо вредный для его духовной жизни. Говорить ли о томъ, какъ рѣдко насъ молитва внѣшняя приводитъ ко внутренней, и какъ часто, напротивъ, и внутренняя въ самомъ началѣ своемъ у насъ спѣшить перейти во внѣшнюю, и, перешедши, немедленно разсѣяться?

Но говорить и ничего не дѣлать, не есть ли и это также одно напрасное упражненіе языка?

3. Собравшимся во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семь на общую молитву, вѣрующимъ можетъ показаться страннымъ вопросъ: что намъ думать о сей самой общей или общественной молитвѣ? Но за стѣнами молитвенныхъ собраній слышится же подобный вопросъ. Не обойдемъ его и мы. Молитвы *умной* и молитвы устной или, какъ говорятъ, *четной*, развѣ недостаточно къ тому, чтобы изъ нихъ составила полная и вседостаточная *молитва христіанская*? Къ чему еще существуетъ и заповѣдуются молитва *общественная*? Для чего воздвигаются всенародныя моельни или храмы? Зачѣмъ установлены особенныя дни и часы для общихъ собраній на молитву? На что придуманы чтеніе и пѣніе и притомъ въ одномъ опредѣленномъ видѣ, одного содержанія, одного выраженія? Много важныхъ вопросовъ! Отвѣтимъ на нихъ по возможности проще. Признавая, что молитва внутренняя и внѣшняя необходимы чловѣку, представимъ себѣ, что одинъ изъ членовъ многочисленнаго семейства желаетъ помолиться Богу, а другіе члены семьи занимаются въ то же время каждый своимъ дѣломъ, или бездѣльемъ. Молящійся, какъ чловѣкъ,

легко развлекается всякимъ постороннимъ впечатлѣніемъ. Удержится ли онъ въ молитвенномъ расположеніи духа, когда не только ни въ комъ не находитъ сочувствія своему занятію, а напротивъ еще отвсюду встрѣчаетъ ему препятствія? Конечно нѣтъ. И такъ самый простой порядокъ дѣлъ внушаетъ цѣлому семейству отдѣлить для молитвенныхъ упражненій особенное мѣсто въ домѣ, и назначить опредѣленное для того время, въ которое бы всѣ, настраиваясь въ одинъ и тотъ же молитвенный духъ, совершали общую молитву въ мѣстѣ, отъ котораго устранено все, что можетъ мѣшать ей, вызывая память обыденной суеты. А нужно ли говорить, что общество есть сложное семейство? Общественная молитва не является случайно, ни составляется искусственно, а устанавливается необходимостію, въ слѣдствіе незаглушимыхъ требованій сердца человѣческаго, и самыхъ простыхъ внушеній благоразумія. Человѣка нѣчто тайное постоянно движетъ идти и подѣлиться съ другими своими чувствами. Тоже самое нѣчто заставляетъ его и молиться съ другими. Онъ безотчетно вѣрить не только въ вещественную, но и въ духовную силу общенія. съ другими Христіанство, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь раскрыло тем-

ныя требованія природы человѣческой во всей ясности ихъ основаній. *Идѣже еста два или три собраны во имя Моє, ту есмь посреди ихъ*, сказалъ Господь (Мат. 18, 20). Послѣ сихъ божественныхъ словъ, оказалось не только умѣстнымъ, но и весьма законнымъ сходиться людямъ на молитву. Но христіанство ведетъ своихъ вѣрующихъ еще далѣе. Христіанская литургія не есть только молитвословіе, которое можетъ совершать кто угодно, и гдѣ угодно. Она есть тайнодѣйствіе, умилоостивительное жертвоприношеніе, истинное предстояніе Богу, дѣйствительная, прямая и непосредственная бесѣда дѣтей къ Отцу небесному, дѣйствительное и существенное общеніе съ Богомъ чрезъ посредство Богочеловѣчества Христова, дѣйствительное, несомнѣнное и непремѣнное очищеніе, освященіе, прощеніе и благословеніе. Вотъ почему христіане спѣшать въ свои церкви на свое богослуженіе такъ охотно, такъ неудержимо, можно сказать! Гдѣ литургія, тамъ Христосъ. Отъ сего, если бы и хотѣлъ кто, не можетъ отказаться.

Но.. собраніе множества народа, тѣснота, духота, шумъ, передвижка, переговоры, взоровъ и языковъ, столкновеніе характеровъ, привычекъ, предразсудковъ, самолюбій, и прочее, что неизбѣж-

но какъ бы при общественной молитвѣ, не способствуютъ ли скорѣе къ ослабленію, чѣмъ къ усиленію молитвеннаго настроенія вѣрующихъ? А худые примѣры худыхъ молитвенниковъ? А неизбежное стѣсненіе чувства добрыхъ молитвенниковъ? А столько удобная школа лицемерія, самообольщенія, самонадѣянія и духовной гордости?.. Братія! Если все это мы знаемъ, и обо всемъ имѣемъ дерзновеніе говорить всенародно, то не стоитъ ли дѣло того, чтобы общими усилиями взяться за него, и устранить отъ церкви Божіей, позорное для нея, зло? Не всѣ ли мы сходимся для молитвы и единственно для молитвы? Зачѣмъ же вносить съ собою цѣлый домъ и весь міръ? Нѣтъ, не общественное богослуженіе виновато въ томъ, что мы выходимъ изъ церкви съ тѣмъ же, съ чѣмъ вошли въ нее. Не оно излишне, а мы оказываемся лишними въ царствѣ Христовомъ. Не оно непригодно для свѣта, а такъ называемый, свѣтъ видно, является негоднымъ при божественномъ освѣщеніи.. Вотъ, что надобно говорить и думать. Мы собираемся въ храмъ Божій не съ тѣмъ, чтобы учиться недостаткамъ другъ у друга, а чтобы взаимно одушевляться чувствомъ общаго благоговѣнія, умиленія. Намъ извѣстно, что

и одинъ плачущій можетъ тысячи другихъ подвигнуть на слезы. Молитва есть плачь души боголюбивой. Голосъ молящагося предстоятеля церкви; проникнутаго до глубины сердца сознаниемъ своего блаженнаго общенія со Христомъ и Богомъ, развѣ не силенъ увлечь за собою къ престолу Вседержителя всю полноту вѣрныхъ?

III. Для совершенія важнаго дѣла требуются и соразмѣрно важныя средства. Чтобы молитва дѣйствительно была, и была успѣшна, надобно молящемуся поставить себя въ самыя благопріятныя къ тому условія. Не подумаемъ, что самое естественное и приличное человѣку есть вмѣстѣ и самое легкое для него, самое обыкновенное у него. Что свойственнѣе, напр. принятія пищи? а бываетъ же время, когда пропадаетъ всякій позывъ на нее. Или другой примѣръ: Выше, дороже, увлекательнѣе чтенія и размышленія мы, читающіе и размышляющіе, ничего представить себѣ не можемъ; а между тѣмъ сколько есть людей, неразумѣющимъ сего занятія и отвращающихся его! Ясно, что какъ во многомъ другомъ, такъ и въ отношеніи къ молитвѣ, человѣка надобно располагать и побуждать.

Укажемъ на тѣ условія молитвеннаго занятія,

которыя находятся въ рукахъ нашихъ, и самими нами могутъ быть приложены къ дѣлу.

1. Первое, чѣмъ заявили себя міру ревностные искатели *царствія Божія* (Мат. 11. 12), ставшіе для насъ образцами совершеннѣйшей молитвы человѣческой, была ихъ, такъ называемая «созерцательная» жизнь. Созерцаніе, какъ видно отчасти изъ самаго слова, есть или *совокупное* зрѣніе вещей, составляющихъ зримый міръ, или зрѣніе ихъ, *сопровождаемое* размышленіемъ. Созерцать значить не просто смотрѣть на міръ, но думать или мудрствовать о немъ. Созерцатель и мудролюбецъ есть одно и то же. Христіанскій созерцатель долженъ отрѣшати свое зрѣніе и вниманіе отъ всего частнаго, измѣняемаго преходящаго, и занимать духъ свой единымъ, вѣчнымъ, неизмѣннымъ, или настоящую, преходящую, дѣйствительность считать печатію, образомъ, отраженіемъ истинной, вѣчной дѣйствительности Творческой,—въ самой, непрерывно мѣняющейся, суетѣ всего окружающаго усматривать тающуюся вѣчность, а въ себѣ самомъ — существо высшее и честнѣйшее самыхъ великихъ явленій міра, намѣстника Божія на землѣ, носителя Святаго Духа. Такой взглядъ его на всю совокупность видимаго и познаваемаго бытія легко отрѣшитъ его отъ гнета

узъ, связывающихъ безсмертный духъ его съ брениемъ и тлѣніемъ, облечетъ его, какъ доблестнаго подвижника, несокрушимымъ всеоружіемъ богоприличнаго отвлеченія, и направитъ, какъ обуреваемого мореплавателя, къ той единственной точкѣ, гдѣ для него — пристанище спасенія. Для созерцателя молитва есть не только легкое и естественное, но и прямо неизбѣжное дѣло. Она есть тоже самое созерцаніе, перешедшее отъ ума въ сердце. Поучительный примѣръ сего представляетъ намъ древній и святой міросозерцатель, о которомъ нельзя умолчать, когда рѣчь идетъ о молитвѣ. *Небеса повѣдаютъ славу Божию, размышляя о немъ, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь. Въ солнцѣ положи селеніе Свое, и нѣсть, иже укроется теплоты его...* И вдругъ, послѣ спокойнаго размышленія, въ восторгѣ духа, воскликнулъ: *законъ Господень непороченъ.. Свидѣтельство Господне вѣрно.. оправданія Господня права.. заповѣдь Господня свѣтла.. Страхъ Господень чистъ.. Судьбы Господни истинны, оправданны, вождельны!* Концемъ же всего размышленія его была теплѣйшая, покаянная молитва (Пс. 18), — урокъ всѣмъ намъ, по его богодохновенной книгѣ наставляемымъ Церковію молитвѣ! — Но само собою разу-

мѣется, братія, что ничто такъ не враждебно молитвѣ, и ничто такъ не должно быть избѣгаемо молящимся, какъ противоположное созерцанію и отвлеченію развлеченіе, занятіевсѣмъ и ничѣмъ вмѣстѣ, устремленіе мысли въ слѣдъ всякаго предмета, и немедленный отбѣгъ ея отъ всякаго предмета, собственно говоря—не занятіе, а покой или сонъ ума и сердца. Учители молитвы даютъ полезный совѣтъ, при молитвѣ не смотрѣть никуда, кромѣ св. иконы, и стараться не имѣть надобности даже въ помощи самыхъ священныхъ изображеній. Молитву умную они называютъ «безвидною и невоображенною». Наиболе благоприятнымъ временемъ для нее полагають ночь, съ ея непроницаемымъ мракомъ, который ихъ созерцанію придаетъ безпримѣрную чистоту, а ихъ молитвенному упражненію—необходимую теплоту.

2. Бываютъ минуты въ жизни, когда у человѣка, какъ говорится, бываетъ душа не на мѣстѣ. До созерцанія ли ему тогда? Какъ предаться ему размышленіямъ о творцѣ и твари, слѣдствіяхъ и причинахъ, явленіи и сущности бытія и бывающаго, всеобщей связи, послѣдней цѣли, и пр.—ему, у котораго все вниманіе поглощено ежеминутными столкновеніями съ людьми, неустройствомъ своего

домашняго или общественнаго быта, неудавшимися расчетами на дары природы, обманутыми надеждами на свои силы и пр. и пр.. И какой слѣд. ожидать ему, или отъ него, молитвы? Второе, потому, что необходимо требуется отъ молящагося, есть невозмутимое спокойствіе его, стяжаемое мужествомъ, терпѣніемъ, умѣренностію, разсудительностію и всего болѣе—преданностію волѣ Божіей. Умную молитву уподобляютъ поверхности воды, налитой въ сосудъ. Когда сосудъ стоитъ спокойно, мы можемъ видѣть въ немъ, какъ въ зеркалѣ, чистый и ясный образъ окружающихъ предметовъ, но пусть произойдетъ и самое малое сотрясеніе сосуда или дуновеніе на него со внѣ—видѣніе немедленно исчезаетъ или становится безобразнымъ. Совѣтуютъ при семъ учителя молитвы имѣть и тѣлесный покой, столь благопріятный «дѣланію ума», совѣтуютъ упраздненіе по временамъ орудій чувствованія, однимъ словомъ, внушаютъ, какъ можно менѣе давать простора тѣлесной жизни, чтобы вызывать, въ замѣнъ ея, дѣятельность духовную. Но и сего недостаточно. Смиривъ и утишивъ тѣло, мы еще не освобождаемся отъ живости чувствъ, живости, услужливой часто невпопадъ, а во вредъ духовной

жизни. Ибо, что пользы въ томъ, если кто-нибудь, избѣгая напр. свѣта, затворить двери и окна комнаты, и зажжетъ въ ней свѣчу или цѣлый костеръ дровъ? Пусть и глазъ не смотритъ и ухо не слышитъ и носъ не обоняетъ, но за нихъ все тоже сдѣлаетъ воображеніе. Сію-то неутомимо и неудержимо дѣющую способность души преимущественно и долженъ умирать молящійся. Всякое возмущеніе тѣлесное или душевное, не поддерживаемое воображеніемъ, скоро перестаетъ, но разожженное имъ и потомъ раздраженное позднимъ сопротивленіемъ, можетъ произвести вмѣсто «умной» молитвы безумное изступленіе. Въ исторіи подвижнической не безъизвѣстны плачевныя примѣры того, какъ великіе угодники Божіи, стоявшіе на высотѣ *непрестанной* (1 Сол. 5, 17.) или «Серафимской, такъ называемой, молитвы, увлекшись воображеніемъ, до того удалялись отъ Бога, что теряли самую способность молиться, отрицали самую нужду молитвы. Не для насъ, лѣнливыхъ и разсѣянныхъ, примѣры такіе, конечно, но что у великихъ является въ видѣ рѣдкихъ и тяжелыхъ *искушеній*, то у насъ, малыхъ, обнаруживается ежеминутнымъ, смѣшнымъ и жалкимъ, *похотствованіемъ* плоти на *духъ*. Горестно то, горько и это.

3. Чѣмъ же обуздать живость чувствъ, и удержать беспокойную дѣятельность воображенія? Непрерывнымъ и напряженнымъ вниманіемъ. Это третіе условіе успѣшной молитвы. Его требуетъ отъ молящагося съ одной стороны чрезвычайная какъ бы тонкость или духовность его занятія, при которой не можетъ быть рѣзко отличающейся постепенности въ ходѣ однихъ предметовъ за другими, какая бываетъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ, а потому требуется особенная сообразительность и смѣтливость, чтобы видѣть взаимную связь всего, что происходитъ въ душѣ, и понимать все, иногда весьма важное, значеніе самыхъ мелкихъ летучихъ ощущеній. Съ другой стороны, крѣпкая и напряженная молитва естественнымъ образомъ вводитъ человѣка въ ближайшее сношеніе съ міромъ духовнымъ, дѣлаетъ «собесѣдникомъ Ангеловъ» какъ воспѣваетъ Св. Церковь, и по мѣрѣ того, какъ молящійся болѣе и болѣе приближается къ лику Ангельскому, ему все чаще и чаще грозитъ опасность встрѣтить *духа лестца* (1 Іоан. 4, 6), *преобразующагося* также иногда *въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14); и потому снова нужно ему строжайшее вниманіе ко всему, что соприкасается съ его молитвою. При та-

комъ неусыпномъ самонаблюденіи, ему не трудно будетъ открыть таящіяся между различными видоизмѣненіями его молитвеннаго состоянія, *любимы сатанины* (Апок. 2, 24). Но и здѣсь крѣпко нужно смотрѣть еще, чтобы сила нечистая не прикоснулась къ самому сему наблюденію, и не употребила его въ орудіе своего наважденія. Переслѣдованіе минувшихъ чувствъ, желаній и мыслей можетъ отвлечь духъ человѣка отъ молитвы къ пустому и праздному обзору всей прошедшей жизни, вызвавши къ нескончаемой работѣ еще болѣе опасную для молитвы, чѣмъ воображеніе, силу души и память. Исслѣдователи естества нашего не находятъ словъ, чтобы довольно выразить свое удивленіе передъ симъ, по истинѣ дивнымъ и предивнымъ дѣятелемъ духа нашего, такъ гласно свидѣтельствующимъ о его безсмертіи. Но когда испорчена машина, братія, то самыя лучшія и важнѣйшія части ея оказываются и наиболѣе препятствующими ея ходу и дѣйствию. Какъ вредно относится къ молитвенному занятію, весьма часто не нужная, незванная и нежданная, пособница мысли, память, объ этомъ опять надобно спросить тѣхъ же великихъ подвижниковъ, которымъ и въ однообразіи пустыни и во мракѣ пещеры видѣ-

лись во всей подробности и наглядности дѣйствительнаго бытія всѣ тѣ же, давноминувшія обстоятельства ихъ жизни, вызываемыя, вопреки ихъ волѣ, всякою окружавшею ихъ вещію, а за отсутствіемъ ея,—всякимъ движеніемъ и ощущеніемъ ихъ собственнаго тѣла, всякимъ звукомъ, всякимъ словомъ ихъ собственной молитвы, наконецъ! И хорошо, если бы припоминалось при этомъ то, что содѣйствуетъ ихъ молитвенному настроенію. Нѣтъ! Къ великой скорби подвижникъ замѣчаетъ, что какъ-то, и почему-то все припоминается ему такое, что разомъ разсѣваетъ и убиваетъ его молитву. Для внимательныхъ понятно, чьимъ участіемъ и ухищреніемъ это совершается.

4. Укажемъ еще на одно пособіе дѣлу, о которомъ стоить непрестанно думать и заботиться всякому христіанину. Когда говоришь о молитвѣ, то чувствуешь, что какъ бы чего-то недоговариваешь, если умалчиваешь о постѣ. Послѣ того, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сочеталъ *молитву съ постомъ* въ одно чудодѣйствующее средство противъ важнѣйшаго изъ недуговъ человѣческихъ, непозволительно какъ бы, коснувшись одной его половины, оставить въ сторонѣ другую. И такъ, за несомнѣнное надобно полагать, что

какъ для поста нужна молитва, такъ для молитвы нуженъ постъ. Во дни великихъ праздниковъ мы не будемъ простирать нарочитаго слова о постѣ. Упомянемъ лишь—на сколько онъ относится къ молитвѣ. Вѣрные учению своего Учителя, ученики Христовы, какъ видно изъ книги дѣявій ихъ, предваряли молитву постомъ: *постившеся и помолвившеся и возложше руки..* сказано о нихъ (Дѣян. 13. 4). Для возложенія рукъ потребовалась молитва, а для молитвы оказался нужнымъ постъ. Почему бы это? Тайну сего союза молитвы съ постомъ повѣдалъ намъ великій боголюбецъ, и нашъ ежедневный наставникъ въ молитвѣ, царь и пророкъ Давидъ. *Смирязъ постомъ душу мою* говорилъ онъ о себѣ, въ слѣдствіе чего *молитва его въ нѣдро его возвращалась* (Пс. 34, 13). Видно такимъ образомъ, что постъ содѣйствуетъ смиренію души, а смиреніе уже открываетъ къ ней доступъ и молитвѣ. Такъ и должно быть. *На кою воззрю, глаголетъ Господь, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моисѣя* (Ис. 66, 2). *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6), *призираетъ на молитву смиренныхъ, и не уничижаетъ моленія ихъ* (Пс. 91, 18).. Что гордость и молитва не

совмѣстны, объ этомъ и говорить не нужно. Остается рѣшить, потому, точно ли постъ смиряетъ душу. Что есть постъ? По первому понятію—малояденіе, худояденіе, яденіе—такъ и на столько, чтобы поддержать тѣлесную жизнь. Постъ есть произвольный себѣ отказъ, наказаніе и вразумленіе себѣ, исправительная мѣра, самоосужденіе, самосмѣяніе. Постящійся человекъ не можетъ забыть что онъ созналъ себя недостойнымъ даровъ природы и милостей Божіихъ, которыя ищетъ возвратить себѣ покаяніемъ. Постящійся человекъ есть человекъ молящійся не сердцемъ только и не языкомъ, а всѣмъ существомъ своимъ. Постъ есть молитва глубоко сознаннаго, паче нежели мы—тарево, достоинства человекъ предъ Богомъ. Вотъ что есть постъ! Очевидна потому связь его съ молитвою и великая вспомогательная сила его молитвѣ. Но не пройдемъ молчаніемъ того нареканія на постъ, что будто онъ дѣлаетъ людей раздражительными, сварливыми, ничѣмъ недовольными, а слѣд. и неспособными къ молитвѣ. Братія! Постъ ли это дѣлаетъ? Нѣтъ, это дѣлаетъ голодъ, у котораго нѣтъ ничего общаго съ какою бы то ни было молитвою, или необузданное своеволие, для котораго мѣсто за предѣлами Христовой Цер-

кви, или наконецъ—рабское подчиненіе привычкѣ, сводящее человѣка на степень животнаго безсловеснаго. Въ замѣнъ того намъ указываютъ на примѣръ сытаго и всѣмъ удовольствованнаго человѣка, который будто бы, въ избыткѣ благополучія, разблажается сердцемъ, и становится сколько съ одной стороны добрымъ и снисходительнымъ къ другимъ, столько же съ другой—смирненнымъ и благодарнымъ предъ Подателемъ благъ. Того и ожидаешь, братія, что лукавство плоти укажетъ еще на примѣры, столь не рѣдкіе у насъ, того искусственнаго умиленія, о которомъ достаточно сдѣлать намекъ, чтобы отозваться съ сожалѣніемъ. Не будемъ спорить. Сердце наше можетъ умилиться отъ многихъ, и самыхъ неодобренныхъ, вещей, но отъ такого умиленія до христіанской молитвы недостижимо далеко.

Послѣ всего, что мы слышали о молитвѣ христіанской, ея существѣ, разныхъ видахъ и споспѣшествующихъ условіяхъ, можно спросить себя: къ чему послужить намъ, что мы знаемъ о ней то или другое? Развѣ достанетъ у насъ, у кого нибудь, силъ взойти на высоту ея? А стоять и смотрѣть только на высоту сію, достойно ли христіанина? Но хорошо уже и то, братія, если зна-

ніе послужить къ смиренію гордости нашей и къ возвеличенію славы Св. Вѣры нашей, вводящей человѣка въ ликъ Ангеловъ. Между тѣмъ, кто съ простотою и теплотою сердечною преданъ Церкви, тотъ, безъ сомнѣнія, не могъ не замѣтить, что даже подвижническая, *умная*, молитва, не смотря на выпренность ея, знакома душѣ его. Св. Церковь между прочими тайнами спасенія нашего, содержитъ въ себѣ и ту великую и утѣшительную тайну, что незримымъ и неосячимымъ образомъ одуховляетъ и совершенствуетъ насъ. Такъ и самагаго немощнаго, но послушнаго, сына своего она можетъ возставить и утвердить незамѣтно на подвигъ неустаннаго молитвословія. Стоитъ только полюбить церковное богослуженіе, и молитва, такъ сказать, сама пристанетъ къ человѣку, и не отстанетъ отъ него до самой смерти. И такъ, внѣ Св. Церкви молитва и высока, и далека, и тяжела и даже страшна, а въ церкви она при насъ и наша. Кто не испытывалъ въ самомъ дѣлѣ, какъ слова, и даже цѣлыя пѣсни церковныя, иногда до того западаютъ въ душу, что какъ бы навсегда остаются тамъ, и вызываются ею потомъ невольно и несознательно? Кто не повторялъ дома, среди занятій, совершенно житейскихъ, среди помышле-

ній, совершенно чуждыхъ молитвенному упражне-
 нію, какъ бы нудимый чѣмъ, словъ: *Господи по-*
милуй! Боже мой! Мати Божія! и проч. Что все
 это значить? Это она — *духовная, умная, непре-*
станная, христіанская молитва! Она, братія, —
 только не полная, не созрѣвшая, даже, можетъ
 быть, не сѣянная, занесенная въ умъ безъ его вѣ-
 дома и содѣйствія, подобно тому, какъ заносятся
 сѣмена хлѣбныя на ниву, которая не была гото-
 влена для посѣва, а только находилась близь мѣ-
 ста жатвы. Что же будетъ, если ниву такую,
 благую и гобзующую, засѣять всю зерномъ?

Господи, научи насъ молиться!

Аминь.

ВСЕГДА

ВЪ НЕДѢЛЮ ШЕСТУЮ ПО ПАСХѢ.

Іоан. 9.

Бываетъ время, когда спрашиваешь себя, какъ это могло статься, что Іудеи не увѣровали въ Іисуса Христа послѣ всѣхъ неисчетныхъ и безмѣрныхъ чудесъ совершенныхъ среди ихъ и надъ ними, и допустили распять на крестѣ съ разбойниками своего необычайнаго учителя и величайшаго благодѣтеля. Не удивишься также и тому, какимъ образомъ мучители христіанъ первыхъ вѣковъ могли оставаться холодными и безчувственными ко всѣмъ непререкаемымъ и вопіющимъ свидѣтельствамъ Божественности вѣры Христовой, въ каждомъ новомъ мученичествѣ каждаго новаго исповѣдника Христа. Не менѣе страннымъ находишь и то, отчего въ

наше время, при первой вѣсти о какомъ-нибудь необыкновенномъ событіи, всѣ наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшатъ изъяснить его просто, или, еще проще, прямо отвергнуть. . Отвѣтъ навсе сіе тотъ же у человѣчества, какъ и у одного человѣка, — по временамъ бываютъ страсти, порабощающія его, влекушія умы къ нелѣпостямъ, волю къ упорству, совѣсть къ безстыдству. Краткій, но разительный, примѣръ того, какъ ослѣпленіе и ожесточеніе могутъ коснѣть на одномъ и томъ же, не смотря ни на какія свидѣтельства истины, представляетъ слышанное нынѣ нами повѣствованіе Евангельское о слѣпорожденномъ, которому Господь отверзъ очи.

Что рѣдко бываетъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, во время Господа нашего Іисуса Христа въ Іудеѣ было общимъ и обыкновеннымъ, — люди всѣ заняты были тѣмъ, чтобы учиться всѣмъ безъ различія, и старымъ и малымъ, и простымъ и знатымъ, и мужчинамъ и женщинамъ. Охотно они потому дѣлили себя на два разряда: *учителей и учениковъ*, проповѣдниковъ и слушателей божественной истины. Чѣмъ болѣе было стремленіе къ истинѣ, тѣмъ осторожнѣе, конечно, требовалось сообщеніе ея, чтобы не выдать какимъ-нибудь образомъ за

божеское человеческого, и двумъ *слѣпцамъ не власть въ одну яму...* Между тѣмъ, какъ большею частію бываетъ между людьми, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за собою, за своимъ сердцемъ и языкомъ, учителя, извѣстные тогда подъ именемъ *Фарисеевъ*, смотрѣли только другъ за другомъ, подозрѣвая каждый въ другомъ то, чего не думалъ видѣть въ себѣ, т. е. ложь, и по мѣрѣ того, какъ другой отражалъ и обличалъ въ свою очередь перваго, сей платилъ ему раздраженіемъ, враждою, и т. д. Составились, такъ обр. въ народѣ стороны, непріязненные одна другой, и дѣло большею частію оканчивалось тѣмъ, что вмѣсто истины учителя ратовали каждый за свою ложь. Среди такихъ страстныхъ учителей явился и *единый истинный Учитель* человѣковъ *Христосъ* (Мат. 23, 10). Никто столько не обличалъ лжеученіе, какъ сей Учитель, и никто съ такою непреодолимою силою и властію не преподавалъ своего ученія, какъ Онъ. Все множество оныхъ учителей востало, потому, на сего Единаго, и, не смотря на свою разрозненность, сдумѣло согласиться на одномъ и томъ же заключеніи, что Онъ *льститъ народы* (Іоан. 7, 12), *хулы илюлетъ* (Лук. 5, 21), *развращаетъ языкъ* (—23, 2), и—конецъ всего—

за свое ученіе *повиненъ смерти* (Мат. 26. 66)! Но не легко было однимъ голословнымъ утвержденіемъ уничтожить вседѣло возненавидѣннаго ими Учителя, въ которомъ народъ видѣлъ *великаго пророка* (Лук. 7. 16). Сверхъ Его учительства, Онъ былъ еще и Чудотворецъ. Что оставалось сказать и сдѣлать противъ сего Его поносителямъ? Для примѣра посмотримъ, какъ они вели себя въ томъ обстоятельствѣ, о которомъ мы слышали сегодня Евангельскую повѣсть. Будемъ внимательны. Слышанное нами можетъ повториться и въ наши дни.

Господь Іисусъ Христосъ отверзъ очи человѣку слѣпому отъ рожденія, и сдѣлалъ это въ день субботный. Вотъ сущность всего событія. Когда вѣсть о семъ дошла до слуха Фарисеевъ, ихъ злое и предзанятое сердце, вопреки всякому ожиданію, отрыгнуло слѣдующій приговоръ Чудотворцу: *нлсть сей отъ Бога человекъ..* А — чудо? этотъ вопросъ былъ у всякаго на языкѣ, и на устахъ. Какъ же чудо согласить съ подобнымъ приговоромъ? Возможно ли, чтобы Чудотворецъ не былъ отъ Бога? Повидимому, возможно. *Яко субботу не хранитъ*, говорятъ учителя. Однимъ изъ предметовъ новаго, пререкаемаго ученія было то, что заповѣдь Божія о субботѣ должна быть понимае-

ма по духу, а не по буквѣ. Учители утверждали противное. Слѣд. прежде, чѣмъ произнести приговоръ надъ дѣломъ Христовымъ, имъ надлежало еще рѣшить, чье же утверждение истинно. Между тѣмъ, они спѣшатъ вывести заключеніе, что *нѣсть сей отъ Бога челоуѣкъ*. Почему же нѣсть? *Яко субботу не хранитъ*. Слѣд. единственно потому, что они не допускаютъ возможности другой мысли, кромѣ той, въ которую ввѣрились. Такъ ли слѣдуетъ поступать учителямъ?

Прискорбно видѣть вообще въ учителѣ исключительность и нетерпимость ученаго взгляда. Но не менѣе прискорбнымъ представляется и разногласіе учителей, призванныхъ учить одному и тому же. Въ Евангельскомъ событіи мы имѣемъ случай встрѣтиться съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Если бы, однакоже, тутъ дѣло шло объ истинномъ ученіи, то подобное разногласіе дѣйствительно могъ бы оплакивать ревнитель истины. Но гдѣ ложь обличается ложью хотя бы и во имя правды, тамъ онъ съ утѣшеніемъ можетъ видѣть грядущее начало истины. Малое сіе утѣшеніе доставляетъ намъ послѣдовательность разсматриваемаго событія. Вопіющая очевидность заставляетъ учителей спросить другъ друга: *како можетъ челоуѣкъ грѣшенъ си-*

цева знаменія творити? Неизбѣжный вопросъ ведетъ къ необходимому изслѣдованію, а изслѣдованіе, при упорствѣ и страсти, также необходимо привлекло къ спору. И распря бѣ въ нихъ. Если бы это были добросовѣстные изслѣдователи и безпристрастные состязатели, то они не оставили бы распри не конченною, и, такъ или иначе, дошли бы до истины, но истины-то имъ и не хотѣлось! Что же дѣлаютъ лживые?

Глаголаху убо слыщу паки: ты что глаголеши о Немъ, яко отверзе очи твои? Такъ какъ бы тотъ, надъ кѣмъ совершенно чудо, болѣе зналъ, что сказать, чѣмъ они, свидѣтели чудотворенія и давнѣе соглядатанъ Чудотворца! Что имъ внушило сей вопросъ? не знаемъ. Вѣрнѣе всего, что не знали и они сами. Хотѣли ль положиться на отзывъ слѣпорожденнаго, чтобъ имъ окончить свою распрю? Увидимъ, что не положились. Надѣялись ли, что допрашиваемый скажетъ въ отвѣтъ то самое, что они думали? Но для чего имъ подтвердительно слово его, имъ—учителямъ, его—менѣе, чѣмъ ученика? Нѣтъ, неправда видимо не знала, что дѣлать, куда укрыться отъ нежелаемой истины. И вдругъ встрѣтилась съ нею лицомъ къ лицу.

Онъ же рече, яко Пророкъ есть. Просто и яс-

но, прямо и вѣрно слово безпристрастное. Кто имѣлъ силу отверзти очи слѣпорожденному, тотъ по крайней мѣрѣ *Пророкъ есть*. Отвѣтить иначе было невозможно. Съ какою бы цѣлю ни спрашивали бывшего слѣпца лукавые истязатели, ихъ долженъ былъ поразить отвѣтъ его. Самое глубокое, затаенное внушеніе своей совѣсти, такъ усиленно подавляемое ими, неприятнымъ образомъ вдругъ слышать они открыто и рѣшительно высказаннымъ, и что всего неприятнѣе—на ихъ собственный вызовъ, такъ что послѣ сего исповѣданія имъ, повидимому, не оставалось уже ничего болѣе дѣлать. Нашлись, однакоже, что сдѣлать.

Не яша убо вѣры о немъ, яко слѣпъ бѣ и прозръ.. Куда нашель нужнымъ устремиться потокъ жи! А пока надѣялись, что вопрошаемый отвѣтитъ согласно ихъ желанію, до толѣ не сомнѣвались, что онъ точно *слѣпъ бѣ, и прозръ!* Что подвигнуло учителей къ такой жалкой, смѣшной и постыдной уверткѣ? Опять не знаемъ. Что же, если слѣпорожденный точно докажетъ, что онъ именно самъ *слѣпъ бѣ и прозръ?* Тогда останется исповѣдать и имъ тоже, что исповѣдалъ онъ? Ложь или не думала о послѣдствіяхъ, или, что вѣрнѣе, надѣялась, затянувши дѣло,

выдумать какой-нибудь благовидный предлогъ уклониться въ сторону, и избыть встрѣчи съ неизбѣжнымъ выводомъ допросовъ. И точно, такихъ предлоговъ могло открыться много, судя по ходу, какой данъ былъ дѣлу.

Возманиши родителей того прозрѣвшаго. Если бы мы не знали дальнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, можно бѣ было похвалить изслѣдователей за то, что они вступаютъ на законный путь изслѣдованія, вызывая и выслушивая свидѣтелей. Конечно, было бы прямѣе имъ позвать свидѣтелей самаго событія. Но такъ какъ чудо прозрѣнія распадается на два отдѣльныхъ дѣйствія,— помазаніе очей брениемъ и умовеніе въ Силоамѣ, свидѣтелями коихъ могли не быть одни и тѣ же лица, то проще и надежнѣе представлялось спросить о слѣпо-рожденномъ у того, кто зналъ его издѣтства, и кому онъ, если точно былъ слѣпъ и прозрѣлъ, конечно передалъ о совершившемся чудѣ во всей подробности, т. е. у его родителей, показаніемъ которыхъ можно было повѣрить слова его, и дойти наконецъ до истины. Ахъ, если бѣ было такъ! Но изъ самаго повѣствованія Евангельскаго видно, что учителя дѣйствовали на народъ страхомъ власти, и весьма легко предположить при этомъ,

что вызывая на свидѣтельство родителей прозрѣвшаго, они надѣялись, что тѣ по страху заговорятъ одно съ ними, и солгутъ на сына, или даже отрекутся отъ него. Какъ бы то ни было, только приглашенные свидѣтели не обвинуясь сказали, что прозрѣвшій тотъ сынъ ихъ, и что онъ слѣпъ родился, а что какъ теперь онъ видитъ, они того не знаютъ. Для цѣли допрашивавшихъ довольно было и сего, хотя сдержаннаго, но вполне яснаго и опредѣленнаго, показанія. Но лукавство стояло того, чтобы получить не только отвѣтъ, но и урокъ.

Мы не вѣдьмы, говорили родители. *Самъ возрастъ имать, самое вопросите, самъ о себѣ да малолетъ*.. Явленіе не рѣдкое, что отъ страха человѣкъ иногда становится дерзновеннымъ. Настаивая такъ сильно на словѣ: *самъ*, родители видимо старались только отклонить отъ себя распросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сами того не замѣчая, укорили слѣдователей. Развѣ вамъ не извѣстенъ законъ, по которому возрастной человѣкъ самъ за себя отвѣчаетъ? какъ бы такъ говорили они законникамъ. Конечно въ словахъ ихъ была неискренность, на что прямо указываетъ и Св. Евангелистъ, но она весьма къ мѣсту была предъ лицомъ лжеучителей,

уча ихъ самой простой вещи, что ложь поражаетъ ложь, и что, заставляя другого лгать, научишь его обманывать тебя самого. Слѣдователи, конечно, поняли изворотъ свидѣтелей, и увидѣли, что имъ остается имѣть дѣло съ однимъ прозрѣвшимъ. И такъ на малое время отсроченное признаніе непріятной для нихъ истины стояло опять у нихъ предъ глазами—неотразимое и неумолимое! согласится ли неправда высказать оное? Едва ли. Всего вѣроятнѣе, что она постарается всячески избыть сего. Посмотрите, что дѣлають непослѣдовательные слѣдователи.

Возгласиша же вторицею чловѣка, яже бѣ слѣпъ, и рѣша ему: даждь славу Богу. Не вдругъ можно догадаться, отчего и для чего такъ неожиданно измѣняется тонъ совопрошенія изъ обслѣдовательнаго въ проповѣдническій, и безъ сего призыва, прозрѣвшій могъ прославлять, и безъ сомнѣнія прославлялъ, Бога, за неслыханное, и при томъ надъ нимъ самимъ явленное, чудо. И кто же возбуждаетъ его къ богохваленію? Люди, которые безпримѣрное дѣйствіе всемогущества Божія измѣряютъ и оцѣнивають только по отношенію его ко двю субботнему! Но не слава Божія имѣлась въ виду у тѣхъ, о которыхъ прямо Гос-

подъ сказалъ, что они ищутъ *славы человеческой*, а не *Божіей* (Іоан. 12, 43): имъ нужно было только унижить совершившаго чудо. Для того они прибѣгаютъ къ обыкновенному своему средству, клеветѣ, и, чтобы сильнѣе было дѣйствіе ея на исцѣлѣвшаго присоединяютъ къ ней безстыдства. Благоговѣнію, невольно внушаемому дѣлами Чудотворца, они противопоставляютъ, какъ достовѣрно извѣстную имъ истину, что Онъ — *человѣкъ грѣшенъ*, т. е. *человѣкъ порочной жизни*, хотя на вопросъ Спасителя: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ?* (8, 46) ничего не отвѣтствуютъ. Между тѣмъ, давъ понять исцѣлѣвшему, что приписывать совершеніе чуда *человѣку порочному*, значитъ прямо безславить Бога, представляютъ ему ложь, т. е. отрицаніе совершеннаго надъ имъ чуда, не только дѣломъ добрымъ, но и долгомъ и обязанностію для чести и славы Божества. Въ то же время своею рѣчью они думаютъ расположить къ себѣ и постороннихъ слушателей, являясь предъ ними ревнителями славы Божіей. Но ни клевета, ни лицемѣріе ихъ не имѣли успѣха. Исцѣлѣвшій отвѣтствовалъ:

Аще грѣшенъ есть, не вѣмъ, едино вѣмъ, яко слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижу. Говоря такимъ об-

разомъ, онъ видимо избѣгалъ случая, въ чемъ бы то ни было, согласиться съ навѣтниками своего благодѣтеля, и даже подать имъ поводъ въ какомъ-либо новымъ распросамъ. Ложь т. обр. не достигла своего желаемого и наглостию. Слова: *слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижду* по прежнему оставались передъ допрашиваю ими несокрушимымъ свидѣтельствомъ истины, и нудили ихъ, или признать ее, или найти противъ нея другія, болѣе сильныя, возраженія, чѣмъ одно нехраненіе субботы. Но такихъ возраженій не было. Что же оставалось дѣлать? Во что бы то ни стало затянуть допросы и показанія, хотя бы для этого нужно было прибѣгнуть къ послѣдней уловкѣ слабости—тождесловію.

Рѣша же ему паки: что сотвори тебѣ? Како отверзе очи твои? Такая, неблаговидная до смѣшнаго, придирчивость вывела изъ терпѣнія бывшаго слѣпца. *Рекохъ вамъ, началъ уже онъ говорить имъ съ увлеченіемъ и примѣтнымъ негодованіемъ, и не слышасте! Что паки хотите слышати? Еда и вы ученицы его хотите быти?* Неправда неожиданно попала въ собственныя сѣти. Можетъ быть, вызывая прозрѣвшаго на новыя показанія, Фарисеи надѣялись найти разнорѣчіе между ними и прежними, и тѣмъ запутать допра-

шиваемаго. Между тѣмъ вышло со всѣмъ иное. Показаній они не получили, а между тѣмъ всенародно своимъ неуступнымъ и нескончаемымъ развѣдываніемъ о случившемся вызвали его на вопросъ, уязвившій ихъ гордость. Увидѣвъ этотъ, неожиданный исходъ допроса, лжеучители совершенно растерялись, и не знали, что противопоставить высказанному замѣчанію, въ которомъ такъ и слышалось имъ торжествующее посмѣваніе. У безумія въ такомъ случаѣ остается еще одно средство: брань, которымъ и воспользовались.

Они же укориша его, и рѣша ему: ты ученикъ еси того. Мы же Моисеовы есмь ученицы. Бывшій слѣпецъ хотя и назвалъ челоуѣка, глаголемаго Иисуса, Пророкомъ, но ни однимъ словомъ не обнаружилъ того, что онъ принимаетъ, или хотя даже знаетъ, ученіе его. Слѣд. назвать его ученикомъ Иисусовымъ его собесѣдники могли только, по ихъ понятіямъ, понося его, или, какъ сказано въ Евангеліи, *укоряя*. Но они поспѣшили дополнить хуленіе ближняго своего похвалою самимъ себѣ, какъ *ученикамъ Моисея*. Видимо, все слабѣе дѣлается притязаніе гордыхъ учителей на свое учительство. Уже они не стыдятся

ставить себя въ одинъ рядъ съ тѣмъ, кому только что сочли нужнымъ преподавать урокъ богопочтенія, и назвать себя тоже *учениками*, хотя и другаго учителя. Но они сойдутъ и еще ниже—до защищенія себя передъ мнимымъ ученикомъ Иисуса.

Мы вѣмъ, яко Моисеови глагола Богъ: сего же не вѣмъ откуду есть. Они усомнились, точно ли сказанное ими прежде такъ сильно, какъ имъ представлялось, и поспѣшили, на всякій случай, досказать, что между Моисеемъ и Иисусомъ есть разница, ибо тому *глагола Богъ*, а *сего не вѣмъ, откуду есть*. Услышавъ признаніе въ невѣдѣніи, слѣпороджденный не могъ скрыть своего удивленія. Вѣдомое такъ ясно и полно ему, не учившему и даже едва ли чему учившемуся, по несчастнымъ обстоятельствамъ своего отъ рожденія слѣпотства, онъ вдругъ находитъ невѣдомымъ. . и кому же!—учителямъ по званію, по образованію, и по ежедневному занятію!

О семъ дивно есть, отвѣчалъ онъ, яко вы не вѣсте, откуду есть, и отверзе очи мои! Преисполненные силы и правды слова! Можно бы подумать, что ихъ произнесъ человекъ, долговременно упражнявшійся въ богомысліи. Видно, во

тѣмъ иногда лучше можно уразумѣть свѣтъ, чѣмъ при самомъ свѣтѣ, и не учившись, иногда лучше можно понять истину, чѣмъ научившись ей въ училищѣ. *Утаиваемое отъ премудрыхъ и разумныхъ открывается младенцамъ*, по слову Господнему (Мат. 1, 25.). *Слѣпыми* однажды назвалъ (Мат. 23, 26) Фарисеевъ Иисусъ Христосъ, и ясно, почему такъ укоризненно говорилъ. Фарисейство *слѣжало очи свои, да не видитъ* дѣлъ Божіихъ, совершавшихся въ очью его, и не только само слѣпотствовало, но и другихъ держало въ слѣпотѣ. Такъ оно хотѣло и прозрѣвшаго тѣлесно ослѣпить душевно, но не только не успѣло въ томъ, а еще и получило отъ него наставленіе, какъ должно смотрѣть, чтобы видѣть.

Вѣмъ же, говорилъ новый наставникъ, *яко грѣшники Богъ не послушаетъ: но аще кто боготецъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ..* Неожиданное сіе богословствованіе должно было открыть глаза учителямъ не на самыя истины, провозглашаемыя имъ, а на ихъ, отселѣ измѣняющееся, положеніе въ свѣтѣ, отрицающемъ ихъ исключительное право на учительство. Истины тѣ они вѣдали, конечно, не менѣе, чѣмъ новый ихъ провозвѣстникъ, но вѣдѣнія-то сего имъ и хотѣ-

лось избыть, по кр. мѣрѣ не приложить къ дѣлу, ибо съ нимъ вмѣстѣ надобно было и преславнаго Чудотворца признать *пророкомъ*, и не только пророкомъ, но и *Христомъ*, какъ Онъ Самъ признавалъ Себя. Но что боялись уяснить себѣ до совершенной очевидности учителя, то дѣлалъ за нихъ ученикъ Божій.

Отъ вѣканья слышано, яко кто отверзе очи слепу рождену. съ возрастающею силою продолжалъ поражать противниковъ истины ея побѣдоносный защитникъ. И это они также знали очень хорошо, но также не могли взять за основаніе къ дальнѣйшимъ заключеніямъ; ибо страхъ, принявши одно, вмѣстѣ съ тѣмъ согласился на весьма многое, постоянно связывалъ ихъ. Прежде всего и тверже всего рѣшено было, что *человѣкъ Тотъ грѣшенъ* и все т. обр., что не подходитъ къ сему рѣшенію, заранѣе должно быть отвергнуто. Самое нарушеніе субботы надобно считать только предлогомъ къ обвиненію. Даже на самый отзывъ, что Онъ грѣшенъ, можно смотрѣть тоже только какъ на предлогъ. Дѣло въ томъ, что пророкъ Галилейскій былъ противенъ и невыносимъ фарисейскому духу, а такъ какъ для Фарисеевъ дѣло Божіе и ихъ собственное было одно и тоже, то и

выходило, что хотя Онъ сотворилъ отъ вѣка неслыханное чудо, но—онъ *нльсть отъ Бога*.

Аще не бы былъ сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже.. продолжаетъ неумолимый обличитель, мало заботясь о томъ, нравится, или нѣтъ, слово его предубѣжденнымъ учителямъ. На ихъ взглядъ однакоже это было уже чрезмѣрно. Нетерпѣніе ихъ возрасло до такой степени, что они увидѣли необходимость какимъ-нибудь рѣшительнымъ отвѣтомъ покончить эту раздражительную бесѣду. Иначе, еще нѣсколько словъ со стороны слѣпорожденнаго, и собесѣдники могли, по обычаю, взять камни въ руки. И точно, они бросили въ него камень, только не тотъ, которымъ убивается тѣло.

Отвѣщааша и рѣша ему: во грѣсьхъ ты родил-ся еси весь, и ты ли ны учиши? Какъ ни неприятно слышать такой постыдный способъ состязанія, однакоже удержимся отъ негодованія, и отдадимъ должную справедливость тому, что въ устахъ лжеучителей было истинно. Грѣшнику не слѣдуетъ учить. *Злый отъ злаго сокровища сердца своего обыкновенно износитъ злая* (Мат. 12, 35). Но зло, выдаваемое какъ ученіе, есть вдвойнѣ зло. Справедливо, потому, учителя Израи-

вы не хотѣли, чтобы училъ тотъ, кто и *родился*
весь во грѣхахъ. Но почему же они думали, что
 говорившій съ ними былъ дѣйствительно таковъ, —
 во *грѣхахъ родился весь*? Конечно, оправдать
 ихъ въ семь нельзя. Но въ то время пытливаго, и
 заносчиваго, истолкованія путей Божіихъ, многіе
 могли впасть въ подобную несправедливость.
 Достаточно намъ вспомнить, что и ученики Гос-
 пода, встрѣтивъ слѣпорожденнаго, спрашивали
 Учителя: *кто согрѣши, сей ли, или роди-*
тели его, яко слѣпъ родися. Другая особен-
 ность примѣчается въ отвѣтѣ лжеучителей.
Ты ли ны учиши? говорятъ они. Но откуда
 же видно, что слѣпорожденный думалъ учить
 ихъ? Онъ въ другомъ только видѣ повторилъ ихъ
 же собственное сужденіе: *како можетъ человекъ*
грѣшенъ сицевая знаменія творити? Нѣтъ, слова
 ихъ свидѣтельствовали послѣднюю попытку безсиль-
 ной злобы найти какой-нибудь предлогъ къ уничи-
 женію и обвиненію противника. Тотъ, кто дерзнулъ
 учить, не будучи учителемъ, естественно
 подвергался порицанію, и одною сею незаконно-
 стію своего поступка ронялъ достоинство всего,
 что бы онъ ни говорилъ, ни дѣлалъ. Такъ это
 должно было казаться особенно въ глазахъ наро-

да, строго различавшаго права учительства отъ долга ученичества. Живые учителя знали это, и не постыдились воспользоваться имъ для спасенія себя отъ позора. Но они сдѣлали при семъ нѣчто, по истинѣ превосходящее и самый позоръ.

И изнаша его вонъ!. Если паче чаянія, думали недобросовѣстные состязатели, слѣдователи и другіе, слѣпорожденный станетъ увѣрять, что онъ вовсе и не думалъ посягать на ихъ учительскія права, то дѣло снова затянется и—уже не въ ихъ пользу, и кончится неминуемымъ посрамленіемъ ихъ, и только ли посрамленіемъ?. Народъ приученъ поднимать камни на всякаго, павшаго въ богословскомъ состязаніи, какъ на богохульника.. между тѣмъ есть еще время предотвратить бѣду. Благовидный предлогъ оскорбленія учительскаго достоинства подоспѣлъ совершенно кстати. Свои не выдадутъ. Народъ не угадаетъ тайны. Слепорожденный.. но мало ли ихъ на свѣтѣ? При томъ же мы ему не дѣлаемъ никакого зла. — Такъ могли они рассуждать И..
изнаша его вонъ!

Окончилось т. обр. достопамятное изслѣдованіе. Изслѣдователи открыли истину. Оказалось, что Сотворившій чудо надъ слѣпорожденнымъ есть

человѣкъ грѣшный. Повторимъ, какъ составилось это необыкновенное заключеніе. Человѣкъ, нарицаемый Иисусъ, далъ прозрѣніе слѣпорожденному, чего отъ вѣка не было; слѣдовало заключить, что человѣкъ сей посланъ отъ Бога. «Не правда, говорятъ слѣдователи, человѣкъ сей не отъ Бога; ибо онъ не хранитъ субботы.» Но онъ сдѣлалъ чудо?—«Не правда. Онъ не могъ сдѣлать чуда; ибо онъ грѣшникъ.»—Но грѣшника Богъ не послушаетъ, а его послушалъ?—«Не правда. Наше дѣло знать, кого слушаетъ, и кого не слушаетъ Богъ, ваше—идти вонъ.»

Люди болѣе или менѣе похожи одни на другихъ, гдѣ бы; и когда бы они ни жили. Слушая Евангельское повѣствованіе, предложенное намъ нынѣ Св. Церковію, можетъ быть, каждый изъ насъ невольно припоминалъ себѣ какое-нибудь подобное обстоятельство, видѣнное или слышанное, или на себѣ испытанное имъ. Странно, но совершенно справедливо, что когда не хочется видѣть истины, не увидишь ее, не смотря ни на что. По кр. мѣрѣ есть возможность довести себя до того.

1. Всего чаще и теперь сію достопаечивую возможность приходится испытывать тѣмъ, кои берутъ на себя дѣло учительства, Не напрасно го-

ворить Писаніе: *не мнози учителя бывайте* (Іак. 3. 1.). Учителя, а тѣмъ болѣе самонадѣяннаго, подобнаго тѣмъ, о коихъ геворить нынѣ Евангеліе, всегда ждетъ опасность погрѣшить, тяжко-пріявши опрометчиво одно что нибудь за истинное, или отвергнувши другое, какъ ложное, и держась уже потомъ, не смотря ни на что, однажды избраннаго и рѣшеннаго. Отсюда-то и выходятъ, всѣмъ извѣстныя, ученыя распри, ссоры, взаимныя обвиненія, жалобы, нападки, гоненія и пр., отъ учителей переходящія на учениковъ, и черезъ сихъ распространяющіяся по дальнѣйшимъ кругамъ общества. Случаи подобнаго рода такъ обыкновенны между людьми, занимающимися ученіемъ, что часто стоитъ только назвать кого нибудь ученымъ, чтобы подумали, будто дѣло идетъ о человѣкѣ одностороннемъ, спорливомъ и упорно-вастойчивомъ. Тупость, въ союзѣ съ лѣнностію, дѣлаетъ человѣка одностороннимъ, самолюбіе—спорливымъ, а гордость—упорнымъ; и иный преподаватель истины цѣлую жизнь побораетъ по лжи потому только, что сперва не хочетъ, потомъ стыдится, наконецъ уже и прямо не можетъ уступить другому, хотя бы потомъ уже и самъ увидѣлъ, что истина и не была, и

никогда быть не могла на его сторонѣ. Въ семь случаѣ большею частію дѣло оканчивается также, какъ окончилось съ слѣпорожденнымъ. Если истина, по внѣшности, представляется малозначительною и безправною, то ее гонять вонъ. Но бываетъ и на оборотъ. Если упорствующая ложь не имѣетъ ни откуда себѣ поддержки, то печальный жребій бѣжать вонъ достается и ей. Но всякій учитель, если бѣжить вонъ, то бѣжить не одинъ. За нимъ бѣгутъ его приверженцы, за приверженцами ихъ многоразличныя отношенія частныя и общественныя. Достопамятная исторія отпаденія сперва нѣсколькихъ учителей съ учениками, потомъ значительныхъ обществъ, наконецъ—цѣлыхъ народовъ, отъ Церкви, повторявшаяся уже неоднократно, показываетъ ясно, что если истина остается совмѣстно съ ложью, то самое малое и частное упорство ученое можетъ разродиться величайшими и горестнѣйшими послѣдствіями.

2. Но не въ одной школѣ есть ученіе, и не одни учителя тѣ, которые тамъ учатъ. За порогомъ малой школы, есть великая школа—м і р ь. Господь нашъ Іисусъ Христосъ смотрѣлъ на м і р ь какъ на область враждебную царствію Бо-

жію, въ которой есть свой *Князь* (Іоан. 12, 31. 16. 3), свои *стихи* (Гал. 4, 3), свой *духъ* (1 Кор. 11, 12), свои *любовь и ненависть* (Іоан. 15, 19. Іак. 4, 4), своя *премудрость* (1 Кор. 3, 19) и невѣжество (Іоан. 14, 17. 18, 25) свой *образъ* (1 Кор. 7, 31), свой *вѣкъ* (Еф 2, 2). Въ мірѣ духъ *лестчій*, т. е. лживый или обманчивый, каждому вѣку человечества сообщаетъ свой особенный, хотя всегда равно лживый, но всегда нѣсколько отличный, *образъ* понятій такъ называемый духъ вѣка. Незримый и неосязаемый, ласкательный и разрушительный, духъ сей преимущественно вѣдетъ на высотахъ человеческихъ обществъ, по кр. мѣрѣ тамъ сильнѣе, постояннѣе и продолжительнѣе дѣйствуетъ. Стремительными порывами проторгается онъ иногда оттуда и въ низшіе слои, но если не выдаетъ себя за вѣру Божію, рѣдко успѣваетъ поколебать мирное, простосердечное, благодушное довѣріе къ свыше-откровенной истинѣ Божіей, когда же—успѣетъ, начинается всеобщее разстройство жизни, невѣріе, неуваженіе къ порядку, самоуправство, обиды, зло за зло—до послѣдняго зла,—истребленія людей людьми. Благодареніе Господу, братія, такое повсемѣстное разлитіе *духа лестча* случается рѣдко, и, упова-

емъ, не страшно намъ, учителямъ и ревнителямъ святой православной, вселенской истины Христовой, доселѣ не учившей никого ни отстаивать ложь наперекоръ очевидности, ни скрывать истину ради внушеній стороннихъ. Такъ, вѣрующіе ученики Господа, утѣшительно думать, что мы лучше недобросовѣстныхъ учителей, о которыхъ довольно говорено сегодня. Но если и въ ангела свѣтла преобразуется (2 Кор. 11, 14) духъ лести, то легко предположить, что онъ не опускаетъ случая дѣйствовать прямо въ образѣ челоуѣка и тѣхъ или другихъ его потребностей, и во всякое время вѣрно гдѣ-нибудь кроется *темный міродержатель* нашего вѣка (Еф. 4, 12.), незримо и невѣдомо опутывая насъ сѣтлю своихъ козней. Спросите, для примѣра, у вѣка, что онъ дѣлаетъ съ тою великою христіанскою истинною, что *житіе наше на небесахъ есть* (Фил. 3, 21), т. е. что христіанинъ долженъ жить по преимуществу духомъ, презирать временное и готовиться къ будущей жизни? Кто заговоритъ теперь въ подобномъ родѣ, тотъ покажется достойнымъ по меньшей мѣрѣ снисхожденія, если не прямо—сожалѣнія. Его слушаютъ, думая о другомъ, и сомнительно качая головою. Онъ ста-

неть доказывать, ему будутъ улыбаться. Онъ заговорить обличительно, его изгонять вонъ.. Отчего это такъ? Оттого, что вѣкъ нашъ есть вѣкъ земныхъ стремленій, пользы, удобства, спокойствія, наслажденія, и хотя не говоритъ прямо, но думаетъ несомнѣнно: *малъ есть и печаленъ животъ нашъ... придите убо, насладимся настоящихъ благихъ* (Прем. 2, 1. 6).—Вѣра святая и нелестное самопознаніе также говорятъ человѣку, что онъ малъ духомъ, что онъ худъ, золъ, несмысленъ, рабъ страстей и пороковъ. Вѣкъ чудится такимъ, по его мнѣнію, запоздалымъ и отжившимъ, мнѣніямъ. Онъ убѣжденъ, что человѣкъ—совершенъ, и потому имѣетъ право на всякую честь, власть и свободу. Ему возражаютъ очевидностію дѣлъ человѣческихъ—безпорядочною, безславною, безъотрадною. Онъ говоритъ: неправда. Совершенный не дѣлаетъ несовершеннаго.. Ему указываютъ на вопіющее несовершенство.. Не правда, повторяетъ онъ. Мнѣ—вѣку—предоставьте знать, что совершенно и что нѣтъ. Ему хотять объяснить, что онъ не единственный изъ вѣковъ.. Онъ гонитъ объяснителя вонъ. Подобнаго рода состязаній у лживаго духа времени съ вѣчною истиной можетъ быть не мало. Отчего и *бла-*

женныхъ, изгнанныхъ Правды ради (Мат. 5, 10.), также не мало знаетъ лѣтопись человѣческихъ дѣлъ, пишемая частію на землѣ, болѣе того — на небѣ. Тотъ же приговоръ, который предшествовалъ изгнанію слѣпорожденнаго, преслѣдуетъ и теперь правдолюбцевъ, хотя и иначе нѣсколько произносится. Въ предразсудкахъ ты весь и родился и воспитался, говорятъ теперь свидѣтелю и провозвѣстнику истины, *и ты ли ны учиши?* О, вѣкъ гордый и лживый! Почему ты не подумаешь, что и самымъ мнимымъ твоимъ предразсудкомъ можетъ иногда выражаться только одинъ вѣчный и непреложный законъ Того, Кто предразсудилъ бытность всѣхъ вѣковъ, по своему, неподсудному человѣческой мысли, все-свободному хотѣнію?

3. Стоять за истину Божию передъ вѣкомъ какъ ни трудно, ни опасно, но не безотрадно и не безнадежно. Но что дѣлать, когда самъ не будешь имѣть ни возможности, ни желанія видѣть истину, — когда въ душѣ составитя свое особенное убѣжденіе, передъ которымъ самый вѣкъ теряетъ силу? О, братія! случается иногда слышать страшныя признанія, свидѣтельствующія, что въ душѣ человѣческой можетъ быть чувст-

вумъ «цѣлый адъ». Конечно, отчаяніе преувеличиваетъ часто положеніе дѣла, но все же надобно думать, что въ душѣ, сознающей себя такимъ образомъ, вѣрно есть величайшее нестроеніе. И оно дѣйствительно бываетъ. Трудныя обстоятельства жизни иногда такъ потрясаютъ душу, что она становится въ разладъ и въ противорѣчіе со всѣмъ міромъ, и приобрѣтаетъ убѣжденіе, несообразное ни съ чѣмъ, но крѣпкое и неизмѣнное. Всего чаще (и большею частію — всего прежде) въ такомъ случаѣ является въ душѣ недовѣріе къ божественному промыслу, а затѣмъ и ко всему дѣлу искупленія. Если же Господу угодно будетъ оставить несчастнаго одного на неравную борьбу съ его несчастіемъ, и укрыть Себя отъ ума невѣрующаго, въ немъ является ожесточеніе, и тогда свѣтъ истины вовсе дѣлается недоступнымъ тому, кому онъ всего болѣе нуженъ. Сомнѣніе во всемъ, недовольство всѣмъ, ненависть ко всему, возстаніе сперва на другихъ, потомъ на самого себя — вотъ лѣствица, по которой нисходитъ въ бездну челоуѣкъ, отвратившій лице свое отъ свѣта Божія. Что ни говори, что ни дѣлай передъ нимъ свидѣтель истины, на все у него одинъ отвѣтъ: горькая улыбка презрѣнія, говорящая: не трудись

напрасно, оставь въ покоѣ, иди вонъ! Оставимъ неизлечимаго врачевать Врачу душъ и тѣлесъ.

4. Рѣдко не можетъ, — чаще не хочетъ, человекъ видѣть истины. Истина святая, непорочная, строгая, неподкупная всегда вѣрна себѣ самой, человекъ же, непрерывно развлекаемый и увлекаемый міромъ, непрерывно мѣняется въ своихъ нуждахъ, чувствованіяхъ, убѣжденіяхъ и рѣшеніяхъ, вслѣдствіе чего свидѣтельство истины часто бываетъ уже не по его желанію, и онъ всячески старается избыть его, замѣняя дѣйствительность любимыми мечтами воображенія. Это великое зло постигаетъ человекъ въ страсти. Кто не повторялъ, хотя изъ одного подражанія иногда, всѣмъ извѣстнаго выраженія: «страсти ослѣпляютъ человекъ» Подлинно, онѣ ослѣпляютъ и часто совершенно неизлечимо. При здоровомъ разсудкѣ, дѣлаютъ человекъ умалишеннымъ, въ горѣ и мукѣ заставляютъ видѣть блаженство, тѣнное и брѣнное принимать за вѣчное, объ адѣ ревновать, о небѣ не думать, духу тмы поклоняться предъ лицомъ Отца свѣтовъ!. Не только совопрошенія и состязанія о истинѣ, малѣйшаго намека на нее изъ далеча бѣжитъ человекъ, плѣненный страстію, боится ея, получаетъ зловѣщее

предчувствіе ея, и рѣшается на всякое пожертвованіе, лишь бы только не допустить ея до себя. Слѣд. при первой встрѣчѣ съ такимъ человѣкомъ, свидѣтель истины изгнанъ будетъ вонъ. Но это не все. Страсть рѣшится совсѣмъ истребить его, ибо въ увлеченіи и ослѣпленіи легко вообразить, что свидѣтель истины и самая истина суть одно и то же. И что говорить? Самого Господа нашего Иисуса Христа—вѣчную, свыше свидѣтельствовавшую истину страстное ослѣпленіе дотолѣ преслѣдовало, пока не вознесло на крестъ! Господь и говорилъ, какъ не говорилъ никто отъ вѣка, и дѣлалъ дѣла, которымъ не было другаго имени, какъ дѣла Божіи, но все было напрасно! Голосъ страсти вопіялъ сильнѣе чудесъ и знаменій. Но Ужели христолюбець свободно рѣшится когда-нибудь на то же, къ чему безумно стремились враги Христа?. Никогда. Однакоже, братія, въ то время, какъ, не смотря ни на что, остаешься вѣренъ погибельному зову и влеченію страсти, не то же ли дѣлаешь, что дѣлали люди, въ виду преславнаго чуда оглашавшіе грѣшникомъ Чудотворца?

На судъ Азъ въ міръ сей придохъ, да невидящій видятъ, и видящій слѣпи будутъ, сказалъ

Господь послѣ того, какъ дѣло о слѣпорожденномъ всѣ считали уже конченнымъ. Бывшіе при семъ Фарисеи не опустили случая замѣтить ему послѣдовательно: *егда и мы слѣпи есмь?* Господь сказалъ имъ: *аще бысте слѣпи были, не бысте имѣли грѣха: нынѣ же глаголете, яко видимъ: грѣхъ убо вашъ пребываетъ* (Іоан. 9, 39—41). Такихъ Фарисеевъ, братія, ни слѣпыхъ, ни зрячихъ, много и теперь. Аминь.

ВЕСЕДА

ВЪ СРЕДУ ШЕСТОЙ НЕДЕЛИ ПО ПАСХѢ.

О Пасхи!

Стихир. Пасхи на Утрени.

Кто съ любовію встрѣчалъ всерадостный праздникъ Воскресенія Христова, тотъ не можетъ не чувствовать нѣкоторой печали, разставаясь съ нимъ. Подобно тому, какъ прощаясь съ лицомъ любимымъ, живѣе и полнѣе представляешь себѣ его достоинства, многократно переводишь ихъ въ мысли, и нудишься отъ избытка сердца ублажить ихъ признательнымъ словомъ, такъ и, разставаясь съ Христовою Пасхою, чувствуешь особенное желаніе восхвалить и воспѣть ее, воздать ей хотя чѣмъ-нибудь за ту безцѣнную радость, которую она восполняла сердце наше. Мыслишь и вмѣстѣ гла-

шаешь неудержимо и поешь вмѣстѣ съ Церковію:
 «Пасха священная намъ днесь показася! Пасха
 нова, святая! Пасха таинственная! Пасха всече-
 стная! Пасха Христось избавитель! Пасха непо-
 рочная! Пасха великая! Пасха вѣрныхъ! Пасха
 двери райскія намъ отверзающая! Пасха всѣхъ о-
 свящающая вѣрныхъ!»

1. Пасха священная была извѣстна за долго до насъ. Начало ея выходитъ далеко за Хри-
 стианскія времена; и очень чуднымъ предста-
 вляется то, что передаетъ намъ Слово Бо-
 жіе о ея началѣ. Поводомъ къ установленію Па-
 схи было освобожденіе Еврейскаго народа отъ
 долговременнаго рабства. Послѣ многихъ порази-
 тельныхъ чудесъ, потрясшихъ всю землю Египет-
 скую, но не поколебавшихъ жестокаго сердца
 фараонова, Господь Богъ объявляетъ послѣднее
 и рѣшительное къ тому средство, незначительное
 само въ себѣ, но состоявшее въ связи съ обстоя-
 тельствами, чрезвычайно важными. Въ десятый
 день перваго, по счисленію Іудейскому, мѣсяца
 повелѣвается каждому семейству Еврейскому ото-
 брать единовѣтнаго, непорочнаго, агнца, и освя-
 тить его Господу. На четвертый послѣ сего день
 агнца должно было заклать и въ теченіе одной

ночи съѣсть, такъ чтобы къ утру не осталось ничего. Множество знаменательныхъ обстоятельствъ должно было сопровождать самое яденіе. Но самое важное и чудодѣйственное заключалось не въ нихъ. Повелѣно было кровію закланнаго агнца сдѣлать знаки на дверяхъ каждаго Еврейскаго дома. Это для того, что Пасха есть Господня, т. е. переходъ или прохожденіе Господа, ибо *Господь пройдетъ ноцію по всему Египту, и убіетъ въ каждомъ дому первенца отъ человека до скота* (Исх. 12, 12), исключая тѣхъ домовъ, на которыхъ видѣнъ будетъ знакъ агнчей крови. Въ маломъ чертежѣ Еврейской исторіи изображалась судьба всего человѣчества, потому что такъ хотѣлъ Богъ, и потому что такъ шель чловѣкъ. Отъ *истлѣнной работы грѣху* не могли освободить его безчисленныя знаменія божественнаго промышленія. Напротивъ, чѣмъ больше ихъ было тѣмъ болѣе ожесточался мысленный Фараонъ. Наконецъ, *рече Господь: еще едину язву Азъ наведу на Фараона и на Египетъ* (Исх. 11, 1.), *еще единою потрясу небомъ и землю, моремъ и сушею* (Агг. 2, 7). Въ опредѣленный премудростію Божіею годъ, мѣсяць и день является *Агнецъ Божій, вземляій грѣхи міра* (Юан. 1, 29.), и освящаетъ

ся въ жертву избавленія нашего. На четвертомъ году Его *священія* (Юан. 17, 19.), Онъ закалается всѣмъ множествомъ сыновъ Израилевыхъ, и послѣдняя язва несетя на темный Египеть.. Причастниковъ Агнца, запечатлѣвшихъ храмину свою искупительною кровію, она не касается, но всѣ первенцы зла, представители язычества, нечестія и заблужденія, обрекаются на погибель временную и вѣчную. Сіе избавленіе людей отъ гнѣва Божія и вѣчной смерти, столь ясно зримое въ мірѣ духовномъ, и отчасти свидѣтельствуемое въ нашемъ тѣлесномъ, и есть, прежде всего, та *Пасха*, которая намъ *показался* въ лицѣ пострадавшаго, умершаго и воскресшаго Господа нашего Иисуса Христа, *Пасха священная*, за безмѣрное свое человѣколюбіе посвятившая себя въ жертву за всѣхъ.

И за нихъ Азъ свящу Себе, да и тѣмъ будутъ священни воистину (Юан. 17, 19). Такъ говорилъ нашъ Агнецъ непорочный и избранный въ ночь своего закланія. Слышите, братія, слово нашей Пасхи священной! Для того Господь посвятилъ Себя, дабы мы были *воистину священни*. Что же значить быть священнымъ? значить быть посвященнымъ или обреченнымъ Богу, стать и признать себя жертвою Богу. А что значить

быть жертвою, это понятно всякому. Жертва есть то, что не принадлежит жертвующему. Посему и отъ насъ наша *Пасха священная* требуетъ, чтобы мы не принадлежали себѣ, но были истинно и дѣйствительно посвящены Богу, то радуясь о Господѣ, то благодаря Господа, то молясь и исповѣдуясь Господу, то помышляя о Господѣ день и ночь, хвалясь и ревнуя о Немъ, благодворя Его ради, подвизаясь Его ради, словомъ: живя Имъ и для Него.. Ахъ, братія, если бы мы *воистину* сдѣлались настолько *священными*, то для насъ не могло бы быть и *отданія* Пасхи, — наша Пасха всегда была бы съ нами. Ибо кто *возлюбитъ* Ее и отдастъ Ей себя, съ тѣмъ она пребудетъ во вся дни до скончанія вѣка (Мат. 28, 20.), у того *сотворитъ* свою *обитель*. (Іоан. 14, 23.). Такое неложное и нерушимое обѣтованіе наслѣдовали всѣ мы отъ нашей *Пасхи священной!*

2. Та Пасха, которая до мельчайшихъ подробностей требовала строгаго выполненія законныхъ предписаній, Пасха, извѣстная въ свое время народу болѣе подъ именемъ «праздника опрѣсноковъ», и неумѣреннымъ ревнителямъ, убивающаго духъ, письмени подавшая поводъ всю празднственную заботливость сводить на одно блюдо безквасія, та

ветхая, прообразовательная Пасха, съ минованіемъ ветхаго завѣта, минула. *Пасха новая* намъ днесь показася. Сохраняя одно свое ветхое имя, все прочее имѣеть новое наша новая Пасха. Вмѣсто агнца безсловеснаго, закланъ въ ней Агнецъ—Слово животное. Вмѣсто единовременнаго снѣденія, нашъ Агнецъ дается въ снѣдь вѣрнымъ постоянно до скончанія временъ. Вмѣсто горькихъ травъ и дорожныхъ жезловъ въ рукахъ, Пасхою новою предлагается горечь христіанскаго самоотверженія и всегдашняя готовность къ преселенію изъ страны работной въ вождельнное отечество. Вмѣсто седмицы воздержанія отъ всего кваснаго, заповѣдуется Ею пожизненное воздержаніе *отъ кваса фарисейскаго* (Мат. 16, 11), прибавимъ — и Саддукейскаго, и Іудейскаго, и языческаго, и наконецъ—лжехристіанскаго.

Братія! *Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ.. Очистите убо ветхій квасъ*—такъ говорить Апостоль — *да будете ново смѣшеніе.. да празднуемъ не въ квасъ ветсъ, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истинны* (1 Кор. 5, 7, 8). *Да яко же воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 4). Вотъ,

съ чѣмъ должны были мы являться предъ лице *Новой Пасхи*. И можно ли было иначе вести себя въ виду Того, Кто былъ закланъ, яко незлобивый агнецъ, за людскую злобу, Кто въ совершенной, безпримѣсной, чистѣйшей истинѣ, простотѣ и искренности училъ и творилъ дѣло Божіе, и положилъ за него душу свою? И такъ ни злобы, ни лукавства не видѣла въ людяхъ обновленія Пасха Новая! И такъ чистота и истина печатлѣли собою и мысль, и жизнь, и слово, и дѣло наше во все продолженіе минувшаго праздника!. И такъ по всему были мы смѣшеніе ново!. О, братія! Такъ ли было? Не одни ли грѣхи были у насъ новые?

3. Видѣна быша шествія твоя, Боже, шествія Бога, моего царя, иже во святѣмъ (Пс. 67, 25)! Такъ возглашалъ Псалмопѣвецъ, воспоминаая чуда Божія надъ своими единоплеменниками. Все было свято, въ чемъ являлъ себя святой Израилевъ (— 70, 22.), праведный во всѣхъ путехъ своихъ, и преподобный во всѣхъ дѣльхъ своихъ (— 164, 17), и Пасха Господня не могла быть, потому какъ только *Пасха святая*. Благотворное для одного и губительное для другаго народа, прохожденіе Божіе гласило, что святая, по совершителю, Пасха она была свята и по совершавшемуся дѣйствию,—

дѣйствию суда и мздовоздаянія людскимъ правдамъ и неправдамъ. Будучи сугубо *свята*, она требовала и участниковъ святыхъ; потому къ яденію агнца пасхальнаго допускаемы были только посившіе на себѣ печать принадлежности *языку святу* (Исх. 19, 6), т. е. одни обрѣзанные, да и тѣ, конечно, должны были приготовить себя къ тому очищеніемъ, ибо *первый день*, сказано, *наречется святъ, и седмый день нарочитъ святъ да будетъ* (—12, 16). Такъ *свята* была Пасха Іудейская, сѣновная, прообразовательная! Какъ-же *свята* должна быть наша Пасха! Кажется самое слово *святая* недостаточно къ тому, чтобы выразить имъ пребожественное совершенство нашей *всесвятѣйшей* Пасхи. Въ нашей Пасхѣ сочетана сугубая святость,—святость божественнаго существа, превознесенная, неприступная даже для мысли, самоисточная, постоянно, и какъ бы необходимо, присущая Ей по божеству, и святость свободной воли человѣческой, стяжеваемая, возвращаемая, дѣемая, сознаваемая какъ долгъ, цѣнная какъ заслуга,—святость, вѣчнымъ стыдомъ покрывшая древнюю клевету, дерзнувшую нѣкогда въ лице самому Богу сказать, что праведникъ потому праведенъ, что нѣтъ ему повода ко грѣху (Іов. 1, 10, 11.).

Въ обыкновенной рѣчи мы называемъ праздникъ Пасхи святою, т. е. *святою седмицею*, и хорошо дѣлаемъ. Что святѣе, въ самомъ дѣлѣ, дней, въ которые празднуется и почитается память преславнаго событія—воскрешенія человѣчества? Но, братія, что сказали бы мы о человѣкѣ, который въ теченіе цѣлаго года насчитываетъ у себя только семь дней здоровья? По меньшей мѣрѣ то, что ему нужно лечиться. И седмидневная «святая» Пасха наша не говоритъ ли намъ чего нибудь въ подобномъ же родѣ? Когда мы слышимъ при божественной литургіи изъ устъ тайносовершительныхъ слова: *святая святѣмъ*, то считаемъ ихъ относящимися болѣе къ священнодѣйствію, нежели къ намъ самимъ. А между тѣмъ тутъ дѣло идетъ о насъ. Насъ называютъ святыми. По смиренію ли христіанскому, или по нерадѣнію языческому, мы обыкновенно отклоняемъ отъ себя всякую мысль о святости, и все святое отсылаемъ отъ себя въ Церковь, какъ будто мы и церковь не одно и то же! Такимъ образомъ и *Пасха святая*, по нашему есть только Пасха церковная, — пасхальный чинъ богослуженія. За стѣнами церкви у насъ бываетъ другая, своя Пасха, — грѣшный праздникъ чрева и вѣсныхъ угодій плоти. Но, братія, церковь не бу-

детъ святѣе того, что есть, сколько и какъ ни служи, ни читай, ни пой въ ней во славу Воскрешаго изъ мертвыхъ. Мы также не будемъ святѣе отъ того, что въ церкви идетъ праздничная служба. Что же требуется? Чтобы «святая» была поистинѣ святая, надобно, чтобъ жили свято, ибо и здѣсь приличествуютъ тѣ же самыя слова: *святая святымъ*. О, *Пасха святая!* Кто изъ насъ не пожалѣетъ, разставаясь съ тобою, о томъ, что слишкомъ мало святилъ тебя!

4. Что означалъ агнецъ совершенный, непорочный, единолѣтний, мужескъ полъ? Что значило особенное приготовленіе и необыкновенное яденіе его, — несокрушеніе костей, сожженіе остатковъ, неоставленіе до утра? Что означала кровь его, стерегшая входы жилищъ? Что такое было незримое прохожденіе погубляющаго, и какъ происходило истребленіе первенцевъ.. Любители мудрости божественной въ народѣ Израильскомъ, безъ сомнѣнія, каждый въ свою очередь, задумывались надъ сими вопросами. Они видѣли, что Пасха ихъ была *Пасха таинственная*, но разгадать тайны были не въ силахъ. Тайну Пасхи ихъ знаемъ мы. Но кто скажетъ намъ всю тайну нашей, *за ны пожренной* (1 Кор. 5, 7). Пасхи? Сосудъ Божіей

премудрости, Апостоль Павель зналъ ее и проповѣдывалъ (1 Кор. 11, 1—16; 13. 2, Кол. 4, 3.), но, думать надобно,—не болѣе того, сколько можетъ принять и понять человекъ на землѣ, или, какъ онъ же самъ сказалъ, *отчасти* (1 Кор. 13, 9, 12). Сокровеннѣйшую сторону ея узрѣвъ на небѣ, онъ возвѣстилъ, что о ней *не лѣтъ есть человеку маголати* (2 Кор. 12, 4). Двухъ словъ довольно для того, чтобы видѣть, какъ непостижима наша *таинственная* Пасха. Наша Пасха — Богъ. Если мы прибавимъ къ сему, что не только Богъ, но и человекъ вмѣстѣ, и не только Богочеловекъ, но жертва человекъ предъ Богомъ, глава человечества, единичный и купножизненный съ каждымъ изъ насъ, состраждущій намъ и совносящій въ насъ Свою силу безсмертія и воскресенія, то уже скажемъ этимъ нѣчто такое, во что самые *Ангели желаютъ приникнути* (1 Петр. 1, 12), какъ въ общую тайну земли и неба.

И предъ сею-то Пасхою, показавшеюся намъ въ образѣ праздника Воскресенія Христова, мы призываемы были стоять, не смежая очей ума, несдерживая восторженныхъ порывовъ сердца! Гдѣ тайна, тамъ невольно располагаешься къ благоговѣнію. Но тайна вочеловѣченія божества и обоженія

человѣчества, — тайна, такъ велегѣбно и приснора-
достно возсіявшая намъ изъ живоноснаго гроба,
должна была увлечь все существо наше за собою
къ нашей *Пасхѣ таинственной*, и теперь, съ пре-
стола божества, тайно глашающей своему чителю:
Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка
(Мат. 28, 20). Братія! Не оскорбимъ своего Хри-
столюбиваго сердца подозрѣніемъ, и признаемъ,
что такое празднественное увлеченіе дѣйствитель-
но было у насъ если не постоянно, то много или
множество разъ, если не до высоты Апостольскаго
восхищенія, то всёже выше всякой временной сладо-
сти грѣха. Блаженъ тотъ, кого посѣщало, при его
богомысленномъ занятіи, и Божественное умиле-
ніе, — у кого отъ превожделѣннаго созерцанія *Пас-
хи Тайной* исторгалась радостная капля слезная,
или хотя «капли часть нѣкая»!

5. Но и одна малая, видимая, сторона безконеч-
ной Пасхи таинственной представляетъ намъ ее
въ такой чести, что ничего подобнаго ей не на-
ходимъ мы на землѣ своей. *Пасха всечестная* — ве-
личаемъ мы ее, но безъ сомнѣнія одинъ несовер-
шенный намекъ дѣлаемъ только этимъ на ту, не-
мысленную нами, *славу и честь*, которыми *увѣнча-
но* смирившееся Божество за *пріятіе смерти* (Евр.

11, 9) въ образѣ челоуѣчества. Но наша Пасха всечестная не казалась нѣкогда таковою. Пророкъ, прозрѣвшій ее издамечу, восклицалъ какъ бы въ изумленіи: *нѣсть вида Ему, ниже славы: и видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: но видѣ Его безчестенъ, отвратися лице Его, безчестно бысть, и не вмѣнися* (Ис. 53, 2, 3)! Такъ, для снятія съ насъ безчестія, надлежало самому Избавителю нашему быть безъ чести, *со беззаконными вмѣнитися* (—12) и умереть среди крайняго позора и поношенія. Но лишь только взять былъ *отъ земли животъ Его* (—8), вдругъ Пасха всечестная намъ возсія и совершилась кара надъ Египтомъ преисподнимъ. Среди мрака и стыдѣнія вѣчнаго *п р о ш е л ъ* Спасающій, первенцы зла пали пораженные, а узами адовыми содержаемыя къ свѣту пошли веселыми ногами, Пасху хваляще вѣчную!

Братія! Да не подумаетъ кто-либо, что когда слышится слово: *всечестная*, то дѣло идетъ о той чести, которая столько извѣстна въ суетной жизни нашей, и извѣстна, къ сожалѣнію, не столько дѣлами доброхвальными, сколько, на христіанскій взглядъ, предосудительными. Нѣтъ, Пасхивая, *всечестная*, намъ возсія. Ибо если возсія, то,

конечно, не тѣмъ, что затмѣваетъ славу Божества и достоинство человѣчества, — если возсія, то конечно, только съ тѣмъ, чтобы при свѣтѣ ея всѣ увидѣли, въ чемъ именно состоитъ честь христіанская. И точно, по указанію нашей Пасхи, всѣ увидѣли, что истинная, славная, высокая, полная божественная честь заключается въ томъ, чтобы претерпѣть безчестіе ради чести ближняго.. Но, при сіяніи такой *всечестной* Пасхи, что значило, братія, усиліе наше возжигать по временамъ свѣтильникъ своей ничтожной чести — тусклый и дымный? Невѣдѣніе ли Пасхи? Невниманіе ли къ ней? Пренебреженіе ли ея? Думаемъ, нѣчто отличное отъ всего этого, а именно, желаніе, чтобы Пасха шла своимъ путемъ, а наша жизнь — своимъ.. Но вотъ Пасха шла и прошла. Пройдетъ рано или поздно и жизнь. Раздѣляемые теперь насильно грѣхомъ, пути ихъ неизбѣжно встрѣтятся за гробомъ, и Пасха всечестная, нами обезчестованная, обличитъ и осудитъ нашу жизнь.

6. Братія! Времена новаго завѣта показываютъ, что какъ будто чѣмъ болѣе грѣха у людей, тѣмъ болѣе милости у Бога (Рим. 5, 20). Мы бы не поняли сей тайны Божіей, если бы не знали, что наша Пасха, Христосъ есть *Пасха непорочная*. Въ

ветхое время благодати, кровь агнца непорочнаго имѣла силу отвратить карающую руку Божию отъ дома, на которомъ была видима; хотя, конечно, не всѣ избавляемые равно заслуживали сіе помилованіе, и можетъ быть въ числѣ ихъ были такіе, которые не превышали своимъ благочестіемъ Египтянь. Сердцу нашему извѣстно, что иногда одно неповинное страданіе можетъ преклонить его на помилованіе тысячи виновныхъ. Досточтимѣйшая сія черта души нашей что такое есть, какъ не отображеніе Божественнаго, достопокланяемаго свойства, по которому *Богъ любви есть* (Іоан. 4, 16), *благость, милосердіе, жалѣніе..* Вслѣдствіе сей, такъ сказать, ж алости къ намъ Отца нашего Небеснаго, неповинное страданіе, *яко агнца непорочна и пречиста, Христа* (1 Петр. 1, 19) закрыло собою всѣхъ насъ, виновныхъ, порочныхъ и нечистыхъ предъ очами правды Божіей. Предъ Богомъ, вмѣсто всего множества людей, сталъ видѣнъ одинъ человекъ, и человекъ сей есть Христось Іисусь, *беззаконія не сотворившій и мученный за беззаконія наша, понесшій наказаніе мира нашего на Себѣ, да узритъ душа наша сьмя доложивотное* (Ис. 53)—Онъ, наша Пасха непорочная, чистительная, средостѣніе ограды

разорившая (Еф. 11, 14), еже на насъ рукописа-
ніе истребившая (Кол. 11, 14) и представившая
насъ Своею смертію святыхъ и непорочныхъ и
неповинныхъ предъ Богомъ (—1. 22).

Что сказать, братія. Человѣкъ весьма забыв-
чивъ. Надежду на Христа онъ легко можетъ пре-
вратить въ безпечную самонадѣянность, —полагая,
что Христосъ сдѣлалъ для него и за него все, онъ
можетъ счесть ничѣмъ свою порочность. Къ сча-
стію нашему, отчасти наше христіанское воспита-
ніе, отчасти неотразимое свидѣтельство нашей
внутренней нечистоты, но—болѣе того и другаго
милующій Промыслъ Божій не попускають намъ,
чада Божія (Фил. 11, 15), впасть въ такую бого-
противную забывчивость. Если бы, однакоже, па-
че чаянія, смутилъ кого помыслъ возложить все
дѣло своего спасенія на одну нашу *Пасху непо-*
рочную, тотъ пусть не забываетъ, что она есть
П а с х а, т. е. переходъ, или минованіе божест-
венной кары, и что слѣд. кто не представитъ на
себѣ знаковъ крови Агнчей, тотъ спасень не будетъ.
Какіе же это знаки? Вѣра, надежда, любовь, кре-
щеніе, муропомазаніе, причащеніе, молитва, постъ,
самоотверженіе, всякаго вида подвигъ, жи всякаго
рода добродѣтель. Вижу, что исчисленіе заходитъ

далеко, и боюсь, и какъ бы не пришлось исповѣдать весьма печальную истину, что, при всей отрадѣ, какую даруетъ сердцу наша *Пасха непорочная*, многимъ изъ насъ она, быть можетъ, вовсе не поможетъ.

7. Послѣ всего, что мы говорили о Пасхѣ, сказать, что она *Пасха великая*, значить только свести въ итогъ все прежде сказанное. Но и здѣсь умѣстно присовокупить слово объяснительнаго назиданія. Все великое и величайшее, вшедши въ малые размѣры земли и въ тѣсныя предѣлы мысли, перестаетъ поражать своимъ величіемъ. И дѣйствія Божіи, потому часто намъ кажутся подобными нашимъ малымъ дѣламъ, — особенно же, когда душа настроена такъ, что все желаетъ видѣть въ своемъ образѣ, и боится утомить себя непривычнымъ богомысліемъ. Нерѣдко, так. обр. довольствуемся и тѣмъ, что подъ *Пасхою* разумѣемъ одно востаніе Христа изъ гроба, отчего и видимъ только одну часть величайшаго дѣла Божія. Руководительница и наставница наша, св. Церковь и здѣсь, какъ вездѣ, смотритъ въ самую глубину совершившагося во всепразднственную и спасительную ночь, событія. Въ ея священныхъ прославляется Христосъ жизнода-

вещь,—не только *смертію смерть поправшій*, но и *сущимъ во гробѣхъ животъ даровавшій*, не только *воадъ сшедшій*, но и *съ Собою вся воскресившій*. При семъ Пасха наша представляется намъ уже такъ *великою*, что для обозрѣнія ея потребенъ взоръ и далеко проникающій и высоко поставленный надъ пространственнымъ и временнымъ бытіемъ, ясный, чистый, благоговѣйный и строго внимательный къ судьбамъ церкви Божіей, отъ первоначальной Пасхи Господней, когда былъ слышанъ *гласъ Господа Бога х о д я щ а въ рай*, и изводящаго первыхъ грѣшниковъ отъ жизни къ смерти,—до Пасхи, когда Его же гласъ слышанъ былъ *иво адъ с х о д я щ а и тѣхъ же грѣшниковъ со всѣмъ ихъ потомствомъ*, преводящаго отъ смерти къ жизни,—до послѣдней Пасхи, когда въ послѣдній разъ *п р о й д е т ь* онъ посреди человечества, разведетъ овецъ отъ козлищъ, и однихъ отошлетъ во огонь, а другихъ призоветъ къ вѣчному царствію Своему. Безъ сомнѣнія, только тогда во всей полнотѣ откроется намъ все величіе нашей Пасхи.

Братія! Сдѣлавшись причастниками Пасхи *великой*, мы сами стали какъ бы великими. Какъ ни странно, кажется, признать себя великимъ, но стран-

нѣе должно казаться совершенное невѣдѣніе своего истиннаго достоинства, Грѣхолюбіе наше, прикрываясь предлогомъ смиренія, не позволяетъ намъ разглядѣть самихъ себя. Разоблачимъ лукавство плоти. Не того боимся мы обыкновенно, какъ бы не счесть себя бѣльшими надлежащаго а того, какъ бы не принудить себя къ дѣламъ великимъ и важнымъ, — какъ бы, увлекшись мыслию о своемъ достоинствѣ, не презрѣть мелкихъ, пустыхъ и постыдныхъ занятій суеты. Если это правда, то какъ не пожалѣть, отдавая нынѣ *Пасху великую*, о томъ, что то время, какъ она призывала насъ къ величію, мы упорно ревновали о своей малости и низости? О, *Пасха великая!* презри неразуміе малыхъ, и самое малое радованіе ихъ о Тебѣ сотвори благоугоднымъ предъ очами Твоими!

8. По заповѣди Божіей, вкушать отъ агнца Пасхи Іудейской могли только одни *вѣрные*, или, по установленіямъ ветхозавѣтнымъ, *обрѣзанные*. *Всякъ необрѣзанный да не ястъ отъ нея* (т. е. Пасхи), сказано, *всякъ иноплеменникъ да не ястъ отъ нея. Пришлецъ или наемникъ да не ястъ отъ нея. Аще же кто придетъ пришлецъ къ вамъ, обрѣжеша его, и тогда приступитъ сотворити ю, и всякаго раба или купленнаго обрѣ-*

жеши его, и тогда да ястъ отъ нея (Исх. 12. 48). Не нужно говорить о томъ, что обрѣзаніе было печатію *вѣры* ветхозавѣтной. И такъ и во времена исключительнаго избранія Божія видно было, что Господу Богу угодны не плоть и кровь, не родъ и племя, а духъ, сердце, убѣжденіе, вѣра. Знаменіе *вѣры* вдругъ уравнивало язычника съ потомкомъ Авраама. Что было, такъ сказать, только разсвѣтомъ въ тѣ времена, то сдѣлалось свѣтлымъ полуднемъ въ наше благодатное время. Наша Пасха есть *Пасха вѣрныхъ*—всѣхъ безъ исключенія. Вѣрный же есть всякій, *иже исповѣдуетъ Иисуса Христа, во плоти пришедша* (1 Иоан, 4. 2), кто бы онъ ни былъ по роду, по языку, по мѣсту жительства, по званію, по состоянію.

Но если вѣра, братія, уравнивая всѣхъ, не дѣлаетъ различія между вѣрными, то сама она есть ли одна и та же во всѣхъ! Ветхозавѣтныхъ соединяло всѣхъ единое знаменіе *вѣры*—обрѣзаніе. Для единства *вѣры* нашей у насъ есть, всѣмъ извѣстный, *Символъ Вѣры*, обязательно исповѣдуемый вѣрующими; и слѣд. вѣра у всѣхъ вѣрныхъ должна быть та же и такова же. Но будемъ ли отрицать великую разницу въ проявленіяхъ *вѣры*, и

въ слѣдъ за тѣмъ дѣйствительную разницу между самими вѣрными? У насъ извѣстны съ одной стороны *вѣра* живая, теплая, горячая, пламенная безотчетная, слѣпая, простая, сердечная, дѣтская и пр., а съ другой стороны—вѣра холодная, разумная, мертвая, философская и даже бѣсовская.. Соотвѣтственно сему и *вѣрныхъ* тоже можно раздѣлить на нѣсколько, или и много, рядовъ или степеней—отъ вѣрныхъ—живыхъ до вѣрныхъ — мертвыхъ.. Которыхъ же изъ нихъ наша присновоспѣваемая *Пасха вѣрныхъ*? Всѣхъ, братія, всѣхъ безъ исключенія. Какъ одинъ и тоже многолучный свѣтъ солнечный, отражаясь на множествѣ предметовъ, разсѣянныхъ по лицу земли, производитъ неодинаковыя изображенія солнца, такъ и вѣра въ Бога, переданная намъ откровеніемъ божественнымъ, унада на сердца людей, по различію ихъ различно на нихъ дѣйствуетъ и разнообразно въ нихъ себя обнаруживаетъ. Радоваться ли намъ, или скорбѣть о семъ? Но если бы представлялось болѣе желательнымъ, чтобы всѣ вѣрные равно вѣрили отъ всего сердца и отъ всего разума съ равною живостію и равною твердостію, то утѣшеніе сіе доставляетъ намъ изобильно наша *Пасха вѣр-*

ныхъ. Если когда, то по преимуществу въ несравненный и прерадостный праздникъ Воскресенія Христова, наиболѣе единодушною является у вѣрующихъ вѣра ихъ. Мы не усомнимся въ томъ, когда припомнимъ общій восторгъ нашъ—по истинѣ божественный,—съ которымъ мы встрѣчали Христа въ священную оную и блаженную ночь свѣтозарную.

9. Чѣмъ ближе къ концу наша прощальная похвала Св. Пасхѣ, тѣмъ сердечнѣе воззванія наши къ ней, тѣмъ возвышеннѣе и величественнѣе представленія благодѣтельныхъ ея для насъ послѣдствій. Для общества вѣрующихъ что вождѣннѣе царства небеснаго, т. е. безконечно-блаженной жизни за гробомъ? Вождѣннѣйшее сіе не даетъ ли намъ также наша *Пасха красная, Пасха—избавленіе скорби, Пасхи, радости исполняющая?* Въ отвѣтъ на сіе изъ умирающихъ устенъ Агнца Божія слышатся живоносныя слова: *днесь со мною будешь въ раи* (Лук. 23, 43), сказанныя тому, кто едва имѣлъ минуту времени собрать духъ для вѣры, и вѣру перевести въ молитву. О, *Пасха, двери райскія намъ отверзающая!* Кто изъ васъ, въ минуты покаяннаго сокрушенія, не плакалъ у креста Твоего, и не повторялъ предъ Тобою словъ

разбойника? И всегда на теплую молитву вѣры отвѣтомъ служили приснопамятныя и преисполненныя высокаго утѣшенія Твои слова: *Да не смущается сердце ваше. Вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца Моего обители многи суть.. Отче! хочу, да идыже есмь Азъ, и тиѣ будутъ со Мною* (Іоан. 14, 1. 17. 24).. Пасха Іудейская не только отверзла Исаилю дверь свободы, и вывела его изъ Египта, но, когда нужнымъ оказалось, разверзла предъ нимъ и пучину моря, чтобы провести его въ землю обѣтованія. Чего не сдѣлаетъ наша Пасха для своего Исаиля, если восхоцетъ сдѣлать! А мы слышали гласъ ея: *Отче! хочу..*

Да! Будетъ время и нашего отшествія изъ сей страны въ другую, — обѣтованную! Ахъ, погонится и за нами Фараонъ, которому мы столько лѣтъ работали. Кто намъ отверзетъ тогда входъ въ землю отцевъ нашихъ, проведетъ насъ черезъ озеро огненное, избавитъ отъ Амореевъ, Амалокитянъ, Моавитянъ, Мадіанитянъ и другихъ многихъ, мытарствующихъ на грозномъ пути нашемъ, защититъ насъ, удовлетитъ, ублажитъ и благословитъ, и «рая паки жители сотворить?» Никто другой, какъ Онъ—*Пасха* наша, *двери райскія намъ*

отверзающая! Онъ—Святый и Истинный, имъйи ключъ Давидовъ,—отверзай, и никто же затворитъ,—затворяй, и ничтоже отверзетъ (Апок. 3, 7.). Его смертію и воскресеніемъ двери райскія снова отверзлись для рода Адамова, и уже никто ихъ не затворитъ!

10. Такими точно врата Рая и видѣлъ пророческимъ взоромъ св. Іоаннъ Богословъ. *И врата его, т. е. великаго града, Іерусалима небеснаго, не имутъ затворитися* (Апок. 21, 25), говорилъ онъ, по *откровенію отъ Іисуса Христа* (Апок. 1, 1.), *свидѣтеля вѣрнаго* (—5). Но то, что въ слѣдъ за симъ говоритъ Тайновидецъ, можетъ въ глубокую печаль повергнуть всякаго, кому дорого царство небесное. Не смотря на то, что *врата* оныя отверсты, и *не имутъ затворитися*, въ нихъ *не имать внити*, говоритъ онъ, *ничтоже скверно, и творяи мерзость и лжу* (—21, 27). Здѣсь то мы и встрѣчаемся съ тѣмъ, что заставляетъ cadaго изъ насъ порознь заботливо подумать о своемъ личномъ отношеніи къ Пасхѣ, волею за всѣхъ закланной. Что, если предъ тѣми вратами придется намъ остановиться, и навѣкъ остаться за ними? *Мерзость и лжа* не суть ли обыденныя явленія нашей грѣшной и преоскверненной жизни?

Чѣмъ же поможетъ тутъ грѣшнику *двери райскія отверзающая, Пасха*? Двери онъ найдетъ отверстыми, да войти скверному во святое мѣсто не позволятъ. Онъ будетъ предъявлять свое право на входъ, — богодарованное право *вѣрнаго*, и обратится съ нимъ къ *Пасхѣ вѣрныхъ*. Но тутъ-то и откроется во всей неотрицаемой и непререкаемой ясности, что чѣмъ болѣе кто назывался вѣрнымъ, тѣмъ менѣе на немъ должно быть нечистоты грѣховной, короче, тѣмъ святѣе долженъ быть онъ, по извѣстному закону божественнаго правосудія: *ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него* (Лук. 12, 48). Иначе: самая вѣра его послужитъ ему въ осужденіе.

Успокойся смущающійся призванникъ Рая! Какъ недостойно христіанина излишнее дерзновеніе, такъ еще болѣе недостойно малодушіе. На всякую болѣзнь грѣха мы имѣемъ у себя готоваго врача и на всякую скверну порока у насъ есть неизсякаемый очистительный потокъ *крови Сына Божія* (1 Іоан. 1, 7). У насъ есть *Пасха, всѣхъ освящающая вѣрныхъ!* Уже мы *освящены есмы принесеніемъ тѣла Христова единою* (Евр. 10, 10). *Единымъ бо приношеніемъ нашъ вѣчный Первосвященникъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ* (—14), бывъ

вѣренъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія; въ немъ же бо пострада, самъ искушенъ бывъ можетъ и искушаемымъ помощи (—11, 17. 18). И вѣренъ призвавый насъ, иже и сотворитъ сіе.—о с в я т и т ъ насъ всесовершенныхъ во всемъ (1 Сол. 5, 23).. Но само собою разумѣется, что не съ тѣмъ содержатся въ словѣ Божіемъ подобныя утѣшительныя выраженія, и не къ тому они направляются съ сей каеодры, чтобы скверный сквернился еще. О, нѣтъ! А напротивъ, единственно съ тѣмъ и къ тому, чтобы святой святился еще (Апок. 22, 11.)! Братія! И отдавая «святую» удержимъ при себѣ ея «святость» на вѣки.

О Пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте и Слове Божій и Сило! Подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ ШЕСТОЙ НЕДѢЛИ ПО ПАСХѢ.

Что стоите, зряще на небо?

Дѣян. 4.

Знаменательные сорокъ дней, предшествовавшіе вступленію Господа нашего Иисуса Христа въ служеніе людямъ, предшествовали и его исходу отъ людей. Великая тайна земной жизни Богочеловѣка скрывается и въ той и въ другой Сорокатицѣ. Но мы не смѣемъ коснуться ея послѣ того, какъ Слово Божіе прешло ее молчаніемъ. Скажемъ о томъ, что не есть тайна. Въ теченіе 40 дней, внимая проповѣди о *царствѣ Божіемъ*, ученики Господа имѣли довольно времени усвоить ее и зрѣніемъ и слухомъ. Одинъ способъ помогаль другому. Небесно-земное, ду-

ховное царство оное начало дѣлаться понятнымъ имъ послѣ того, какъ нѣсколько разъ Учитель ихъ то являлся имъ вдругъ, то дѣлался невидимъ. Они должны были заранѣе приучить себя не видѣть Господа, и думать, что Онъ съ ними,—разлучиться съ Нимъ, и не скорбѣть о разлукѣ. Мы видимъ, что приучили себя довольно. Въ самыя первыя минуты лишенія своего они уже радовались.. Безъ сомнѣнія и благословеніе возносящагося Господа вносило въ сердца ихъ начатки того мира, который Онъ обѣщался *оставить* имъ (Іоан. 14, 28). Безъ сомнѣнія и самое обѣтованіе *Утѣшителя* уже служило имъ утѣшеніемъ. Но, какъ сейчасъ увидимъ, и того и другаго было мало для ихъ полного успокоенія. Они нуждались въ особенной, чрезвычайной помощи, которая могла бы въ первыя же минуты сиротства ихъ увѣрить ихъ, что они продолжаютъ оставаться подъ тѣмъ же, особеннымъ, вниманіемъ и попеченіемъ Божиимъ, какимъ пользовались и при Учителѣ, который видимо оставлялъ ихъ навсегда. Съ неизъяснимымъ чувствомъ должны были они смотрѣть на послѣднее, совершившееся предъ ними, чудо Его, — видѣть, какъ все далѣе и далѣе скрывался Онъ отъ нихъ въ высотѣ не-

бесной, и, конечно, не могли отвести очей своихъ отъ сладчайшаго зрѣлища. Можетъ быть, Его уже и не было видно, но взоръ ихъ еще стремился за Нимъ, еще искалъ Его.. Въ семь общемъ, напряженномъ, вниманіи ихъ къ совершавшемуся неизглаголанному и неизъяснимому, послѣднему таинству Евангелія, вдругъ ихъ поражаетъ голосъ: *мужіе Галилейстїи! Что стоите, зряще на небо?* Какъ?. На небо! Могли бы возразить они, если бы способны были бесѣдовать въ то время. Никто изъ нихъ и не думалъ видѣть неба. Всѣ смотрѣли на Господа, восходившаго *идъже бѣ прежде* (Іоан. 6, 62.). Однакоже Ангельское слово не бываетъ напрасно, а голосъ тотъ былъ голосъ двухъ Ангеловъ, невѣдомо какъ и когда очутившихся между Апостолами. Видно, что Возносившійся не былъ одинъ, когда благословлялъ учениковъ и отступалъ отъ нихъ, и что неболѣстичная гора была наполнена множествомъ иныхъ зрителей, принявшихъ въ завершавшееся таинство Евангелія. Только послѣ нежданнаго сего вопроса, ученики, можетъ быть, дѣйствительно замѣтили, что они смотрять *на небо*. Послѣ сего, если бы они и пожелали еще посмотрѣть на Господа, передъ ними было бы уже одно небо.

Сіе самое небо съ тѣхъ поръ для всякаго ученика Христова стало съ одной стороны *стѣною* между нимъ и Учителемъ, а съ другой — *дверью* къ нему, и сдѣлалось такимъ образомъ двойнѣй достопримѣчательнымъ для христіанина — мыслителя.

1. *Земля и небо* въ словѣ Божіемъ и въ обыкновенной рѣчи человѣческой очень часто принимаются какъ двѣ составныя, и какъ бы равномерныя, части одного цѣлаго для показанія всеобщности бытія, и дѣлятъ такимъ образомъ весь видимый міръ на двѣ половины — верхнюю и нижнюю, *земную и небесную*. При такомъ взглядѣ на вселенную, чѣмъ кажется человѣку небо? Отдаленнымъ сводомъ, со всѣхъ сторонъ объемлющимъ землю, — сводомъ, по сю сторону котораго — нашъ или «сей міръ» съ землею, воздухомъ, облаками, по ту сторону — другой міръ или «тотъ свѣтъ» жилище Бога, Ангеловъ и праведныхъ душъ. Самый сводъ небесный г. обр. представляется уже не небомъ, а только границею неба, его началомъ, за которымъ предполагается нѣсколько степеней высшихъ, до самой высшей, гдѣ *живетъ* Богъ. Сей простой взглядъ на небо и землю, не смотря на то, что вводитъ ихъ, какъ

смежныя и совокупныя части одного великаго цѣлаго въ общій союзъ, полагаетъ между ними непреходимую черту. Какъ граница міра духовнаго, небо не можетъ принимать въ себя ничего тѣлеснаго, а съ другой стороны — какъ граница міра тѣлеснаго, все, идущее изъ *того* въ *сей* міръ заставляетъ принимать чувственный образъ.. Если бы, остано вившись на семъ одномъ понятіи неба, мы, подобно Апостоламъ, устремились взоромъ въ слѣдъ, возносящагося въ высъ небесную, Господа нашего Іисуса Христа, и не имѣли ихъ утѣшенія, съ какимъ нетерпѣливымъ чувствомъ смотрѣли бы на небо, ставшее стѣною между нами и нашимъ Господомъ, закрывающее отъ насъ Бога, и вообще не дающее намъ составить никакого понятія о многотайственномъ будущемъ мірѣ! Но за то какъ просто, ясно и отчетливо отвѣчало бы сіе, распростертое надъ нами, покровомъ, небо на многіе другіе вопросы сердца! Недоступное тѣлесному и умственному зрѣнію, какъ близко и доступно оно было бы взору вѣры! Какъ бы все жило и утверждало, сводило къ порядку и единству! *Судяи одесную Отца. Господь нашъ пріиникалъ бы съ небесе на сыны челоувческія* (Ис. 13, 2.) милостію и правдою и всякою благодат-

ною помощію. Человѣкъ возникалъ бы отъ земли къ Богу любовію, размышленіемъ, говѣніемъ, молитвою, чистотою, святостію—въ ожиданіи часа, когда наступитъ его полное вознесеніе на небо. Чѣмъ раздѣленнѣе так. обр. представлялось бы небо отъ земли, тѣмъ ближе былъ бы къ душѣ христіанской ея Христосъ. Вѣра святая была бы живѣе, любовь теплѣе, надежда вѣрнѣе, чувство благоговѣйнѣе, мысль сосредоточеннѣе, характеръ крѣпче, настоящее спокойнѣе, будущее отраднѣе.. Все было бы хорошо, потому что все было бы опредѣленно и твердо въ душѣ христіанина. Но..

Точно ли земля и небо дѣлятъ собою на двѣ половины вселенную? Долговременное и тщательное изученіе видимаго міра показало, что земля не только половины, но малѣйшей части его, сколько нибудь замѣтной, не составляетъ въ цѣли всего творенія Божія. Свидѣтельство зрѣнія нашего получило другое изъясненіе. вмѣсто «свода небеснаго» представилось одно безпредѣльное пространство, въ которомъ совершаютъ свое теченіе великія свѣтила, гораздо большія нашей земли. Ни начала ихъ сонму, ни конца нельзя ни видѣть, ни знать, ни даже, можетъ быть, предпола-

гать. Земля наша, въ ряду ихъ, оказалась такъ ничтожною, что если бы мы не были земнородными, могли бы вовсе не знать о ней. Въмѣсто половины всего, она стала почти ничѣмъ. Въмѣсто середины міра, ея мѣсто оказалось въ сторонѣ, и даже въ своемъ, такъ сказать, углу ея мѣсто не представляется ни первымъ, ни послѣднимъ, ни среднимъ наконецъ!. При такомъ понятіи о мірѣ, нами обитаемомъ, что должно сказать о небѣ? Можетъ быть, покажется страннымъ, но остается признать, что или неба нѣтъ, или и мы, съ своею землею, на небѣ. Ибо если небо есть только пространство отъ поверхности земной всюду, въ-верхъ, въ безпредѣльность, то и самая земля, конечно, должна быть представляема на небѣ. Нѣтъ никакой ни между чѣмъ границы. То вещество, которое мы видимъ на землѣ, могли бы увидѣть и повсюду, сколько бы ни уносились въ высоту и даль воображаемаго неба. При такомъ всеобъединяющемъ понятіи о мірѣ, повидимому должно бы исчезнуть всякое средостѣніе между нами и Богомъ, и мы ближе должны, т. ск. подойти ко Христу, но выходитъ иначе.. Замѣтившая сводъ небесный, пустота безграничная влечетъ насъ неизбѣжно къ вопросу: гдѣ же то вѣруемое небо, *жилище Божіе*, куда

вознесся Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и гдѣ сидитъ Онъ одесную Бога? Въ той пустотѣ, которую простое зрѣніе принимаетъ за распростертый надъ землею покровъ, должна разсѣяться всякая мысль о н е б ѣ. Съ нею разсѣивается болѣе или менѣе и наша живая и оживляющая вѣра во все н е б е с н о е, на мѣсто которой также является въ душѣ безграничная, безвидная, безкачественная, безпредметная пустота. Въ этомъ случаѣ видимое нами небо становится дѣйствительнымъ средостѣніемъ между нами и Иисусомъ Христомъ. Не говоримъ болѣе. Кто привыкъ раздроблять небо частными наблюденіями, и вѣрить болѣе въ свой разумъ, нежели въ Божію невоспостижимость, тотъ знаетъ, какая бездна отдѣляетъ благую, свѣтлую, теплую, утѣшительную вѣру въ богочеловѣчество Христово отъ страшнаго своєю пустотою и тьмотою, холоднаго, безчувственнаго, отчаяющаго неба звѣздочетцевъ.

Братія! что стоите, зряще мысленно на небо? Небо такъ много говоритъ сердцу въ то время, какъ мы его не знаемъ, и отказывается вовсе говорить, когда мы начинаемъ понимать его! Небо, взявшее отъ очей Апостоловъ Господа Иисуса, ищетъ взять какъ бы его и отъ нашего ума! Не-

бо, предназначенное *послать славу Божию*, вводится въ необходимость утанть славнѣйшее для насъ, дѣло Божіе—возстановленіе нашего богоподобія. Небо, къ которому мы такъ часто возводимъ молитвенный взоръ и возносимъ молитвенный вздохъ, отзывается на теплѣйшее устремленіе души бездушною и безчувственною пустою! Чего намъ ждать отъ него? Чего искать, въ самомъ дѣлѣ, отъ такого неба? Должно ли, не смотря на свидѣтельство науки, представлять его, въ соотвѣтствіе простому взгляду, другимъ міромъ, царствомъ небеснымъ, чтобы не охладить вѣры, или, не смотря на чаяніе сердца и на призывъ вѣры, признавать его пустою, чтобы не уничижить науки? Искать, братія, чтобы чѣмъ вѣрнѣе мы будемъ узнавать его, тѣмъ ближе оно сходилось съ вѣрою, —чтобы оно не было ни въ какомъ случаѣ ни мнимымъ, ни дѣйствительнымъ средостѣніемъ между нами и Христомъ, какъ оно не было таковымъ въ преславную минуту вознесенія Христова. Какъ же это сдѣлать?

Во 1-хъ, той границы міровъ видимаго и невидимаго, которой не напрасно такъ упорно ищетъ глазъ и такъ томительно чаеетъ сердце человѣка, не отрицать, а искать все далѣе. и далѣе, — да-

лѣе всего, что доступно вооруженному всяческимъ искусствомъ опытному познанію.

Во 2-хъ, не держаться рабски той мысли, что малое есть вмѣстѣ и маловажное, неглавное есть вмѣстѣ и несущественное, ибо и то и другое есть равно дѣло Творческой воли, неизвѣстно гдѣ, и въ чемъ положившей свою окончательную цѣль.

Въ 3-хъ, величія Божія не измѣрять по человѣческимъ, и притомъ одностороннимъ, понятіямъ, — изумлявая предъ непостижимыми дѣлами творенія, не менѣе того благоговѣть и предъ неизслѣдимыми путями промысленія Божія.

Въ 4-хъ, не гаданіемъ и соображеніемъ повѣрять дѣйствительно бывшее, а на судъ дѣйствительнаго призывать только достовѣрные и несомнѣнные выводы здраваго разума.

Въ 5-хъ, наконецъ, имѣть всегда нѣкоторую степень недоувѣрія и къ выводамъ разума, какъ и вообще къ тому, что человекъ думаетъ, и какъ бы неизбежно нудится думать, о вселенной, зная только малую часть ея и ту — внѣшнимъ образомъ.

При такомъ смиренномъ и осмотрительномъ взрѣніи на небо, оно не переставетъ быть для насъ все тѣмъ же небомъ, и носящаяся въ немъ мысль наблюдателя не возвратится въ ковчегъ свой не

вашедши ничего. Господь Богъ не только будетъ на небѣ, но все небо явится, въ соотвѣтствіе словамъ Его, однимъ Его *престоломъ* (Ис. 66, 1.), и ограниченная мысль устыдится спрашивать: гдѣ же именно, въ какой части неба пребываетъ Господь? Здѣсь задача науки оправдать вѣру. Отнимая у зрѣнія сводъ небесный, она въ тоже время открываетъ уму невозбранный доступъ въ неисходимыя области небесныя, и заставляетъ лучше и очевиднѣе понять безмѣрное величіе Божества, всюду присущаго въ своей твари и всюду имѣющаго при себѣ небо. Такимъ образомъ высокая оная пограничная черта, которая отдаляла бы Бога отъ земли на столько, на сколько способно къ тому воображеніе, при лучшемъ уразумѣніи неба, приближается къ землѣ до того, что не кажется удивительнымъ, какъ святые люди въ восторгѣ духа, не отрѣшаясь отъ тѣла, досязаютъ *до третіяго небесе* (2 Кор. 3, 12), какъ съ земли видятъ самаго *Господа Иисуса, одесную Бога стояща* (Дѣян. 55, 7.), и почему всѣмъ христіанамъ заповѣдано на всякомъ мѣстѣ земли призывать въ молитвѣ *Отца, Иже на небесѣхъ* (Мат. 9, 6). Сведеніе неба на землю воплощеніемъ Бога Слова и возведеніе земнородныхъ на небо доступнѣе разумѣ-

нію человѣка, не признающаго никакого средостѣнія между всѣмъ, что онъ видитъ и не нуждается думать, что вещество земное недостойно неба и противно ему. Самая томительная, и невмѣстимая для ума, мысль пребыванія Бога въ одно и тоже время на землѣ, въ образѣ человѣка, и на небѣ, въ неописанности Божества, дѣлается для него болѣе легкою и удобопріемлемою. Наконецъ, вознесеніе Іисуса Христа на небо и вѣчное пребываніе Его съ нами на землѣ до такой степени уясняется, что исполнявшая Апостоловъ радость не кажется неестественною. И снова все приходитъ въ порядокъ и стройность, но уже съ болѣею полнотою и отчетливостію. Земля и небо суть уже не только одна, но и одна и та же обитель Божества. Человѣкъ оказывается живущимъ съ Богомъ и предъ Богомъ, и самое *жительство* его указывается *на небесахъ* (Фил. 21 3.), Евангеліе, послѣ сего, не отдѣляется отъ жизни, жизнь отъ науки, наука отъ богопочтенія и т. д. Обыденный ходъ жизни дѣлается важнымъ, возвышеннымъ и какъ бы торжественнымъ. Послѣдняя участь людей менѣе страшитъ боязливую и страстную плоть, а любознательному духу и прямо кажется вождельною. Такъ. Чѣмъ болѣе созер-

цаешь небо, тѣмъ менѣе видится самое небо, в чѣмъ далѣе отодвигается предѣлъ земнаго, тѣмъ ближе становится къ намъ Возшедый *превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* (Еф. 4, 10).

2. Съ тѣхъ поръ, какъ ученики Иисуса Христа въ первый разъ искали Его взоромъ въ небѣ, для всѣхъ людей, для всѣхъ временъ и мѣстъ еще болѣе стало законнымъ и безъ того всѣмъ общее, убѣжденіе, что Богъ *живетъ на небѣ*, гдѣ и слѣдуетъ искать Его. Повсюдный опытъ согласно свидѣтельствуеть, что человѣкъ, обращаясь сердцемъ къ Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно обращается взоромъ къ небу. Небо для насъ есть первый, и какъ бы необходимый, представитель и глашатай Божества. И человѣкъ, по непонятному вѣкоему побужденію, придаетъ ему это самое значеніе, и само небо какъ бы также, въ свою очередь, выдаетъ себя съ перваго раза за тоже самое. Между человѣкомъ и небомъ, кромѣ стихійной, есть еще другая, болѣе глубокая, связь, это связь молитвеннаго обращенія съ одной и благоволятельнаго вниманія съ другой стороны. По небу, какъ по лѣствицѣ, восходить мысленно человѣкъ всякій разъ, какъ пожелаетъ быть услышаннымъ отъ Бога. Бога, какъ существо все-

высочайшее, естественно не искать нигдѣ, какъ только наверху, и слѣд. не на землѣ. Земля, родившая, носящая, питающая насъ, непреодолимо влекущая къ себѣ, печатлѣющая своимъ образомъ, опутывающая духъ нашъ неразрѣшимыми сѣтями нашихъ тѣлесныхъ потребностей, часто не производитъ въ душѣ нашей ничего, кромѣ тяжести и томленія: и сердце отдыхаетъ только тогда, когда взираешь на небо, читаешь его древнія письма, слушаешь его чудное повѣданіе, исчезаешь въ его необъятности и забываешь свою ограниченность, слабость и брэнность. Все, все въ немъ восторгаетъ насъ, и заставляетъ съ сожалѣніемъ думать: почему мы не тамъ? Какъ должно быть хорошо тамъ! Но гдѣ: тамъ, объ этомъ всего менѣе думаемъ, ибо совершенно увѣрены, что тамъ значить: *на небѣ*, а на небѣ значить: *у Бога*. Но..

Здѣсь-то насъ и останавливаетъ холодный и не увлекающійся разумъ. Онъ находитъ, что еслибы мы и получили возможность воспарить туда, куда съ такою охотою стремится взоръ и вздохъ молитвенный, все сомнительно, чтобъ были *тамъ*, т. е. на небѣ, у Бога; ибо видимое нами: *тамъ* есть одинъ только призракъ. Столь великолѣпный

видъ неба есть не болѣе какъ обманъ зрѣнія, говорятъ намъ отъ имени науки — что на самомъ дѣлѣ нѣтъ тамъ ни свода, ни лазури, ни даже радующаго дневнаго свѣта, а только одна повсюдная, безпредѣльная, глубочайшая тма, кое гдѣ освѣщаемая неугасимыми искрами, то есть, весьма отдаленными свѣтилами, подобными солнцу, Но если и видимый кругъ, и цвѣтъ и самый свѣтъ небесный, есть обманъ, то не обманъ по крайней мѣрѣ — тма. Довольно и сего. Значить, выше, или точнѣе, далѣе земли есть область безконечно-великая недоступная человѣческому взору, назовемъ ли ее мракомъ, или свѣтомъ, все равно. Отъ имени истины мы утверждаемъ, что эта самая премірная область и есть небо. И чѣмъ оно повсюднѣе, безпредѣльнѣе и безвиднѣе, въ нашихъ представленіяхъ тѣмъ болѣе подходитъ къ христіанскому понятію неба, — къ небу — жилищу Бога неописаннаго, невмѣстимаго, никакому подобію не подобнаго (Ис. 18, 40). Что же такое сія глубокая лазурь дня, сей мракъ ночи, сіи изумляющіе милліоны солнць, никакого отношенія не имѣющіе ни къ нашему дню, ни къ нашей ночи? Слабыя и неясныя черты Божества, — тусклый для взора, но свѣтлый для ума, обликъ

Вседержителя, для насъ начертанный, насъ вразумляющій, насъ зовущій, влекущій отъ тѣсноты въ пространство, отъ частныхъ — къ цѣлому, отъ преходящаго — къ вѣчному бытію. Потому влечетъ къ себѣ насъ небо, что имъ свидѣтельствуется высочайшій, чистѣйшій, совершеннѣйшій, нетлѣнный и неизмѣнный, единый претлаженный Богъ, Котораго присно чаесть и ищетъ духъ нашъ, — потому, что ему приписывается и въ немъ ищется и имъ объясняется тайна жизни обитаемаго нами міра и насъ самихъ, — потому, наконецъ, что оно есть видимый источникъ множества естественныхъ явленій, въ которыхъ усматривается персть милующаго или карающаго Промысла Божія, — однимъ словомъ: потому, что въ понятіяхъ нашихъ Богъ нашъ есть *Богъ небесный* (Пс. 26, 135. Мат. 48, 5.). Не даромъ и такое понятіе. На землѣ, слишкомъ грубой, дробной, измѣнчивой, близкой и какъ бы уже до конца извѣстной намъ, труднѣе видѣть совершенства Божіи въ богоприличныхъ очертаніяхъ, по крайней мѣрѣ не легко видѣть ихъ тому, въ чьихъ мысляхъ земное и смертное, земное и грѣшное, земное и человѣческое привыкли сочетаваться въ одно представленіе. Теперь, чѣмъ далѣе мы идемъ

отъ земли, тѣмъ ближе думаемъ приходитъ къ Богу, потому что чѣмъ менѣе видимъ передъ собою частнаго и многообразнаго, тѣмъ болѣе способны созерцать Единаго. Сущій повсюду, слѣд. и на землѣ, Господь Богъ пребываетъ или *живетъ*, т. е. въ наибольшей полнотѣ боголѣпія является дѣйствующимъ, не въ предѣлахъ той или другой части земли, а во всеобщности своего творенія, которую по преимуществу выражаетъ для насъ небо. Когда благоугодно Ему бывало и у насъ на землѣ явить себя живущимъ, Онъ обыкновенно облакался въ нашъ земный образъ, и изъ безпредѣльности небесной вступалъ къ намъ въ видѣ доступномъ земнымъ существамъ. Совершивъ дѣло своего благоволенія, снова явился удаляющимся въ небо и исчезающимъ въ немъ. Не одни Апостолы стояли въ изумленіи, или томленіи, *зряще на небо*. Весь Ветхій завѣтъ смотрѣлъ на небо, ища въ немъ живаго Бога, потому что многократно видѣлъ Его приходящимъ съ неба, и восходящимъ на небо. И тогда оно, какъ жилище Божіе, влекло къ себѣ людей—еще закрытое, еще заключенное, съ тѣхъ же поръ, какъ стало *отверсто надъ Сыномъ чловѣческимъ* (Іоан. 1, 51), и приняло Его въ себя, оно непрестанно

и неумолкаемо всѣхъ насъ зоветъ во слѣдъ Его, въ себя, какъ въ нашу область, нашу собственность, — въ наслѣдіе всѣхъ сыновъ человеческихъ. Куда: *въ себя*? — оно опять не говоритъ прямо, но ясно даетъ разумѣть, что «въ себя» для насъ, значить: отъ земли, отъ всего нашего, здѣшняго, отъ теперешняго. И дѣйствительно, кто, живя тѣломъ на землѣ, духомъ постоянно стремится отъ земли, для того есть возможность быть увлеченнымъ въ небо. Свидѣтельствомъ сему служатъ Энохъ, Илія, Павелъ и множество другихъ тайновидцевъ, болѣе или менѣе возносившихся отъ земли въ безвѣстное намъ небо.

Братія! *Что стоите, зряще* очами мысли вмѣстѣ съ самовидцами вознесенія Господня на небо, котораго нельзя ни узнать, ни войти, ни достигнуть? Что это за небо, которое видится намъ только подъ образомъ непроницаемой и нескончаемой тмы? Что это за рай, въ которомъ ничего не предполагается, кромѣ неисчетнаго множества такихъ же міровъ, какъ обитаемый нами? И какая это лѣствица къ Богу, которая поставлена только какъ бы для вида, для показа, и дѣйствительнымъ образомъ не возводитъ никого? Однакоже, христіане, неложно — слово Христово:

идъже есмь Азь, ту и слуга Мой будетъ (Иоан. 12. 26). Христось вознесся на небо; слѣд. вознесемся и мы туда же. Если не бываетъ сего вознесенія нашего при жизни, то, значитъ, оно будетъ послѣ жизни. И точно, для него инаго пути и инаго способа не можетъ и быть, какъ указанный въ Самомъ Себѣ Господомъ нашимъ, глашающимъ въ слѣдъ себя своихъ слугъ, — Господомъ, умершимъ, воскресшимъ и вознесшимся. И такъ съ смертію должно открыться намъ, что такое небо, что—земля, и что—мы сами съ своимъ таинственнымъ тѣломъ и, еще болѣе таинственнымъ, духомъ. Только смерть въ состояніи разрѣшить томящую загадку бытія вѣчнаго въ бытіи конечномъ, и только ея поражающее явленіе можетъ нѣсколько сблизить мысль нашу съ тѣмъ, на что никакого повидимому примѣра не представляетъ свидѣтельство жизни, а именно съ представленіемъ безграничности небесной, объединяемой, оживляемой, носимой и движимой Вѣчнымъ Духомъ, не мыслимымъ безъ ограниченныхъ представленій ума, воли, силы. Ощущью ходящій, разумокъ готовъ бываетъ иногда спросить: какое понятіе выше, понятіе ли о безпредѣльномъ мірѣ (т. е. небѣ), или о Богѣ, въ опредѣлимости представляемомъ

и дѣйствующемъ? Смерть научаетъ, что вещество въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе духа, какъ протяженное но въ то же время менѣе его на столько, что безъ него оно—ничто. Но не смерть, какъ прекращеніе бытія, а смерть, какъ начало инаго бытія, собственно учитъ насъ о небѣ. Ибо къ чему мы готовимся, ожидая разрѣшенія тѣлеснаго состава? Что разумѣемъ подъ безсмертіемъ и чѣмъ представляемъ себѣ вѣчную жизнь? Не бытіемъ ли безъ границъ пространства и времени? Не преобразованиемъ ли существа своего въ духъ, не подходящій ни подъ одинъ образъ чувственнаго представленія? Не совокупнымъ ли, блаженнымъ, созерцаніемъ всего, что есть—Божіе? Припомнимъ слова Господа, предварившія Его вознесеніе на небо: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.* (Мат. 28, 18.) *Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, къ Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Онъ говорилъ это, какъ человѣкъ, ибо, какъ Богъ, *всяку власть имѣлъ на небеси* отъ вѣка, или, лучше, прежде вѣка, и Самъ никогда не отлучался отъ неба. Припомнимъ, что и о насъ сказано: *въ мѣ, яко подобни ему, будемъ* (Іоан. 3, 2). Да! Смерть есть великая и всеоткрывающая тайна. Стоя на границѣ временнаго и вѣчнаго, призрач-

наго и дѣйствительнаго, вещества и духа, она служить теперь намъ дверью въ небо. Разрѣшая насъ отъ покрововъ плоти, держащихъ душу нашу въ неизбѣжномъ ослѣпленіи на счетъ всего почти, или, по крайней мѣрѣ, весьма многого, что подлежитъ нашему вѣдѣнію, она даетъ намъ мгновенное прозрѣніе, — въ самомъ ествѣ нашемъ открываетъ таящуюся безпредѣльность. Одинъ мигъ, и тоже самое мѣсто земли превращается для насъ въ небо. Высокое и далекое, различаемое и отдѣляемое теперь, оно, по смерти нашей, должно намъ показаться совсѣмъ инымъ. И мнимая предѣльность и предполагаемая безпредѣльность, и частность и общность его должны исчезнуть. Съ минутою послѣдняго дыханія нашего, мы выйдемъ изъ области земли и окружающаго ее призрачнаго неба, и вступимъ въ истинное, теперь невысказанное, небо, и неудержимо повлечемся по его невѣдомымъ степенямъ туда гдѣ все умершее человѣчество, и гдѣ глава—его, Иисусъ Христосъ, *Перворожденный изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18). Много чуднаго и страшнаго встрѣтитъ на пути семь трепетная душа. На тѣхъ степеняхъ насъ ожидаетъ особенная *власть*, которую (небошественникъ) Апостоль обозначилъ

подъ именемъ *воздушной* (Еф. 2, 2), *дѣйствующей и нынѣ* на землѣ *въ сынѣхъ* *противленія* (—),—власти злой и враждебной намъ (—6 2—13), держимой особымъ княземъ съ сонмомъ, единомысленныхъ ему, *духовъ поднебесныхъ* (—). Сія власть будетъ истязывать возносящуюся на небо душу, привязываясь къ ней, какъ своей собственности, — своему, по праву владѣемому, достоянію, и возбранять ей входъ на небо, или на ту степень дома Отца (Іоан. 14, 2.) *небеснаго*, на которой находятся, уготованныя намъ, *обитатели многи* (—). Болѣе о семъ *нерадостномъ поднебесіи* мы не знаемъ ничего. Равно намъ невѣдома и та *принебесная* область, въ которой умершіе въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной будутъ ожидать втораго пришествія Господня на землю. Чтобъ быть и слугѣ тамъ, гдѣ есть Господь его (— 12, 26), надобно, чтобъ и слуга не только умеръ, но и воскресъ, какъ воскресъ Господь. Для сего обѣщано человѣчеству въ неизвѣстномъ будущемъ второе сѣшествіе Сына Божія на землю, *имѣ же образомъ* оно видѣло Его, *идуща на небо* (Дѣян. 1. 11). Приближеніе грядущаго судіи живыхъ и мертвыхъ *во власть Архангеловъ и трубъ Божіей* (1 Сол. 4, 16) потрясетъ

и разрѣшить составы земли. Послѣдуетъ всеобщее освобожденіе, возвращеніе и преобразование жизни. *Все сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавше, оживутъ* (Іоан. 5, 25), *и встанутъ нетлѣнни* (1 Кор. 15, 52). Всѣ живые того послѣдняго дня въ то же время измѣнятся, и всѣ вмѣстѣ *восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Его на воздухъ* (1 Сол. 4, 17). Всѣ вознесемъ, преобразенные и прославленные, подобно Ему *въ самое небо* (Евр. 9, 24), *небо новое* (2 Петр. 3, 13. Апок. 21, 1.), *и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. 4, 17).!

Ей, гряди скоро: аминь.

Ей, гряди Господи Іисусе! Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СЕДМУЮ ПО ПАСХѢ.

*И на семь каменн созидю Церковь Мою
и врата адава не одолють ей.*

Мат. 16. 18.

Въ навечеріе дня спасительнаго страданія своего, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, молясь къ Богу Отцу о избранныхъ Имъ отъ міра во всемірное свидѣтельство Новаго завѣта, такъ зывалъ: *Отче святыи! Соблуди ихъ во имя Твое.. Егда бѣхъ съ ними въ міръ, Азъ соблюдахъ ихъ.. Нынѣ же къ Тебѣ иряду, и сіи въ міръ суть.. и міръ возненавидѣ ихъ.. Да соблюдеши ихъ отъ непрязни (Іоан. 17.)!* И такъ, еще при жизни самаго началосовершителя Вѣры нашей представлялась горестною участь вѣрующихъ! Въ такомъ

печальномъ видѣ изображается намъ въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи первое общество христіанское, названное отъ Великаго Пастыря *малымъ стадомъ* (Лук. 12, 32). — Другое чтеніе (Апостольскихъ Дѣяній) представило намъ сихъ вѣрующихъ уже не малымъ, начинающимся обществомъ, а церковь, распространенную далеко по языческому міру, но также и показало, что предреченная Господомъ участь шла за ними. *Внимайте себѣ*, говорилъ Апостоль Павелъ пресвитерамъ Ефесской Церкви, *и всему стаду. Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ видуютъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящии стада. И отъ васъ самыхъ восстанутъ мужіе, малолющии развращенія, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе. И нынѣ предаю васъ, братія, Богови* (Дѣян. 20, 28 — 32).—Еще одно, утреннее чтеніе (Синаксарь) нынѣшняго дня, объясняющее значеніе его, изобразило передъ нами въ новомъ видѣ состояніе тѣхъ же вѣрующихъ во Христа, когда они составляли собою уже не только Церковь, но и союзъ множества Церквей, входившихъ какъ совокупныя части въ единое безмѣрное и нечетное цѣлое—Царство Божіе, распространившееся во всѣ концы вселенной. Созваніе

Императоромъ всемірной державы первостоятелей Церковныхъ въ одинъ лигъ говорило, что малое оное зерно *горушное* возрасло уже въ древо великое (Мат. 3, 32). Но поводъ къ сему собранію продолжалъ свидѣтельствовать, что ненависть міра не оставляетъ въ покоѣ вѣрующихъ, что среди *добраго съмени*, сѣяннаго на нивѣ Божіей, возрасли и *вражіи плевелы* (— — 25), и что *непріязнь* она, предреченная Спасителемъ, дѣйстви-тельно привлекла, по прореченію Апостольскому, къ стаду Христову *лютыхъ волковъ*. Много уже изъ нѣдръ самой Церкви возникло враговъ ея жестокихъ и упорныхъ, но лютѣ всѣхъ ихъ былъ тотъ челоукообразный волкъ, для отогнанія котораго отъ смущеннаго стада равноапостольный попечитель Церкви вынужденнымъ нашелся созвать *первый Вселенскій Соборъ*.

Кто къ дневнымъ чтеніямъ церковнымъ при-совокупитъ чтеніе повѣствованій о судьбѣ Церкви Христовой въ теченіе всѣхъ вѣковъ бытія ея, и свѣ-рить ихъ съ тѣмъ, что видитъ самъ въ свое время, тотъ не можетъ не пожелать разрѣшить себѣ три существенные въ дѣлѣ вѣры его вопроса: что такое церковь Божія? кто такой врагъ ея? и какъ у Церкви можетъ быть врагъ, когда глава ея—Господь?

1. Сотворившій *отъ единыхъ крове весь языкъ чловѣчь* (Дѣян. 17, 26) благоволилъ, чтобы единокровные были и единомысленны. Спаситель чловѣковъ все дѣло своего служенія предъ устроилъ къ тому, *да будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16), *да вси едино будутъ* (— 17. 21.). Въ начатокъ сего единенія въ Немъ (—) и во имя Его (Мат. 18. 20), Онъ избралъ сперва 12, а потомъ 70 учениковъ и послѣдователей своихъ, которые должны были своею проповѣдію *привести всѣхъ людей въ познаніе единого истиннаго Бога, и его же послалъ Богъ — Отецъ, Іисусъ Христа* (—3), сдѣлать всѣхъ земнородныхъ единомысленными братьями одного семейства, отецъ котораго Богъ. Сіе первоначальное христіанское общество самъ Господь уподобительно назвалъ *стадомъ* (Мат. 26, 31. Лук. 12, 32. Іоан. 10, 16), чѣмъ и обозначилъ навсегда характеръ своей Церкви, характеръ полного единомыслия и совершеннаго послушанія пастырю. Малое при жизни Іисуса Христа, сіе стадо, по вознесеніи Его на небо, стало размножаться день ото дня съ такою быстротою, что вскорѣ на самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ, извѣстной въ то время земли, появились христіане. Стадо расло и увеличивалось, а Пастыря

оного единаго на землѣ уже не было. Совершивъ спасительное дѣло примиренія нашего съ Богомъ, и положивъ основанія царству Божію, Онъ скрылъ себя отъ взоровъ нашихъ, даровавъ намъ вмѣсто Себя въ руководителя своего Духа, единаго во всѣхъ, — съ тѣмъ, чтобы наставляемые симъ невидимымъ учителемъ, мы не имѣли причины жалѣть объ отсутствіи видимаго, и, свободно, безъ побужденій внѣшнихъ, влекомые къ Богу, приготовляли себя въ единый и всеобщій, одушевленный *храмъ* божества (1 Кор. 3, 16, 17. 2 Кор. 6, 16.) Вмѣсто внѣшняго, ограниченнаго, видимаго правителя, Церковь Христова получила так. обр. *наставника* (Іоан. 16, 13) и *Учителя* (—14, 26) невидимаго, повсюднаго, постояннаго, внутренняго, въ насъ самихъ пребывающаго (— — 17), вся подающаго, вся совершающаго, спослушествующаго намъ (Рим. 8, 16), вопіющаго въ сердцахъ нашихъ (Гал. 4, 6), живущаго въ тѣлѣ нашемъ (1 Кор. 4, 19), глаголющаго въ насъ (—12, 3), вздыхающаго съ нами (Рим. 8, 26).. Отъ сего живодательнаго Пастыря всѣ пасомые принимаютъ, каждый, благопотребныя ему дары, или *силы къ животу и благоднестію* (2 Петр. 1, 3), на коихъ и зиждется все

благоустройство христіанскаго общества. Но какъ принимаютъ? гдѣ? когда? и чрезъ кого? Вопросъ сей имѣеть чрезвычайную важность. Онъ значить слѣдующее: когда въ Церкви нѣтъ видимаго пастыря, и когда невидимый дѣйствуетъ невидимо, а между тѣмъ Церковь видимая требуетъ и пасенія видимаго, то гдѣ же искать для нея видимаго пастырства? Было время, когда въ отвѣтъ на это можно было указать на Апостоловъ, коимъ ввѣрены были отъ самого Пастыря—учредителя судьбы Церкви. Они были видимыми преемниками Его и слѣд. пастырями въ искомомъ смыслѣ. Когда же не стало и Апостоловъ, кто долженствовалъ быть ихъ преемникомъ? Естественно отвѣчать: тотъ, кому они передали право своего пасенія. А они передали его Епископамъ.

Внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею (Дѣян. 20, 28). Сего ради оставихъ тя въ Критъ, да недокончанная исправшии, и устроиши по всѣмъ градомъ пресвитеры, якоже азъ тебѣ повелѣхъ (Тит. 1, 5). Вотъ что говорилъ и писалъ Апостоль языковъ, имѣвшій умъ Господень (1 Кор. 12, 16) и получившій десницы об-

щенія другихъ Апостоловъ (Гал. 12, 9.) Епископы избранные и поставленные Апостолами, въ свою очередь передали долгъ и право пастырства другимъ Епископамъ, другіе — третьимъ и т. д. Въ Церкви Христовой так. обр. всегда и на всегда существуютъ пастыри; и навсегда она будетъ имѣть, по мысли и волю Господней, образъ пасомага стада, постоянно и непрерывно удовлетворяемаго во всѣхъ своихъ духовныхъ потребностяхъ пасущими. Но единая Церковь можетъ ли быть единична при многихъ пастыряхъ? Мы имѣемъ полное право сказать на это, что единый Духъ Святой можетъ открывать Себя только одинаково во всѣхъ, движимыхъ Имъ, пастыряхъ. Впрочемъ примѣръ самихъ Апостоловъ заставляетъ насъ дополнить отвѣтъ нашъ нѣсколькими поясненіями. Мы видимъ, что самовидцы и самослышатели, наперсники Единаго Пастыря, съ такою славою, въ такомъ обиліи принявшіе Духа Святаго, расходились въ мнѣніяхъ своихъ относительно нѣкоторыхъ предметовъ. (Гал. 2, Дѣян. 15). Что же это значить? То, что Духъ Святой не дѣйствуетъ стѣснительно на духъ человѣческой; *не ктому васъ глаголю рабы* (Іоан. 15, 15) говорилъ Господь ученикамъ

своимъ, и то,— что посланный Имъ Духъ Святыи не есть *духъ работы* (Рим. 8, 15), но, *идъже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17.), говорить духоносный ученикъ Христовъ. А свобода предполагаетъ собственную, самоначальную, дѣятельность духа человѣческаго, на тотъ конецъ и искупленнаго и облагодатствованнаго, чтобы какъ можно болѣе уподобиться Тому, въ чей образъ мы созданы. И такъ, гдѣ усиленнѣе, и такъ сказать прямѣе, влечется къ Богу духъ человѣческій, тамъ сильнѣе и, можно сказать непосредственнѣе, дѣйствуетъ Духъ Божій, а, естественно, сего влеченія—болѣе *въ двухъ или трехъ, собранныхъ во имя Христова* (Мат. 18, 20), нежели въ одномъ, хотя равноправно, но не равномерно духоносномъ, Христіанинѣ. Понятно потому, отчего въ самыя преисполненныя благодати, времена Апостольскія дѣло всей Церкви требовало, по признанію самихъ Апостоловъ, ихъ совокупнаго или *соборнаго* обсуждения. Симъ совершеннѣйшимъ способомъ дознанія божественной истины, и Господу Богу вполне приличнымъ и для человѣка вполне благонадежнымъ, достигается возможность, всей Церкви *слышать* правительственный *гласъ* ея *единого Пастыря* (Іоан. 10, 16.).

Боговнушенный способъ сей доставилъ Церкви и то великое торжество ея, котораго воспоминаніе мы нынѣ празднуемъ, т. е. торжество перваго Вселенскаго собора Церковныхъ пастырей.

И такъ Церковь есть общество вѣрующихъ во Христа, управляемое соборомъ Пастырей, поставленныхъ и поставляемыхъ Пастыреначальникомъ в главою Церкви Исусомъ Христомъ. Намъ, православные братья, воспитаннымъ при источникахъ божественной истины, по благоволенію Божію, выпала блаженная доля и видѣть и знать и составлять Церковь Христову именно такъ, какъ это могло и долженствовало быть по установленію Господнему. Оттого намъ и не кажется почему нибудь особенно замѣчательнымъ то, что требовалось сказать о Церкви. Между тѣмъ, за предѣлами благословеннаго отечества нашего, въ наибольшей части Христіанскаго міра, заговорить такъ, какъ мы говорили о Церкви и церковномъ пастырствѣ, значило бы вызвать слушателя на самое живое и жаркое состязаніе. Тамъ, закрывши святое Евангеліе, будутъ настаивать, что Церковію назначень и уполномочень управлять одинъ только изъ вѣрующихъ, и что онъ есть именно сей, а не другой кто. Тамъ, закрывши священ-

ную лѣтопись христіанства, будутъ увѣрять, что богопоставленнаго преемства пастырскаго вовсе нѣтъ, и быть не должно въ Церкви, и что всякій можетъ быть пастыремъ, кто умѣетъ, или будетъ признанъ способнымъ, пасти... Тамъ, закрывши наконецъ совѣсть, будутъ утверждать, что всѣ вѣрующіе суть вмѣстѣ и пророки и учителя, и что кто лучше, или чаще, учитъ, тотъ и пастырь... Сказать ли, что тамъ же, закрывши уже глаза, пожалуй будутъ пустословить, что Церковь теперь можно и не считать стадомъ, и что настало время, въ которое можно обойтись безъ всякихъ пастырей?... Ахъ, чего не наскажетъ ложь, когда она вообразить, что истины нѣтъ на свѣтѣ.

2. Кто же осмѣливается примѣшивать къ дѣлу Божію дѣло страсти, ослѣпленія, неразумія, зложелательства? В р а г ъ Церкви. Кто сей врагъ, столько дерзкій, что осмѣливается бороться съ Богомъ, и столько сильный, что, повидимому, успѣваетъ въ борьбѣ? По слову Господа, сей врагъ есть *діаволь* (Мат. 13, 39). Діаволомъ мы называемъ то духовное существо, которое увлекшись гордымъ самомнѣіемъ, создало, раскрыло и утвердило въ себѣ источникъ зла, и

стало въ необъяснимое для ума нашего, вѣчное противленіе Богу. Какое дѣло діаволу до Церкви? Такое же, какое, въ нашемъ маломъ кругу жизни, у злодѣя—до людей добрыхъ, дѣло зложелательнаго вовлеченія другаго въ погибель, злорадостнаго посмѣванія простотѣ и слабости жертвы. Злой естественно сочувствуетъ злему, а добраго отвращается, и потому, или преслѣдуетъ его, или совращаетъ. Діаволь желалъ бы видѣть всѣхъ такими, каковъ онъ самъ,—не только испавшимися изъ Царства Божія, но и воставшими на Бога. Съ этими мыслями онъ устремился на Церковь Божію въ самомъ началѣ бытія ея. Его первыя слова людямъ были: *будете, яко бози* (Быт. 3, 5.). Помраченный смысломъ воображалъ, что и для всѣхъ можетъ показаться также вождельнымъ стать богами, какъ это казалось ему. Но чловѣкъ, только что вкусившій вседостаточное благо жизни разумной, свободной, безпечальной, только что начавшій сознавать всю неисчерпаемую глубину любви и щедроты Отца, воззвавшаго его къ бытію, не въ состояніи былъ понять предлагаемое ему діаволомъ мнимое блаженство противленія Богу, однакоже на минуту забылъ о Богѣ. Внѣшность грѣхоспаденія чловѣческаго обманула *отца лжи*

(Иоан. 8, 44). Онъ счелъ забвеніе за презрѣніе, увлеченіе за намѣреніе, и назвалъ человѣка своимъ союзникомъ. Безъ сомнѣнія очень скоро увидѣлъ врагъ, что онъ ошибся въ человѣкѣ, но доволенъ былъ и тѣмъ зломъ, которое посѣялъ. Убѣдившись, что новый грѣшникъ, если по слабости и не способенъ стать противъ Бога, все же, думалъ, онъ можетъ сдѣлать это по неразумію. Не часъ и не день нужны для того, чтобы переслѣдить и изслѣдить всѣ извороты *глубинъ Сатаниныхъ* (Апок. 2, 24), обстоявшихъ Церковь святыю въ теченіе столькихъ вѣковъ бытія ея. Довольно сказать, что не только переиспытано было надъ людьми все, что казалось нужнымъ и возможнымъ помраченному, злокозненному духу, но и многократно повторено одно и тоже. Минута плачевнаго забытія Адамова пала сѣменемъ глубоко въ сердце его потомства, и люди вскорѣ дошли до того, что оставили Бога, осуетившись дѣлами плоти. Но діаволь долженъ былъ увидѣть, что сердце человѣческое глубже глубинъ его. Вышло иное, нежели чего онъ ожидалъ. Оставить Бога значило не думать о Немъ, а востать на Бога значить постоянно носить въ себѣ тяготящую мысль о Немъ. Не думавшаго стоило

только навести на мысль, чтобы онъ опять обратился лицомъ къ истинѣ. И Богъ—навель.. Послѣ потопа, столько поучительнаго и для человѣка, и, конечно, для діавола, послѣднему естественно было измѣнить погибельный планъ своей лжи. И онъ это сдѣлалъ. Люди слишкомъ ревностно и слишкомъ близко стали искать Бога. Діаволь указалъ его еще ближе.. А именно—во всемъ, что окружаетъ человѣка, отъ величайшаго до малѣйшаго, предполагая, конечно, что, научивъ людей такому бессмысленному поклоненію Богу, онъ уничтожить въ глазахъ ихъ самое поклоненіе, и, возставивши ихъ противъ своего богопочтенія, возставитъ противъ Бога. Но человѣкъ, и обоготворивъ природу, все же думалъ о Богѣ, а не о природѣ, чтя дерево и камень, не забывалъ, что чтить Бога, своего Создателя и Промыслителя. И опять вышло противное тому, чего могъ ожидать глубокій кознодѣецъ! Чѣмъ ближе люди думали видѣть Бога, тѣмъ набожнѣе и смиреннѣе становились. О противленія Богу не могло быть, потому, и мысли.. Въ отцѣ лжи зародился новый погибельный планъ совращенія людей. У слабой и робкой мысли человѣческой надобно отнять, думалъ онъ, слишкомъ таинственную и много-

стороннюю природу, и дать ей для поклоненія, вмѣсто великаго творенія Божія, малѣйшее дѣло собственныхъ рукъ человѣческихъ, чтобы заставить ее волей, или неволей уничтожить свое богопочтеніе и потерять страхъ предъ Богомъ, какъ дѣломъ его собственныхъ рукъ. И міръ наполнился идолами. Съ самымъ коварнымъ расчетомъ все человѣческое—самое низкое и постыдное—было обоготворено и представлено ваяніемъ передъ взоры всѣхъ въ наиболѣе привлекательномъ видѣ, чтобы человѣкъ насильно, такъ сказать, пришелъ къ мысли, что въ немъ нѣтъ ничего худаго, и что между Богомъ и имъ нѣтъ существенной разницы. Выдуманы были боги и полубоги. Божество вѣруемое уничтожено (8 и 9 осмѣяно), а взамѣнъ того люди, за самыя ничтожныя отличія, получали права на почести Божескія. Дѣло приходило къ концу. Сильные земли, въ безумномъ ослѣпленіи, стали выдавать себя за боговъ. Коварныя слова: *будите яко бози* (Быт. 3, 5.) не могли уже никому казаться странными. Августу, еще при жизни его, созидали храмы, и приносили жертвы. И вдругъ, воздвигнутый всѣми усиліями преисподняго царства, колоссъ сокрушается о камень нерукобѣдный! Въ то время, какъ все бы-

ло сведено и приготовлено къ тому, чтобы человекъ объявилъ себя богомъ, Богъ явился человекомъ! Ужасное пораженіе испытываетъ врагъ. Церковь уходитъ изъ рукъ его, и онъ *изгоняется вонъ*. Въ человека вселяется Духъ Божій, и, волю обѣщанное діаволомъ, богоподобіе становится истиннымъ достояніемъ учениковъ, общниковъ и сонаслѣдниковъ Богочеловѣка! Однакоже, еще не *въ конецъ оскудѣша оружія врагу* нашему (Пс. 4, 7.). Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ распространялось царство Христово въ мірѣ, — и зло становилось упорнѣе, открытѣе и враждебнѣе. *Изгнанный вонъ* сталъ, *яко левъ, рыкая ходить* по околицамъ церковнымъ, *искій кого поглотити* (1 Петр, 5, 8). Для его коварства довольно было и того уже, что человекъ извѣстно стало свое высокое значеніе во вселенной, чтобы найти поводъ снова посѣять на нивѣ Божіей свои, вытѣсняющіе посѣвъ Евангельскій, *плевелы*. Сія высота возстановленнаго человекства представлена была человекъ сперва невѣроятною, и таинство воплощенія Бога - Слова проведено было черезъ тысячи суемудренныхъ состязаній и предположеній, смутившихъ миръ церковный столькими *ересями*, т. е. противными Евангельской истинѣ,

ученіями. Въ помощь имъ воздвигнуты были врагомъ жестокія внѣшнія гоненія на исповѣдниковъ Вѣры Христовой, но чѣмъ упорнѣе она была тѣснима, тѣмъ болѣе расширялась, *и врата адавы не одолѣли* утвержденного на каменіи!—Потомъ высота оная истолкована была, какъ высота земнаго величія, могущества и власти, и мысль церковнаго папства смѣнена мыслию церковнаго преобладанія и господствованія, и измышленъ былъ, въ уничиженіе Христова дѣла, *Христовъ намѣстникъ* на землѣ, подвергшій въ лицѣ своемъ укору и позору достопоклоняемое имя Господне. Церкви нанесена была дѣйствительная рана, стоящая многихъ ересей. Глубокимъ, потаеннымъ путемъ близалась къ ней *послѣдняя лествь, горшая всѣхъ первыхъ*. Подъ предлогомъ ревнованія о небесномъ, проводя земные виды самолюбія и плотоугодія, значительная часть вѣрующихъ вставши противъ самозваннаго «намѣстника Божія на землѣ», дерзнула возсоздать Церковь, не довѣряя той, которая воздвигнута самимъ Іисусомъ Христомъ. Раздувъ пламень своеволія и суемыслія, врагъ *рыкающій* представилъ людямъ высоту оную, возвѣщенную св. Вѣрою и дѣйствительную только при сей вѣрѣ, какъ ихъ есте-

ственное достояніе и преимущество, и, проникши глубже, чѣмъ сколько это удавалось доселѣ, въ мысль и въ жизнь христіанскую, столько наговорилъ человѣку о его мнимомъ — не христіанскомъ—величіи, что тотъ не убоялся и не устыдился наконецъ гласно и притязательно проповѣдать свое тожество съ Божествомъ!. Не устоять, конечно, на сей, столько шаткой, ступени мстимый древнимъ зміемъ (Апок. 20, 2.) потомокъ Адама. Предвидится глубокое паденіе, паче всякой мѣры занесшейся, слабой мысли человѣческой. Но и за тѣмъ успокоится ли она отъ паденій врага?

Много и другаго зла кромѣ того, о которомъ мы говорили, сдѣлалъ и дѣлаетъ Святой Церкви Христовой нашъ заклятый и жестокій врагъ. Ни одинъ человѣкъ, конечно, не избѣжалъ его паденій; и кто внимателенъ къ ходу своей духовной жизни, тотъ, при всемъ опасеніи, какъ бы не навязать своихъ дѣлъ дѣтелю постороннему, знаетъ хорошо, что врагъ неотступно слѣдитъ за нами, и употребляетъ всѣ средства, чтобы уподобить насъ себѣ. На слабого злодѣй нападаетъ слабостями, на сильнаго—страстями, на умнаго—заблужденіемъ, на глупаго—упорствомъ, на празднаго—

постыдными мечтами, на занятого—бездушіемъ, на ученаго—невѣріемъ, на неученаго—суевѣріемъ, на всякаго въ частности—его самолюбіемъ, первымъ источникомъ всѣхъ неустройствъ жизни нашей, на цѣлыя общества—страстію къ новизнамъ, къ неподчиненію, своекорыстіемъ, недружелюбіемъ, неправосудіемъ, раздоромъ и мятежами, на все человѣчество — отвращеніемъ отъ подвига, отъ благочестія, отъ богослуженія, отъ вѣроученія, однимъ словомъ: пристрастіемъ къ міру и охлажденіемъ къ Богу. Не это ли самое все видимъ мы и въ свое время обстоящимъ св. Церковь Христову? Братія! Кто имѣлъ случай разсуждать о всемъ человѣчествѣ, тому извѣстно господствующее въ наше время утвержденіе, что человѣчество идетъ «впередъ». Надобно, конечно, согласиться съ этимъ; но куда, къ чему, и зачѣмъ и съ чѣмъ приходитъ, или идетъ оно, это-вопросы, на которые можно отвѣчать неодинаково. И всякое ли поступаніе впередъ хорошо и желательное, это также вопросъ, весьма сложный. Господь нашъ Иисусъ Христосъ, въ пророчествѣ о послѣднихъ временахъ, сказалъ: *обаже Сынъ Человѣческій придетъ убо, обрящетъ ли Си въру на земли* (Лук. 18, 8). Тайновидцу было открыто,

что люди послѣдняго времени, наказуемые Богомъ, будутъ хулить имя Божіе (Апок. 14, 9. 11. 20). Другій тайновѣдецъ увѣряетъ, что въ послѣднее время откроется человекъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтимыя, якоже ему стѣсти въ Церкви Божіей, аки Богу, показующу себе, яко Богъ есть (2 Сол. 2, 3. 4).. Значитъ врагъ доведетъ нѣкогда свое дѣло до конца, найдетъ въ людяхъ Божіихъ достойныхъ себя соборниковъ, и возставитъ суетный родъ нашъ противъ Бога.. Что сказать? Не къ сему ли и идетъ уже, идущее впереди, человѣчество?

3. Страшно помыслить. Нѣтъ, сего быть не можетъ. Человѣкъ не дойдетъ до этого, Богъ не попуститъ того.. Такими отзывами обыкновенно человекъ заглушаетъ слухъ свой, и ищетъ уклониться отъ свидѣтельства обличающей истины. Намъ подобные отзывы наводятъ на самое трудное и томительное размышленіе о судьбахъ Церкви. «Богъ не попуститъ», говоримъ мы.. Если о чемъ, то всего болѣе о Церкви, имѣли бы мы право отозваться подобнымъ образомъ. Церковь есть видимое, и прямо свидѣтельствованное на землѣ дѣло Божіе. Богомъ она установлена. Если

по ученію слова Божія. *Христось возлюби Церковь* столько, что *Себе предаде за ню* (Еф. 5, 25): то возможно ли, чтобы Онъ оставилъ ее когда нибудь? Невозможно. И дѣйствительно, Самъ Онъ говорилъ (Своей Церкви въ лицѣ Апостоловъ: *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20), и предсказалъ, что *врата адава не одолѣють ей* — 16, 18). Но если такъ, то что же значать всѣ неисчислимыя тѣсноты и напасти, черезъ которыя прошла, и доселѣ идетъ, Христова Церковь? Какъ объяснить ту побѣду, которую нѣкогда съ такимъ торжествомъ и самохваленіемъ праздновало надъ христіанствомъ и которую доселѣ не перестаетъ попрекать его, изувѣрство магометанское? И какъ возможно, чтобы нѣкогда вѣра богонасажденная потерпѣла такой ущербъ, а ложь богопротивная приобрѣла столько силы? и т. д. Въ отвѣтъ на это, прежде всего надобно спросить себя: совершенно ли вѣрное понятіе мы имѣемъ о Богѣ, мы, приченные Св. Вѣрою видѣть въ немъ только лице Сына, *умаленное* (Фил. 2, 7.) вочеловѣченіемъ, и въ полной ли мѣрѣ разумѣемъ дѣла божественнаго творенія и промышленія? *Ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открити* (Мат. 11, 27,). Такъ говорилъ самъ Сынъ

Божій, котораго также, по Его собственному призыванію, *никтоже знаетъ, токмо Отець*. Соответственно сему, и ученикъ Христовъ, которому, *испытующимъ* вся, и—*глубины Божія*. *Духомъ открыта* была премудрость Божія, *втайнѣ сокровенная* (1 Кор. 2, 7—10) говорилъ: *кто уразумѣлъ Господень, иже изъяснитъ и* (—16)? И несмотря на то, что сей духоносный мужъ находилъ въ себѣ умъ Христовъ (—), онъ говорилъ: *нынѣ разумлю отчасти.. Видимъ яко зеркаломъ, въ гаданіи* (—13, 12.), слѣд. еще не въ полной мѣрѣ,—не въ полной особенно потому, что мы не приобретаемъ навыка отвлекать свою судительную способность отъ *преходящаго образа міра сего* (—7. 31.), да и самый сей образъ преходящій изучаемъ только совнѣ, бѣгло и пристрастно. Погрѣшаемъ потому напр. всегда, когда думаемъ, что Богъ есть только Богъ Церкви, т. е. христіанскаго общества, а не всего человѣчества,—что человѣкъ имѣетъ какія-то права предъ Богомъ, а Богъ предъ человѣкомъ—обязанности, вслѣдствіе чего человѣкъ какъ бы можетъ уклоняться отъ положительнаго закона Божія (и его собственной природы), а Богъ какъ бы долженъ сообразоваться съ волею человѣческою.

Погрѣшаемъ, — когда думаемъ, что добро и зло равносильны, — что діаволь есть соперникъ Бога, и міръ весь дѣлится на двѣ враждебныя половины, — что Богъ не позволяетъ заражаться и распространяться и дѣйствовать злу, — принимаетъ его какъ обиду Себѣ, и многое другое, что, по ограниченнымъ, и сверхъ мѣры челоѣкообразнымъ понятіямъ нашимъ, мы приписываемъ Богу, какъ необходимость существа Его, и что все, большею частію, есть только необходимость мысли нашей, и притомъ — мысли, мало обученной въ дѣлахъ божественныхъ, и — не всегда даже мысли, и не всегда необходимость, а часто одинъ произволь воображенія или прихоть сердца! Богъ есть творецъ всего, превысшій твари, неизмѣнный, безстрастный, всесовершенный, вседовольный и вселюбящій. Всѣ отношенія Его къ разумнымъ тварямъ суть отношенія разума, свободы и любви, такъ что сколько кто познаетъ Его, изберетъ и возлюбитъ, столько познанъ, избранъ и возлюбленъ будетъ, и на сколько кто разумно и свободно оставитъ Его, на столько оставленъ будетъ. *Аще кто любитъ Мя.. и Отець мой возлюбитъ его* (Іоан. 14, 23). *Иже исповѣсть мя предъ челоѣки, исповѣмъ его и Азь предъ Отцемъ мо-*

имъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ (Мат. 10, 32. 33).. Иже вѣру иметъ и крестится спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ (Марк. 16, 16).. И аще будетъ домъ достоинъ, приидетъ миръ вашъ нанъ: аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится (Мат. 10, 13).. Се дахъ предъ лицемъ твоимъ днесъ жизнь и смерть, благо и зло (Втор. 30, 15).. Предъ чловѣкомъ-животъ и смерть, и еже аще изволишь, дастся ему (Сир. 15, 16).. Еже бо аще съетъ чловѣкъ, тожде и пожнетъ (Гал. 6, 7). Таковъ законъ нравственнаго міроуправленія Божія. Ибо самъ изначала сотвори чловѣка, и остави его въ руцѣ произволенія его. Не заповѣда ни единому же нечестивати, и не даде ослабы ни единому же согрѣшати (Сир. 15, 14. 20). Такъ мудрствуетъ проповѣдникъ-Богословъ Ветхаго завѣта: Понятно становится, т. обр. не только то, почему въ царствѣ Божіемъ—терпимъ врагъ Божій, но и почему онъ имѣетъ свободу и какъ бы власть дѣйствовать на людей, и въ частности на Церковь Христову. Свободнаго и разумнаго Богъ предоставляетъ его разуму и его свободѣ, и съ божескимъ долготерпѣніемъ ожидаетъ,

куда онъ самъ себя направить. Кто презреть отца и друга, и послушается врага, того часть со врагомъ, тотъ не можетъ и обвинять никого, кромѣ себя, въ своей рѣшимости и ея послѣдствіяхъ. Можетъ показаться такое опредѣленіе въ разсужденіи окончательнаго жребія человѣка строгимъ до несправедливости и жестокости. Человѣкъ ограниченъ, страстенъ, забывчивъ, переменчивъ, разсѣянъ, недалновиденъ, слабъ духомъ и тѣломъ, естественно расположенъ къ лѣности, невольно прилѣпленъ къ землѣ. Можно ли же ставить его въ такой союзъ свободы и любви, о которъ мѣ онъ часто и понятія имѣть не можетъ?. Хотя и нельзя назвать несправедливостію того, когда воздается честь лицу, потерявшему всякое право на нее, въ уваженіе его честнаго рода, имени, званія, и хотя, съ другой стороны, созданный по образу и по подобию Божію, человѣкъ во всѣ времена и роды неотъемлемо носить въ себѣ мысль о Божествѣ, присно назирающемъ за нимъ и судящемъ ему, въ чемъ онъ не только не видитъ стѣсненія, но напротивъ, находитъ себѣ прямое утѣшеніе и успокоеніе, но мы не остановимся на семъ, а скажемъ рѣшительнѣе, что ради сего-то несчастнаго состоянія человѣка, по которому онъ даже не можетъ

повимать Бога, Богъ совершилъ предъ нимъ столько дѣлъ любви и милосердія, и не милосердія только, а такъ сказать самоотверженія Божественнаго, что человѣку невозможно стало не видѣть и не разумѣть Бога, и своего первѣшимаго союза съ Нимъ. Если же и при всемъ, что видѣлъ и что знаетъ человекъ, онъ смежитъ очи свои, или отворотитъ лице свое отъ свѣта истины, то конечно всему, что постигнетъ его, самъ одинъ будетъ виною. Богъ не будетъ ни ненавидѣть его, ни сожалѣть о немъ, ни снисходить ему, ни мстить ему. Богъ будетъ только *судить* его. И—какъ судить? Во 1-хъ, *Отецъ не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови* (Иоан. 5, 22). Такъ сказано объ Отцѣ. Во 2-хъ, *Сынъ не пришелъ, да судитъ мірови, но—да спасетъ имъ міръ* (—3, 17). *Аще кто услышитъ гласъ Мой, и не вѣруетъ, Азъ не сужду ему* (— 2, 47.). Такъ говоритъ Сынъ. Кто же будетъ судить? Всѣмъ будетъ судить слово Его. *Слово еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день* (——48). Иначе, судить насъ будутъ собственныя дѣла наши, сообразныя или несообразныя съ словомъ Господнимъ, еще иначе: судить будетъ каждый—его совѣсть Нельзя, конечно, отрицать того, что иногда Господь Богъ и прямо кладетъ свою

милующую или карающую руку на дѣла и судьбы человѣческія, побуждаясь къ тому или Своимъ предвѣдѣніемъ, или ходатайствомъ святыхъ, или воплемъ покаянной молитвы, но, по своей свободѣ и премудрости, не даетъ черезъ это никому ни права, ни повода ожидать и при всякомъ другомъ подобномъ случаѣ такого же явленія Его силы. Несправедливо, потому, и напрасно ожидали бы мы, что Богъ непременно или сдѣлаетъ то или другое, или не попуститъ того или другаго, немедленно наградитъ, или немедленно покараетъ за то или другое, ревнуя о Своей Церкви. Вспомнимъ блаженныхъ Апостоловъ, которые, по человѣчески ревнуя о Богѣ, желали огонь свести на землю, и попалить, не принявшее Господа, селеніе. Сынъ Божій замѣтилъ имъ: *не вѣсте, коего духа есте* (Лук. 9, 55). Всѣмъ хотѣй спастися и въ разумъ истины прийти, Господь въ то же время не отнимаетъ ни у кого свободы воли и позволяетъ какъ святому святиться еще, такъ и скверному скверниться еще (Апок. 22, 11), оставляя вмѣстѣ расти и свою пшеницу, и вражія плевелы, до опредѣленнаго времени, до нѣкоего послѣдняго дня, прежде котораго намъ сказано *не судить ничтоже* (1 Кор. 4, 5), и въ который

объявятся совѣты сердечные, (—) всѣхъ людей, въ который кійждо отъ своихъ дѣлъ или оправдается или постыдится, приметъ яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10). Сей день суда можно бы назвать единственнымъ дѣйствіемъ Божиимъ, независящимъ отъ хода жизни разумной твари, невольнымъ для нея, всецѣло сущимъ во власти Божіей (Дѣян. 1, 7). Въ безпримѣрный сей день, первый предстанетъ суду Божию и суду всѣхъ людей (1 Кор. 6, 3) общій врагъ Бога и людей, діаволь, и отдастъ отвѣтъ за все, что онъ дѣлалъ противъ любви Божіей, противъ рода нашего и противъ Церкви Христовой. Послѣ того, какъ получить уготованное себѣ возмездіе злоначальный врагъ, предстануть на судъ и вовлеченные во вражду на Бога (Іак. 4, 4), люди. Долготерпѣливая Правда найдетъ въ то судительное время всякаго, кого покрываетъ теперь долготерпѣливая Любовь.

Но тотъ отказалъ бы Господу Богу въ премудрости, кто подумалъ бы, что и въ настоящее время исконный врагъ Церкви Божіей успѣваетъ столько, что имѣетъ возможность какъ бы торжествовать надъ самимъ Богомъ. Сколько разъ онъ посрамляемъ былъ такъ, что если бы не владѣла имъ

безпредѣльная гордость, онъ долженъ бы былъ навсегда отказаться отъ надежды одолѣть Церковь. Не крайнее ли безсиліе, когда и нѣмотствующие младенцы торжествуютъ надъ тѣмъ, кто вообразилъ себя равнымъ Всемогущему! Какихъ невыносимыхъ страданій не перетерпѣли мученики! Какихъ неодолимыхъ искушеній невынесли подвижники благочестія! Какихъ нескончаемыхъ скорбей и злключеній не выдержали пастыри Церкви! Усилія злокозненнаго врага входили во всевозможныя дѣла человѣческія, а всего болѣе въ дѣла вѣры, и подкапывались подъ самое основаніе Церкви, но основаніе сіе—Христось. Сего довольно къ тому, чтобы *врата адовы не одолѣли ей*. Христолюбцы братія! Оставимъ скорбѣть о тѣхъ, тягостныхъ для христіанства, событіяхъ, въ которыхъ невѣріе, повидимому, торжествуетъ надъ вѣрою. Онѣ приходятъ и проходятъ, какъ было и прошло нѣкогда и надъ христолюбивымъ отечествомъ нашимъ иновѣрное иго. Предъ Господомъ Богомъ *тысяча лѣтъ, яко день единъ* (2 Петр. 3, 8). Надъ чѣмъ воздыхаемъ мы, о томъ, можетъ быть, будутъ радоваться наши потомки. Болѣе сего смущаешься и до глубины души оскорбляешься, когда видишь въ самомъ христіанствѣ успѣхъ нече-

стія, безславящій и расслабляющій Христову Церковь. Смущаешься,—потому что невольно задаешь себѣ вопросъ: *что, яко путь нечестивыхъ сплется* (Перем. 12, 1)?—и не знаешь, что отвѣтить на это. Оскорбляешься,—потому что ищешь, и не знаешь, гдѣ взять средствъ остановить зло. Въ прежнія времена событіе, подобное тому, котораго память мы нынѣ празднуемъ, имѣло силу положить конецъ разливу нечестія. Теперь уже сомнительно, чтобы подобная мѣра церковнаго управленія оказалась дѣйствительною и рѣшительною. Козни врага разсѣкли союзъ Церквей, и хотняли силу у церковныхъ опредѣленій. Нечестіе нашего времени дѣло Божіе оглашаетъ дѣломъ человѣческимъ, и, вмѣсто Христа, изъ мрака мечтаній поднимаетъ для поклоненія человѣческаго одинъ идоль, одинъ образъ звѣря, имя котораго еще не хорошо извѣстно.. Во времена дѣдовъ нашихъ однажды его назвали *богинею разума*. . Болѣе и чаще въ дѣйствіяхъ Божіихъ видятъ *случай*, рѣже—*судьбу*. . Одни вмѣсто Бога чтутъ *природу*, другіе вѣрують только въ *матерію*. Но утѣшимся. Идоль, какъ идоль, не долго будетъ стоять на мѣстѣ Божіемъ. Когда прочтуть всѣ имена его, его свергнуть. Чтобы сказать безстыдную клевету на Бога, разумное су-

щество нашло нѣкогда приличнымъ принять на себя образъ гада.. Въ такомъ же духовно отвращающемъ видѣ и теперь нерѣдко проповѣдники древней лжи являются предъ лицомъ челоуѣчества, проведеннаго черезъ столько искушеній. И ужели можно подумать, что оно, забывъ Христа, повѣритъ гаду? *Нѣтъ, Христосъ во все времена христіанства сокрушаетъ въ муть зѣрныхъ своихъ, главу древнюю змія, и Церковь Христова святая, вселенская, апостольская пребудеть до скончанія вѣка, и врата адавы не одолють ей.*

Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ СЕДМОЙ НЕДѢЛИ ПО ПАСХѢ.

Плачу и рыдаю егда помышляю смерть.

Стихир. Самогл. Погребенія.

Плачу и рыдаю... но ужели и у христіанскаго гроба долженъ слышаться сей вопль, раздирающій сердце?

Плачу и рыдаю, егда помышляю... но самое сіе помышленіе, какъ прямое свидѣтельство безсмертнаго духа, не должно ли удержать слезы, остановить рыданія?

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть... но отчего священнопѣвецъ-проповѣдникъ не сказалъ лучше: веселюсь и торжествую, помышляя сей рѣшительный предѣлъ земнаго злостраданія?

1. *Плачу и рыдаю, егда вижду во гробѣхъ ле-*

жающую, по образу Божію созданную, нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. Такъ вотъ отъ чего оны плачеть, вотъ о чемъ скорбять и вотъ надъ чѣмъ рыдаетъ! Нѣтъ словъ на устахъ нашихъ противъ сей высокой поразительной жалобы. Повторяемъ ее и мы, вмѣстѣ съ печальнымъ пѣснописцемъ. Намъ приходитъ на мысль, что и наша, по мѣрѣ и степени, красота неминуемо превратится также въ ужасающее безобразіе, нестерпимое для взора, отчаявающее для ума. О, что за жребій, грозный и жалостный, неотвратимый и неумолимый, тяготѣетъ надъ тобою, бѣдный и всебѣдственный составъ тѣлесный! Какъ не плакать, и какъ не рыдать воплемъ смертнымъ надъ симъ послѣднимъ уничиженіемъ человѣческой природы? Посмотрите на чей угодно гробъ и отыщите тамъ его, мнимаго царя земли, передъ волею котораго смиренно преклоняются стихіи міра великія и страшныя. Загляните въ чью угодно могилу, въ эту малую, но безъ дна зіяющую, поглощающую такъ чудно составленную жизнь, и скажите, это ли совершеннѣйшее изъ созданій Божіихъ, украшающихъ землю, отличное, какъ намъ чается, печатію Несозданной красоты? Гдѣ тутъ все, чѣмъ мы столько дорожимъ, хвалимся и плѣняемся

нерѣдко до потери разума? *Гдѣ доброта тѣлесная? Гдѣ юность? Гдѣ суть очеса и зракъ плотскій? Вся увядоша, яко трава, вся потребишася! Уста упразднишася, языкъ преста и устни препеншася и нозь сплетосться, зракъ измѣнися, очи угасость..* И нудишься возопить, подобно пророку, въ горести души: *кто дастъ мавль моей воду, и очесъмъ моимъ источникъ слезъ, и плачуся день и ноць* (Перем. 9, 1) надъ симъ страшнымъ обезображеніемъ, по образу Божію созданной, нашей красоты? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, наслѣднику безсмертія и обрученнику вѣчной жизни смотрѣть на такое крайнее уничтоженіе себя, подъ которымъ преустрашенной плоти видится уже прямое уничтоженіе? Что же? спрашиваетъ онъ. Для чего и дается намъ оный недовѣдомый, сокровенный, зяждущій дѣятель, внутрь насъ живущій и животносящій мертвенное вещество? Для того ли, чтобы, часто среди разцвѣта жизни, вдругъ бросить свое дѣло, и оставить бездыханную храмину свою на ужасающее разрушеніе? *О чудесе! что сіе, еже о насъ бысть, таинство?*

Истинно — *таинство*, глубочайшее и величайшее! Кто, по руководству слова Божія, изучилъ начало смерти человѣческой, тотъ можетъ нѣ-

сколько гадать о существѣ, силѣ и цѣли сего, страшнаго, на взглядъ естественный, таинства. Яснѣйшее разумѣніе его стало доступно намъ съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ, умеръ и воскресъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Таинство смерти Богочеловѣка, послужившее средоточіемъ таинствъ Ветхаго и Новаго завѣта, и раскрывшее предъ нами великую тайну человѣческой жизни вообще, показало намъ, что и наша смерть есть также таинство благодати Божіей, такое же свидѣтельство любви Божіей къ человѣку, какъ и все божественное промысленіе, воззаввшее насъ къ бытію, и благоволительно опредѣлившее намъ сей, какъ говорятъ, переломъ жизни. Да не смущается безсмертный духъ смертнаго, видя, что мы предаемся тлѣнью, сопрягаемся смерти. *Воистину дѣлается все это Бога повелѣніемъ, подающаго престаившимся упокоеніе.* Кого не умиляло слово Господне: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Матѣ. 11, 28)! Вотъ онъ, покой вѣчный, ненарушимый, блаженный, хотя и устрашающій суетливую дѣятельность нашу своимъ безвозвратнымъ отреченіемъ ея, и своимъ поражающимъ несходствомъ съ нею! *Блаженъ путь, въ оныже идеши, всякая христіанская*

душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія. Блаженни вы всѣ, мертвіи, умирающіи о Господѣ! Ей малолетъ Духъ: почиете отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 13). Простите слѣпому, такъ сказать отблѣсенному взору души нашей, когда мы, живые, смотря на разрушающійся образъ вашъ, плачемъ и рыдаемъ. Намъ не дано зрѣть и разумѣть того дивнаго, новаго состоянія вашего, въ которое живодательный *Начатокъ умершихъ* (1 Кор. 15, 20) ввелъ теперь васъ, вѣрныхъ *служъ* своихъ (Іоан. 12, 26). Мы плачемъ и тужимъ о вашемъ прежнемъ образѣ, потому что не можемъ не любить его, не заниматься имъ, не жалѣть о немъ. Ибо его единственно мы знаемъ, его сами на себѣ носимъ, его считаемъ вещественнымъ изображеніемъ невещественной мысли Творца, имъ и чрезъ него учимся тайнамъ своего собственнаго бытія и бытія всего міра, предъ нимъ изумѣваемъ, какъ предъ нерукотворенной храминой нетлѣннаго духа, и передъ нимъ благоговѣемъ, какъ предъ храмомъ Духа Святаго.. Но вы, скинувшіе съ очей своихъ повязку тѣлеснаго зрѣнія, ясно видите теперь, сколько въ вашемъ прежнемъ образѣ было непонятнаго нѣкоего, ничѣмъ не устранимаго, разстройства и всесторонняго несовершенства.

Духъ вашъ тайно или явно, но неизмѣнно, жаждалъ жизни полной, свободной, мирной и вседвольной, а въ тѣлѣ крылись скудость, худость, тревога и немощь. Духъ порывался въ небо, тѣло влекло и клонило къ землѣ. Духъ горѣлъ, и тѣло— тлѣло! Можетъ быть, большая часть васъ не видѣла конца своему душевному терзанію. Бога повелѣніемъ на помощь вамъ послѣшило наконецъ таинство смерти, и *житейское лукавое разрушилось торжество суеты: брение очернися, сосудъ раздрася, безгласенъ, нечувственъ, мертвенъ, недвижимъ!* Духъ оскудѣ отъ селенія и воспарилъ въ горняя, въ отчизну вѣрную и вѣчно радостную. И можетъ быть въ то самое время, какъ мы плачемъ и рыдаемъ, надъ вашимъ истлѣніемъ каждый изъ васъ помышляетъ: *нынѣ упокоихся и обрѣтохъ слабу многу, яко преставихся отъ истлѣнія и приложихся къ животу.*

Братія! оставимъ бесѣду съ мертвыми, и поговоримъ съ самими собою, которые также нѣкогда умремъ, умремъ неминуемо. *Вѣлы, говоритъ Апостоль, яко аще земная наша храмина тѣла разоритсѣ, созданіе отъ Бога и мамы, храмину нерукотворену, вѣчну на небесьхъ. Ибо о семъ въздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещисѣ желающе.*

Ибо сущи въ тльь семъ въздыхаемъ отячаеми; понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися, да пожерто будетъ мертвенное животомъ (2 Кор. 5, 1—5). Чьи это, столь отрадныя, рѣчи? какой неложный христіанинъ, творецъ, а не точію слышатель слова Христова (Іак. 2, 22), говоритъ подобнымъ образомъ? И что располагаетъ его имѣть такой свѣтлый, радостный взглядъ на смерть? Ничто, какъ *любы Божія, обдержавшая его* (2 Кор. 5, 14), предъ которою ничего не значать ни *настоящая, ни грядущая* (Рим. 8, 38).. О, если бы всякій христіанинъ былъ и христіолобецъ, подобный Апостолу: тогда сей успокоительный взглядъ на смерть былъ бы всеобщимъ, полнымъ и живымъ убѣжденіемъ вѣрующихъ во Христа, всѣхъ, и насъ съ вами слѣдовательно, оплакивающихъ, въ сей печальный день памяти отъ вѣка почившихъ отцевъ и братій нашихъ, свое тлѣніе и исчезновеніе изъ среды живыхъ, какъ величайшее несчастіе, какъ конечное зло! Тогда каждый въздыхалъ бы о смерти, *отячаемый въ тльь семъ* и, приближаясь къ ней, веселился бы и торжествовалъ, предзря въ ней начало совлеченія образа *Нерстнаго* и облеченія въ образъ *небеснаго* (1 Кор. 15, 49), Христа, *возставшаго отъ мертвыхъ* (Рим. 6, 4. 5)!

Тогда всякій, по примѣру Апостола, плакалъ бы болѣе надъ жизнію, нежели надъ смертію, и вмѣстѣ съ нимъ восклицалъ бы: *окаяненъ азъ человекъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (—7, 24)!

2. Близорукій взоръ сердца нашего рѣдко поднимается на ту высоту, откуда можно смотрѣть на смерть, какъ на несчастіе всего рода человеческого. Ближе къ намъ скорбь лишенія, скорбь разлуки, скорбь сиротства нашего. Плачемъ мы и рыдаемъ, егда видимъ во гробѣ лежащаго, по образу нашему созданнаго, по сердцу нашему бывшаго, своего приснаго, часто единственнаго и незамѣнимаго, кто *вчерашній день* еще *бесѣдовалъ съ нами*, и уже не *кому* *походитъ или собесѣдуетъ намъ прочее*, — кто, *яко цвѣтъ, отцвѣте, яко трава постычешя, яко младо вѣтвѣе* не рѣдко *прежде прозябенія, прежде искуса земныхъ сладостей*. О, плачу и рыдаю, егда *помышляю* такуюю *смерть!* Нѣтъ человека, конечно, который бы не имѣлъ причины отозваться самымъ глубокимъ сочувствіемъ на подобный плачь. Кто изъ насъ въ теченіе своей жизни не склонялся къ кому-нибудь сердцемъ? Отъ минуты перваго дыханія нашего въ мірѣ семъ, можно сказать, мы

влечемъ къ окружающимъ насъ, и пока достигнемъ преполовенія дней нашихъ, много переиспытаямъ привязанностей, и много перенесемъ потерь часто ни-чѣмъ невознаградимыхъ. Рано слишкомъ иногда изъ-за несчетныхъ радостей безпечальнаго дѣтства выступаетъ для человѣка грозный обликъ смерти въ лицѣ тѣхъ, кто составляетъ первую радость его на землѣ, и заставляетъ плакать и рыдать въ то время, какъ все влечетъ разцвѣтающую жизнь къ веселію и наслажденію. По счастью скоро проходитъ обыкновенно сія безвременная скорбь, но много разъ возвращается въ жизни. Каждый гробъ говоритъ сиротѣ: плачь и рыдай,—ты не знаешь сладчайшей отрады жизни—любви родительской.— И непорочныхъ безмятежныхъ радостей любви братской также не щадитъ рука смерти. Голосъ крови и голосъ привычки, совокупившись воедино, надолго вызываютъ душу, понесшую горестную утрату, на плачь и рыданіе.—То, что дѣлаютъ плоть и кровь невольно, духъ человѣческій ищетъ сдѣлать свободно, и радости родства дополняются обыкновенно у насъ утѣшеніями дружества, часто до того глубокими и сладостными, что люди вовлекаются ими въ величайшее саможертвованіе любви земной, *полагаютъ душу свою за други своя* (Іоан.

15, 13). Ахъ! дружескій плачь надъ могилою есть явленіе преисполненное жалости. Кого не умиляетъ вопль Давида надъ Іонаѳаномъ, тотъ напрасно зовется человѣкомъ. Говорить ли далѣе о томъ, что значить смерть для людей, сочтаныхъ не только въ одинъ духъ, но и воедино плоть? Какой отчаянной тоски супружеской не бываетъ свидѣтелемъ храмъ христіанскій,—сей проповѣдникъ безсмертія? И какимъ смертнымъ уныніемъ не наполняютъ сердца, пораженнаго безмѣрнымъ горемъ, радующія и утѣшающія пѣснопѣнія церковныя? Видно, что человѣкъ весь можетъ превращаться въ страданіе, недоступное никакой цѣльбѣ. Наконецъ и та не въ порядкѣ естества совершающаяся смерть, которая дѣтей поядаетъ въ глазахъ родителей, представляетъ сострадательному взору всежалостное зрѣлище. *Видѣхъ младенца умирающа, говоритъ священнопѣвецъ, и животъ мой оплакахъ: возмятеся бо весьма и трепеташе. Егда прииде часъ, возопи: отче, помози ми мати, спаси мя. И никтоже доволенъ тогда помощи ему: только видяще увядають и во гробъ плачуть его* (Погреб. свящ. Игось 21). И что говорить? Всякая смерть есть смерть, т. е. самое послѣднее зло, и самое жестокое зрѣлище.

Слезами не поможешь, это известно всякому. Св. Церковь, не желая, чтобы любимыя чада ея напрасно и бесплодно томили себя, *якоже прочіи, немущіи упованія* (1 Сол. 4, 13.), отвлекает ихъ отъ бесполезнаго плача, и употребляетъ многообразныя средства утѣшить ихъ и успокоить. То, что въ настоящій день дѣлаетъ она, также можетъ быть отнесено къ числу сихъ душеврачебныхъ средствъ. Подобно мудрому врачу, она хочетъ сосредоточенную боль пораженной части тѣла уврачевать повсемѣстною, частною, но сильную—общую, но слабую. Она поставляетъ сегодня всѣхъ насъ, у кого смерть похитила какую нибудь радость или опору жизни, надъ гробами всѣхъ, отъ вѣка почившихъ. Если посѣщеніе одного малаго кладбища вызываетъ изъ души нашей столько тихихъ, миротворящихъ ощущеній, то что должна почувствовать она въ то время, какъ, по манію Церкви, ее ставятъ среди кладбища всего рода человѣческаго, простирающагося во всю широту земли? Сколько слезъ, вздоховъ, жалобъ, стенаній, моленій, клятвъ и упрековъ судьбѣ слышало надъ собою въ теченіи множества вѣковъ сіе безпредѣльное кладбище! А смерть, а судьба, т. е. воля Божія, все дѣлали свое дѣло, пожинали

съ нивы человѣчества и спѣлое и не спѣлое, и великое, и малое, и сильное и немощное, и благо-
 потребное и бесполезное, такъ какъ бы наши зем-
 ныя соображенія, желанія, и ожиданія, не знача-
 чать ничего передъ взоромъ Подателя жизни! И
 въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ воображаетъ себя имѣю-
 щимъ право надъ человѣкомъ. Богъ ли не имѣеть
 сихъ правъ во всей ихъ полнотѣ и безотчетности?
 Самолюбіе наше, мелкое, слѣзное и непризнатель-
 ное, причиною тому, что мы какъ бы вовсе за-
 бываемъ, что *Господь вся содѣла Себе ради* (Притч.
 1, 4). Въ Его волѣ дать человѣку жизнь, когда
 захочетъ: отъ чего же не въ Его волѣ—взять ее,
 тоже, когда захочетъ? «Но Онъ отнимаетъ ее без-
 временно?» Т. е.—судя по нашему: ибо кто же эту
 благовременность или безвременность знаетъ лучше
 Того, у Кого *во власти времена и лета* (Дѣян.
 1, 7)? «Но Онъ поступаетъ какъ бы несправедливо?»
 Ахъ, скажемъ лучше: поступаетъ безстрастно, не
 увлекаясь ни склонностію, ни расчетомъ, ни ка-
 кимъ бы то ни было побужденіемъ самолюбія; по-
 ступаетъ премудро, то изводя честное отъ недо-
 стойнаго, то исторгая плевелы изъ пшеницы, то
 однимъ спасая многихъ и т. д. «Но Онъ дѣйствуетъ
 неумолимо? Онъ какъ бы вовсе не обращаетъ вни-

манія на человѣка?». Удержись, роищущее сердце! Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единокровнаго далъ есть... (Іоан. 3, 16). Сынъ же до конца возлюби Своя сущія въ міръ (13, 1.). Духъ Святой и повинѣ въздыхаетъ въ насъ въздыханіи неизглаголанными (Рим. 8, 26). И можетъ ли быть послѣ сего, чтобы Господь Богъ не обращалъ вниманія на Своего раба и притомъ страждущаго, и притомъ молящагося къ Нему?

Однако, братія, что же значить въ самомъ дѣлѣ, что Богъ какъ бы не видитъ мученія нашего, какъ бы не слышитъ воплей и стenanій нашихъ, какъ бы не знаетъ, что лишеніе наше доводитъ насъ до ропота на Него же Самого? Чтобы понять, что все это значить, надобно только стать среди всеобщаго онаго кладбища человѣческаго. Разсудокъ нашъ устыдится при этомъ невообразимомъ зрѣлищѣ, вступать въ какое бы то ни было состязаніе и совопрошеніе съ Богомъ. Всѣ жили и всѣ умерли! Умремъ и теперь живущіе всѣ. О чемъ же столько печалиться и сокрушаться, видя, что одинъ умираетъ прежде другаго? Такъ. Но что же дѣлать, когда столько трудно, горько, и невыносимо разставаніе съ умирающимъ? За то, печальный отецъ, другъ, братъ, супругъ, легче будетъ разстаться

потомъ самому тебѣ съ міромъ, когда будешь нѣ-
 которыми образомъ уже пригѣтовленъ къ тому, и
 твое сердце будетъ имѣть уже своего приснаго
 тамъ, гдѣ все намъ представляется теперъ чуждымъ
 и страшнымъ. И еще одна жалоба неможенія на-
 шего на насъ самихъ. Почему бы не вести намъ
 жизни нашей такъ, чтобы лишенія наши не засти-
 гали насъ столь безвременно, и не были такъ невы-
 носимо тяжки? Какъ было бы для насъ полезно ве-
 сти жизнь такимъ образомъ! Но мы пришли къ
 тому, что надлежало сказать съ перваго раза, и
 рѣшительно, на всѣ наши жалобы. Богъ ли, со-
 здавшій насъ для счастія, виновенъ въ томъ, что
 умирають наши ближніе въ то или другое время,
 такъ или иначе, здѣсь или тамъ, тѣ или другіе?
 Виноваты—или они сами, или мы сами. А и того
 вѣрнѣе, ни мы, ни они, виновна въ томъ общая
 доля рода человѣческаго, предавшагося тлѣнію,
 сопрягшагося смерти; при чемъ и малѣйшаго по-
 вода достаточно стало, чтобы разстраивалась
 жизнь, и наступала смерть, послѣ чего вся уже
 привременная жизнь наша превратилась въ одинъ
трудъ и бользнь (Пс. 89, 10), въ *рыданіе, жа-
 лость и горе* (Иезек. 2, 10) и посѣщенія смертныя
 сдѣлались призываніями насъ къ другой вѣчной

жизни, напоминаніями забывчивому сердцу о возвратѣ странниковъ и пришельцевъ въ блаженную отчизну! Если уже точно неизбежно плакать, помышляя смерть, то нужно плакать и рыдать не о потерѣ того, что рано или поздно будетъ съ нами, а о своей, паче мѣры и паче разума, привязанности къ потерянному. Но, о если бы вмѣсто плача и рыданія, всякій, помышляющій смерть свою или чужую, припоминалъ чаще слово Христово: *оставите мертвыя погребсти своя мертвецы* (Мат. 8, 22.), и имѣлъ духъ говорить апостольски: *желаю разрѣшиться и со Христомъ быти* (Фл. 1, 23.)!

3. Третій призывъ къ плачу и рыданію слышится намъ уже изъ другаго міра. *Восплачитесь о мнѣ*, говоритъ устами Церкви почившій, *братія и друзи, сродницы и знаеміи. Къ Судіи бо отхожду, идѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убойй, въ равнѣль достоинствъ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится* (стихир. цѣлованія). Понятіе достойное плача и рыданія, положеніе души, не только пристрашной отъ неваго, незнакомаго бытія, но еще и ведомой на судъ. И какой судъ! Если только одна *память*

смерти горька чловѣку, мирно во имѣніяхъ своихъ живущу, мужевѣ не пекущуся и благополучну во всѣхъ (Сир. 41, 1), то какъ же горька должна быть сама смерть чловѣку безпечному и благополучному во всемъ! Для того, кто не знаетъ, или зная не думаетъ, что *едино есть на потребу чловѣку* (Лук. 10, 41), міръ здѣшній представляется не только недостаточнымъ къ удовлетворенію многоразличныхъ его потребностей, но и единственно пригоднымъ къ тому. Въ такомъ самоуспокоеніи и самоублаженіи какъ неприятно слышать голосъ Божественной истины: *лежитъ чловѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9, 27.)! Какой судъ, спрашиваетъ *мирно во имѣніяхъ своихъ живущій*, за что, на что, почему? Судъ Божій, отвѣчаютъ ему. Судъ за всякое дѣло жизни, за всякое слово, намѣреніе, желаніе, помышленіе. Судъ для того, *да оправдится Богъ во словесахъ своихъ* (Пс. 50, 6), не напрасно изреченныхъ Имъ въ законъ и правило чловѣку. Судъ— потому, что чловѣкъ есть разумно-свободное существо, а не животное безсловесное. Да, *смерте!* Горька должна быть ты чловѣку не пекущуся, т. е. всякому, кто живетъ и не думаетъ о тебѣ, вѣкъ живетъ, вѣкъ учится, и все *учится* тщет-

нымъ (Пс. 2, 1.), и все не научится одному, самому главному и существенному, какъ встрѣтить тебя, какъ пройти черезъ тебя, какъ сказать тебѣ: *о, смерть! Добръ судъ твой есть* (Сир. 41, 3)! Не будемъ обольщать себя. *Не добръ судъ* несетъ съ собою смерть всякому міролюбцу, хотя бы онъ не только считался, но и думалъ быть *добрымъ* христіаниномъ. Тоска безмѣрная гнететъ сердце, когда возымѣешь силу представить себѣ оный грозный, истязательный судъ, ожидающій всякаго человѣка, *грядущаго* въ тотъ міръ. Другой встрѣтитъ онъ тамъ порядокъ вещей, другія лица, другія рѣчи.. Другіе вопросы предложатся на рѣшеніе его изнемогшему отъ унывія уму. Разогнутся передъ нимъ книги, другими письменами писанныя, и другія истины, часто невыносимо-ясныя и грозныя, открывающія трепетному взору. Новыя испытанія, весьма различныя отъ всѣхъ, намъ здѣсь извѣстныхъ, ждутъ готовящагося перейти въ высшее отдѣленіе жизни, и стыдъ, какого вообразить теперь не можно, встрѣтитъ не исправнаго слушателя божественныхъ уроковъ (б). *Гдѣ узриши окрестъ, человѣче, кто бы подска-*

(б) Говорено въ стѣнахъ учебнаго заведенія.

заль тебѣ тамъ слово оправданія, или далъ тебѣ хотя одинъ малый намекъ вразумленія? *Кто имать тамо помощи тебѣ* (Погр. свящ. Ивось 18)? *Тамо обличителіе страшнѣи..* Кто они? Увы! мы сами, наша неумолимая совѣсть, наши неотстраняемыя дѣла, *ходящія въ слѣдъ насъ*, наши бывшіе друзья и недруги, нашъ искуситель, нашъ Ангель—хранитель, Богъ — всевѣдѣць! И какія это книги многоплачевныя? Память, время, тѣло, міръ, земля и небо, все, что насъ видѣло, слышало, носило, знало и напрасно вразумляло! *О, восплачите братія и друзи!* То, что ожидаетъ насъ за гробомъ, достойно плача нескончаемаго.. *Трепетъ неисповѣдимый и страхъ тамо. Придетъ бо Господь, и дѣло съ Нимъ кождо отъ чловѣкъ!* И ничтоже помощи можетъ, Богу суцу суди, ни тщаніе, ни козни, ни слава, ни дружба (Служб. повседн.). *И нѣсть тамо прочее ослабы. Тамо червь неусыпаемый, тамо земля темна и помрачена вся, идѣже имамъ азъ осудитися* (Погр. свящ. Икось 11). Какія томящія представленія! Какіе ужасающіе образы! Но, безъ сомнѣнія, все это только малый, несовершенный намекъ на страшную и неизобразимую дѣйствительность. *Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть..*

Какъ ни естественъ, ни справедливъ сей послѣдній плачь нашъ надъ смертію, вѣстницею, или прямо, началомъ страшнаго суда Божія, но и его, безъ сомнѣнія, не желала бы слышать постоянно изъ устъ вѣрныхъ чадъ своихъ присная утѣшительница наша, св. Церковь. При каждомъ погребенія усыпающихъ въ надеждѣ воскресенія, жизни вѣчной, она даетъ слышать живущимъ о той же надеждѣ, одно и то же, утѣшительное, слово апостольское: *братія! не хощу васъ не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи немощи упованія* (1. Сол. 4, 13). Она знаетъ, что гдѣ христіанство, тамъ и упованіе. И въ самомъ дѣлѣ, ея постоянная умиловительная жертва безкровная, ея безчисленныя и, можно сказать, непрерывныя молитвы о усопшихъ, ея зазрешнее колѣнопреклоненное, торжественное, моленіе о упокоеніи «прежде усопшихъ отецъ и братій нашихъ и прочихъ сродникъ по плоти и всѣхъ своихъ въ вѣрѣ», наконецъ всѣ ея освятительныя таинства, не служатъ ли все это прямымъ залогомъ блаженной будущности всѣхъ, кто имѣеть счастье принадлежать и оставаться вѣрнымъ ей? Та самая, всѣмъ столько памятная, пѣснь ея о упокоеніи со святыми всякаго раба Христова, отъ

которой сильнѣе прежняго оглашается у насъ храмъ Божій воплями не христіанскаго отчаянія, что другое содержитъ въ себѣ, какъ не величайшее утѣшеніе? *Со святыми упокой, Христе, души рабъ твоихъ, и дѣже нѣсть болѣзнь, и печаль, и воздыханіе, но жизнь безконечная..* Что можно вообразить лучше и блаженнѣе состоянія, въ которомъ не извѣстны ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.. но одна *жизнь, и жизнь...* (Господи! Вѣруемъ слову твоему, и молимъ, да не постыдится вѣра наша!).. *жизнь безконечная?* И сіе-то невообразимо радостное состояніе ждетъ всякаго истиннаго христіанина. *Аще бо вѣруемъ, продолжаетъ слово апостольское, яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершій о Иисусъ приведетъ съ Нимъ. Все мертвіи о Христвъ воскреснутъ нѣкогда, и вмѣстѣ съ оставшимися живыми восхищени будутъ въ срѣтеніе Господне на воздусь, и тако всегда съ Господемъ будутъ* (1 Солун. 4, 16. 17). На что яснѣе и рѣшительнѣе сего свидѣтельства, завѣреннаго, для большаго успокоенія, *Словомъ Господнимъ* (—15)? *Тѣмже утѣшайте другъ друга въ словесехъ сихъ* (—18), присовокупляетъ Апостоль, *яко не положи насъ Богъ въ мѣвъ, но въ полученіе спасенія Господемъ*

нашимъ *Иисусъ Христомъ, умершимъ за насъ* (—5, 9). Такъ. Но грѣхи, но судъ, но адъ? Какъ съ этимъ быть? говоритъ трепетная совѣсть. Грѣховъ нѣтъ тамъ, гдѣ было таинство покаянія. Судъ не страшенъ тому, кто *на судъ не придетъ, но перейдетъ отъ смерти въ животъ* (Юан. 5, 24). Адъ ничего не значитъ для того, кому Побѣдитель ада говоритъ: *днесъ со мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43)! И такъ еще разъ: *ни бользнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная*—вотъ что ожидаетъ насъ за таинственными вратами смерти! Кроме того, порадайтесь, братія: тамъ ждутъ насъ всѣ близкіе намъ по вѣрѣ и духу, всѣ, извѣстные намъ изъ исторіи Церкви Божіей, ревнители благочестія,—преподобные, мученики, апостолы, пророки, ангелы; словомъ: вся Церковь, свѣтлая и пресіянная, готова принять насъ съ свои *вѣчные кровы* (Лук 16, 9). Но, что самое высшее и ни съ чѣмъ несравнимое, такъ это — самъ Господь *Иисусъ Христосъ*, о Которомъ столько теперь думаемъ всѣ, къ Которому столько стремимся сердцемъ, Онъ Самъ будетъ тамъ приснымъ утѣшеніемъ нашимъ, приметъ насъ, какъ своихъ учениковъ, общниковъ, друзей и братій, введетъ насъ въ невѣдомыя намъ теперь и негадаемыя, *многія*

обители Отца небеснаго, и въ безконечность вѣковъ, будетъ показывать намъ въ безконечную радость нашу, Свое безконечное царство, по Своей безконечной благости... О, смерти! Добрь судь твой есть человѣку христіанину.

Стань же, наслѣдникъ праотеческой смертности, надъ гробами отцевъ своихъ, и ублажи и благослови смерть христіанскую! Невольно проторгающійся изъ сердца, плачь ратвори упованіемъ, и рыданію положи предѣль въ богомысліи. *Не бойся суда смерти: помяни первая твоя и послѣдняя твоя.. Помяни, что ты не былъ, и будешь существовать вѣчно, что ты взять отъ персти, и будешь царствовать съ Богомъ, и не отмейся благоволенія Вышняго, аще десять, аще сто, аще тысяча лѣтъ будетъ жизни твоей или твоихъ любимыхъ! Ибо сей судь отъ Господа всякой плоти (Сир. 41, 5.—6). Вѣрь, что мы, христіане, аще живемъ, Господези живемъ: аще умираемъ, Господези умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы (Рим. 14, 8). Амнь.*

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ.

*И Азъ умолю Отца, и иного утѣшителя
дастъ вамъ, да будетъ съ Вами въ вѣкъ.*

Юан. 14, 16.

Небо отверзлось. Праздникъ насталь. Чертогъ украшенъ. Свѣтильники возжены. Оиміамъ воскурень. Ликовственники готовы. И слышится пѣснь пѣсней:

*«Кто сей, пришедый отъ Эдома, — червленны
ризы Его отъ Восора, — красенъ во утвари, — зъ-
ло съ крѣпостію (Ис. 63, 1)?»*

*«Кто Сія восходящая убльена, и утверждаетъ
о брать своемъ (Пѣсн. Пѣсн. 8, 5), — яко
стебло дыма, кадящее смирну и ливанъ (— 3, 6) —
проницающая аки утро, — добра яко луна, — избра-
на яко солнце (— 6. 9)?»*

Сей и р и ш е д ы й, Спаситель и Судія, Царь и женихъ, есть *не ходатай, ниже Ангелъ, но Самъ Господь* (Ис. 63, 9), Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ. — Сія *восходящая, ближняя* Его (Пѣс. Пѣс. 5, 2) *голубица* (—) *чистая и непорочная* (2 Кор. 11, 2), Еф. 5, 7), *совершенная* Его, невеста и сестра (Пѣс. Пѣсн. 5, 1, 2), есть Святая Церковь, искупленное челоуѣчество, освященная душа.

Откуда пришелъ О н ъ. Пришелъ—*отъ Эдома, отъ земли, съ млаоломъ правды и судомъ спасенія* (Ис. 63, 1.), — со всѣмъ, на что влекла Его къ землѣ любовь Его!—Куда восходить о н а? Восходить—туда, гдѣ—Господь, *возлюбившій ее, спасшій, пощадившій, избавившій, воспріявшій, вознесшій во вся дни вѣка* (— — 9)!

Пойте же Богу нашему *все раби Его и боящися Его и малии и велиции...* *яко прииде бракъ Ангій, и жена Его уготовила есть себе* (Апок. 19. 5, 7), *и дано ей облещися въ вѣссонъ чистъ и свѣтель* (— — 8)! Наступило сіе, столь давно желанное, время. Родъ челоуѣческой вводится вновь въ союзъ съ Богомъ, къ которому столько времени былъ призываемъ, но оказывался неготовымъ. Отъ земли, въ залогъ сего союза, дано

было челоѡѡчество Сына Божія, отъ небесъ, въ замѣнъ того, ниспослано божество Духомъ Святымъ и совершилось, такимъ образомъ, таинственное обрученіе наше съ Богомъ. Въ сей преславный и преблагословенный день, *извѣствуяи насъ во Христа и помазавый Богъ запечатль насъ, и даде обрученіе Духа въ сердца наши* (2 Кор. 1, 21, 22),—*изліяль отъ Духа Своего на рабы своя и на рабыни своя, на сыновъ и дщерей, юношъ и старцевъ — и на всяку плоть* (Юпл. 2, 28. 29). Отъ сего времени всякъ, *иже призоветъ имя Господне, спасется* (— — 32). Отсель мы представляемъ собою предъ взоромъ Божиимъ какъ бы одно лице, возлюбленное, украшенное добротою и лѣпотою, невѣсту Христову, сопряженную съ своимъ Женихомъ союзомъ вѣчной любви, Имъ живимую, Имъ хранимую, Имъ освящаемую, и ублажаемую, носящую въ себѣ Его присносущій, всесовершенный Духъ. Отсель мы составляемъ живую, цѣлокупную и нераздѣльную часть великаго царства Божія, общницу и наслѣдницу всѣхъ благъ бытія вѣчнаго и присноблаженнаго; ибо отсель всегда съ нами, при насъ и въ насъ *Царь небесный, утѣшитель, Духъ истины, вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни податель!*

Единый, создавший всю видимую и невидимую тварь по единому хотѣнію и единому представленію, для единого совокупнаго бытія, на всемъ напечатлѣлъ единый законъ Своей началодѣтельной воли, и всему сообщилъ единый образецъ Своего началомыслительнаго разума, такъ что все, изшедшее въ бытіе, стало, по кр. мѣрѣ для насъ, мыслящихъ существъ — какъ бы однимъ внѣшнимъ, очертательнымъ, отображеніемъ Его внутренняго существа, Его проявляло собою, и Имъ объяснялось само, Ему служило и въ Немъ дѣйствовало, *Та зиждительная, образовательная, вседержительная Сила*, которая все связала собою, во все вдохнула жизнь, всему приурочила опредѣленный, неизмѣнный, и вѣчно возраждающійся, образъ, все ввела въ соотвѣтственность стремленій и воспринятій, всему указала кругъ и чинъ, предѣлъ и время, надъ всѣмъ простерлась единымъ всеобъемлющимъ и всецарствующимъ промысломъ, намъ извѣстна подъ покланяемымъ, и вовѣки благословеннымъ, именемъ Духа Святаго. Ежедневно, стократно молитвенно возглаголюемое нами, имя сіе что содержитъ въ себѣ, братія? Весьма не много даетъ она для пытливости ума нашего. *Святый* — слыш-

комъ мало для опредѣленія Бога, *Духъ*—безмѣрно много для понятій человѣка. На помощь мыслительной скудости человѣческой приходитъ самъ *Духъ Святый*. Многократно, въ теченіе немногой жизни человѣчества, то глаголомъ, то дѣйствіемъ духовныхъ мужей, но всего болѣе свидѣтельствомъ *Едиnorodнаго, сущаго въ лоно Отчель* (Іоан. 1, 18), и *исповѣдавшаго* намъ тайну Божества, явило себя третіе Лице живоначальной Троицы, запечатлѣвшее наконецъ и самое свидѣтельство Христово своимъ преславнымъ сошествіемъ на Апостоловъ. Послѣ сего и ограниченному уму нашему открылась возможность придать непостижимому нѣкоторыя опредѣленные, ясныя, и близкія къ мысли нашей, свойства, соотвѣтственно которымъ мы и ублажаемъ Его разными пояснительными и описательными именами, въ удовлетвореніе *жажданія* своего духа къ *Богу крѣпкому, живому* (Іс. 64, 3).

1. Первое, что привезъ съ собою на землю въ день Пятидесятницы *Духъ Святый*, было *Царство Небесное*, обѣщанное Возносившимся на небеса, Царемъ и Господомъ. Начнемъ и мы съ сего Царства свою бесѣду. *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его—вся сила ихъ*

(Ис. 32. 6.), читаемъ мы въ Св. писаніи, и заключаемъ изъ сего, что Духъ Святой есть Царь небесный. Ибо у кого *вся сила*, у того и власть, и держава, и правленіе, и всякое распоряженіе, чѣмъ въ понятіяхъ нашихъ знаменуется царствованіе. И такъ, Онъ—*Царь Небесный*; и никто не будетъ спорить противъ сего церковнаго наименованія Духа Святаго. Понятія царства и царствованія, конечно, суть такія же земныя и временныя, какъ и мы сами, и выносить ихъ за предѣлы земли можно не болѣе, какъ на сколько мы сами восходимъ началомъ бытія своего на небо. Но вѣрно то, что хотя мы и отъ земли взяты, и *облекохомся въ образъ перстнаго*, однакоже вмѣстѣ съ тѣмъ носимъ на себѣ и *образъ Небеснаго* (1 Кор. 15, 49), образъ Божій, и отъ земнаго не безъ права потому заключаемъ къ небесному. Когда одинъ невольный глашатай истины называлъ Господа Иисуса Христа *учителемъ благомъ*, то воистину *благій* Учитель сказалъ: *никтоже благовъ, токмо единъ Богъ* (Лук. 18, 19). Подобно сему, когда мы глашаемъ на землѣ царей земныхъ, смиренныя вѣнценосцы исповѣдуютъ надъ собою единаго вседержавнаго Царя Небеснаго. Земное, какъ видно, служитъ образомъ небеснаго, и

Духъ Святой, первообразъ царствующихъ на землѣ, есть поистинѣ и по самой сущности, *Царь небесный*, владѣющій и управляющій всѣмъ сотвореннымъ бытіемъ, отъ невообразимо-величайшаго до немыслимо-малѣйшаго. О, *Царю небесный!* Вонми и прости худому нѣмотствованію о Тебѣ, и предъ Тобою, Твоей твари.

Братія! Никто къ намъ не близокъ столько, сколько Духъ Святой. Спѣшимъ исповѣдать сію сладчайшую истину. Да не смутитъ кого вибудь мысль, что сей близкій нашъ есть *Царь небесный*. Такъ, Онъ царь, во первыхъ, и—какой царь? Не говоримъ: премудрый, всемогущій, правосудный и пр. Все это и разумѣется и пріемлется само собою, но все это, какъ предметъ, далѣе отстоящій отъ мысленнаго взора, закрывается ближайшимъ, всерадостнымъ и преблаженнымъ убѣжденіемъ, что Онъ есть царь, промышляющій о каждомъ изъ насъ, Его безконечно многихъ подданныхъ. *Измываетъ* поистинѣ умъ всякъ и сіе таинство божественнаго смотрѣнія *разумѣти*. Помышляя всю ужасающую безпредѣльность неба и даже одну, подавляющую, необъятность земли, и сравнивая съ нею себя—неразличаемую песчинку въ общей сложности живущихъ на ней, невольно и вопреки голосу

сердца отрѣваешь отъ себя невмѣстимую мысль о неотступномъ, непрестанномъ, неизмѣнномъ, отеческомъ, дружескомъ, бѣльшемъ, чѣмъ наше собственное къ себѣ, однимъ словомъ: божескомъ вниманіи къ намъ Царя небеснаго. И однакоже есть, и бдитъ надъ нами, и пребываетъ съ нами *во вся дни* живота нашего, неусыпно назирающее насъ, царское око! Въ этомъ убѣждено было, есть и пребудетъ все человѣчество. Въ этомъ увѣряетъ насъ слово Господне, въ этомъ не позволяетъ усомниться и собственный cadaго опытъ. И какое же чудное довольство должно осіявать лице убѣжденнаго въ непосредственномъ о немъ божественномъ промышленіи! На какой высотѣ состоянія мирнаго, безпечальнаго, преисполненнаго благодатныхъ утѣшеній Св. Духа, онъ долженъ себя чувствовать! — Духъ святой есть Царь небесный! Не спрашиваемъ: какого неба, въ какомъ значеніи, или смыслѣ? Нѣтъ, для насъ всего дороже, всего радостнѣе и вождѣльнѣе то, что онъ царь *царства небеснаго*, столько извѣстнаго намъ изъ Евангельскаго ученія, царь духовнаго міра, будущей жизни. Куда, какъ не въ сіе христіанское небо, устремляются всѣ наши мысли, отлагаются всѣ наши надежды, — небо, уготованное въ вѣчное жи-

лице наше, предъ которымъ земля наша и наше земное обитаніе должны казаться мимолетнымъ сновидѣніемъ? Гдѣ, какъ не въ семъ истинно христіанскомъ, царствѣ, будетъ полное удовлетвореніе человѣческаго духа? Земныя царства обыкновенно суть царства власти, права, долга, требованія, воздаянія, а небесное должно быть царствомъ свободы, любви, благодати, всеобщаго довольства, и нерушимаго единства. Тамъ законъ царскій есть собственный законъ воли каждой твари, и нѣтъ, потому, никого тамъ, кто бы требовалъ выполненія его, нѣтъ ни основанія къ тому, ни повода, ни побужденія, ни расположенія въ комъ бы то ни было.. Въ сіе-то чудное царство призваны всѣ мы вѣрующіе, вступающіе въ него еще здѣсь на землѣ съ самой минуты запечаткованія насъ даромъ Св. Духа. *Богъ бже во Христі, міръ примиряя Себѣ* (2 Кор. 5, 19.), намъ сказано. И такъ съ явленіемъ Христа, небесное соединилось съ земнымъ, и наша Церковь должна составлять часть *небеснаго царства*. Но, братія! Едва годные для жительства въ земномъ царствѣ, что должны подумать мы о небесномъ царствѣ, въ которое, такъ сказать, влечемся, и часто какъ бы невольно, Святымъ Духомъ, и для котораго

столь мало, повидимому, мы приготовлены. Горькая участь изверженного съ брачной вечера за свою не брачную одежду не грозитъ ли и нашему недо-
 стоинству исключеніемъ изъ царства Божія—из-
 верженіемъ съ брачнаго торжества Агнца? Кто съ-
 умѣетъ повести себя надлежащимъ образомъ въ
 такомъ царствѣ, котораго законовъ приличій, обы-
 чаевъ, духа и силы и понять не всегда возмож-
 но? Справедливое опасеніе. Но успокойся вѣр-
 ный—подданный Царя небеснаго! Укрѣпляя по-
 добнаго рода малодушное недовѣріе къ себѣ Апо-
 столовъ, Господь нашъ сказалъ имъ: *не вы буде-
 те глаголющии, но Духъ Отца вашего, глаголай въ
 васъ* (Мат. 10, 20), *Той научитъ вы всему* (Іоан. 14,
 26). Сей же самый, глаголай въ насъ. Учитель вос-
 полнить и то, чего недостаетъ въ насъ къ высшему
 и совершеннѣйшему жителству, да будемъ и мы
 сѣмя доброе, *сыны царствія* (Мат. 13, 38), *сынове
 Божіи, водящіеся Духомъ Божіимъ* (Рим. 8, 14.).

2. Послѣ того, какъ Спаситель обѣщаль Боже-
 ственнымъ ученикамъ своимъ ниспослать отъ Отца
 Духа Святаго, имѣвшаго принести съ Собою земно-
 роднымъ дары благодати и благословенія неба, и
 наименовалъ Его утѣшителемъ, неизреченное вели-
 чіе небеснаго царя перестало быть преградою меж-

ду Имъ и человѣками и какъ бы вдругъ усилилось до того, что возрожденные въ благодатную жизнь безъ страха и съ дерзновеніемъ стали звать къ нему: *Авва, Отче, Утѣшителю!* Какъ отрадно, живительно и успокоительно сіе божественное слово для обремененнаго всякою земною тяготою сердца! Кому и чего не говорило оно и не говоритъ благопотребнымъ на всякое земное обстояніе образомъ? Если Богъ—нашъ Утѣшитель, то не можетъ быть ни одной скорби, которая бы не растворилась для насъ утѣшеніемъ. И кто вѣритъ сему, тотъ долженъ вѣрить, что и самая сія утѣшительная вѣра есть уже дѣйствіе Утѣшителя, призирающаго на всякое боголюбивое сердце, и *не оставляющаго ему искушѣніа паче, еже можетъ, но творящаго со искушеніемъ и избытіе, яко возмоуши ему понести* (1 Кор. 10, 13). Слово, которое мы передаемъ на языкѣ нашемъ именемъ *утѣшителя* имѣетъ гораздо обширнѣйшій смыслъ. Утѣшать можетъ всякій, и утѣшить иногда могутъ многіе. Но не изъ числа многихъ, тѣмъ менѣе—всякихъ, утѣшителей есть *утѣшительный Духъ*. Онъ есть единый и единственный, до слова: *п р и з в а н и к ъ* (Параклить) (*) людей,—тотъ, кого можно и должно

(*) *Παρακλήτος* Advokatus.

призывать намъ во всякой трудности въ жизни. Онъ есть заступникъ или ходатай или Посредникъ нашъ, *изводящій яко свѣтъ правду нашу, и судьбу нашу яко полудне* (II. 36, 6), *обличающій мръ* (Иоан. 16, 8.), *благовѣствующій нищимъ, исцѣляющій сокрушенныя сердцемъ, проповѣдующій плънникомъ отпущеніе, утѣшающій вся плачущія* (Ис. 61, 1. 2).. Онъ есть совѣтникъ нашъ, внушающій намъ мысли благія, желанія чистыя, намѣренія свята, способствующій намъ *въ немощехъ нашихъ* (Рим. 8, 26), и въ насъ самихъ открывающій источникъ благихъ *совѣтовъ* на пользу Церкви, какъ видимъ это въ примѣрѣ Ап. Павла (1 Кор. 7, 40).. Онъ есть руководитель нашъ, учащій насъ, вразумляющій, обличающій и, если нужно, наказующій, *открывающій намъ тайны Божіи* (— 11, 10), *дающій намъ слово разума и слово премудрости* (—12, 8), *ей же не возмогутъ противитися еси противляющіися* (Лук. 21, 15).. Во множествѣ сихъ званій своихъ, *призываемый* нами Духъ Божій, начиная отъ всѣхъ видимыхъ тайнодѣйствій Церковныхъ до сокровеннѣйшихъ оныхъ, исповѣданныхъ духовнымъ Апостоломъ, *совоздыханій духу нашему* (Рим. 8, 26), черезъ всю жизнь нашу про-

водитъ рядъ своихъ промыслительныхъ утѣшеній! О, если бы умъ нашъ былъ такъ внимателенъ, а взоръ сердечный такъ ясенъ, чтобы не пропустить незамѣченнымъ намъ ни одного *утѣшенія духовнаго!*

Когда, среди тягчайшей скорби, вдругъ ты, прі-
явшій *помазаніе отъ Святаго*, братъ во Христѣ, внутренно испытывалъ хотя на малое время миръ и успокоеніе, или даже и одно безболѣзненное забытье, какъ бы отдыхъ отъ величайшаго изнуренія тѣлеснаго или душевнаго: чье было это благотворное посѣщеніе? Когда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни ты вдругъ неожиданно получилъ благополучный исходъ, въ бѣдѣ—избавленіе, въ недоразумѣніи—совѣтъ, въ отчаяніи—надежду, въ ожесточеніи—умиленіе, въ страхѣ—мужество, во гнѣвѣ—состраданіе, въ забывчивости—предостереженіе, въ обидѣ—великодушіе, въ борьбѣ—крѣпость, въ болѣзни—исцѣленіе и т. под., чье все это было дѣло? Когда на пути ко грѣху ты встрѣтился съ совѣстію, послѣ грѣха—съ покаяніемъ, предъ неудержимымъ искушеніемъ остановленъ былъ благодѣтельнымъ препятствіемъ, въ превозношеніи сердца смирился, среди расчетовъ *душетщетной* (Мат. 16, 26)

прибыли обнищала, или идолопоклонствуя передъ лицомъ любимымъ, похоронилъ его своими руками, или возставая на порядокъ жизни, почувствовалъ себя изъемлемымъ изъ круга живыхъ.. Чьей мнимой немилости припишешь ты всѣ эти мнимыя напасти? Обстоятельства, природа, время, случай и, за недостаткомъ всего этого, неразумѣемое слово: судьба и прямо неразумное: *такъ*—вотъ что нерѣдко ставитъ человѣкъ на мѣсто промысла Божія, и чѣмъ хочетъ объяснить спасительныя утѣшенія Св. Духа, гнетомому грѣхомъ и суетою духу нашему! Утѣшить, значить сдѣлать пріятность—думаетъ близорукое самолюбіе, и, истинныя утѣшенія считая потому напастями судьбы, гонится за ложными утѣшеніями плоти и міра, въ чаяніи видѣть въ нихъ залогъ себѣ милости и любви Божіей. Да не подумаетъ когда-либо христоробецъ, что и сіи происходятъ также отъ Духа Утѣшителя. Надобно учиться понимать и отличать Его чистыя, духовныя утѣшенія отъ постыдныхъ и бессмысленныхъ утѣхъ «страстныхъ сладостей родителя», какъ называетъ негдѣ *отца лжи* молящаяся Церковь.

3. Когда дѣло коснется *отца лжи*, то невольно нудишься взойти къ источнику *истины*. Исторія человечества, неруководствуемая божествен-

нымъ Откровеніемъ, съ удивленіемъ встрѣчаетъ, на самыхъ первыхъ порахъ жизни человѣка, истину и ложь, равно какъ и вообще добро и зло, совмѣстно существующими и безпрестанно борющимися. Древнѣйшія вѣроученія человѣческія въ объясненіе непонятнаго явленія зла и лжи на землѣ придумывали бытіе внѣ ея двухъ совѣчныхъ и совластныхъ божествъ, истекшихъ изъ нѣкоего первобытнаго и родоначальнаго существа, непричастнаго ни той, ни другой изъ враждебныхъ сторонъ, о которомъ слѣд. нельзя сказать ни того, что онъ стоитъ за истину, ни того, что онъ любитъ ложь. Достойное уваженія усиліе, но и достойное жалѣнія безсиліе человѣка—уяснить томящую его тайну своей разстроенной жизни! Сожалѣнія, конечно, но никакъ не уваженія, достойно стремленіе послѣднихъ временъ разсѣчь запутанный узелъ отрицаніемъ существенной разницы между истиною и ложью. *Богъ нашъ Богъ единъ есть* (Втор. 6, 4.). И законъ Божій, потому, для всѣхъ и повсюду долженъ быть одинъ и тотъ же. Но нашъ Богъ не можетъ быть Богомъ истины и вмѣстѣ лжи. Царь неба и Утѣшитель земныхъ есть Д у х ъ и с т и н ы. Такъ назвалъ Его Сынъ Божій, давая обѣтованіе о

Немъ своей Церкви. Умолю Отца, говорилъ Онъ, и много Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, — Духа истины, Его же міръ не можетъ пріяти (Іоан. 14, 16. 17). Не пріемлющій ни сего, ни всякаго иного, Утѣшителя, нехристіанскій, міръ можетъ спросить: что же особеннаго содержитсяъ въ семъ новомъ наименованіи Божества? Увеличиваются ли наши свѣдѣнія о Богѣ тѣмъ, что Онъ есть духъ истины? Ибо и что такое — духъ, неизвѣстно, и что такое — истина, неясно.. Такъ! и Іудейскій Игемонъ, услышавъ отъ Господа Іисуса Христа слово объ истинѣ, сказалъ равнодушно: что есть истина (Іоан. 18. 38)? И, не смотря на то, что долженъ былъ слово Христово принимать, какъ судебное показаніе, не обратилъ на него вниманія.. Занятому дѣлами плоти странно и малозначительно и, можетъ быть, даже несмысленно казалось божественное слово объ истинѣ. И однакоже Господь нашъ весьма часто говорилъ объ истинѣ, Самъ называлъ Себя истинною (Іоан. 14, 6), въ свидѣтельствovanіи истины поставлялъ цѣль своего пришествія на землю (—18. 37), въ ней указывалъ совершенство богочтенія (—4, 23. 24), ей приписывалъ силу освобождать отъ грѣха (—8, 32), ея просилъ

Отца своего святить учениковъ своихъ (17. 17), и пр. Въ соотвѣтствіе сему, по неоднократному выраженію Спасителя, и Духъ Святой есть *Духъ истины* (—14, 17; 15, 26; 16. 13). Истина, потому, не есть ничто стороннее для христіанства. Она есть основа и вѣнецъ, сила, духъ его. Возлюбленный ученикъ Господень весь Новый Заветъ назвалъ *истиной* (—1, 17). И *духъ истины* знаменуетъ весьма многое. Прежде всего знаменуетъ, что Богъ есть *Богъ истины* (Пс. 30, 6. Иоан. 7, 28.), — *истиненъ* (Рим. 3, 4), *въренъ* (1 Кор. 1, 9.) (Сол. 5, 24.), *праведенъ* (Дан. 9, 14; 1 Иоан. 1, 9) и *преподобенъ во всѣхъ дѣльхъ своихъ* (Пс. 144, 13. 17.), — что и человекъ, который есть образъ Божій, и христіанинъ, который есть *храмъ Духа Святаго* (1 Кор. 6, 19), должны также имѣть въ себѣ духъ истинный или *правый* (Пс. 50, 12), — что Иисусъ Христосъ, свидѣльствованный (Иоан. 1, 32. 33) и оправданный (1 Тим. 3, 16) и прославленный (Иоан. 16, 14) Духомъ Святымъ, есть также *истиненъ* — и *нѣсть неправды въ немъ* (—7, 18), — что и Евангельское ученіе *истинно* есть и *нѣсть ложно* (1 Иоан. 2, 27), — все есть *слово истины*, по вѣрѣ въ которое мы и *знаменуемъя духомъ обѣто-*

ванія Святимъ (Еф. 1, 13), — что Церковь Святая, созидаемая Духомъ (—2, 22), также содержитъ въ себѣ, и будетъ содержать во вѣки (Мат. 17, 8; 28. 20), непреложную истину, и сама есть столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. 3, 15).. Вотъ что (и многое другое) означаетъ собою наименованіе: *Духъ истины*. А какое значеніе имѣеть то свойство, которому выраженіемъ служить наименованіе, кто пожелаетъ, можетъ узнать изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ говорится, что два человѣка, сомавшіе Духу Святому (Дѣян. 5, 3), одинъ во слѣдъ другому были вынесены мертвые изъ собранія вѣрующихъ. Изъ множества свидѣтельствъ о *Духъ истины* позднѣйшей исторіи христіанства приведемъ на память чудный примѣръ лицедѣевъ, пересмѣивавшихъ на языческомъ зрѣлищѣ христіанское таинство крещенія, и мгновенно исповѣдавшихъ себя христіанами, лишь только произнесли покланяемое имя Святыя Троицы. Таковъ былъ, есть нынѣ, и пребудетъ во вѣки, *Духъ истины!*

Братія! Мы знаемъ, что со лжи началось зло въ мірѣ. Въ безконечно различныхъ видахъ первой преслѣдовало послѣднее дѣла Божіи, или истину, на землѣ, усиливаясь сдѣлать недѣйстви-

тельными дѣйствіями *Духа истины* на Церковь Божию, и основать на землѣ другую, какъ бы тоже церковь.. *лукавнующихъ* (Пс. 25, 5), *сборище, сыновъ противленія* (Еф. 2, 2), *рабовъ грѣха* (Іоан. 8, 34; Рим. 4, 16), творящихъ волю діаволу. По видимому, какъ ясно должно казаться даже для помраченнаго ума, что суетна надежда твари на успѣхъ противъ Творца. Но отецъ заблужденія доселѣ не приходитъ къ столь естественному убѣжденію, и борется неутомимо съ силою Божіею. Кромѣ его безмѣрной гордости, не держитъ ли его въ безумномъ и преступномъ упорствѣ отчасти и наше, братія, *храмлющее на обѣ плеснь* (3 Цар. 28, 20), поведение? Ему конечно извѣстно, что всѣ вѣрующіе введены въ общеніе съ *Духомъ Святымъ*. Онъ безъ сомнѣнія видитъ, что мы вооружены противъ него оружіемъ непоборимымъ, и, однакоже, почти во всякое время находить насъ готовыми съ радостію бѣжать на встрѣчу его погибельному зову. Какъ не подумать врагу нашему, что или *Духъ обѣтоанія*, со шедшій нѣкогда въ чудесахъ и знаменіяхъ на Апостоловъ, не имѣетъ болѣе надъ нами своей прежней силы, или что мы отрѣваемъ его отъ себя, по крайней мѣрѣ,—забываемъ о Немъ.

Сколько поводовъ даемъ мы древнему клеветнику сплетать новыя и новыя лжи на *Духа истины!* Братія! Праздникъ Утѣшителя заставляетъ насъ говорить объ утѣщеніи, но истина, соприсущая ему, призываетъ насъ припомнить также одну, несомнѣнную, и весьма неотрадную, истину: *Отвергся ли кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ, или тріехъ свидѣтельхъ умираетъ,* говоритъ Апостоль. *Колико, мните, горшя сподобится муки, иже Сына Божія поправый. и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28. 29? А не укоръ ли это *Духу благодати,* что мы, запечатлѣнные Его дарами, пренебрегаемъ свое христіанское достоинство, и своимъ легкомысліемъ, празднословіемъ, плотоугодіемъ, своенравіемъ и самомнѣніемъ лжемъ передъ всѣмъ міромъ на себя и на Бога, *лжи творимъ Его* (1 Іоан. 1, 10), *Духа истины,* представляя себѣ Его безсильнѣе и бездѣйственнѣе *духа лести* (— 4, 6)? И одно ли *укореніе Духа благодати* возможно у человѣка? Къ несчастію, нѣтъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ о возможности *хулы на Духа Святаго* (Мат. 12, 31). О, да хранить Онъ Самъ всякаго христіанина отъ такой послѣдней и невозвратной гибели *и въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ.* (— 32.)!

4. Страшно есть, ежи впасти въ руку Бога живаго, продолжаетъ Апостоль (Евр. 10, 31), въ слѣдъ за угрозою укорителю Духа благодати. Поистинѣ, отъ руки сея крѣпкія (1 Петр. 5, 6) никто не изметъ, и руку Его высокую никто не отвертитъ (Ис. 14, 27), и когда похитить она кого, не будетъ избавляя (Ис. 49, 22). Но какъ не впасть въ карающія руки? Сей Богъ живой есть вездѣ сый и вся исполняяй! Нѣтъ, потому, мѣста, гдѣ бы можно было укрыться отъ Него, и избѣжать руки Его. *Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, Ты тамо еси. Аще спиду во адъ, тамо еси. Аще возму криль мои рано, и всеюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя* (Ис. 138, 7—9) .. И невмѣстимо для ума и страшно для сердца и много, безмѣрно много, для всего существа нашего сіе вездѣприсутствіе Божіе, сіе исполненіе зиждительнымъ Духомъ всей твари, не минующее и насъ! Но, общники и носители и сожители Духа благодати! получивши великое, не откажемся принять малое. Зная, что Духъ Святый присно съ нами есть, не будемъ представляться не понимающими, какъ Онъ можетъ быть вездѣсущимъ и вся исполняющимъ,

и не будемъ вопрошать себя въ недоумѣнія: какъ? ужели Онъ и теперь, и здѣсь есть весь всецѣло, существомъ и дѣйствиємъ? Ужели Онъ исполняетъ собою все, и—самое то, отъ чего отвращается нашъ грѣшный и оскверненный духъ? Ужели..? Но прервемъ неумѣстные вопросы. Есть Онъ вездѣ и во всемъ. Въ этомъ не можемъ усомниться, зная даже то одно, что онъ есть Творецъ всего, и ограничиваясь даже одними, самыми скудными, понятіями о твореніи. Мы унизили бы предметъ такой величайшей важности, приравнивъ его къ явленіямъ обитаемой нами малой земли? Но преславный Умъ сей, научившій насъ высочайшему тайнству Св. Троицы, пусть дастъ дерзновеніе слову нашему. Онъ самъ какъ бы приводитъ насъ къ подобному сближенію земнаго съ небеснымъ. Являясь въ стихійномъ мірѣ нашемъ, Духъ Святой принялъ на себя видъ *огненныхъ языковъ*,—видъ пламени,—т. е. теплоты и свѣта, сихъ первыхъ основъ всякой жизни, замѣчаемой нами на землѣ. Кто осмѣлится сказать, что это было случайно, а не преднамѣренно? Не говоримъ, что Духъ Божій есть огонь и свѣтъ, но имѣемъ поводъ сказать, что какъ огонь, послужившій образомъ Божеству, находится во всякомъ веществѣ,

такъ первообразъ его есть во всякомъ существѣ, — и какъ свѣтъ, разлитый по всему мірозданію, дѣлаеть видимыми всѣ творенія Божіи, такъ Духъ Святой, осіявающій всякую разумную тварь, дастъ ей разумѣть всю совокупность дѣлъ Божіихъ. Присовокупить ли къ сему, что какъ огонь, вездѣ и все исполняющій въ вещественномъ мірѣ, приходитъ въ явленіе не вездѣ и не всегда, такъ и Духъ Святой можетъ *горѣть* (2 Тим. 1, 6.) въ человѣкѣ, можетъ и *угаснуть* (1 Сол. 5, 12)? Скажемъ ли еще, что какъ свѣтъ можетъ быть видимъ только глазомъ, и хорошо видимъ — только неповрежденнымъ глазомъ, такъ и сіяніе просвѣщающаго Духа хотя на всѣхъ изливается, но не во всѣхъ находитъ способность или готовность принять божественныя внушенія?.. Много можно сказать о Томъ, Кто, по пѣсенному славословію Церкви, есть *огнь отъ огня* *происходяй*, *свѣтъ и свѣта податель*, *Самоблагій* и *Источникъ благодѣяній*. Но послѣднее слово, конечно, будетъ то, что Онъ есть *Богъ и боготворяй*. Кто можетъ стать на высоту богословія, съ которой тварь видится приѣмлющею божественныя свойства, тому не можетъ казаться дивнымъ, что есть Духъ, *вездѣ сый, и вся исполняй*.

Обращаемся къ своему брэнному и скудельному составу, — сему, по благоволенію Божію, предпочтенному и предосвященному *храму Духа свя- таго*.. О, Братія! У кого достанетъ силы и дерз- новенія подумать, что Богъ обитаетъ въ немъ? Если обитаетъ,—то Богъ ли онъ, — обитающій? Если онъ Богъ, то человѣкъ ли—обитаемый? Что по- слѣдній есть человѣкъ, грѣшный, ограниченный, смертный, въ этомъ, вопреки навѣтамъ духа лжи, никто никогда не сомнѣвался (и дай Богъ, чтобы никогда не усомнился, ни возвышая себя до Бо- жества, ни унижая себя до вещества!). И что пер- вый есть Богъ, это, къ величайшему счастью на- шему, также несомнѣнно. Мы научены сему св. вѣрою, должны вѣрить сему, и не мудрствуя вѣ- руемъ. Что же должно выходить изъ сей вѣ- ры нашей? Послѣдствія ея безчисленны. Прежде всего долженъ выйти страхъ, какъ бы Сей *огнь по- дающій* (Евр. 12, 29), соединившись съ такимъ хвра- стіемъ, какъ мы, не попалилъ безвременно жизни нашей (1 Кор. 11, 30), потомъ—строгое и непре- рывное вниманіе къ таинству своей духовной жиз- ни, величайшая осторожность и осмотрительность въ поступкахъ, словахъ, мысляхъ, желаніяхъ и чувствованіяхъ, далѣе — чистота, смиреніе, благость,

правота, миръ, непрестанная молитва и наконецъ совершенная любовь, вонь изгоняющая страхъ (1 Иоан. 4, 18), вообще говоря словами Апостола, *вся, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала. Ся помышлять* (Фил. 4, 8) и творить долженъ тотъ, кто знаетъ, что *Господь близъ его есть* (—5). Все, что мы знаемъ лучшаго, совершеннаго, богоприличнаго, должно быть принесено нами въ даръ и жертву обитателю и невѣстокрасителю души нашей. А то, что въ душѣ есть худшаго, постыднаго и богомерзкаго.. что съ нимъ дѣлать? Искать ли скрыть его отъ Вездѣсущаго и Всясполняющаго? Но гдѣ, куда и какъ сокрыть? И что пользы скрывать? Нѣтъ лучше въ сокрушеніе сердца и въ слезахъ покаянія. Тому *единому* (Пс. 50, 6) *возвѣщать беззаконіе свое* (—37, 19) и вопіять ему: Душе Святой, *обнови насъ* (Тит. 2, 5)! Душе Христовъ, *способствуй намъ въ немощехъ нашихъ* (Рим. 8, 26). Душе Господень, *преобразуй насъ отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18). Душе благій, *настави насъ на землю праву* (Пс. 112, 10)!

5. Чтò бы мы ни принесли въ даръ или умолю-

стивленіе обитающему съ нами Божеству, малую
 ли добродѣтель, или великое покаяніе, то, что, въ
 замѣвъ нашихъ посильныхъ пожертвованій, по-
 даетъ намъ Духъ Святой, превосходитъ всякую
 мѣру воздаянія. Вмѣстѣ съ Нимъ, мы получаемъ
 въ даръ себѣ неисчерпаемое с о к р о в и щ е б л а -
 г и х ъ, изъ котораго можемъ получать все, чего
 ни попросимъ у Бога, а часто и то, чего не про-
 симъ, но чего слѣдовало просить; ибо и просимое
 и просимый, прибавимъ, и просящій, когда дѣло
 идетъ о духовной нуждѣ и духовномъ благѣ,
 суть одно и то же, т. е. единый источникъ бла-
 гоугодности, *Духъ святой, свѣтъ и животъ и жи-
 вый источникъ умный, благодать, правый, обладающій,
 очищающій прегрѣшенія, глаголющій, дѣлющій, раздѣляющій
 дарованія.* Въ такомъ сокровищѣ чего нельзя най-
 ти? Такое сокровище какъ не цѣнить, не беречь,
 не почитать? Такимъ сокровищемъ можно ли не
 пользоваться? Злой по развращенной природѣ своей
 человѣкъ все же не потерялъ прирожденной ему
 мысли о благѣ, и, нося въ себѣ чаюніе добра со-
 совершеннѣйшаго, всегда желаетъ его, и старается
 найти. Та древняя ложь, о которой мы многократ-
 но говорили, прежде всего попыталась обогатить
 передъ человѣкомъ его мысль о благѣ совершен-

нѣйшемъ, и прилѣпла сердце его къ мимолетнымъ обманчивымъ и потому всегда опаснымъ, радостямъ тѣлесной жизни, или и — духовной, но въ извращенномъ видѣ, и измѣненномъ свойствѣ. Духъ Господень, сотворивъ Себѣ обитель въ человѣкѣ, далъ ему возможность внутри самого себя возчувствовать то конечное благо, котораго только слабыя отраженія видятся въ земныхъ, скудныхъ и тѣнныхъ наслажденіяхъ. Теперь христіанинъ въ себѣ самомъ носить (если не утратилъ въ вѣдѣніи, или невѣдѣніи) потаенное *сокровище благихъ*, изъ котораго можетъ получать неоскудѣваемое богатство даровъ, благопотребныхъ на всякое тѣсное и горькое обстояніе жизни. Чтобы понять, какъ велико сіе незримое и неосязаемое сокровище, припомнимъ день оный преславный и преблаженный, въ который Духъ Святой въ такой видимости сошелъ на Апостоловъ въ такомъ обиліи дарованій. Припомнимъ, что Духъ Святой есть *Духъ премудрости, разума, совѣта, крѣпости, вѣдѣнія, благочестія и страха Божія* (Ис. 11, 2—Духъ силы, любви и цѣломудрія (2 Тим. 1, 7)—что дѣйствія св. Духа суть: *наученіе всему* (Іоан. 14, 26.) *припамятованіе* прошедшаго (—), *возвышеніе* будущаго (—11, 13), *очищеніе, освященіе, оправданіе*

грѣшника (1 Кор. 1, 11), *всыновленіе Богу* (Рим. 8, 15), *свобода* (2 Кор. 3, 17), *слава* (—8. 18), *безсмертіе* (Рим. 8, 2) и *воскресеніе людей* (—11),—что явленія св. Духа суть: *слово премудрости и разума, въра, дарованіе изцѣленій, дѣйствія силъ, пророчество, разсужденія духовомъ, роди языковъ, сказанія языковъ* (1 Кор. 12, 7—10),—что плоды жизни во св. Духѣ суть: *благодѣтелиа и истина* (Еф. 5, 9), *правда, миръ и радость* (Рим. 14, 17), *любовь, долготерпѣніе, милосердіе, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22. 23).. Изъ сего-то сокровища благихъ черпали свои утѣшенія всѣ мученики и подвижники благочестія. Симъ сокровищемъ поддерживали и восполняли ревность своего духа всѣ, Христа ради терпѣвшіе злая (Лук. 11, 25), и получавшіе за то *сторицею благая, или нынѣ же, во время сіе* (Марк. 10, 30), по слову Господнему, *или въ вѣкъ грядущій* (—). но уже такое благо, къ которому ничего приравнять нельзя,—*животъ вѣчный* (—).

Братія! Древнее баснословіе представляло въ поучительный урокъ своему времени чловѣка, который стоялъ въ водѣ по самыя уста, умиралъ отъ жажды, и не пилъ. Мы сами часто временно повторяемъ, въ наученіе другимъ, баснослов-

ный примѣръ челоуѣка, который умираетъ отъ голода, сторожа свои неисчетныя сокровища. Знаемъ и еще одну басню, какъ нечаянно обрѣтенное зерно жемчужное было оцѣнено менѣ зерна хлѣбнаго. Въ наше время нерѣдко съ басней начинаютъ умственное воспитаніе челоуѣка. Поучимся и у баснословія, на сколько дали ему право учить себя, какъ бы въ замѣнъ нашего *единого Учителя* (Мат. 23, 8). Оно указываетъ на троякаго рода людей, имѣющихъ сокровище, но не пользующихся имъ. Одни не могутъ пользоваться, другіе не хотятъ, третьи не умѣютъ. Не устыдимся спросить себя: И мы, по милости Божіей стяжавшіе оное неоцѣненное *сокровище благихъ*, не принадлежимъ ли къ которому-нибудь изъ трехъ разрядовъ? Ахъ, принадлежимъ, и—часто невѣдомо самимъ себѣ. Кто, такъ сказать, погруженъ въ волны благодати, и между тѣмъ попеченіями житейскими привязанъ къ міру столько, что не можетъ склонить слуха своего на призывъ Божій, что онъ, какъ не живая дѣйствительность баснословнаго Тантаала? Кто день ото дня, годъ отъ года отлагаетъ, въ надеждѣ неизвѣстно на что, раскрытіе и употребленіе даровъ Св. Духа, и часто умираетъ, не воспользовавшись ничѣмъ изъ

своего сокровища, что онъ опять, какъ не жалкій и ненавистный оный скупецъ, дарованіе жизни превращающій въ мертвое стяжаніе? Наконецъ какъ не подумать, что большая часть насъ, обрѣтающихъ многоцѣнный бисеръ, по животной неспособности къ разумѣнію предметовъ духовныхъ, считаютъ его ничѣмъ, и охотно, при случаѣ, мѣняютъ на первую потребность тѣла? Нѣтъ, не таковъ истинный, богомудрый и попечительный, притяжатель божественнаго сокровища. По слову Господнему, онъ, нашедъ сіе сокровище, *отъ радости идетъ, и вся, елика имать, продаетъ, и покупаетъ его* (Мат. 13, 44.), купивши же, не скрываетъ въ землю, но пускаетъ въ оборотъ, чтобы не плакать нѣкогда и не скрежетать зубами, отъ поздняго раскаянія *во тмь кромльиной* (—25, 30). Баснословные тѣ обладатели вещественнаго сокровища тѣмъ однимъ и наказывали себя, что не пользовались имъ. Съ того же, кто не пользовался *духовнымъ сокровищемъ благихъ*, кромѣ самовольнаго лишенія, будетъ нѣкогда еще строгое взысканіе за непользованіе. *Ему же дано много, много взыщется отъ него* (Лук. 12, 58). Таковъ законъ всесовершенной любви Божіей! Сокровище же *благихъ* есть самъ Богъ. Сего довольно къ

тому, чтобы не счесть взысканія ни несправедливымъ, ни немилостивымъ.

6. Вѣкъ нашъ, паче мѣры ревнивый къ правамъ человѣка, съ неприятностію слушаетъ слово о божественномъ взысканіи. Зачѣмъ и къ чему оно, спрашиваетъ затронутое, безпечное самолюбіе. Едва удерживается, чтобъ не спросить: по какому оно праву? Упредимъ отвѣтомъ: по тому неоспоримому праву, что взыскующій есть ж и з н и п о д а т е л ь. Священное бытописаніе передаетъ намъ, что когда обитаемый нами міръ, вызванный божественнымъ благоволеніемъ къ бытію, еще былъ безвиденъ и неустроенъ, Духъ Святой, *носясь* надъ нимъ, живилъ его, и уготовлялъ въ жилище человѣку. Духъ Божій оживилъ и то смѣшеніе брешное, которое стало потомъ *въ душу живу* и живородящую,—въ человѣка. Передавъ животочную силу самому естеству нашему, податель жизни однакоже не отступилъ отъ нея, раздавая ее какъ, кому, въ какой мѣрѣ, въ какомъ свойствѣ, когда и гдѣ угодно его премудрости дать, черезъ какую участь провестъ, къ какому исходу направить, и пр. Хотя человѣкъ преступленіемъ своимъ и вышелъ изъ всеобщаго чина тварей, составляющихъ *царство Божіе*, однако все же ви-

димо стремился къ нему подъ незаглушимый голосъ совѣсти. И Податель жизни, хотя также пересталъ *пребывать* въ наибольшей части людей, ставшихъ *плотію* (Быт. 6, 3), однакоже не оставилъ жизни человѣческой вовсе безъ призрѣнія, и гдѣ обрѣталъ, соотвѣтственныя себѣ, явленія духа, тамъ для жизни человѣка былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ до его грѣхопаденія. Примѣръ—угодникъ Божій Енохъ. Гдѣ же Онъ видѣлъ только слабый, и чуть мерцающій, лучъ духовной жизни, тамъ ограничивалъ свое животворное промышленіе однимъ храненіемъ, чтобы даръ жизни не былъ злоупотребляемъ противъ подателя ея. А гдѣ и это обнаруживалось, тамъ онъ прямо отступалъ отъ человѣка,—и человѣка топила вода, поглощала земля, попялялъ огонь, погублялъ воздухъ, пожирала звѣри. Прилагалась смерть на смерть! Но послѣ того, какъ неизслѣдимая премудрость и неизмѣримая любовь *попрали смертію смерть*, податель жизни, соединившись съ нами, началъ приводить въ явленіе свое сокровенное таинство *вѣчной жизни*, въ которое едва, издавеча, могло приникать ветхозавѣтное человѣчество, и о которомъ чуть гадало, по смутной памяти, язычество,—сталъ готовить насъ къ переходу отъ временной,

образной жизни въ дѣйствительную, безконечную, которой собственно онъ есть *податель*, и ради которой даетъ намъ и то мимолетное бытіе, которое мы, не разумѣющіе таинства, принимаемъ за всю, единственную и окончательную, ж и з н ь, Естественный, неистлѣнный, безболѣзненный и радостный переходъ отъ одного вида бытія къ другому долженствовалъ быть нѣкогда общимъ достояніемъ всякаго, воззываемаго къ жизни ея подателемъ. Теперь подобное *измѣненіе* (1 Кор. 15, 51. 52) вамъ обѣщано для той части человѣчества, которою застигнетъ великій и рѣшительный *последній день*. Всѣмъ же другимъ предлежитъ путь, пройденный и указанный Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, *первенцемъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.) *начаткомъ умершихъ* (1 Кор. 15, 23), которому *сообразны будемъ* (Рим. 6, 5) всѣ мы, запечатлѣнные Его Духомъ, т. е. путь смерти и воскресенія, слѣдующихъ, или вскорѣ другъ за другомъ, по примѣру самого Господа, Его Пречистой Матери и Его возлюбленнаго Ученика, или на разстояніи тысячъ лѣтъ, которыя у Господа, и у почивающихъ о Господѣ, *яко день одинъ* (2 Петр. 3, 8).

Св. Церковь, путеводительница наша отъ вре-

менной къ вѣчной жизни, приснопекущаяся о
 живыхъ и никогда не забывающая усопшихъ, въ
 сей нарочитый день призванія Тривпостаснаго
 Божества возбуждаетъ всѣхъ насъ къ теплой мо-
 литвѣ о преждепочившихъ коегождо отцѣхъ и
 братіяхъ и прочихъ сродницѣхъ по плоти и всѣхъ
 своихъ по вѣрѣ, да подастъ имъ всѣмъ жизни
Податель вмѣсто тлѣнной, страстной, мятежной,
 болѣзненной, горестной жизни — *Рай сладости,*
страну живыхъ, царство небесное. Братія! Когда
 будетъ возноситься молитвенное слово за нихъ, не
 пропустите его безъ горячаго сочувствія души.
 Будетъ время (и кто знаетъ, какъ оно далеко отъ
 кого?), что моленіе, подобное нынѣшнему, будетъ
 совершаться уже безъ насъ, и о насъ будутъ мо-
 литься, какъ о преждепочившихъ.. О, какъ жела-
 тельно будетъ намъ тогда, чтобы кто-нибудь, хотя
 одинъ кто-нибудь, со вздохомъ души помянулъ
 передъ *Подателемъ жизни* и наше, можетъ быть
 уже и позабытое, имя! *Воздежемъ же руки наша*
во святая и благословимъ Господа — воздвигнемъ
(Пс. 133, 2), и сердца наша съ руками къ Богу
высокому на небеси (Пл. Іер. 3, 41), восплачемся
предъ Нимъ (94, 6.) за другихъ и за себя!

Жизни подателю! Сокровище благихъ! Вездѣ
 сый и вся исполняй, Душе истины! Утѣшителю!
 Царю небесный! Прииди и вселися въ ны, и очисти
 ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже души
 наша! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПОНЕДЕЛЬНИКЪ ПЯТЬДЕСЯТНИЦЫ.

Идѣже Духъ Господень, ту свобода.

2 Кор. 3, 17.

Расторглись нервѣшмыя узы попрагнаго и доу-
влачимаго естества человѣческаго. Воспрянулъ
падшій, и обнаружилъ въ себѣ силы, не подозрѣ-
ваемыя ни кѣмъ,—ни имъ самимъ. Проглаголавъ
нѣмотствующій, и затмилъ собою медленноязыч-
наго и гугниваго, извитійствовавшаго богописан-
ный законъ.. *Бысть шумъ, яко же носиму дыха-
нїю бурну, и исполни домъ, идѣже бяху съдѣюще. И
вси начаша глаголати странными глаголы, стран-
ными ученїи, странными повелѣнїи святыя Трои-
цы!* Сїи странные глаголы были природные язы-
ки многихъ народовъ, извѣстнаго намъ древнаго

міра. Сія внезапные языковѣдцы были рыба́ри Галилейскіе, едва ли знавшіе достаточно свое собственное нарѣчіе. Чудо—безпримѣрное, и для изслѣдователя души человѣческой представляющее загадку нерѣшимую! Но одно ли непостижимое и пренаменательное дарованіе языковъ достойно привлечь къ себѣ вниманіе наше въ событіи, на всѣ вѣки единственномъ? *Духъ даеше имъ провѣщавати*, сказано (Дѣян. 11, 4.). Не обвинуясь, прибавимъ мы, что тотъ же Духъ даеше имъ и вообще вѣщати. Уста духоносныхъ Апостоловъ отверзались въ тотъ день не только для *глаголанія величія Божія* (—11) звуками, неслыханными и для нихъ самихъ, но и для свободной, дерзновенной рѣчи передъ народомъ. *Ставъ же Петръ со единонадесятми, воздвиже гласъ свой и рече имъ: мужіе Іудейстии, и живущи во Іерусалимѣ вси, сіе вамъ разумно да будетъ, и внушите глаголы моя* (—14). Такъ вѣщаль первоверховный Апостолъ. Гдѣ тотъ страхъ, который за два мѣсяца передъ тѣмъ заставлялъ его, оставивъ Учителя, бѣжать, отречься отъ Него передъ рабыней, и сидѣть за заключенными дверями? Куда сокрылось подавляющее сознаніе, что онъ неученый простецъ, Галилеянинъ, рыба́рь?. *Мужіе, братіе!*

возглашаетъ онъ, *достоитъ рещи съ дерзновеніемъ.. вси мы есмь свидѣтели.. твердо убо да разумѣетъ весь домъ Израилевъ.. покайтесь, спаситесь отъ рода строптиваго сего..* (—29. 32. 36. 38. 40). Кто другій сообщилъ слову Апостола такую независимость и рѣшительность, и кто внушилъ ему такую свободу обращенія ко *всѣмъ живущимъ въ Иерусалимъ, и ко всему дому Израилеву,* какъ не Духъ Святой? *Идѣже Духъ Господень, ту свобода.*

Когда слышится слово: *с в о б о д а*, за нимъ, какъ за свѣтомъ тѣнь, предполагается скрывающимся другое слово: *рабство*. Человѣчество хотя любить свободу, какъ радующій свѣтъ души, но жило и живетъ постоянно въ рабствѣ, или по кр. мѣрѣ, въ работѣ, съ которою до того свыклось, что большею частію только по количеству, или по свойству послѣдней уразумѣваетъ и цѣнитъ первую. Три вида духовной работы узнаемъ мы изъ слова Божія. Оно говоритъ намъ о работѣ *ирьху* (Іоан. 8, 34), о работѣ *мамонь* и о работѣ *Богу* (Мат. 6, 24). Зная, что *идѣже Духъ Господень, ту свобода*, умѣстно спросить: прилична ли христіанину, въ которомъ *живетъ Духъ Христовъ* (Рим. 8, 9), какая бы то ни была *духовная работа*?

1. Господь нашъ Іисусъ Христосъ однажды ска-

заль Иудеямъ: *аще пребудете въ словеси Моємъ, со- истину ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина сводитъ вы* (Іоан. 8, 31. 32). Слушатели обидѣлись, и отвѣчали: *съмя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже: како ты глаголеши: яко свободни будете?* (—33). Тогда Господь, исправляя ихъ односторонній и ограниченный взглядъ на свободу, сказалъ: *аминь, аминь, глаголю вамъ: яко творяи грѣхъ рабъ есть грѣха* (—34). Вотъ первое, что христіанство выдаетъ за дѣйствительное рабство,—*работа грѣху*. Такъ или иначе, всякій человѣкъ сознаетъ свое глубокое, внутреннее порабощеніе. Рѣдко понимается оно ясно и отчетливо; большею частію только тайныя воздыханія сердца, сокрушаемаго разладомъ жизни, свидѣтельствуютъ о томъ, что духъ знаетъ свое горькое положеніе. *Азъ плотянь есмь, говоритъ Апостоль, проданъ подъ грѣхъ. Не еже бо хочу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю. Соуслаждаюся закону Божію, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоующъ закону ума моего, и плыняющъ мя закономъ грѣховнымъ. Окаяненъ азъ человекъ* (Рим. 7, 14—24). Какое разительное свидѣтельство внутренняго рабства человѣка, изшедшее изъ чистѣйшей и свобод-

вѣйшей души! Кто изъ насъ въ лучшія минуты жизни, святія минуты покаянія, не восклицалъ того же самаго? Сіе первоначальное и родоначальное рабство наше началось съ того, въ чемъ всего менѣе можно было ожидать найти его, съ самолюбія нашего. Человѣкъ связалъ себя своекорыстною мыслию объ одномъ себѣ, поработилъ себя себѣ. Все у него обратилось въ средство къ сей единственной цѣли, и главная цѣль бытія его, Богъ пересталъ быть предметомъ его неотступнаго вниманія и помышленія. Изъ перваго грѣха сего родились потомъ многіе другіе, и рабъ перваго сдѣлался рабомъ всѣхъ прочихъ. Чѣмъ болѣе онъ подчинялся и покорялся имъ, тѣмъ болѣе они крѣпли, и возрастали, и размножались. Заманивая духъ человѣка удовольствіями, грѣхи входили въ ежедневныя потребности человѣка, становились его привычками, изъ привычекъ переходили въ склонности, изъ склонностей въ страсти. Рабъ дѣлался невольникомъ всѣхъ преступныхъ влеченій плоти и духа до того, что наконецъ не сознавалъ своей погибельной неволи, оковавъ себя отовсюду ложными правилами, ложными взглядами, ложными ощущеніями. Мы видѣли, что когда возсіялъ Свѣтъ божественной истины, обѣщавшій лю-

идамъ изведеніе на свободу, люди уже не разумѣли
 своего рабства, и искали какъ бы укорить Истину
 въ мнимой клеветѣ на нихъ. Побѣдившій грѣхъ сво-
 имъ безпримѣрнымъ, искупительнымъ самоотвер-
 женіемъ, Господь нашъ первымъ правиломъ жизни
 для своихъ послѣдователей поставилъ въ проти-
 водѣйствіе и противоядіе самолюбію, самоотвер-
 женіе, и тѣмъ положилъ начало освобожденію
 нашему изъ работы грѣху. Его Духъ, сообщаю-
 щій намъ *вся, яже къ животу и благочестію силы*
 (2 Петр. 1. 3), возвращаетъ насажденное Госпо-
 домъ, сѣмя свободы нашей и дѣлаетъ христіанина
 способнымъ восходить мало-по-малу къ полной и
 блаженной независимости отъ собственныхъ же-
 ланій, ощущеній и кичливыхъ представленій по-
 мраченнаго ума. Само собою разумѣется, что сво-
 бода, сообщаемая Духомъ, ничего не имѣетъ об-
 щаго съ тою ложною свободою, которую мудрые
 вѣка сего поставляютъ въ нестѣсняемости мысли,
 чувства, желанія, слова и дѣла. Одна ищетъ Бо-
 га, другая — себя, та ревнуетъ о совершенствѣ, эта —
 о преимуществѣ, та учитъ безстрастію, это взы-
 ваетъ къ страстямъ, и дѣйствуетъ черезъ страсти,
 та внушаетъ миръ, эта миръ считаетъ предатель-
 ствомъ, та требуетъ самоотверженія, эта проповѣ-

дуетъ невозбранное пользованіе всѣмъ, у кого что есть, та уживается со всѣми гражданскими учрежденіями и порядками, сія же не рѣдко проповѣдуетъ, что законы положительныя суть несправедливость, власть есть насиліе, права и обязанности—вещь условная, собственности нѣтъ, общественныя связи—игра. Какой же духъ одушевляетъ ревнителей сей свободы, отвергающей подчиненіе закону, и считающей все себѣ дозволеннымъ? Духъ ли —Господа, кроткаго и смиреннаго сердцемъ (Мат. 11, 29), заповѣдавашаго и намъ смиреніе (Лук. 14, 11), прощеніе обидъ (Матѳ. 5, 39), самопожертвованіе ради его (—10, 39) и устами Апостола, учившаго насъ такъ: *повинитесь всякому человѣчу начальству Господа ради, аще царю, яко преобладающему, аще ли княземъ, яко отъ Него поставленнымъ... яко тако есть воля Божія, благотворящимъ обуздывать безумныхъ чловѣкъ не въ жество, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу* (1 Петр. 2, 13. 16). Очевидно, не Духъ Господа въ нихъ дѣйствуетъ, а духъ лжи (Іоан. 4, 2. 6), ни чѣмъ недовольный, вѣчно мятежный и всему враждебный. Онъ изводитъ изъ мрака *стыднїя вѣчнаго* проповѣдниковъ лжи, которые, сами нося на себѣ оковы по-

зорнаго рабства страстямъ, и на другихъ налагаютъ эти оковы, *другимъ обѣщаютъ свободу, сами раби суще тльнїя* (2 Петр. 2, 19). Дай Богъ, чтобъ среди насъ никогда не раздавался голосъ сихъ проповѣдниковъ.

2. Порабощенный самолюбію человѣкъ искалъ поработить себѣ все; онъ въ слѣпотѣ возмечталъ, что можетъ поработить и *міръ прїобрѣтши* его весь (Марк. 8, 36). *Во зль лежащїй міръ* (1. Іоан. 5, 19.) воспользовался слѣпотою безумїа, и, уступая челоуѣку въ мелочномъ и случайномъ, не имѣющемъ никакой цѣны, завлекалъ его къ себѣ въ существенныхъ потребностяхъ его жизни, и мало-по-малу плѣнивъ его, связавъ, ослабивъ, обездушивъ, положилъ наконецъ на него такую глубокую печать рабства, что подъ нею съ трудомъ уже можно было узнать челоуѣка, провести непереходящую черту между нимъ и животными безсловными. Имъ овладѣли съ одной стороны страхъ предъ явленїями природы, раболѣпство передъ ея силами, слѣпая вѣра въ первые видимые ея законы: онъ сталъ боготворить міръ. Съ другой стороны имъ овладѣла жажда міра неутолимая, желанїе все присвоить себѣ, всѣмъ воспользоваться, насладиться, убѣжденїе во вседоста-

точности міра, прибѣжность и приверженность къ нему,—онъ сталъ любить міръ. *Духъ Господень*, исполнивъ естество наше силами *не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36), превратилъ бѣдныхъ, слабыхъ и робкихъ рыбарей въ побѣдителей міра, и чрезъ нихъ излившись на весь родъ человѣческой, освободилъ людей отъ рабства міру. Первые причастники Духа Святаго они чувствовали себя на столько возвышенными надъ міромъ, что прямо презирали его, *вмѣняли вся уметы быти,—щещу, Христа ради* (Фил. 3, 7. 8), не боялись ни лишеній, ни болѣзней, ни напастей, ни скорбей, или лучше не считали ихъ за то самое. Неисчетный ликъ исповѣдниковъ евангельской истины показалъ величайшее торжество человечества надъ міромъ. Въ той самой немощной и многострастной плоти, которая сама есть ближайшая и крѣчайшая сътъ духа нашего, они показали образецъ полнѣйшей свободы и независимости духовной, отдавая ее на жесточайшія муки, и благодумствуя въ смертныхъ истязаніяхъ, ни одного стона, ни одного вздоха не уступая насилію отъ своей всесвободной рѣшимости стоять за истину Божию. Послѣ ихъ поразительнаго, и поистинѣ преестественнаго, примѣра утѣшительно посмотрѣть и на богоподоб-

ное жительство множества подвижниковъ благочестія, также побѣждавшихъ міръ и попиравшихъ законы природы. Подобно мученикамъ, стоя до крови и до смерти за свободу духа, сонмы преподобныхъ успѣвали сохранить совершенно независимыми и неприкосновенными свои богодарованныя права надъ міромъ. *Сила Божія совершалась въ немощи* (2 Кор. 12, 9). Не владея ничѣмъ, они всѣмъ были довольны, едва имѣя силу двигать своимъ изможденнымъ отъ трудовъ и постничества тѣломъ, они доживали до глубочайшей и безболѣзненной старости, повелѣвали стихіями, управляли звѣрями, властвовали людьми, при помощи одного слова, одного взора, одного хотѣнія своей чудодѣйственной воли. Видно было, что все имъ работало, а они не работали никому и ничему. Сему свободнѣйшему жительству ихъ встрѣчалось одно только препятствіе—смерть. Но и смерть они умѣли дѣлать для себя предметомъ свободнаго желанія и предпочтенія, вождельнымъ и радостнымъ, какъ все божественное о нихъ промышленіе. Подобно Апостолу, они также имѣли непрестанное желаніе *разрѣшиться, и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23). Непривязанные совершенно ни къ чему въ мірѣ, они какъ бы нетер-

плѣиво спѣшили оставить и самую тѣнь рабства—
тѣлесную хранину, чтобы выйти на вѣчную сво-
боду,—свободу безъ борьбы, безъ усилія, безъ
искушеній и безъ опасеній. Такъ было тамъ, гдѣ
Духъ святой *не* былъ *угашаемъ* (1 Сол. 5, 19)
ни на самое короткое время, гдѣ благодатный *на-*
чатокъ Его (Рим. 8, 23) *нелѣпно* *возирываемъ*
былъ (2 Тим. 1, 6) молитвою и гдѣ *наученія* Его
(1 Кор. 2, 13) принимаемы были за высшую ру-
ководительную мудрость жизни.

Сколько плѣнительнаго, влекущаго и оживляю-
щаго заключается въ словѣ—свобода! Въ кругу
дѣтскихъ желаній одно изъ самыхъ несбыточныхъ,
но самыхъ занимательныхъ и вмѣстѣ томитель-
ныхъ, есть желаніе имѣть крылья, чтобы летѣть
свободною птицей въ небесныя пространства. Ду-
мается дитяти, что ходить по землѣ значитъ быть
связаннымъ, а летать надъ землею—пользоваться
свободой. Справедливо ли дѣтское сужденіе, вся-
кій легко можетъ обсудить. Недалеко отклоняется
отъ дѣтскаго сужденія о свободѣ и то, о кото-
ромъ мы намѣрены говорить. Подавляясь необъят-
нымъ величіемъ и непреодолимымъ могуществомъ
міра, и вмѣстѣ чувствуя въ себѣ остатокъ перво-
бытнаго царственнаго превосходства надъ нимъ,

человѣчество, по мѣрѣ силъ, старается возвратить себѣ давно утраченное, и путемъ изслѣдованій и дознаній чаеъ освободить себя отъ тягостнаго владычества надъ нимъ природы. Это уже не мечта дитяти, думаетъ оно. И подлинно, не безъ успѣха повидному подвизается оно на попрещѣ борьбы съ міромъ. Многообразныя науки о природѣ сдѣлали ее теперь изъ госпожи работою, подручною хотѣнію и соображенію человѣческому. Земля перестала уже страшить человѣка своими повсюдными тайнами. Небо не стало останавливать мысли своимъ недосязаемымъ и непроницаемымъ сводомъ и своимъ ужасающимъ, то появленіемъ, то исчезновеніемъ, то видоизмѣненіемъ свѣтилъ. Составъ всего, что живетъ на землѣ, и въ частности самаго человѣка, разобрали до послѣднихъ подробностей, и наука здравію указываетъ источники едва не всѣхъ болѣзней, умѣетъ распознавать и успѣваетъ упредить, по крайней мѣрѣ остановить ихъ. Изученіе прошедшаго своимъ необъятнымъ запасомъ опытовъ жизни человѣческой внушаетъ человѣку надежду на все лучшее впереди, общаетъ ему, не въ отдаленномъ будущемъ, вѣчный міръ, всеобщее довольство, и всякое благополучіе. Однимъ словомъ, раболѣпство передъ міромъ

исчезаетъ, дуновение свободы разносится повсюду, и разумъ.. вѣтъ, не *кичитъ*—не будемъ обижать— и разумъ законно торжествуетъ! Ахъ, все что знае ть, и что впередъ узнаетъ, человѣкъ, не дастъ ему свободы. То, что онъ дѣлаетъ и заставляетъ дѣлать во имя освобожденія изъ-подъ ига земли, даетъ не свободу, а одно улучшение неволи. Наилучшій естествовѣдецъ не увѣдаетъ отъ естества, какъ ему уберечься отъ нечаянностей, какъ освободиться отъ тиранствующихъ прихотей чрева, какъ удержаться противъ ласкающихъ похотей плоти, какъ не страшиться за жизнь, какъ не бояться смерти и пр. Часто возвращающееся къ намъ страшное моровое повѣтріе, невѣдомо *откуда приходящее, и камо идущее*, не доказало ли и не продолжаетъ ли доказывать гордому вѣку, что и летаніе, если не въ облакахъ, то при помощи облаковъ (паровъ), сокращающее въ три-четыре раза нашъ, самый скорый, путь, что и самый до непостижимости дивный, мгновенный переговоръ на безмѣрныхъ разстояніяхъ, такъ высоко поднявшій самомнѣніе ума нашего, не несутъ съ собою человѣку желанной свободы надъ міромъ? Чтобъ освободиться отъ міра, надобно *не любить міра* (1 Иоан. 2, 15). Вотъ тайна истинной свободы человѣка въ мірѣ! Между тѣмъ,

что мы замѣчаемъ у людей, которые болѣе всего повидимому успѣли восторжествовать надъ міромъ? Самое страшное міролюбіе. Столько извѣстный и столько цѣнный, положительный образъ мыслей нашего времени, что иное есть, какъ не живое свидѣтельство сей преданности нашей міру? Овлаждая какъ бы міромъ съ нѣкоторыхъ сторонъ, человѣкъ въ тоже время весь и всецѣло овлаждается другими его сторонами до того, что онъ кажется ему вседостаточнымъ, замѣняя собою и душу, и вѣру, и Бога. Міръ въ сердцѣ, міръ на языкѣ, міръ въ памяти, міръ въ мечтѣ, повсюду міръ, и—ничего другаго! И такъ не обманъ ли—она являющаяся независимость, которую человѣкъ, какъ говорятъ, шагъ за шагомъ завоевываетъ себѣ у міра путемъ созерцанія и опыта? Если и не прямо обманъ, то можетъ вести къ обману, тѣмъ болѣе прискорбному, чѣмъ болѣе человѣкъ думаетъ, что онъ, въ соотвѣтствіе намѣреніямъ Божиимъ, ищетъ этимъ возвратитъ права своего утраченнаго владычества надъ обитаемою имъ землею. Земля сама есть рабыня. Если бы человѣку и удалось совершенно покорить ее своей волѣ, все бы онъ не возвратилъ себѣ свободы. Два раба, подчиненные одинъ другому, не уничтожаютъ сво-

его общаго рабства. Однакоже человекъ имѣеть возможность возвратить свободу не только себѣ, но и твари, которая, по словамъ Апостола, *создыхаетъ и соболъзняетъ намъ даже до нынѣ, чая откровенія сыновъ Божіихъ. Суетъ бо тварь повинуся неволею, но за повинувшаго ю, на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работы истльній* (Рим. 8, 19. 22). Что же требуется для сего? Раскрытіе нами въ своемъ брennomъ естествѣ богодарованныхъ духовныхъ силъ, призываніе благословенія Божія на тварь, молитвенное предстательство предъ Творцомъ за нее неразумную, а потому и неповинную. Не зная своего значенія въ твари, мы не знаемъ, что въ ней, и въ какой мѣрѣ страдаетъ по нашей винѣ? Впрочемъ время наше, стремящееся поработить нуждамъ и прихотямъ человѣческимъ всю тварь, столь же мало думаетъ о суетъ твари, о невольномъ ея страданіи, о *воздыханіи и соболъзнованіи*, сколь мало думаетъ и объ откровеніи на землѣ сыновъ Божіихъ, о свободѣ славы чадъ Божіихъ. Оставимъ наше неисправимое время на судъ будущимъ, надѣмся, лучшимъ временемъ, и да не смущаются укоризнами въ отсталости люди, не раздѣляющіе горделиваго взгляда на успѣхи человекъ въ

состязаніи съ природою; пусть утѣшитъ ихъ мысль, что можно *міръ весь приобрѣсть и отщетить душу свою*, и что лучше не вѣдать стихійнаго міра, нежели извѣдавъ быть *порабощену подѣ стихіями міра* (Гал. 4, 3).

3. Ставъ рабомъ всѣхъ мимолетныхъ ощущеній страстнаго сердца своего и черезъ нихъ рабомъ всего міра, человѣкъ не могъ быть инымъ чѣмъ и предъ Богомъ, какъ рабомъ же. Завѣтъ синоположенія, начертанный въ духѣ сотвореннаго по образу Божію человѣка, не могъ имѣть силы въ томъ, кто внесъ въ душу свою всѣ образы міра и все безобразіе грѣха. Гласъ Божій, гласъ совѣсти, неясно и неопредѣленно сталъ слышаться человѣку изъ-за воплей его самолюбія. Надобно было подкрѣпить его внѣшнимъ свидѣтельствомъ, и благая, отеческая воля Божія стала для человѣка *закономъ*. Богъ явился по преимуществу *Господомъ*, а свободное устремленіе души къ ея Источнику превратилось въ работу Богу. Сія крайняя, спасительная мѣра исправленія человѣческаго положила на всѣхъ ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ печать нѣкоего *духовнаго рабства*. Степень возможно большаго работнаго служенія Богу была вмѣстѣ и степенью возможно большаго совершенства

человѣческаго. Величайшая честь и слава приличествовала тому, кто поистинѣ могъ назваться рабомъ Божіимъ (Числ. 12, 7. 8; 14, 24. Іезек. 37, 25. Дан. 6, 20 и пр.). *Азъ рабъ Твой есмь и сынъ рабыни Твоея* (Пс. 115, 7.), говорилъ Богу сердца своего человѣкъ, котораго *сердце и плоть исчезали* (— 72, 26.) въ любви къ Богу, по его собственному выраженію. Рабство предъ Богомъ было въ то время единственнымъ оплотомъ свободы человѣческой противъ грѣховнаго порабощенія. Однакоже не рабовъ, а сыновъ хотѣлъ видѣть въ людяхъ Тотъ, Кого они называли Господомъ. *Сыны родихъ и возвысихъ*, говорилъ Онъ чрезъ пророка своего, *тии же отвержущая Мене* (Исаи 1, 2). Самъ уже сей богоглаголивый пророкъ дерзаль называть Бога *Отцемъ* своимъ (Ис. 63, 16; 64, 8). *Авраамъ не увидѣ насъ, и Израиль не позна насъ, но ты, Господи, отецъ нашъ*, взываль онъ. *Исперва имя твое на насъ есть... Отецъ нашъ еси ты, мы же — брение, дѣла руку Твоею вси.* Естественно было евангелисту ветхаго завѣта такъ близко подойти къ свободѣ Евангелія. При всемъ томъ, слова его не имѣють себѣ подобныхъ во всемъ ветхозавѣтномъ бытописаніи, и не могли произрасти на той почвѣ, надъ которою

вѣялъ духъ работы въ боязнь (Рим. 8, 15). Сей Отець болѣе истинный, чѣмъ Авраамъ и Израиль, скорѣе есть *Отець будущаго вѣка* (Ис. 9, 6), *Сынъ* (—) имѣющій вывести *ходящихъ во тмѣ на свѣтъ велий*, и отъять яремъ, лежащій на нихъ и жезлъ, иже на выи ихъ (—2, 4). И точно, только съ явленіемъ Сына дарована была человѣчеству истинная сыновняя свобода. *Аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36). Такъ глашаль Законоположникъ новаго завѣта. И что утверждалъ словомъ, то подтверждалъ дѣломъ Учитель благій. *Чадца* (13, 33), говорилъ онъ ученикамъ своимъ: *не ктому васъ маголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его* (—15, 15): *васъ же рекохъ други... Вы друзи мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ* (—14). Не ясно ли до очевидности, на какую широту свободы предъ Богомъ извелъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? И справедливо. *Сонаслѣдники Сына въ царствѣ Отца* (Рим. 8, 17.) должны питать въ душѣ своей сыновнія, а не рабскія чувства къ Богу, и предъ Его святѣйшимъ закономъ должны вести себя свободно, по усердію, по преданности, по любви, а не по долгу только и страху. Къ тому времени, какъ Сынъ Божій

пришелъ на землю возвѣстити міру сію высокую *духовную свободу*, рабство передъ закономъ доходило у людей до крайности, и самые совершеннѣйшіе читатели Бога не скоро конечно могли свыкнуться съ мыслию, что Духъ Господень требуетъ отъ людей повиновенія не столько закону долга, сколько *закону свободы* (Іак. 1, 25), требуетъ любви къ Богу, сердечнаго сочувствія дѣлу Христову, братскаго единомыслія со всею Церковію, дѣтской преданности Промыслу. Первое общество христіанское дѣйствительно не знало другаго закона, кромѣ сего *совершеннаго закона свободы*, и оно достойно было такого божественнаго правила жизни. *Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Кто говорилъ подобнымъ образомъ, тому, конечно, *законъ не лежалъ* (1 Тим. 1, 9). Ибо гдѣ Христосъ и Духъ Христовъ, тамъ, разумѣется, легко обойтись безъ предписаній закона. Тамъ каждый самъ есть воплощенный законъ. Дѣйствуя вполнѣ по свободѣ, онъ въ тоже время дѣйствуетъ и по закону. Сему образцу богоподобнаго жительствова подражали обыкновенно и угодники Божіи всѣхъ временъ и мѣстъ. Они не знали, что такое *боязнь*, истекающая изъ *духа работы* (Рим. 8. 15), знали

только блаженство *любви совершенной*, которая *вонь изгоняетъ страхъ* (1 Иоан. 4, 18), и на землѣ предвкушали *свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 21).

Но точно ли мы выражаемся, говоря о свободѣ, которая приписывается чадамъ? Гдѣ она, сія свобода *сыновняя*? Едва ли мы ошибемся, когда скажемъ, что изъ 100 сыновей, входящихъ въ возрастъ, развѣ одинъ признается, что онъ пользуется свободой въ дому родительскомъ. Напротивъ, сыновство и зависимость считается вообще за одно и то же; достигъ совершеннолѣтія весьма у многихъ, даже добрыхъ чадъ, значитъ обыкновенно: «выйди на волю.» Не то же ли самое надобно будетъ сказать и о *свободѣ чадъ Божіихъ*? Спѣшимъ отвѣтить: то же самое, если только свобода для насъ есть не иное что, какъ воля. Даже меньше свободы можетъ быть у сыновъ Божіихъ, нежели сколько ея есть у сыновъ человѣческихъ. Мы сыны не по рожденію, но по усыновленію. Прежде чѣмъ насъ усыновили, насъ выкупили изъ рабства. Намъ сказано: *нѣсте свои; куплени бо есте цѣною* (1 Кор. 5, 20; Рим. 7, 23). И такъ мы не свои. Чьи же? *Христовы* (1 Кор. 3, 23). *Христосъ* (же *Божій* (—); слѣд. — *Божіи*. *Божіе*

тяжаніе, Божіе зданіе есте (—9); храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ (—17)... есте тѣло Христово и уди отчасти (—12, 27). Вотъ что мы такое! При такомъ не только сыновствѣ, но какъ бы купнобытіи съ Отцемъ нашимъ, какая же можетъ быть свобода? Никакой, спѣшимъ отвѣтить мы, если свобода есть самоволье. *Нынь*, говоритъ Апостоль, *свободшеся отъ грѣха порабощеся же Богови* (Рим. 6, 22). *Яко свободни.. яко раби Божіи*, сопоставляетъ другой Апостоль (1 Петр. 2, 15). Соотвѣтственно сему всѣ Апостолы, которыхъ писанія дошли до насъ, съ радостію и вседовольствомъ называютъ себя *рабами Христовыми* и *Божіими* (2 Петр. 1, 1. Апок. 2, 1; Іак. 1, 1; Іуд. 1, 1; Фил. 1, 1; Кол. 4, 12). Вотъ какова та свобода предъ Богомъ, которую привносятъ въ насъ съ собою Духъ. Но кто бы изъ насъ не захотѣлъ ублажить себя тѣмъ же именемъ раба Божія, слуги Христова? Что же это значитъ въ самомъ дѣлѣ? Независимости ли мы ищемъ себѣ, или подчиненія, и что намъ дано: свобода, или рабство? Не обвинясь мы скажемъ, что намъ дана свобода, а мы ищемъ подчиненія. Хорошо ли это? Но спросите себя, хорошо ли то, что люди, связанные другъ съ другомъ союзомъ

любви, охотно подчиняютъ себя одинъ другому? Едва ли найдется кто-нибудь любящій, кто бы не одобрилъ сего, и пожелалъ другаго порядка жизни. Такимъ же точно образомъ и въ царствѣ Божіемъ, царствѣ совершенной любви, *изліявшейся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Рим. 5, 5), чѣмъ на высшую кто возводится степень свободы, тѣмъ глубже порабощаетъ свою волю Возводящему. Ибо *любовь Христова обдержитъ всякаго судить* такимъ образомъ: *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша. Христосъ же за всѣхъ умре, да живущи не кътому себя живутъ, но Умершему за нихъ и Воскресшему* (2. Кор. 5, 14. 15). Сужденіе сіе, столь естественное для обдержимаго любовію, можетъ показаться страннымъ только тому, кто думаетъ, что выше и властнѣе и достойнѣе человѣка нѣтъ ничего во вселенной, что ничѣмъ ни отъ кого онъ не связанъ, и ни къ чему не обязанъ, кто по этому вовсе не желаетъ связующей свободы. Но евангельское ученіе такъ мало имѣетъ въ виду притязанія человѣка на неприкосновенность его ничтожныхъ правъ передъ Создателемъ и Спасителемъ, что оно наше порабощеніе Богу не отдѣляетъ даже отъ порабощенія вообще всѣмъ *Иисуса ради*, и въ семъ поста-

вляеть совершенство жизни во Св. Духѣ. *Свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (1 Кор. 9, 19), говорить о себѣ Апостоль. *Себе же самъхъ проповѣдуемъ рабовъ вамъ Иисуса ради* (2 Кор. 4, 5). Тоже самое внушаетъ онъ и всѣмъ другимъ, считая за одно и тоже и свободу и рабство предъ Богомъ. *Рабъ ли призванъ еси, да не печалишися: но аще и можеша свободенъ быти, больше поработи себе. Призванный бо о Господь рабъ, свободникъ Господень есть: также и призванный свободникъ рабъ есть Христовъ* (1 Кор. 7, 21. 22). Объ одномъ заботится духоносный проповѣдникъ христіанской свободы: *не будите раби челоувкомъ* (—23). Такъ пишетъ онъ, самъ увѣрившій, что поработилъ себя всѣмъ.. Когда работаешь Богу или людямъ ради Бога, то это свобода. Но когда работать людямъ ради людей, то это рабство. Таковъ окончательный выводъ изъ ученія Апостольскаго о свободѣ нашей передъ Богомъ.

На свободу бысте званн, братіе, говоритъ Апостоль. Точію да не будетъ свобода ваша въ вину плоти.. да не яже хотите, сія творите (Гал. 5, 13. 17). Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

*Помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчная
помянухъ, и поучахъ я.*

Пс. 76, 6.

Кто путешествовалъ, и особенно—далеко, тотъ знаетъ, какъ отрадны и вожделѣнны тѣ минуты, въ которыя онъ опять видитъ себя дома. Съ какою любовію, съ какимъ утѣшеніемъ воспоминаетъ онъ путь свой! Чего не перемыслить, чему не поучится при этомъ, какъ бы вторичномъ, страствованіи! Въ настоящій день мы представляемъ собою, братія, именно такихъ путешественниковъ. Сегодня оканчивается въ Церкви рядъ такъ называемыхъ *подвижныхъ* или *переходящихъ* праздниковъ ея, или время *Триоди*, т. е. время, въ кото-

рое при церковныхъ богослужевіяхъ употребляется книга трипѣсничныхъ каноновъ. Это время, начавшееся за три недѣли передъ Великимъ Постомъ, и оканчивающееся настоящимъ днемъ, своими восемнадцатью седмицами объемлетъ самые торжественные дни богослуженія православной Церкви, и раздѣляется всерадостнымъ днемъ Воскресенія Христова на двѣ половины, называемыя обыкновенно *четыредесятницею* и *пятьдесятницею*. По благодати и милости Божіей, мы сподобились пройти какъ ту, такъ и другую половину тріоднаго пути, и теперь возвращаемся ко времени обычнаго церковнаго пѣснопѣнія. Остается и намъ, подобно путешественникамъ, окончившимъ свое далекое странствованіе на досугъ, теперь заняться, въ утѣшеніе и назиданіе себѣ, обзоромъ совершеннаго нами пути. За руководство возьмемъ себѣ при этомъ слова приснаго учителя нашего, богодухновеннаго псалмопѣвца ветхозавѣтнаго, подобно намъ совершавшаго мысленное путешествіе по временамъ, до него минувшимъ. *Помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся*, говоритъ онъ. Сдѣлаемъ и мы тоже.

1. *Помыслимъ* прежде всего *дни первыя*,—первыя изъ дней нашего годичнаго, во слѣдъ Церкви,

страствованія. При этомъ, въ самомъ началѣ, воскресаютъ въ памяти нашей, видѣнные нами тогда, образы двухъ, столько не похожихъ другъ на друга, лицъ—восхваляющаго себя праведника, и окаяющаго себя грѣшника. Мы видѣли, какъ они входили въ церковь помолитися, какъ и гдѣ стояли въ храмѣ Божиемъ, что, и какъ говорили при этомъ.. Мы подивились, когда узнали, что, сверхъ чаянія, грѣшникъ вышелъ изъ церкви *оправданнымъ* паче праведника. У насъ замѣчены имена ихъ. То были *фарисей* и *мытарь*.. За тѣмъ, мы встрѣтились съ однимъ недобрымъ сыномъ одного добраго отца, который, преждевременно пожелавъ пожить на волѣ, оставилъ домъ отеческій и край родной, и на сторонѣ далекой расточилъ безумно все полученное имъ въ наслѣдство имѣнїе; послѣ чего обнищавъ до того, что долженъ былъ наняться пасти свиней, которыхъ корму, несчастный, завидовалъ.. Утѣшились мы, когда узнали, что невыносимый голодъ заставилъ его вспомнить о родномъ домѣ, и возвратилъ въ объятія отца. Въ памятныхъ замѣткахъ сердца нашего неопытному юношѣ придано не лестное имя *блуднаго сына*.. Весьма памятна намъ и раскрытая потомъ предъ нами Цер-

ковію, картина страшнаго суда Божія, ожидающаго всѣхъ, живущихъ на землѣ, поразительная и достоплачевная и невыразимо тяжкая, послужившая, однакоже, у насъ, какъ бы только для прикрытія безумнаго веселія, вызываемаго самороднымъ праздникомъ, невѣдомымъ Христовой Церкви. . . Отъ зрѣлища послѣднихъ судьбъ чело-вѣческихъ, мы перешли потомъ къ созерцанію — первыхъ, — видѣли праотца нашего Адама сѣдящимъ *прямо Рая* въ пустынѣ, и вмѣстѣ съ пра-матерію челоуѣковъ оплакивающимъ утраченное ими блаженство. . . Нося въ сердцѣ сей печальный образъ мы сами вступили потомъ въ пустыню великаго Поста. Медленное, тяжелое, утомительно-однообразное странствованіе наше по ней продолжалось 40 дней. Изрѣдка встрѣчались намъ на пути строгіе образы великихъ подвижниковъ и ревнителей благочестія: Григорія Аѳонскаго, Іоанна Синайскаго, Маріи Палестинской. Разъ мы уследились видѣніемъ великаго церковнаго торже-ства временъ давноинувшихъ, и разъ созерцали красоту Древа Крестнаго. . . Вотъ и все, что мы встрѣтили на предлежавшемъ поприщѣ покая-нія. За то, среди скучнаго для плоти однообразія, духъ нашъ бодренно упражнялъ свои, ослабѣв-

шія прежде въ разнообразной суетѣ житейскихъ дѣлъ силы, и, окривляясь молитвою и постомъ, все болѣе и болѣе стремился на встрѣчу великой седмицы страданій Христовыхъ.. Благовѣстное событіе воскрешенія мертвеца четверодневнога, завершившее собою *душеполезную* *сорокатицу*, заставило насъ оглянуться назадъ, и пожалѣть, что такъ скоро наступилъ исходъ ея. Это могло значить, что мы свыклись уже съ постомъ, и нашли его постомъ *пріятнымъ*, какъ называетъ его одна священная пѣснь.. Послѣдняя седмица держала духъ нашъ въ непрерывномъ благоговѣйномъ вниманіи къ умиленному ходу церковнаго Богослуженія, день ото дня мы все ближе и ближе видѣли передъ собою, въ воспоминательномъ совершеніи, таинство искупленія нашего. Наконецъ узрѣли и то, чего нельзя позабыть, увидѣвши разъ, — клятвенный Крестъ, съ распятымъ на немъ Сыномъ Божіимъ, *бывшимъ по насъ клятвой* (Гал. 3, 13). Многогѣчивый день безмолвствующей субботы *благословенной* ежеминутно колебалъ сердце наше между скорбію преходящаго и радостію наступающаго. Незабвенная ночь всепразднственная превратила все существо наше въ зрѣніе, въ слухъ, въ мысль, въ чувство.

Свѣтоносное срѣтеніе Воскресшаго, и несравненная пѣснь *Воскресенія*, въ первый разъ огласившая слухъ нашъ, не служатъ ли драгоцѣннѣйшими воспоминаніями изъ всего нашего странствованія? И вся та *свѣтлая* седмица не есть ли для памяти нашей одинъ лучезарный, плѣнительный образъ восторгающей, неувядающей, благоухающей красоты?—Весело и радостно шли мы потомъ, какъ бы спустившись съ высокой горы, по ровному и цвѣтистому лугу *Пятьдесятницы*. Имя Пасхи каждый день доносило до души нашей сладчайшее и отраднѣйшее сознаніе близости къ вамъ Господа нашего Иисуса Христа, пока Церковь не показала намъ Его *возносящимся* отъ насъ *на небо*. Сердцу стало прискорбно, но духъ радовался за возвышеніе естества человѣческаго превыше всякой видимости. За тѣмъ путь нашъ какъ бы остановился на время. Видѣннаго нами было слишкомъ достаточно къ тому, чтобы заставить насъ, подобно Апостоламъ, стоять мысленно и смотрѣть на небо, или пребывать съ Апостолами на Сіонѣ, и какъ бы ожидать чего-то.. Наконецъ небо послало намъ чудный отвѣтъ свой. И все, что только есть въ душѣ нашей самага живаго, теплаго, юнаго, цвѣтущаго, мы вызвали изъ нея, и сочетали съ

прекраснѣйшимъ изъ праздниковъ христіанскихъ. Вся истекшая Седмица была какъ бы живымъ отголоскомъ Свѣтлой седмицы *Пасхальной*. Даже сія послѣдняя, въ пути нашемъ, недѣля *Троицкая*, казалась намъ привлекательнѣе и полнѣе тѣхъ, еще слишкомъ живыхъ, веселыхъ и шумныхъ дней, коими началась Пятидесятница. Вчера совершенно было Церковію отданіе послѣдняго *подвижнаго праздника* церковнаго круга, а сегодня оканчивается и самый кругъ подвижныхъ праздниковъ Церкви.

2. *Помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчная помянухъ*, говоритъ путеводитель нашъ. Не доискиваясь безцѣльно связи, какая можетъ быть между днями первыми и лѣтами вѣчными, вѣрные избранному нами руководству, начнемъ *помянуть лѣта вѣчная*. Что такое изображаетъ собою таинственное путешествіе наше по церковному кругу? Это, братія, краткое изображеніе всей судьбы рода человѣческаго, падшаго и возстановленнаго, это краткій наглядный очеркъ Божественнаго смотренія о спасеніи нашемъ. Такъ издавна смотрѣла на Тріодное время Св. Церковь, установившая оное. Такъ должны смотрѣть и мы. Пройдемъ же снова въ ея духъ, уже перемысленные нами,

дни. — Исторія судебъ падшаго человѣчества предварена другою, неясно дошедшею до насъ, но несомнѣнною исторіею падшаго духа; такъ что въ началѣ бытія земнаго являются уже два грѣшника: *діаволъ* и *человѣкъ*, — грѣшникъ гордый, самообольщенный, нераскаянный и грѣшникъ сокрушенный и смиренный. Это своего рода фарисей и мытарь. Одинъ въ безмѣрномъ самомнѣніи и помыслить не можетъ о покаяніи, другой, отъ страха и гнетущаго сознанія своего недостойнства, не смѣетъ очей возвести къ Богу. Послѣдній привлекаетъ, за то, на себя милость Божію, а первый осуждается на вѣчную погибель. — Затѣмъ грѣшный родъ нашъ распадается на двѣ, численно неравныя и неравноправныя, но равнородныя и равнобытныя половины: *народъ избранный* и *язычниковъ*, на людей любимыхъ, и людей только терпимыхъ. Первая половина была въ завѣтѣ съ Богомъ, и служила Ему по мѣрѣ силъ. Послѣдняя отдалилась отъ Бога, и жила самозаконно, *ходя по своимъ похотехъ* (2 Петр. 3, 3.), и *служа богѣмъ илымъ* (Втор. 7, 4. 16). Пришло однакоже время, что и послѣдняя воз-

(*) См. Синаксарь недѣли: о мытарь и фарисей.

вратилась къ Богу, и вступила, наравнѣ съ первою, въ общій объёмъ, *Новый Заветъ* съ Нимъ. Все это въ подробности раскрывается въ поучительной и трогательной притчѣ о *блудномъ сынѣ*. — Слѣдующее за тѣмъ воспоминаніе страшнаго суда Божія представляетъ намъ самое дѣйствіе осужденія или помилованія грѣшниковъ, смотря по ихъ заслугамъ въ томъ или другомъ смыслѣ; при чемъ діаволу и, его волю творящему, языческому міру уготовляется *мука вѣчная*, а кающимся мытарямъ и раскаивающимся сынамъ блуднымъ даруется *животъ вѣчный*. — Сія три изображенія составляютъ вступленіе въ исторію человѣка, и суть какъ бы планъ или чертежъ всѣхъ, слѣдовавшихъ за его грѣхопаденіемъ, событій. За тѣмъ начинается самая исторія, столько извѣстная всѣмъ и каждому. Человѣкъ преступаетъ прямую, и опредѣленно выраженную волю Божию, въ полномъ вѣдѣніи послѣдствій своего тяжкаго грѣха, и въ слѣдъ за тѣмъ упадаетъ съ высоты своего богоподобнаго совершенства въ уровень животныхъ безсловесныхъ; но уже въ самомъ паденіи своемъ получаетъ залогъ востанія, ибо падаетъ съ раскаяніемъ. Изгнанный изъ Рая, онъ *сидитъ* прямо его, и, *свою наготу рыдая*, плачетъ, и мы

съ умиленіемъ слушаемъ его трогательную молитву: *помилуй мя падшаго*. Помилованіе ему обѣщано. Но онъ и все потомство его должны приготовить себя къ грядущей милости Божіей долговременными страданіями. Человѣчеству предстоить великая Четырдесятница подвига. Пять тысячъ лѣтъ, какъ пять недѣль Поста, должны были пройти для рода Адамова въ покаянномъ сѣтованіи, самоукореніи и самоисправленіи, въ прискорбныхъ воспоминаніяхъ прошедшаго и радостныхъ ожиданіяхъ будущаго. Въ теченіе шестой тысячи должно было окончиться ожиданіе, и начаться срътеніе ожидаемаго. *Тайна, лѣты вѣчными умолчанная, открылась* (Рим. 14, 24), наконецъ. *Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 16). Люди видятъ Христа, чудятся славнымъ дѣламъ Его, слушаютъ (*) божественное ученіе Его—до того самаго времени, какъ *Грядый во имя Господне*, торжественно съ царскими почестями вступилъ на послѣднее пребываніе свое въ Іерусалимъ, *кромь котораго невозможно было нигдѣ погибнути Пророку* (Лук. 13, 33.). Наступила и великая *Седмица*

(*) Проповѣдникъ имѣеть въ виду обыкновеніе начинать чтеніе Четверо-евангелія на шестой недѣль великаго Поста.

едина, долженствовавшая утвердить завѣтъ Новый (Дан. 9, 27.), и потребить Помазанника (—26). Для живѣйшаго и полнѣйшаго воспоминанія каждаго изъ послѣднихъ дней жизни Іисуса Христа, Церковь опредѣлила по цѣлому также дню; и составила, такимъ образомъ, дополнительная къ Четыредесятницѣ, седмица страстей Христовыхъ. — Завѣтъ утвержденъ. Жертвы и возліянія прекратились. Въ отреченномъ святилищи началась мерзость запустынія. Старѣйшина являющійся (—) умеръ и воскресъ, умертвивъ смертію смерть, и даровавъ новою жизнію обновленіе жизни (Рим. 6, 4) человѣческому роду. Съ Четыредесятницею оканчивается для насъ воспоминаніе ветхозавѣтнаго періода *лѣтъ вѣчныхъ*. Съ нашею Пасхою минула сѣнь гаданій, и началась дѣйствительность. Сорокъ дней Воскресшій пребывалъ на землѣ, являясь, по временамъ, вѣрующимъ. Ровно столько же дней и Церковь посвящаетъ памяти сего, столь дорогаго для нея, промежутка времени, — сего неложнаго свидѣтельства непреложности ея глубочайшихъ и сладчайшихъ чаяній, связанныхъ съ лицомъ Господа Іисуса. Въ соотвѣтствіе какъ бы того, что послѣднее сорокадневное пребываніе Богочеловѣка съ нами не озна-

меновалось особенно памятными событиями (исключая явленія Его Апостоламъ въ осмый день по востаніи), и Св. Церковь неизмѣнно одинаково продолжаетъ празднственно воспоминать одно Его приснорадостное воскресеніе, пользуясь всякимъ случаемъ учить насъ, какъ намъ вкушать отъ сего новаго древа жизни.—Ея «новая недѣля» есть первый внушительный урокъ намъ о нашемъ со распятіи Христу и совостаніи со Христомъ, о нашемъ обновленіи во внутреннемъ чловѣцѣ (Еф. 3, 16) съ истлѣніемъ внѣшняго (2 Кор. 4, 16), ветхала (Еф. 4, 22; Кол. 3, 9),—о необходимости представить намъ себя мертвыми грѣху и живыми Богови (Рим. 6, 11),—о долгѣ нашемъ искать вышнихъ (Кол. 3, 1.), и стараться уразумѣть силу воскресенія Его и сообщеніе страстей Его, аще како и мы достигнемъ въ воскресеніе мертвыхъ, сообразуясь смерти Его (Фил. 3, 10. 11).. Проводя сію цѣль, она въ живыхъ примѣрахъ учить насъ то вѣрѣ, то любви, то надеждѣ, то молитвѣ христіанской, на каждую седмицу задавая особенный урокъ *хожденія во обновленіи жизни*.—Наконецъ совершается вознесеніе Сына Божія, *идъже блъ прежде* (Іоан. 6, 62), и *спдѣніе одесную Отца* (Пс. 109, 1. Марк. 16,

19, Дѣян. 7, 56), завершившія собою *велию благодѣстїю тайну* (Тим. 3, 1.). — Еще тогда, какъ Побѣдитель смерти пребывалъ на землѣ, являясь по временамъ ученикамъ своимъ, Его Лице, безъ сомнѣнія, было предметомъ размышленій и соразсужденій между вѣровавшими. По вознесеніи же Его на небо, открылось мѣсто уже не однимъ вопросомъ богомыслія, но и всякимъ толкамъ суемудрія, на долго возмущавшимъ миръ церковный подъ памятнымъ именемъ ересей. Чтобы не дать и одной минуты, такъ сказать, вѣрующимъ въ Божество Іисуса Христа увлечься ученіемъ ложнымъ, Церковь изъ послѣдующаго періода *лѣтъ вѣчныхъ* изъемлетъ благопріятствующее ея намѣреніямъ, событіе созваніе перваго Вселенскаго Собора, изложившаго исповѣданіе христіанской вѣры, обязательное для всего православнаго міра, и его памяти посвящаетъ (*), слѣдующую за праздникомъ Вознесенія, недѣлю. — Обстоятельства, подобныя вызвавшимъ первый Соборъ Вселенскій, оправдали вполнѣ Слова Господни: *уне есть вамъ,*

(*) На сколько содѣйствовало сему самое время года, въ которое происходилъ Соборъ, неизвѣстно. Засѣданія его происходили въ Іюнь и Іюль 325 года по Р. Х.

да *Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ. Аще же иду, пошлю Его къ вамъ. Егда же придетъ онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 16, 7. 13.). И Утѣшитель точно пришелъ черезъ десять дней по вознесеніи Господнемъ. Первымъ, драгоценнѣйшимъ плодомъ восшествія Сына Божія на небо было, т. обр. сошествіе животворящаго и освящающаго Духа Его на землю — безмѣрной важности событіе, утвердившее на вѣки вѣковъ Св. Церковь Христову, съ тѣхъ поръ начавшую приходить отъ силы въ силу, и скоро распространившуюся до послѣднихъ предѣловъ земли. — Другой плодъ вознесенія Іисуса Христа, и вмѣстѣ сошествія Св. Духа, есть возвращеніе членовъ Царства Божія *въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). И сіе, пока послѣднее, дѣло смотрѣнія Божія о насъ чувствуется въ настоящей, послѣдній день Пятидесятницы, день памяти *всѣхъ Святыхъ* Божіихъ: Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ, Іерарховъ, Преподобныхъ и всѣхъ отъ вѣка благоугодившихъ Богу и составляющихъ на небѣ другую, и лучшую часть Церкви Христовой, Церковь торжествующую. — Въ планѣ Божественнаго смотрѣнія, на сколько онъ извѣстенъ намъ изъ слова Божія,

неисполненнымъ остается теперь только одно второе пришествіе Сына Божія на землю для всеобщаго суда надъ родомъ человѣческимъ. Когда будетъ сей послѣдній день, неизвѣстно. Люди постоянно должны ожидать его, и на сіе памятованіе Суда Божія назначается Церковію все послѣдующее время, до тѣхъ поръ, пока мы снова не воззовемъ къ благоговѣйному воспоминанію всей совокупности *лѣтъ вѣчныхъ*.

3. *Помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся.* Такъ заканчиваетъ слово руководительный стихъ Псалма. Обратимъ въ поученія себѣ и мы то, что *помыслили* и о чемъ *помянули*. Если годъ естественный своею послѣдовательностію четырехъ временъ изображаетъ кругъ естественной жизни человѣка, и заставляетъ любителя мудрости многому поучиться у его, простыхъ, по видимому, явленій: то годъ церковный, безъ сомнѣнія, христіанну можно взять за указателя своей духовной жизни, за образецъ христіанскаго поведенія. Его первая часть, которую мы только что прошли съ Божіею помощію, есть преимущественно время наученія нашего истинамъ вѣры и жизни христіанской, это—всеобщая и всенародная огласительная школа Церкви, въ которой учитель—чинъ

богослуженія, а ученики — всѣ, принимающіе въ немъ участіе. Въ сей богоустроенной школѣ и въ настоящій годъ каждый могъ достаточно *обучить себя ко благочестію* (1 Тим. 4, 7), каждый могъ получить самонужнѣйшія для него свѣдѣнія о своей судьбѣ настоящей, прошедшей и будущей. Вторая часть церковнаго года, въ которую мы вступаемъ съ сего дня, есть по преимуществу время обращенія полученныхъ нами познаній въ жизнь. Все, что мы видѣли и слышали въ теченіе оныхъ *п е р в ы х ъ* дней, должно составить предметъ нашего заботливаго пересмотра, усвоенія и обращенія въ урокъ себѣ въ *с и н п о с л ѣ д н і е* дни. Но сколько же такихъ уроковъ можетъ быть извлечено изъ видѣннаго и слышаннаго нами! Недостанетъ и цѣлаго дня церковнаго собесѣдованія для того, чтобы хотя въ самомъ краткомъ видѣ пересказать содержаніе сихъ уроковъ. Собственное благочестивое настроеніе наше и, по временамъ, слово проповѣдника, безъ сомнѣнія, указывали намъ въ свое время и подробнѣе и полнѣе предметы нашего назиданія. И такъ, не считаемъ нужнымъ теперь снова проходить вниманіемъ всю послѣдовательность прожитаго нами времени. Полезнѣе будетъ каждому теперь спросить себя: *какіе плоды принесли душѣ*

его оныя святыя четыредесять дней нашего *работанія Господевн со страхомъ и за тѣмъ, радванія Ему съ трепетомъ* (Пс. 11, 11.). Чѣмъ отозвались напр. въ сердцѣ его *фарисей и мытарь*— мало уже извѣстные нашему времени, но безспорно долженствующіе быть извѣстными ему?. Какія чувства внушила ему притча о блудномъ сынѣ, которому подобныхъ много и въ наше время, но который мало находитъ себѣ подражателей въ обращеніи къ безконечно—любящему Отцу? Какъ по дѣйствовали на него изображенія вѣчной прохлады *рая* и вѣчнаго пламени *ада*,—болѣе ли, чѣмъ какая нибудь картина ни студящая, ни палящая?. Что вызвали изъ души его стеванія *Адама*, всеродна падшаго? Какимъ онъ нашель для себя и самый *пѣсть, четыредесятициры*—точно ли великимъ, или только продолжительнымъ, или, наконецъ, ни тѣмъ, ни другимъ, если онъ не зналъ напр. ни что такое: *мяспустъ*, ни что: *сыропустъ*, и думалъ, что подобнымъ словамъ мѣсто—въ однѣхъ церковныхъ книгахъ?. Донесли ли покаянныя пѣснопѣнія великопостныя до совѣсти его призывъ къ очищенію и освященію грѣшной души его, или навели на нее скуку, или же прошли мимо нея безразлично, какъ проходить все не близкое, и не нужное?. Не спрашиваемъ:

чѣмъ были для него великіе дни воспоминанія крестной смерти, погребенія и воскресенія Иисуса Христа.. Христіанину можетъ показаться обиднымъ такой вопросъ. Однакоже излишне не будетъ, если онъ и объ этомъ подумаетъ самъ съ собою. Воспоминаніе, конечно, не самое событіе но у кого не могло изгнать изъ души холода воспоминаніе, тотъ весьма могъ быть холоднымъ зрителемъ и самаго событія. Кивали же головами и у самаго Креста Христова нѣкоторые люди, коимъ было извѣстно, что Распятый *и нынѣ спасе* (Лук. 23, 35).. Подкупали же на безстыдную ложь и свидѣтелей воскресенія Христова люди, которымъ дороже всего на свѣтѣ должно было быть самое воскресеніе, какъ дѣло, касающееся ихъ собственнаго естества.. Многое и другое можетъ спрашивать у себя, въ видѣ отчета, сынъ Церкви, проведенный ею въ теченіе столь краткаго времени черезъ такое множество самыхъ близкихъ душъ его предметовъ. Но всегда ли онъ можетъ надѣяться получить вполне удовлетвори- тельный, т. е. вмѣстѣ и подробный и точный и безпристрастный, отвѣтъ на свои вопросы? Многое онъ перезабылъ, многое перемѣшалъ, многое перетолковалъ по своему, о многомъ получилъ

самыя поверхностныя свѣдѣнія.. У путешественниковъ, на этотъ разъ, обыкновенно помогаютъ дѣлу какія-нибудь дорожныя записки или замѣтки. Гдѣ намъ искать подобнаго подспорья памяти? По большей части—въ предметахъ нашего ежедневнаго занятія. Стоитъ только внимательно пострѣть на каждый такой предметъ, и онъ напомнитъ намъ все, чего онъ былъ свидѣтелемъ. И именно та самая способность души отъ одного предмета переходить къ другому, которая столько мѣшаетъ молитвѣ, въ этомъ случаѣ можетъ доставить намъ большую пользу,—навестъ насъ на такія припамятованія, которыя вдругъ освѣтятъ передъ нами все давноминувшее состояніе души нашей. Для той же цѣли, кромѣ пересматриванія путевыхъ замѣтокъ, путешествовавшіе заводятъ бесѣду съ своими спутниками, и общими усиліями воскрешаютъ забытое время.. И у тебя, христіанинъ—страствователь, есть также постоянные общники пути твоего, съ которыми ты во всякое время дня и ночи можешь поговорить о твоей дорогѣ. Эти спутники суть: первый—твое тѣло, второй—твое платье, третій—твое жилище, четвертый—твоя должность, или твоя работа, пятый—вся природа вѣншняя.. Съ ними ты можешь бесѣдовать во

всякое время, когда только захочешь. Спроси у
каждаго изъ нихъ: въ какомъ состоянїи онъ
видѣлъ тебя въ то или другое время, въ томъ
или другомъ мѣстѣ? О, сколько можетъ нагово-
рить тебѣ, въ этомъ отношенїи, одно твое тѣло,
иногда безсмысленно украшенное до того, что
стыдило своимъ убранствомъ неумытую и неочи-
щенную душу, иногда—безумно пренебреженное
на столько, что душа могла бы отречься отъ него,
какъ лишеннаго всякихъ признаковъ разумной
жизни, иногда—пресыщенное до недуга, иногда—
упокоенное до безчувствїя,—истязуемое нуждою, па-
лимое страстію, грубѣющее отъ праздности, и засы-
хающее отъ скупости, и мн. др.. Спроси каждую
вещь дома твоего. Что нибудь особенное каждая
знаетъ про тебя, и можетъ сказать тебѣ,
если съумѣешь спросить ее.. Обратись съ вопро-
сомъ къ столу твоему, составляющему большую
частью средоточіе житейскихъ попеченїй нашихъ.
Очень, очень много можетъ напомнить тебѣ сей
любимый спутникъ нашъ. Онъ былъ ближайшимъ
общникомъ и наперсникомъ твоихъ ощущенїй и
будничныхъ, и праздничныхъ, и дневныхъ, и вечер-
нихъ, даже самъ многократно бывалъ ихъ пря-
мымъ виновникомъ,—онъ знаетъ много тайнъ ду-

ши твоей, и плоти твоей,—знаетъ и то, чего ты самъ иногда незнаешь, напр.—отчего одинъ и тотъ же предметъ казался тебѣ голодному такимъ, а сытому—инаковымъ, — что значило твое внезапное умиленіе посреди блюдъ и чашъ, и отъ чего происходило твое ожесточеніе при видѣ нищаго.. Спроси постель твою, гдѣ съ покоемъ тѣла упокоивался твой смыслъ, здравый или больной, и гдѣ во снѣ ты узнавалъ себя лучше, нежели въ состояніи бодрственномъ.. Сколько и она перескажетъ тебѣ твоихъ дѣлъ, чувствъ и помышлений вольныхъ и невольныхъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, въ разумѣ и неразуміи бывшихъ. Прислушайся къ говору и присмотрися къ образу своей одежды. Побесѣдуй съ твоею должностію, одѣлившею съ тобою и умѣрявшею всѣ твои скорби и радости, ожиданія и разочарованія, отъ которой иногда освобождалъ тебя только одинъ церковный праздникъ.. Бесѣдуй со всѣмъ, и обо всемъ, что только хотя мало могло касаться твоего минувшаго странствованія. — Когда переведешь въ мысли и оживишь въ памяти всѣ обстоятельства онаго, увидишь, что трудился не напрасно,—ты узнаешь самого себя. А это и есть то самое *поученіе*, котораго мы съ тобою желали достигнуть.

Братія! Будемъ ли мы вмѣстѣ всѣ, какъ теперь, и въ грядущее церковное лѣто жизни, или различными обстоятельствами, т. е. промыслительною волею Божіею, разсѣмся въ концы земли.— будемъ ли оставаться подъ впечатлѣніями настоящаго, на время, или увлечемся потокомъ новыхъ чувствъ, отъ притока новыхъ дѣлъ, сохранимъ память прожитыхъ дней настоящаго года и память мибувшихъ нашихъ собесѣдованій. Каковы бы ни были онѣ, да послужатъ на пользу души каждому, какъ напоминанія о важнѣйшихъ для христіанина предметахъ. Ибо какъ знать, не будутъ ли для кого нибудь изъ насъ сіи *первые дни* послѣдними въ его жизни, не вступилъ ли уже онъ, невѣдомо ему самому, въ свое *лѣто вѣчное*, и не имѣетъ ли, потому. нужды, какъ можно дѣятельнѣе заняться завершепіемъ своего *ученія*?

Благодать Господа нашего Іисуса Христа — устроителя дней первыхъ, и любви Бога и Отца — предначертателя лѣтъ вѣчныхъ, и общеніе святаго Духа — нашего приснаго Учителя, да будетъ со всеми нами (2 Кор. 13, 13)! Аминь.

При напечатаніи 2-й части вкравлись ошибки. Въ-
сто напечатаннаго должно читать:

На ст. строк.		На стран. строк.		
5	7 снз.	Ученикамъ	200 9	<i>бъ чая</i>
11	8—9	стражамъ	218 7	<i>ихъ</i>
17	14	сама	258 10	<i>порывовъ</i>
28	2	истомленное	261 4	сн. <i>обращеніи</i>
45	2 сн.	предлагалъ	272 14	<i>ваши слова,</i>
46	2	изліяніямъ	— 4	сн. <i>человѣкоугодли—</i>
52	12	пѣвецъ	278 15	<i>уничтожить: о</i>
54	4—3 сн.	<i>блажитъ</i>	280 5	сн. <i>всеоружіе</i>
56	4 сн.	Равнымъ		} <i>достоитъ</i>
59	3 сн.	самодѣтельность	282 3	
61	5	Вспомнимъ	285 2	сн. <i>учить</i>
62	3 сн.	вырастающія	290 6	<i>Отцу, егда</i>
65	6	<i>смерте</i>	294 7	<i>Псалмопѣвецъ</i>
68	5—6	выставленные	296 1	сн. <i>если мысль</i>
—	4 сн.	дивнѣ	297 1	<i>отъ нея</i>
76	11—12	Христова.	309 15	<i>сторопы</i>
89	10 сн.	согрѣшившихъ	326 13	<i>иже</i>
91	8	царствовать	350 9	<i>и вѣчную</i>
92	5 сн.	<i>покрытъ</i>	397 2	сн. <i>неисчетное</i>
94	7	слѣдъ	409 8	сн. <i>будете</i>
129	1	горькою	468 1	<i>еже</i>
165	4	же ждать	472 10-9	сн. <i>въ сокрушеніи</i>
173	2 сн.	покорить	486 3	<i>свободить</i>
198	1	самой		

2007111765